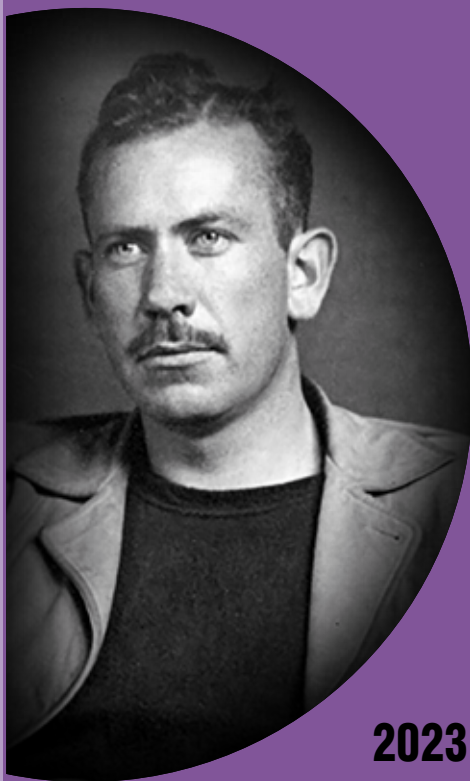

ROSSICA

Литературные СВЯЗИ И КОНТАКТЫ

2023 № 5

специальный выпуск

ISSN 2782-3792

ROSSICA

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И КОНТАКТЫ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2023

№ 5

ROSSICA

LITERARY CONTACTS & CONNECTIONS

SCHOLARLY JOURNAL

Москва

Moscow

Р е д а к ц и я

О.Ю. Панова (МГУ им. М.В. Ломоносова; ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, Москва) –
ответственный редактор

С.И. Панов (ИМЛИ им.А.М. Горького РАН, Москва) – **издатель**

О.И. Щербинина (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) – **секретарь редакции,
редактор**

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я

К.М. Азадовский (Германская академия языка и литературы, Дармштадт, Германия /
Санкт Петербург, Россия)

А.А. Арустамова (Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермь, Россия)

В.Е. Багно (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург,
Россия)

М.Э. Баскина (Маликова) (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-
Петербург, Россия)

К.А. Болдуин (Тулейнский университет, Новый Орлеан, шт. Луизиана, США)

Е.Е. Дмитриева (ИМЛИ им. А.М. Горького РАН; РГГУ, Москва; Институт русской
литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия)

И.В. Кабанова (Саратовский национальный исследовательский госуниверситет
им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия)

А.Ф. Строев (Университет Новая Сорбонна –Париж 3, Париж, Франция)

Р.Д. Тименчик (Еврейский университет, Иерусалим, Израиль)

М. Шруба (Миланский университет, Милан, Италия)

Учредитель

ООО издательство «ЛИТФАКТ»

E d i t o r s :

Olga Yu. Panova (M.V. Lomonosov Moscow State University; A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia) – **executive editor**

Sergei I. Panov (A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia) – **publisher**

Olga I. Shcherbinina (M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia) – **editorial secretary, editor**

E d i t o r i a l B o a r d :

Konstantin M. Azadovsky (German Academy for Language and Literature, Darmstadt, Germany / St. Petersburg, Russia),

Anna A. Arustamova (Perm State University, Perm, Russia)

Vsevolod E. Bagno (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia)

Maria E. Baskina (Malikova) (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences; National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia)

Kate A. Baldwin (Tulane University, New Orleans, Louisiana, USA)

Ekaterina E. Dmitrieva (A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow; Russian State University for the Humanities, Moscow; Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia)

Irina V. Kabanova (N.G. Chernýshevsky Saratov State University, Saratov, Russia)

Alexander F. Stroev (New Sorbonne University – Paris 3, Paris, France)

Roman D. Timenchik (The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel)

Manfred Schrubba (Milan University, Milan, Italy)

Publisher:

Limited Liability Company *LITFACT*

СОДЕРЖАНИЕ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК
ДЖОН СТЕЙНБЕК И СССР

От редактора	6
Лия Казакова (Жданова).	
Триумф «Гроздьев гнева» и складывание литературной репутации Дж. Стейнбека в СССР (1939–1945)	7
П Р И Л О Ж Е Н И Е	
Джон Стейнбек и СССР (1939–1943). Документы и материалы	42
Лия Казакова (Жданова).	
Стейнбек в СССР. Взгляд из-за «железного занавеса» (1945–1960)	77
П Р И Л О Ж Е Н И Е	
Джон Стейнбек и СССР (1945–1960). Документы и материалы	146
Лия Казакова (Жданова).	
Стейнбек в СССР: Триумф, «предательство» и забвение (1961–1968)	177
П Р И Л О Ж Е Н И Е	
Джон Стейнбек и СССР (1961–1968). Документы и материалы	239

CONTENTS

SPECIAL ISSUE JOHN STEINBECK AND THE USSR

Editor's Note 6

Leah Kazakova (Zhdanova).

The Triumph of *The Grapes of Wrath* and the Formation
of John Steinbeck's Literary Reputation in the USSR, 1939–1945 7

ADDENDA

John Steinbeck and the USSR, 1939–1943.
Documents and Materials 42

Leah Kazakova (Zhdanova).

Steinbeck in the USSR:
From Behind the Iron Curtain, 1945–1960 77

ADDENDA

John Steinbeck and the USSR, 1945–1960.
Documents and Materials 146

Leah Kazakova (Zhdanova).

Steinbeck in the USSR:
Triumph, “Renegation”, and Oblivion, 1961–1968 177

ADDENDA

John Steinbeck and the USSR, 1961–1968.
Documents and Materials 239

Данный номер *Rossica* представляет собой специальный монографический выпуск журнала, целиком посвященный рецепции в СССР американского писателя Джона Стейнбека. Статьи Лии Казаковой (Ждановой) последовательно прослеживают советские связи Стейнбека с конца 1930-х до смерти писателя в 1968 г. Работа основана на кандидатской диссертации автора «Писатель Джон Стейнбек и СССР», защищенной в МГУ им. М.В. Ломоносова в 2016 г.

В первой статье рассматривается быстро сложившаяся в советской критике после публикации «Гроздьев гнева» (рус. пер. 1940) репутация Стейнбека как ведущего современного «пролетарского писателя» США, а также рецепция его антифашистской повести-пьесы «Луна зашла» (1942) и судьба ее постановок в СССР. Вторая статья посвящена «Русскому дневнику» Стейнбека и кампании «разоблачительной» критики в сочетании с замалчиванием его новых произведений в советской прессе в течение десятилетия – до середины 1950-х, после чего вновь последовали русские издания с благожелательными отзывами. В третьей статье анализируются взаимосвязи 1960-х. На последние «оттепельные» годы (1961–1965) пришелся второй пик славы Стейнбека в СССР, связанный с выходом его нового романа «Зима тревоги нашей» (1961), получением Нобелевской премии (1962) и третьим приездом писателя в Советский Союз (1963), когда он познакомился с писателями-шестидесятниками (Е. Евтушенко, В. Аksenov, Б. Ахмадулина, В.П. Некрасов и др.). Позиция Стейнбека по войне во Вьетнаме вновь подорвала его репутацию в СССР, вызвав ряд гневных «ответов», в том числе публичный обмен письмами с Е. Евтушенко, и новое десятилетие «бойкота».

Каждая статья снабжена обширными «Приложениями», в которых впервые публикуются письма, критические отклики, материалы Иностранной комиссии Союза писателей СССР (из фондов РГАЛИ).

За пределами данного выпуска остался внушительный комплекс документов о поездке Стейнбека с фоторепортером Робертом Капой летом 1947 г. по СССР. Лия Казакова (Жданова) еще раньше подготовила его издание в книге: Жданова Л. «Русский дневник» Джона Стейнбека в советской оптике: публикация материалов фондов спецотдела ВОКСа ГА РФ. М.: Издательские решения, 2016. – 254 с. Эта публикация служит важным дополнением к переизданию «Русского дневника» Стейнбека (пер. Е. Кручины) с фотоиллюстрациями Р. Капы (М.: Эксмо, 2017. Серия «Из личного архива»).

ТРИУМФ «ГРОЗДЬЕВ ГНЕВА» И СКЛАДЫВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ ДЖ. СТЕЙНБЕКА В СССР (1939–1945)

© 2023 Л. И. Казакова (Жданова)

THE TRIUMPH OF THE *GRAPES OF WRATH* AND THE FORMATION OF JOHN STEINBECK'S LITERARY REPUTATION IN THE USSR, 1939–1945

© 2023 Leah I. Kazakova (Zhdanova)

УДК 82.01

https://doi.org/10.54791/27823792_2023_5_7_76

Информация об авторе:

Лия Искандеровна Казакова, канд. филологических наук, независимый исследователь, Новосибирск, Россия. E-mail: cammomilla@mail.ru.

Ключевые слова: советско-американские литературные связи, Джон Стейнбек, «Гроздь гнева», «Луна зашла», литературная критика, литературная репутация, рецепция.

Аннотация: В статье анализируется начальный период взаимоотношений американского писателя Джона Стейнбека с Советским Союзом: от первой помещенной в советской печати публикации о Стейнбеке, посвященной изданию в США его романа «Гроздь гнева» (1939) до «холодной войны», кардинально изменившей отношение советских властей к американской литературе в целом (1946). Внимание представителей советских институций и советской прессы Стейнбек привлек только на рубеже 1930–1940-х гг. – в связи с участием в третьем съезде Лиги американских писателей – и окончательно закрепил свои по-

Information about the author:

Leah I. Kazakova, PhD in Philology, independent researcher, Novosibirsk, Russia. E-mail: cammomilla@mail.ru.

Keywords: Soviet-American literary connections, John Steinbeck, *Grapes of Wrath*, *The Moon is Down*, literary criticism, literary reputation, reception.

Abstract: The article analyzes the initial period of the relationship between John Steinbeck and the Soviet Union: from the first publication on Steinbeck in the Soviet press, dedicated to his novel *The Grapes of Wrath* (1939) up to the Cold War, which drastically changed the Soviet attitudes to American literature (1946). John Steinbeck attracted the attention of Soviet literary institutions and press at the turn of the 1930s–1940s, when he took part in the Third Congress of the American Writers' League. He became famous in the USSR thanks to his novel *The Grapes of Wrath* (Russian edition appeared in 1940). The novel was welcomed by the Soviet critics as a great work of proletarian literature. The *Grapes of Wrath* created Steinbeck's reputation as

зиции в советском пространстве после публикации в США романа «Гроздь гнева». В СССР этот роман (рус. пер. опубл. в 1940 году) был воспринят как вершинное произведение пролетарской литературы США. «Гроздь гнева» сыграли огромную роль в формировании образа его автора в СССР, открыв писателя Стейнбека советскому читателю и открыв дорогу Стейнбеку в Советский Союз. Заключительная часть статьи посвящена военному времени (1941–1945) и, в частности, рецепции антифашистской повести/пьесы Стейнбека «Луна зашла» (1942) на родине писателя и в СССР, а также судьбе ее советских инсценировок.

a “progressive”, revolutionary writer, and opened the way for Steinbeck to the Soviet reader. The final part of the paper is devoted to the wartime (1941–1945) and, in particular, to the reception of Steinbeck’s anti-fascist story/play *The Moon is Down* (1942) in the USA and in the USSR and its Soviet adaptations.

Начальный период взаимоотношений Джона Стейнбека с Советским Союзом можно датировать 1939–1945 гг.: от первой помещенной в советской печати публикации о нем, посвященной изданию в США его романа «Гроздь гнева» (1939), до начала «холодной войны», кардинально изменившей отношение советских властей к американской литературе в принципе (1946). Этот период характеризуется большим интересом и симпатией к молодому талантливому автору со стороны советской критики, а также стремлением увидеть в нем «друга СССР», писателя, говорящего о тяготах жизни простого трудового народа при капитализме и неизбежности революционного восстания в Америке. Основное внимание будет сфокусировано на двух важнейших событиях данного периода: публикация и критическая рецепция в СССР романа «Гроздь гнева», а также появление антифашистской повести Стейнбека «Луна зашла» и ее советских инсценировок.

До «Гроздьев гнева»

В США известность Стейнбеку принесла его четвертая книга «Квартал Тортилья-Флэт» (“*Tortilla Flat*”, 1935)¹. Его слава укрепилась благодаря выходу на свет книги «О мышах и людях» (“*Of Mice and Men*”, 1937), а также успеху одноименной пьесы на Бродвее и ее экра-

¹ *Steinbeck J. Tortilla Flat. New York: Covici-Friede, 1935.*

низации Льюисом Майлстоуном (1939). По мнению многих критиков¹, 1930-е – годы Великой депрессии, оказались, вместе с тем, временем наиболее плодотворного и успешного творческого поиска Стейнбека. Также это был период наибольшей близости писателя к левому движению, его идеологии и его представителям в рабочих и интеллектуальных кругах, которые в будущем станут прототипами его героев.

В биографической статье С.С. Иванько, предваряющей советское собрание сочинений Стейнбека, вышедшее в 1989 г., подробно сказано о его рассказе «Налет»², опубликованном в “North American Review: в 1934 г., «лежащем в русле пролетарской литературы Соединенных Штатов периода “красных тридцатых”»³, и о его романе 1936 года «В сомнительной схватке» (“In Dubious Battle”; другие варианты переводов названия: «Битва с неясным исходом», «И проиграли бой»), первоначально задуманном писателем как «автобиография коммуниста»⁴ – о стачке сезонных рабочих, сборщиков фруктов, подготовленной партийными организаторами⁵. Также советским литературоведом был

¹ Об этом, к примеру, пишет в своей рецензии, предваряющей выход одной из первых литературоведческих книг о Стейнбеке – «Широкий мир Джона Стейнбека» П. Лиски (1958), американский критик А. Кейзин: «Начиная с его первого удачного романа (Tortilla Flat) все его лучшие произведения увидели свет в тридцатых годах: “В сомнительной схватке”, “О мышах и людях”, “Большая долина”, “Гроздьев гнева”. По-видимому, между Стейнбеком и тридцатыми годами существует некая непосредственная и живая связь, ибо трудно найти лучшие произведения среди романов, созданных им после 1942 года...». Реферат и перевод этой статьи был выполнен писателем С.П. Злобиным для Иностранной комиссии Союза советских писателей (РГАЛИ. Ф. 2175. Оп. 5. Ед. хр. 88. Л. 10).

² Советский критик П. Балашов в рецензии, посвященной роману Стейнбека «Гроздьев гнева» (1940), также уделил этому рассказу особое внимание, считая, что уже в этом произведении видна та грань стейнбековского таланта, позволившая ему впоследствии написать свое самое известное эпическое полотно об оклахомских фермерах: «Его (рассказ «Налет» – Л.К.) и нужно рассматривать, как первый набросок, где художник только намечает контуры новых людей, поражающих писателя своей изумительной стойкостью, выдержкой и готовностью до конца постоять за великие революционные идеи». (Балашов П. Певец народного гнева // Новый мир. 1940. №10. С. 206).

³ Иванько С.С. Джон Стейнбек // Стейнбек Дж. Собр. соч.: В 6 Т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 18. (Библиотека «Огонек»).

⁴ Steinbeck: A Life in Letters / ed. E. Steinbeck, R. Wallsten. New York: Viking, 1975. P. 98.

⁵ В «Интернациональной литературе» (№ 4 за 1937 г.) была помещена небольшая заметка, посвященная этой книге. В ней отмечается «сочувствие к бастующим, презрение к демагогии хозяев, стремление к романтизации незаметных, но подлинных

отдельно выделен этап жизни писателя (1932–1935), который в 1932 г. «ездит с Уайтекером¹ на собрания членов клуба Джона Рида, бывает среди поденщиков и всюду внимательно вслушивается в горячие споры, пытливым взглядом всматривается в окружающую его жизнь»², а в 1935 г. – «часто посещает дом известного радикального журналиста Линкольна Стеффенса³, у которого встречается с известными в то время представителями левого движения: Анной Луизой Стронг, Майклом Годдом, Эллой Уинтер. Здесь он знакомится с молодыми профсоюзными активистами, с журналистом Джорджем Уэстом из газеты “San Francisco News”, хорошо знающим положение дел в штате»⁴.

В 1937 году, после успеха на родине повести/пьесы «О мышах и людях», Стейнбек вместе с женой Кэрол осуществил свое первое путешествие в Европу, побывав в скандинавских странах – Дании, Швеции, Финляндии – и в СССР, где он провел два дня в Москве и Ленинграде. Несмотря на краткость поездки, писатель ощутил тяжелую атмосферу этого времени сталинских расправ, о чем он впоследствии будет упоминать во время последующих приездов в СССР в 1947 и 1963 гг.⁵ Однако кроме отдельных устных высказываний писателя, ни-

революционных героев, несомненно, вдохновляющие автора книги», но, тем не менее, признается неудавшейся попытка американского писателя «создать живые образы революционеров, коммунистических вождей забастовки» неудавшейся (*Н.М. Джон Стейнбек – «В сомнительной схватке» // Интернациональная литература. 1937. № 4. С. 222*).

¹ Фрэнсис Уайтекер (1906–1999) – кузнец, скульптор по металлу и политический радикал из Кармела, Калифорния, был членом клуба Джона Рида американской коммунистической партии. По словам Дж. Бенсона, «в первой половине 1930-х гг. он очень упорно трудился над тем, чтобы обратить Стейнбека в социализм» (*Benson J.J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer: A Biography. New York: Viking, 1984. P. 225*). *Steinbeck J. Working Days: The Journals of “The Grapes of Wrath” / ed. R. DeMott. New York: Viking, 1989. P. 165*.

² *Иванько С.С.* Джон Стейнбек. С. 14.

³ См.: *Гиленсон Б.А.* Стеффенс Д.-Л. // Краткая литературная энциклопедия. Т.7. М.: Сов. энцикл., 1972. С. 175–176.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Например, в своем отчете о поездке принимавший писателя в Киеве в 1947 г. зам. председателя ВОКС А.И. Полторацкий приводит следующие слова писателя: «В 1936 году (здесь и дальше Стейнбек ошибочно упоминает 1936 год, хотя поездка состоялась в 1937 г. – Л.К.) я приехал в СССР. Я был обыскан до нитки, все мои чемоданы перевернуты вверх дном, отняты даже американские газеты. Это было время тухачевских. Но я отдавал себе ясный отчет в значении происходившего и никаких неправильных выводов не сделал» (ГА РФ. Ф. 5283с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 26. Л. 179.).

Триумф «Гроздьев гнева» ... Дж. Стейнбека в СССР (1939–1945)

каких документальных сведений, материалах о посещении Стейнбеком СССР в 1937 г. не сохранилось.

Так или иначе, в СССР Стейнбек как писатель привлек к себе внимание только на рубеже 1930–1940-х гг. Одно из первых упоминаний имени американского автора в советской печати¹ появилось в 1939 г. и касалось не его художественного творчества, а участия в третьем съезде Лиги американских писателей². Это объединение антифашистски и леворадикально настроенных писателей, образованное в 1935 г. по инициативе группы литераторов, сложившейся вокруг прокоммунистического еженедельника “New Masses” при участии Коммунистической партии США, возникло накануне роспуска Международного объединения пролетарских писателей (МОРП), в ходе начавшейся кампании по созданию широкого международного антифашистского народного фронта в преддверии Второй мировой войны. Сообщения о деятельности Лиги американских писателей часто появлялись на страницах советской прессы. В упомянутой статье М. Гроу, вышедшей 5 июля 1939 г. в «Литературной газете», было сказано:

На заключительном заседании съезда 4 июня почетным председателем Лиги американских писателей был избран Томас Манн. Знаменитый писатель заявил, что он с гордостью принимает оказанную ему честь. Президентом Лиги переизбран Донэлд Огден Стюарт, вице-президентами избраны десять человек, среди них Малькольм Каули, Лэнгстон Хьюз, Эрнст Хемингуэй, Эптон Синклер, Джон Стейнбек³.

В интервью «Известиям» 1963 г. Стейнбек говорил: «Я здесь в третий раз. В 1936 году я приехал сюда как турист третьего класса и, конечно, не встречался ни с кем из ваших писателей. Я тогда не был известен» (*Вишневецкий К.* Разговаривая со Стейнбеком // Известия. 1963. 22 октября. С. 4). В последовавшем после поездки выступлении на радио «Голос Америки» Стейнбек также ответил: «Моя первая поездка в СССР совпала с тяжелым периодом расправы Сталина с военными руководителями – расстрел Тухачевского и др.» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4191. Л. 21).

¹ Вероятно, в СССР первым кратким упоминанием о Стейнбеке в печати стала заметка, опубликованная в 1938 г. в «Литературной газете», которая сообщала о том, что Пулитцеровскую премию в этом году получила пьеса Т. Уайльдера (ошибочно названного Уайлдом) «Наш городок», в то время как «главным конкурентом Уайлда по конкурсу был Джон Стейнбек, инсценировавший свой нашумевший в США роман “О мышах и людях”». (Премия Пулитцера // Литературная газета. 15 сентября 1938. С. 2).

² См.: *Гиленсон Б.А.* Лига американских писателей // Краткая литературная энциклопедия. Т. 4. М.: Сов. энцикл. 1967. С. 188.

³ *Гроу М.* Съезд американских писателей // Литературная газета. 1939. 5 июля. С. 2.

Таким образом, Стейнбек, еще абсолютно незнакомый советской аудитории писатель, оказался поставлен в один ряд с такими хорошо известными в СССР маститыми американскими авторами, как Эрнест Хемингуэй (активно переводившийся и печатавшийся в 1930-е гг.), Эптон Синклер (известнейший в 1920–1930-е гг. в СССР писатель-социалист), Малькольм Каули (критик, журналист, близкий в те годы коммунистическому движению), Лэнгстон Хьюз (негритянский поэт, прозаик, участник «клуба Джона Рида», побывавший в 1932–1933 гг. в составе американской делегации в СССР), и членом компартии США писателем, сценаристом Дональдом Огденом Стюартом.

Параллельно с выходом в США романа «Гроздь гнева» (14 февраля 1939 г.) и его ошеломляющим успехом на родине писателя завязывается переписка между Стейнбеком и редактором журнала «Интернациональная литература» Т.А. Рокотовым. 4 февраля 1939 г. Рокотов направляет Стейнбеку, как и другим знаменитым американским писателям (Шервуду Андерсону, Теодору Драйзеру, Эрскину Колдуэллу и др.), письмо с вопросами анкеты о развитии культурных связей между СССР и США. 22 февраля Стейнбек шлет ему ответ, в котором говорит о своем глубоком интересе к России и сетует на отсутствие в США объективных источников информации о жизни советского народа и переводов книг выдающихся советских писателей⁴.

Логичным продолжением этой советской пропагандистской линии становится письмо Рокотова от 7 июня 1939 г.⁵, свидетельствующее о том, что Стейнбек оказался включен в список информационных рассылок «Интернациональной литературы» и Иностранной комиссии Союза советских писателей.

Однако по мере того, как роман «Гроздь гнева» приобретал всю большую популярность в США, вызвал яростные споры по острым политическим, социальным и экономическим вопросам в американском обществе, значительная часть которого все еще чувствовала воздействие Великой депрессии, – эта книга и имя ее создателя начинают свою жизнь далеко за пределами «благословенной Калифорнии» – в коммунистическом СССР.

⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1058. Л. 1–4.

⁵ РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 922. Л. 3.

«Гроздья гнева»: яркий дебют Стейнбека в СССР

Препринты в советской прессе. Первая заметка о книге «Гроздья гнева» появляется в «Правде» 15 августа 1939 г. Автор статьи, корреспондент газеты в Америке М. Ольгин, после перечисления бедствий, которым подверглись герои романа Джоуды (и их реальные прототипы, фермеры-издольщики из юго-восточных штатов Америки), заключает:

Роман Стейнбека – зрелый плод пролетарской литературы США. Успех этого романа, в короткое время разошедшегося в сотнях тысяч экземпляров, свидетельствует о том, как выросла за последние годы широкая читательская масса¹.

В последовавшей за ней статье «Литературной газеты» не только говорится о событиях романа, но также упоминается об избрании Стейнбека вице-президентом Лиги американских писателей и о влиянии книги на общественность, выражающейся в работе так называемого Комитета Стейнбека для помощи фермерам из Оклахомы². Спустя три дня в «Правде» появляется перевод одной из глав романа, описывающей возмутительную жестокость по отношению к голодающим фермерам на фоне цветущей природы в Калифорнии:

Люди приходят с сетями вылавливать картофель из реки, но охрана гонит их прочь; они приезжают в дребезжащих автомобилях за выброшенными апельсинами, но керосин уже сделал свое дело. И они стоят в оцепенении и смотрят на проплывающий мимо картофель, слышат визг свиней, которых режут и засыпают известью в канавах, смотрят на апельсиновые горы, по которым съезжают вниз оползни зловонной жижи; и в глазах людей поражение; в глазах голодных зреет гнев. В душах людей наливаются и зреют гроздья гнева – тяжелые гроздья, и дозреть им теперь уже недолго³.

В это же время идет интенсивная работа по переводу книги на русский язык. Сотрудник редакции журнала «Интернациональная литература» А.И. Абрамов в своей внутренней рецензии на роман Стейнбека отмечает:

¹ *Ольгин М.* Гроздья гнева // Правда. 1939. 15 августа. С. 5.

² «Гроздья гнева» // Литературная газета. 1939. 20 августа. С. 2.

³ Весна в Калифорнии // Правда. 1939. 23 августа. С. 5.

Джоуды разбиты, рассеяны, но не подавлены. Они готовы продолжать упорную страшную борьбу за жизнь, становясь как бы символом многомиллионных народных масс сегодняшней капиталистической Америки¹ –

и в заключении подчеркивает:

Роман следует печатать как можно скорее². В нем все замечательно: и язык, и мастерские описания жизни и быта фермеров, и полнокровные художественные образы его героев³.

Интерес к готовившейся публикации романа Стейнбека подогревала развернутая в прессе рекламная кампания. В осенних номерах «Правды», «Известий» и «Литературной газеты» были помещены статьи, знакомявшие советского читателя с тем ажиотажем, которым была встречена эта книга в США. Основное внимание в этих заметках акцентировалось на незаслуженных гонениях, которым подвергла роман Стейнбека реакционная публика. Так, например, в вышедшей в «Известиях» статье под названием «“Гроздь гнева” – запрещенная книга в США»⁴ и заметке «Правды» «Суд Линча над романом Стейнбека»⁵ сообщалось о попытках в некоторых штатах запретить, сжечь книгу, оклеветать ее автора, представляя информацию, описанную им в «Гроздьях гнева» недостоверной, и даже препятствовать съемкам фильма по этому произведению.

¹ РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 495. Л. 68.

² По всей видимости, еще до публикации в журнале «Гроздь гнева» в «Интернациональной литературе» А.И. Абрамовым были выполнены внутренние рецензии на более ранние произведения Стейнбека – сборник новелл «Райские пастбища» (в его работе названные «Небесными лугами») и романе «О мышах и людях». Оба произведения рецензент оценивает очень высоко, отмечая, что первая книга – новеллы «написаны отлично – сочным, выразительным, богатым языком. На книге – бесспорная печать большого литературного мастерства» (РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 495. Л. 73.), а в случае с романом «О мышах и людях» «можно говорить о манере Стейнбека создавать трагический гротеск в самых обыденных житейских условиях, о колоритности и обаятельности его персонажей, о своеобразной яркости его описаний и образов» (Там же. Л. 75.). При этом ни одну из книг Абрамов не рекомендует к переводу и публикации в СССР, поскольку «при всей талантливости своей», обе книги не имеют «ни познавательной, ни общественной ценности» (Там же).

³ РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 495. Л. 68.

⁴ «“Гроздь гнева” – запрещенная книга в США // Известия. 1939. 17 ноября. С. 2.

⁵ Суд Линча над романом Стейнбека // Правда. 1939. 19 ноября. С. 6.

Публикация романа в СССР. Впервые в СССР «Гроздья гнева» были опубликованы в первых четырех номерах «Интернациональной литературы» за 1940 г.¹ В письме Стейнбеку 7 мая 1941 г. Рокотов сообщил:

У нас уже вышло несколько изданий этого романа. Кроме журнала «ИЛ» он вышел дорогими изданиями в Москве тиражом 25 тыс. экз. и в Ленинграде тиражом в 25 тыс. экз., а также дешевым изданием серии «Роман-газета» тиражом 300 тыс. экз.²

По меркам того времени для книги иностранного автора это был небывалый тираж.

17 декабря 1940 г. заместитель председателя Иностранной комиссии Союза советских писателей СССР М.Я. Аплетин также поздравил Стейнбека с успехом его романа: «Благодарю вас за книгу, теперь в СССР у вас появилось тысячи преданных друзей и почитателей»³. В марте 1941 г. он сообщил Стейнбеку:

миллионы читателей по всему миру благодарны Вам за Вашу книгу, написанную в защиту людей, и в особенности за созданный Вами образ матери, великий в своей простоте, очень трогательный, проникнутый человеколюбием и глубокой верой в возможности человечества. В эти трагические дни истории человечества имела огромная потребность в такой книге⁴.

Критические отзывы о романе. За выходом романа в свет последовала серия рецензий на роман Стейнбека, среди которых можно выделить работы А. Абрамова «Джон Стейнбек» («Интернациональная литература»), О. Немеровской «Книга о любви и ненависти» («Звезда»), Ф. Человекова [= А.П. Платонова] «Гроздья гнева» («Литературное обозрение»), Т. Хмельницкой «Гроздья гнева» Стейнбека («Литературный современник») и послесловие к вышедшему в отдельном издании роману И. Анисимова.

Одной из характерных особенностей восприятия «Гроздьев гнева» советскими критиками и читателями можно считать то, что это произве-

¹ Стейнбек Дж. Гроздья гнева // Интернациональная литература. 1940. № 1–4.

² РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 922. Л. 17.

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 85. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

дение вызывало в памяти и соответственно ставилось рядом с образцом соцреалистического романа – «Матерью» М. Горького благодаря типологическому сближению персонажей – Ма Джоуд и Ниловны, а также Тома и Павла. Возможно, во многом благодаря этой аналогии «Гроздь гнева» воспринимались советскими читателями как нечто близкое по духу, родное – с одной стороны. С другой – в ходе сравнительного анализа этих персонажей критиками подчеркивалось ведущее, прогрессивное значение советской литературы. Например, в статье Ф. Человекова (псевдоним писателя А. Платонова) отмечается:

Том Джоуд – начинающий революционер; сначала у него есть только темперамент борца, но потом появляется и революционное сознание, под влиянием фактов действительности, под влиянием тюрьмы и товарищей. Опять-таки Тому еще далеко до Павла как революционеру, но он вышел на тот же путь, и судьба Тома в романе не кончается... Спасаясь от преследования, Том вынужден был покинуть семью своего отца и матери, и он уходит в неизвестность, но судьба его предрешена: он будет большим борцом за жизнь и благоденствие фермеров-землевладельцев и рабочих¹.

Точно также советская литературная критика рассматривала поступательное движение сюжета «Гроздь гнева» и финал романа как логично, неоспоримо вытекающий из этой истории призыв к мировой пролетарской революции. На родине писателя роман вызвал жаркие споры и столкновения между немногочисленными, но могущественными монополистами из Ассоциации фермеров, охарактеризовавшей роман как «разрушительную, бесполезную книгу, пропитанную от начала до конца духом ненависти»², и сторонников Администрации по защите фермеров, отстаивавших правдивость изображенной в «Гроздях гнева» картины. В СССР содержание романа воспринималось как однозначное подтверждение превосходства коммунистического устройства общества.

В доказательство близости «Гроздь гнева» к соцреализму рецензенты ссылались на ряд мест из текста Стейнбека, ставших затем хрестоматийными – лирические отступления автора, повествующие о бедственном положении фермеров в Америке, на прощальный диа-

¹ *Человеков Ф.* [=А.П. Платонов]. Гроздь гнева // Литературное обозрение. 1940. № 12. С. 38.

² *Иванько С.С.* Джон Стейнбек. С. 26.

лог Тома Джоуда с матерью и в особенности на известные слова о том, что «в душах людей наливаются и зреют гроздьи гнева – тяжелые гроздьи, и дозреть им осталось недолго»¹. Например, автор комментария к первому изданию «Гроздьев гнева» И.И. Анисимов отмечал:

Книга Джона Стейнбека написана в защиту человека, тысячелетиями трудившегося на земле и преобразившего ее, человека, создавшего великие произведения науки, техники и искусства, человека – творца и строителя. Поэтому она исполнена гнева против тех, кто низвел человека до уровня голодного и затравленного животного, против капиталистического строя, обречшего народ Америки на вырождение и голод... И роман подводит читателя к мысли, что только революция, зреющая в сознании миллионов обездоленных в современной Америке, устранив это издевательство над человеком, это хладнокровное и организованное, медленное уничтожение людей².

Сходное мнение выражала рецензент «Звезды» О. Немеровская:

В лице Тома показаны те новые, пробуждающиеся свойства американского народа, которые заставят потомков отважных пионеров с таким же мужеством бороться за освобождение американских угнетенных классов от эксплуататоров, с каким их предки почти два столетия назад боролись за освобождение американских колоний от гнета английской метрополии³.

Наконец, Ф. Человеков (А. Платонов) трактовал финал «Гроздьев гнева» следующим образом:

Но наступит очередь народа применить свою силу; правда, гонять своих врагов народ не будет – он их уничтожит. Стейнбек этого вывода из своего романа особо не подчеркивает, но читатель сам легко находит смысл произведения: необходимость революции во что бы то ни стало и возможно скорее, иначе – гибель. Идея революции справедлива и прекрасна и без романа Стейнбека, но в романе Стейнбека эта идея изложена пером превосходного художника, за что ему будут благодарны все читатели, которые живут уча-

¹ *Стейнбек Дж.* Гроздьи гнева // Стейнбек Дж. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Правда. 1989. С. 369.

² *Анисимов И.* Послесловие к роману «Гроздьи гнева» // Стейнбек Дж. Гроздьи гнева. М.: Гослитиздат. 1940. С. 498.

³ *Немеровская О.* Книга о любви и ненависти // Звезда. 1940. №8–9. С. 276.

стью своего народа. И даже те читатели, которые давно вышли из участи отчаяния, – советские читатели¹.

В представленных фрагментах четко просматривается единая линия советской интерпретации «Гроздьев гнева» как произведения антикапиталистического, революционного, близкого к методу соцреализма. Важно отметить, что в случае этого произведения однозначность его трактовки – даже если не брать в расчет ее навязанность извне – происходила из прочтения романа естественно и органично. В этом же кроется основная причина успеха «Гроздьев гнева» в СССР: читая этот роман, советские люди на примере своей собственной истории могли без труда достроить открытый финал произведения и, во-первых, оценить правильность и успешность своего выбора, а во-вторых, в лице семейства Джоудов посочувствовать всем простым американским труженикам – но и ощутить свое превосходство над ними, поскольку они только начинают двигаться по тому пути, которым советский народ уже давно идет, прокладывая дорогу остальным.

В то же время этот роман был близок и понятен и другой категории его советских читателей, таких как Андрей Платонов, на собственном опыте во время репрессий 1930-х гг. ощутивших себя в роли Джоудов, лишенных возможности зарабатывать на хлеб и свободно жить в своем государстве не американскими банками-монополистами, но родным советским строем. Об этой составляющей успеха романа в Советском Союзе пишет в статье «Выдержанное вино из “Гроздьев гнева”» Е.А. Евтушенко².

¹ *Человеков Ф.* Гроздьев гнева. С. 40. Высказывание А. Платонова о том, что «гонять своих врагов народ не будет – он их уничтожит», а также о советских читателях романа, «которые давно вышли из участи отчаяния», и проч. имеют и другую интерпретацию, связанную с личной драмой писателя и репрессиями против его семьи. Так, в пору написания статьи о «Гроздях гнева» осенью 1940 г. усилиями друзей писателя из тюремного заключения был возвращен его сын, неизлечимо больной туберкулезом. Сын Платонова Платон Андреевич умер через два года – в январе 1943-го. Сам писатель в 1940-е гг. заразился от сына туберкулезом и скончался в 1951 г. в нищете и безвестности.

² «В этом непредуганном сталинскими идеологами подсознательном отождествлении кроется и секрет грандиозного успеха “Гроздьев гнева” в СССР. <...> Если Стейнбек видел собственными глазами, как в Калифорнии резали свиней и сбрасывали их в канавы, засыпая известью, то в лесах и на кладбищах России так же сбрасывали в ямы и засыпали известью расстрелянных без всякого суда людей. Чудом уцелевшая от подобных расправ сильно поредевшая советская интеллигенция

Рецепция раннего творчества Стейнбека в США и СССР

Весной 1940 г. сотрудниками редакции журнала «Интернациональная литература» был подготовлен реферативный перевод американской критической статьи, в которой рассматривалось все творчество Стейнбека от первого его опубликованного романа до «Гроздьев гнева». Статья Маргарет Маршалл¹ «Джон Стейнбек», опубликованная в журнале “Nation” 25 ноября 1939 г.², представляла собой достаточно жесткий анализ художественной манеры Стейнбека: Маршалл оценивала ее как незрелую, в особенности фокусируясь на ее недостатках, проявившихся в той или иной мере во всех его произведениях. Во внутренних материалах «Интернациональной литературы» перевод статьи Маршалл был дан в сокращенном виде, что, видимо, еще сильнее сгустило ее критическую направленность. Так, советские рецензенты выделили в своем реферате ряд важных для них моментов, например, скепсис автора статьи по отношению к высказываниям некоторых репортеров о содержащихся в «Гроздьях гнева» призывах к «марксистской революции»:

Хотя детали его описания оклахомцев и могли бы навести газетчика на мысль о возможности марксистского разрешения проблемы, особенно если он, следуя моде, стал классово-сознательным, но Стейнбек нигде даже не намекает на такое разрешение. <...> О чем мечтают «Оки» и есть основания подозревать, мечтает для них и сам Стейнбек? – о маленьком беленьком домике и клочке собственной земли; это гораздо больше напоминает старую формулу о сорока акрах и муле, чем «большевицкие» колхозы³.

Иного мнения придерживается советский критик А. Абрамов, чья статья с подробным анализом жизни и раннего творчества Стейнбека

читала “Гроздья гнева” по-особенному: не только разделяя боль стейнбековских Джоудов, но видя в Джоудах и самих себя – ненужных элементов, от которых хочет отделиться собственное государство». (*Евтушенко Е.А.* Выдержанное вино из «Гроздьев гнева» // *Огонек.* 2002. № 32. С. 51).

¹ Маргарет Элис Маршалл (1900–1974) – литературный критик, редактор. В 1927–1928 г. – ассистент редактора в *New Masses*, с 1928 г. работала в “Nation”, с 1937 г. занимала в *Nation* должность литературного редактора. Была уволена в январе 1953 г. за антикоммунистические взгляды.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1062. Л. 126–132.

³ Там же. Л. 132.

была помещена в «Интернациональной литературе» сразу после публикации «Гроздьев гнева»¹.

В своей рецензии Абрамов дает оценку творческому пути Стейнбека – «искусного и взыскательного мастера», «художника больших чувств и больших идей», «одного из лучших мастеров американской прозы»². В отличие от Маршалл, отмечавшей незрелость творческого дара Стейнбека, Абрамов утверждает прямо противоположное – «зрелость мастера, продолжающего славные традиции американской реалистической прозы»³. Чтобы продемонстрировать непростой творческий путь писателя, эволюцию его художественного мастерства, Абрамов подробно останавливается на ранних произведениях Стейнбека – «Райских пастбищах», «О мышах и людях», «В сомнительной схватке», для того, чтобы перейти к самой вершине – «Гроздьям гнева» и заключить:

по существу, все, что было написано Стейнбеком до этой книги, – лишь эскизные наброски, этюды к большой картине, впитавшей весь творческий опыт, все неосуществленные возможности, все незавершенные донныне искания талантливого художника. В новом своем романе Стейнбек предстает перед нами как один из самых крупных писателей современной Америки, как один из ее подлинных первоклассных художников⁴.

Переписка с редакцией «Интернациональной литературы».

Столь же высокое мнение о романе Стейнбека разделяет и редактор «Интернациональной литературы» Т.А. Рокотов: 22 февраля 1940 г. он направляет Стейнбеку письмо, в котором уведомляет американского автора о проделанной в СССР работе над публикацией романа и о его феноменальном успехе в советской печати:

Рад сообщить вам, что ваш роман еще до появления его в русском переводе стал известен самому широкому кругу читателей: отрывки из романа печатались в «Правде» и ряде других газет. Весь Советский Союз знает теперь имя передового писателя США⁵.

¹ Абрамов А. Джон Стейнбек // Интернациональная литература. 1940. № 3–4. С. 222–232.

² Там же. С. 231–232.

³ Там же. С. 232.

⁴ Там же. С. 225.

⁵ РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 922. Л. 4.

Кроме того, в своем письме Рокотов просит Стейнбека сообщить адрес, по которому он мог бы перевести ему часть гонорара за публикацию этого романа в СССР. Он отмечает, что, хотя между СССР и США нет конвенции об авторских отчислениях, писателям,

с которыми мы находимся в постоянном контакте, мы часть денег все же имеем возможность пересылать, остальная часть гонорара вносится здесь на ваш текущий счет в советских рублях, и вы можете ими распорядиться в любой момент, как это не раз делал, например, Эптон Синклер¹.

Письмо Рокотова, написанное в крайне почтительном, уважительном тоне, весьма красноречиво свидетельствует о том, что дебют Стейнбека оказался столь важным событием для советской стороны, что Стейнбек, во-первых, практически в одночасье был поставлен в один ряд с таким маститым, давно известным в СССР автором, как Эптон Синклер, и более того, Стейнбеку была предоставлена возможность перевести часть его гонорара в американскую валюту, что делалось только для очень крупных и важных для СССР авторов.

Гонорары. Спустя месяц, 16 марта 1940 г., секретарь редакции «Интернациональной литературы» Е. Романова направила Стейнбеку извещение о том, что от журнала ему переведено 70,75 долларов, в качестве части гонорара за публикацию его романа на страницах журнала².

В ответном письме от 13 мая 1940 г. литературный секретарь Стейнбека Э. Отис подтвердила получение Стейнбеком 70,75 долларов и полюбопытствовала, какую сумму составляет общий гонорар писателя, зачисленный на его счете в СССР, уточнив, что «м-р Стейнбек не намерен, разумеется, в ближайшее время побывать в России, но мне хотелось бы располагать этими данными». Также она передала благодарность Стейнбека за «хороший прием “Гроздьев гнева” в России» и сообщила о то, что сейчас писатель находится по пути в Мексику для работы над фильмом³.

27 мая 1940 г. Е. Романова написала о переводе Стейнбеку дополнительных 56,60 долларов от числа продаж романа в текущем месяце⁴.

¹ Там же. Л. 4.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 9.

Спустя год редактором «Интернациональной литературы» было направлено последнее довоенное письмо Стейнбеку от 7 мая 1941 г., в котором тот сообщал о продолжении успешного шествия «Гроздьев гнева» по СССР и о посылке в Америку всех вышедших изданий на русском языке.

Переписка Стейнбека с Иностранной комиссией Союза советских писателей. Практически одновременно разворачивалась переписка американского писателя с Иностранной комиссией Союза советских писателей. 17 декабря 1940 г. вице-председатель Иностранной комиссии М.Я. Аппетин направил письмо, в котором благодарил Стейнбека за его «самую выдающуюся книгу», благодаря которой «в СССР у вас появилось тысячи преданных друзей и почитателей», а также в своем поздравлении на Новый год желал писателю «снискать такого же успеха в 1941 году, какого бы добились с вашей книгой “Гроздьев гнева”»¹.

Следующее письмо Аппетина было отправлено 12 марта 1941 г. и содержало в себе извещение о посылке Стейнбеку в трех бандеролях шести авторских изданий книги «Гроздьев гнева», опубликованных в Государственном литературном издательстве, и слова благодарности автору:

Разрешите мне также выразить свою глубокую признательность за то большое удовольствие и пользу, которую я получил от чтения вашей талантливой книги. Миллионы читателей по всему миру благодарны вам за вашу книгу в защиту человека и в особенности за ваше изображение матери, великой в своей простоте и столь трогательной, пропитанной человеколюбием и глубокой верой в будущее человечества. Существовала огромная необходимость в такой книге в эти трагические дни истории человечества².

Письмо от Стейнбека прибыло в СССР только 26 июня 1941 г. В своем послании Стейнбек извещал М.Я. Аппетина о получении им книг из Москвы, выражал свою благодарность за них и сообщал о новых событиях своей жизни – работе над дневником «праздного путешествия с целью научных исследований “More Cortez”» (“Sea of Cortez: A Leisurely Journal of Travel and Research”); это исследование морской фауны тихоокеанского побережья Стейнбек вел совместно со своим другом, биологом Эдом Риккетсом.

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 85. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

В связи с этим Стейнбек обратился к вице-председателю Иностранной комиссии с просьбой разыскать научные труды, напечатанные еще в царское время и сохранившиеся только в Москве, содержащие нужные им материалы, в частности монографию «Аннулата 1877 года Груббе», в которой «заключена вся существовавшая до выхода этой книги информация о морских червях annelid»¹.

Вероятно, в связи с внезапным началом Великой Отечественной войны ответа советской стороны на это письмо Стейнбека не последовало.

В целом, говоря о судьбе «Гроздьев гнева» в СССР, в первую очередь об истолковании этого произведения советской прессой как пролетарского романа, «буревестника грядущей американской революции»², важно отметить не только (или не сколько) идеологически оправданное и преднамеренное искажение заложенного в него американским автором смысла со стороны советских критиков, но и большую субъективность прочтения романа его рецензентами в СССР. Об этом, в частности, свидетельствует статья, выделявшаяся на фоне других отечественных работ своим критически сдержанным отзывом на книгу – «Роман Стейнбека и его критики» (опубликована в «Интернациональной литературе» в конце 1940 г.). Оставшийся неназванным автор этой статьи, представлявшей собой критику романа и двух отечественных рецензий на него (Ф. Человекова [= А.П. Платонова] и Р. Миллер-Будницкой), отмечает:

Стейнбек не революционер и далек от коммунистических идей. Однако такова сила социальной и художественной логики нарисованных им образов, что «Гроздьев гнева» подводят читателя вплотную к проблеме социалистической революции. Не как к проблеме экономической теории и поли-

¹ Там же. Л. 4.

² Таким образом обозначила этот роман один из рецензентов книги Р. Миллер-Будницкая: «Во все ступающемся над страной мраке реакции эта книга – буревестник грядущей американской революции – криком своим зовет надвигающуюся грозу великого народного гнева, взрыв революционной стихии, ее “девятый вал”» (*Миллер-Будницкая Р. Книга гнева // Знамя. 1940. № 8. С. 203*). Примечательно также, что эту статью советский автор открыл двумя эпитафиями: один из которых в измененном виде был взят непосредственно из романа Стейнбека: «И в душах человеческих гроздьев гнева наливаются и зреют, зреют для сбора», а второй – из знакового гимна русской революции “Песни о Буревестнике” М. Горького: “Буря! Скоро грянет буря!”» (Там же. С. 191).

тики, но как к насущно жизненной проблеме, стоящей перед американским народом, «вопросу вилки и ножа», как выражались в старое время чартистские агитаторы¹.

Советский рецензент также говорит о неправомерном уподоблении героев «Гроздьев гнева» Стейнбека и «Матери» Горького (в частности, убийцы Тома Джоуда и Павла Власова, которое использует в своей работе Ф. Человеков) и других «перегибах» советских критиков, указывая, тем самым, на скромное место романа Стейнбека рядом с прогрессивной советской литературой.

Так или иначе, роман «Гроздьев гнева» открыл писателя Стейнбека советскому читателю и открыл дорогу Стейнбеку в Советский Союз, став произведением, успех которого в СССР не смогла повторить ни одна другая книга писателя. Даже «Зима тревоги нашей» (появившаяся на страницах советской печати почти спустя 25 лет и способствовавшая получению писателем Нобелевской премии) – единственный роман Стейнбека, чья популярность могла бы быть сопоставима с «Гроздьями гнева», не смогла повторить феноменальный успех этого романа в СССР.

Успех «Гроздьев гнева» в СССР доказывают не только советские рецензии и литературно-критические статьи, которые единодушно называли этот роман лучшим творением Стейнбека (даже в некрологе, написанным Я.Н. Засурским, утверждалось, что «никогда больше после этого Стейнбек не достигал такой глубины и силы реалистического искусства»²), но и многочисленные письма читателей³, а также высказывания советских писателей, современников Стейнбека (И.Г. Эренбурга, Е.А. Евтушенко, И.Д. Хмарского), о том впечатлении, которое оказала на них эта книга.

Кроме того, триумфальный прием «Гроздьев гнева» в СССР не только во многом вытеснил в сознании советского читателя все другие произведения Стейнбека, поставив историю трудного пути Джоудов в высочайшее положение «вне конкуренции», но и в какой-то степе-

¹ Роман Стейнбека и его критики // Интернациональная литература. 1940. № 9–10. С. 220.

² Засурский Я. Умер Стейнбек // Литературная газета. 1968. 25 декабря. С. 9.

³ См. напр. подборку читательских писем в рубрике «Интернациональной литературы»

«Трибуна читателя»: Почему нам нравятся «Гроздьев гнева» // Интернациональная литература. 1941. № 5. С. 187–189.

ни крепко привязал к этой книге личность самого Стейнбека, человека и писателя, который отныне и до самой смерти стал восприниматься в первую очередь как «певец “Гроздьев гнева”», то колеблющийся, предающий истину, высказанную в своей самой знаменитой книге, то вновь, подобно блудному сыну, возвращающийся к ней.

Антивоенная повесть «Луна зашла» и ее инсценировки в СССР

«Гроздьям гнева», появившимся в СССР в самом начале 1940-х гг., удалось в течение одного года завоевать любовь советских читателей и поставить перед руководителями советских организаций задачу расположить и развернуть к себе американского прозаика: советские газеты рассыпались в похвалах молодому писателю, редакторы интересовались его новыми произведениями, подкрепляя свои дружелюбные намерения денежными выплатами.

Однако в условиях начала Великой Отечественной войны в Советском Союзе резко изменилась политика многих сфер общественной жизни, в том числе издательской и редакционной. В этой связи не только просьба американского писателя, связанная с его исследованиями морской фауны, но и его книга о жизненных трудностях оклахомских фермеров оказались затеряны среди сводок с советских фронтов, на которых шли ожесточенные бои с противником, каждый день уносившие тысячи жизней.

История создания повести. Жизнь американцев тем временем текла в привычном русле. В первые военные годы американцы не имели к войне прямого касательства, вследствие чего их интерес в основном исчерпывался обсуждением информационных сводок, шедших с театра военных действий из-за океана. Несмотря на это, военная тема не обошла стороной жизнь и творчество Стейнбека.

Весной 1940 г. писатель отправился в Мексику для работы над киносценарием «Забывшая деревня» (о чем редакции «Интернациональной литературы» в свое время сообщила Э. Отис), где неожиданно столкнулся с набиравшим обороты механизмом нацистской пропаганды: газеты печатали восторженные статьи об экономическом чуде, «новом порядке» Гитлера в завоеванных странах, на улицах встречалась свастика. Встревоженный таким положением дел Стейнбек в письме к своему родственнику Дж. Гамильтону сообщает: «Немцы абсолютно превзош-

ли союзников в плане пропаганды. Если это продолжится, они окончательно отобьют Центральную и Южную Америку у Соединенных Штатов»¹.

Увидев своими глазами и осознав, что угроза нацистского вторжения не просто реальна, но очень близка, находится буквально у границ Америки, писатель едет из Мексики в Вашингтон, где добивается аудиенции Ф. Рузвельта и говорит с президентом о своих опасениях; а в октябре 1941 г. после одного из заседаний Службы иностранной информации (агентства, входившего в государственное Управление стратегических служб, чьей задачей как раз была борьба с нацистской пропагандой в Америке и за рубежом) Стейнбек принимается за написание повести о вооруженном захвате небольшого североευропейского города – «Луна зашла» (“The Moon is Down”).

«Луна зашла», повествовавшая об «эпической борьбе народов девятнадцати оккупированных стран Европы»², стала первой книгой Стейнбека, посвященной теме войны с нацизмом; примечательно, что она показывала ситуацию «в двойном освещении»: с точки зрения как жертв, так и оккупантов. При этом согласно первоначальному замыслу, действие книги должно было разворачиваться в США: Стейнбек полагал, что таким образом он, во-первых, мог бы описать события с большей достоверностью, «как если бы они произошли здесь», и во-вторых, сильнее воздействовать на читателей: «пробудить ото сна Америку и внушить ей симпатию к людям, в это самое время переживающим оккупацию за рубежом»³. Однако Служба иностранной информации отвергла это авторское решение, посчитав, что оно может деморализовать население страны. В результате Стейнбек перенес место действия в Европу, не обозначив ни страну-агрессора, ни оккупированную страну и тем самым предельно обобщив повествование.

Окончательный вариант повести «Луна зашла»⁴ появился на книжных прилавках Америки в марте 1942 г. вскоре после нападения на Перл-Харбор и вызвал большой интерес у читающей публики. Однако, несмотря на ажиотаж вокруг книги, американскими критиками «Луна зашла» была принята весьма прохладно: автору ставили в вину и отход от реалистической манеры письма, и слишком мягкое, человеческое

¹ Steinbeck: A Life in Letters. P. 205.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1070. Л. 92.

³ Benson J.J. The True Adventures of John Steinbeck. P. 491.

⁴ Steinbeck J. The Moon Is Down. New York: Viking, 1942.

изображение захватчиков, что сильно нивелировало агитационный запал книги¹. Так, критик К. Фадиман в журнале “New Yorker” пишет, что задачи пропаганды в 1942 г. требуют изображать немцев «как людей, которые ничем не могут искупить свои грехи, иначе мы можем утратить волю бороться с ними»². Фадиману вторит Луис Буденц из “Sunday Worker” (5 апреля 1942 г.):

Изображать немецкого офицера, как погруженное в самосозерцание расслабленное существо, а именно это и делает Стейнбек, – значит просто давать картину, не соответствующую действительности³.

Такая же судьба ждала постановку этой повести, осуществленную режиссером Оскаром Серлином и шедшую одновременно в нескольких бродвейских театрах. Премьера пьесы состоялась 8 апреля 1942 г., и первое время, несмотря на критику, спектакли шли в переполненных залах – что сильно удивляло самого автора⁴. Но уже 19 мая “New York Times” опубликовала сообщение о снятии пьесы после 55 спектаклей со сцены нью-йоркских театров по причине малых сборов. Режиссер обвинил в провале постановки обрушившихся на пьесу критиков⁵.

Препринты книги в СССР. В Советском Союзе книгу Стейнбека ждала еще более интересная судьба. Прежде чем советский читатель узнал о ее существовании, история издания и критические баталии в США вокруг повести/пьесы «Луна зашла» были проанализированы в Иностранной комиссии Союза советских писателей и в редакции журнала «Интернациональная литература». В своих отчетах советские референты выделяли основные тезисы американских статей, общее направление их полемики, а также от руки подчеркивали близкие, отвечавшие их собственному мнению о книге мысли⁶.

¹ Репрезентативная подборка материалов американской прессы находится в РГАЛИ: Ф. 631 Оп. 14. Ед. хр. 1070. Л. 103–109, 119–131; Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1075. Л. 33–36.

² РГАЛИ. Ф. 631 Оп. 14. Ед. хр. 1070. Л. 105.

³ Там же. Л. 129.

⁴ Об этом Стейнбек писал своему другу У.Ф. Стриту: «Странно, пьеса идет в переполненных залах невзирая на критику» (Steinbeck: A Life in Letters. P. 245).

⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1075. Л. 61.

⁶ К примеру, в отчете Иностранной комиссии Союза советских писателей и редакции журнала «Интернациональная литература» от 19 июня 1942 г. «О новой книге Джона Стейнбека “Луна заходит”», написанной по материалу рецензии “New York Times Books Review” (8 марта 1942 г.), подчеркнуты многие фразы, в которых,

Первым упоминанием о книге «Луна зашла» стала статья И. Сергеевой «Новая книга Джона Стейнбека», вышедшая 21 декабря 1942 г. в «Правде». Советский журналист отметила, что «эта книга Стейнбека явилась первым художественным произведением крупного американского писателя на тему войны против гитлеризма»¹, и дала подробный пересказ этой книги. Сергеева отмечает, что Стейнбек не дает национального обозначения ни одной из сторон, но в оккупантах читатель без труда узнает гитлеровцев. Это позволяет критику сделать следующий обоснованный вывод:

Стейнбек с мастерством большого художника сумел передать мощь народного движения, напряженность и драматизм борьбы. Читателю становится ясно, что «никакая» страна – это всякая страна, оккупированная немцами. Это и Норвегия, и Дания, и Югославия, и Франция. Неизвестный маленький народ – это всякий свободолюбивый народ².

В этом же духе автор статьи перефразирует слова, которыми завершается роман:

Уходя на казнь, старик завещает своему другу доктору:
– Месье немцам!³

В близком к оригиналу переводе Н. Волжиной этот фрагмент, отсылающий к предсмертным словам Сократа, звучит так:

Ступив через порог, он повернулся к доктору Уинтеру:
– Критон, я должен петуха Асклепию, – мягко сказал он. – Ты не забудешь уплатить мой долг?
Уинтер на секунду закрыл глаза и потом ответил:
– Долг будет уплачен⁴.

по всей видимости, референт по США Н. Камионская находит близкие себе мысли, например: «У них нет времени, чтобы как-либо измениться. Они целиком раскрываются перед читателем. И все же, в этих пределах видишь все, что делают нацисты, стремясь покорить Европу, и как побежденная Европа борется с ними. Все это понимаешь безо всяких лишних уговоров и доказательств» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1069. Л. 19).

¹ Сергеева И. Новая книга Джона Стейнбека // Правда. 1942. 21 декабря. С. 4.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Стейнбек Дж. Луна зашла // Стейнбек Дж. Неведомому Богу. Луна зашла. М.: Рекламно-компьютерное агентство газеты «Труд», 2000. С. 350.

Публикация книги в СССР. В конце 1942 г. повесть была переведена на русский язык и уже в 1943 г. после публикации в журналах «Огонек»¹ и «Знамя»² стала известна широкой публике. Кроме того, как сообщает газета «Литература и искусство»³ 22 января 1943 г.,

отрывки из нового романа американского писателя Джона Стейнбека «Луна зашла» передал по радио Литературный отдел Всесоюзного радиокомитета. Отрывки читали М. Царев и В. Аксенов⁴.

Критика книги в СССР. Автор предисловия к американскому изданию книги Дональд В. Коерс отмечает:

несмотря на фактически единодушное неприятие повести советскими критиками, «Луна зашла» стала самой известной американской книгой в СССР военного периода⁵.

На самом деле отношение советской литературной критики к книге Стейнбека было двойственным: с одной стороны, высказываются претензии, практически полностью совпадающие с мнением американских критиков – Фадимана, Буденса, Голда и др. Так, Е.Ф. Книпович в программной статье, вышедшей в журнале «Знамя» (1943), фактически повторяет слова американских коллег о несоответствии повести задачам пропаганды. Книпович полагает, что в повести враг изображен менее опасным, чем он есть на самом деле:

Его разложение, внутреннее банкротство достигается слишком легко. В действительности дело победы над фашизмом потребует еще много усилий и жертв ото всех свободолюбивых народов мира. <...> У фашистов есть не только овечий хвост, который трясется в дни поражений, у них есть пока и волчьи клыки, которые способны рвать и терзать в дни временных успехов⁶.

¹ *Стейнбек Дж.* Луна зашла // Огонек. 1943. №№ 2–11.

² *Стейнбек Дж.* Луна зашла // Знамя. 1943. № 5–6. С. 34–97.

³ Под таким названием в 1942–1944 гг. выходила «Литературная газета» после слияния ее с газетой «Советское искусство». В ноябре 1944 г. «Литературной газете» было возвращено ее прежнее название.

⁴ *Московская хроника // Литература и искусство.* 1943. 22 января. С. 4.

⁵ *Coers D.V.* Introduction to “The Moon Is Down.” // *Steinbeck J.* The Moon is Down. New York. Penguin, 1995. P. vii–xxviii.

⁶ *Книпович Е.* Новая книга Стейнбека // Знамя. 1943. № 5–6. С. 242.

В рецензии Т. Мотылевой «Непокоренный народ» также отмечается несоответствие данной Стейнбеком картины завоевателей реальному положению дел. К примеру, описывая эпизод свидания лейтенанта Тондера и вдовы расстрелянного шахтера Молли Морден, она пишет:

В жизни бывает иначе. Мы слишком хорошо знаем, что не со стихом и Гейне приходят фашистские скоты к женщинам оккупированных ими земель. Нет, для характеристики гитлеровского вояки можно и должно было найти иные слова, иные краски, – такие, которые абсолютно исключали бы снисхождение. Образы завоевателей, созданные Стейнбеком, при всем его психологическом мастерстве, при всей тонкости его иронии не внушают той лютой, жгучей ненависти, какой заслуживают фашистские рабовладельцы¹.

В конечном итоге, рецензент заключает:

Образ народа, в романе «Луна зашла» носит на себе отпечаток внеисторической абстракции. И это мешает художнику с полной отчетливостью и ясностью показать те сложные и нелегкие пути, какими ведется антифашистская борьба в оккупированных странах Европы².

С другой стороны, в статьях советских авторов военного периода присутствует стремление включить Стейнбека с его повестью в ряд дружественных СССР писателей-антифашистов. В той же статье Е.Ф. Книпович отмечает:

Стейнбек прав, утверждая своей книгой, что крах власти оккупантов неизбежен, что единственной неотвратимой судьбой гитлеровских преступников будет народная месть³.

Более того, хотя в черновом варианте статьи критик далее пишет: «Но книга его написана по нашим сегодняшним понятиям давно и вдали от центра военных событий»⁴, в журнальной версии эта фраза оказывается опущена. В этой и других советских рецензиях на книгу «Луна зашла» положительная оценка произведения американского автора («недостатки» которого заслуживают снисхождения) обусловлена чувством пре-

¹ Мотылева Т. Непокоренный народ: «Луна зашла» Джона Стейнбека // Литература и искусство. 1943. 4 сентября. С. 3.

² Там же.

³ Книпович Е. Новая книга Стейнбека. С. 4.

⁴ РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Ед. хр. 175. Л. 34.

восходства, характерным для советского критика – представителя передовой страны, ведущей ожесточенные бои с врагом, и потому претендовавшего на роль третейского судьи или даже наставника зарубежных авторов, нуждающихся в совете и руководстве.

Советские инсценировки книги военных лет. О значении, которое получила в СССР антивоенная повесть Стейнбека, свидетельствует и тот факт, что почти сразу после ее публикации в «Огоньке» начались попытки поставить это произведение на советской сцене. Всего в 1943–1948 гг. было не менее шести попыток инсценировать книгу Стейнбека, однако только три из них смогли пройти цензуру ГУРКа (Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром) и получить разрешение на постановку – это пьесы «Луна зашла» Л. Лемперта (1943), «Долг мэра Оурдэна» К. Розова (1944) и «Побежденные побеждают» А. Бородин (1944).

Главные вопросы, которые должны были решить для себя советские драматурги при переложении повести Стейнбека для сцены, – какова будет степень адаптации пьесы к советской действительности? Как приблизить пьесу «к центру военных событий», к войне, которую ведет советский народ? Как добиться того, чтобы пьеса не «деморализовала» зрителя (именно в этом упрекали Стейнбека и наши, и американские критики), но, напротив, способствовала боевому настрою советского зрителя, была ему близка и понятна, но и не внушала при этом ложного оптимизма?

Именно эти проблемы акцентируются в протоколах и отзывах сотрудников ГУРКа, решавших судьбу первой инсценировки книги «Луна зашла» Л. Лемперта. Всего этой пьесе довелось побывать в руках у трех рецензентов. Первый – заместитель начальника Главного управления по театрам (ГУТ) О.Н. Олидор¹ вынесла отрицательное решение в отношении пьесы, в результате чего автор инсценировки Л. Лемперт был вынужден обратиться к председателю Комитета по делам искусств М.Б. Храпченко² с просьбой «лично ознакомиться с пье-

¹ Олидор (Кайдалова) Ольга Николаевна (1913–1987) – театровед, профессор, автор книг по вопросам театра («В борьбе за сценический реализм» (1957), «Советское актерское искусство: 50–70 годы» (1982) и др.), в начале 1940-х гг. являлась заместителем начальника Главного управления театров Комитета по делам искусств при СНК СССР.

² Храпченко Михаил Борисович (1904–1986) – специалист по истории и теории литературы, в 1939–1948 гг. – председатель Комитета по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР. Герой Социалистического Труда.

сой или же передать ее на рассмотрение еще одному авторитетному лицу». М. Храпченко отправляет пьесу в ГУРК, где она была рассмотрена еще двумя политредакторами: Р. Ольшевец и Б. Ростоцкий¹.

Р. Ольшевец, отмечая в своем отзыве некоторые положительные черты пьесы (единство мэра Оурдена с народом и изображение народной борьбы с оккупантами), в целом оценивает ее резко отрицательно. Она подвергает критике как идейную сторону (в первую очередь трактовку образов завоевателей как «несчастливых и обманутых», которую она находит «неверной и неприемлемой»), так и ее драматургическое своеобразие: «Здесь нет ни крепкого сюжета, ни ярко очерченных характеров, а образы людей из народа просто расплывчаты»². Однако, как пишет редактор, без знакомства с оригинальным текстом она не может пропустить или запретить эту пьесу по следующим причинам:

1. Стейнбек – американский писатель-антифашист, друг Советского Союза. Это заставляет быть особенно внимательным к его произведениям.

2. Неизвестно, в какой степени усугублены недостатки романа инсценировкой его³.

Третий рецензент Б. Ростоцкий, ознакомившись с материалами дела, пишет подробный, обстоятельный отзыв с разбором обоих произведений – как оригинальной повести Дж. Стейнбека, так и пьесы Л. Лемперта. В первую очередь он объясняет драматургическое своеобразие, «рыхлость пьесы» особенностями оригинала – повести Стейнбека: так, отвечая своему предшественнику, он заявляет, что критик «должен адресовать свои претензии не Лемперту, а уж только непосредственно Стейнбеку»⁴. Во-вторых, он категорически не соглашается с той оценкой, которую дали предыдущие рецензенты изображению в повести/пьесе оккупантов:

...в индивидуальных портретах выведенных им офицеров-завоевателей Стейнбек, конечно, не раскрыл того специфического идейного и морально-го маразма, которым отмечены гитлеровцы. Но... образ фашистской армии

¹ Ростоцкий Болеслав Норберт Иосифович (1912–?) – историк театра и критик, доктор искусствоведения (1967), заведующий сектором искусства европейских социалистических стран Института истории искусств (с 1962 г.), профессор ГИТИСа (с 1967 г.). Основные работы посвящены истории советского и польского театра.

² РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 4539. Л. 5.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 6.

Триумф «Гроздьев гнева» ... Дж. Стейнбека в СССР (1939–1945)

в целом дан в романе (и в инсценировке) в основном верно и точно. Оккупанты действуют в пьесе как беспощадные, жестокие, циничные проводники пресловутой политики «железа и крови». Они именно грабят, убивают и насилюют (Приведенная выше претензия тов. Ольшевец на сей счет совершенно непонятна. – Л.К.), а в промежутках скулят по поводу тех «беспокойств», которые им доставляют «завоеванные». Очевидно, этот скулеж и показался противникам пьесы способным вызвать сочувствие к завоевателям. Но такое восприятие чисто субъективно и делать за него ответственным автора не приходится¹.

Сам рецензент не закрывает глаза на некоторые спорные черты оригинала, например, он пишет, что «изображение врага, несомненно, страдает у Стейнбека излишним объективизмом, который, конечно, нежелателен на советской сцене»². Вместе с тем Ростоцкий считает, что недостатки, во-первых, не столь значимы по сравнению с художественным качеством произведения Стейнбека, а, во-вторых, преодолимы путем небольшой доработки, начало которой уже положено в пьесе Лемперта и может быть продолжено в самих театрах. В общей сложности, он дает высокую оценку работе Лемперта и выносит положительное решение, подписанное начальником ГУРКа Б. Мочалиным³: «Разрешить к работе при условии внесения указанных в протоколе изменений с купюрами»⁴.

Это расхождение во мнениях на счет книги Стейнбека двух советских рецензентов тем более показательное, что вполне отвечает духу имевшей место ранее полемики американских критиков: Р. Ольшевец является продолжательницей линии К. Фадимана, Дж. Тербера, М. Голда, а Б. Ростоцкий – линии П. Бак, Д. Томпсон, Л. Фейхтвангера и других защитников Стейнбека. Однако если в США дискуссия вокруг

¹ Там же.

² Там же. Л. 7.

³ В конце отзыва Б. Ростоцкого под подписью Б. Мочалина следует сделанная собственноручно запись: «В главном и существенном т. Ростоцкий прав». (Там же. Л. 7).

⁴ Среди указанных критиком изменений можно выделить замену в диалоге захватчиков слова «вождь» на слово «фюрер»:

ТОНДЕР: Мне снилось, что фюрер (исправлено Б. Ростоцким – Л.К.) сошел с ума... (Люфт и Хунтер смеются).

ЛОФТ: Враги, пожалуй, узнали, насколько фюрер сумасшедший! Мне нужно будет об этом написать домой. Газеты вероятно напечатают. Враг узнал, насколько фюрер – сумасшедший... (Там же. Л. 52).

книги Стейнбека разворачивалась на страницах крупных изданий и послужила сначала катализатором читательского и зрительского интереса, а после привела к «дискредитации» произведения, то в СССР дебаты шли «в закулисе», в недрах властных и литературных институций, а окончательное решение принимал один человек, занимавший верхний пост в иерархической лестнице – в данном случае Б. Мочалин, который, в сущности, санкционировал появление этой и последующих пьес по книге Стейнбека.

Вторая инсценировка – драма в четырех частях «Непокоренные» П. Мелибеева¹ появилась в ГУРКе в сентябре того же 1943 г. Б. Ростоцкий посвящает ей краткий отзыв, в котором пишет, что находит пьесу П. Мелибеева по своим идейным и художественным качествам значительно более слабой, чем пьеса Л. Лемперта, и потому считает ее включение в репертуар «нецелесообразным»². Тем не менее, Б. Мочалин дает разрешение к работе над пьесой П. Мелибеева «Непокоренные» Ставропольскому областному театру.

Следующая инсценировка К. Розова под названием «Долг господина Оурдэна» появилась в феврале 1944 года. Ее главным достоинством Б. Ростоцкий считает лаконичность: автор передает содержание оригинальной книги, не добавляя ничего лишнего. Кроме того, как отмечает рецензент, «этот лаконизм способствует тому, что пьеса может быть разрешена при условии внесения сравнительно небольшого числа купюр»³. Предложенная им правка напрямую затрагивала оригинальный сюжет и касалась устранения «излишнего объективизма Стейнбека» в изображении захватнической армии. Так, корректуре подверглось несколько эпизодов с участием наиболее сомнительного персонажа – «погруженного в самосозерцание» лейтенанта Тондера: оказались купированы самые эмоциональные строки, в которых содержались его сетования на жизнь, его сомнения в адекватности действий фюрера, его желание покончить с войной и вернуться домой, а также примечательный монолог, в котором Тондер сравнивал положение своей армии с «мухами, завоевавшими липкую бумагу»⁴. Также был вычеркнут

¹ Мелибеев Петр Петрович (1908–1985) – писатель, драматург, автор около двадцати прозаических и драматических произведений, ставившихся на сцене Ставропольского и других театров. В числе самых известных произведений – повести «Садовая, 16» (1962), «Только один спектакль» (1964), «Та далекая весна» (1969) и др.

² РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 5319. Л. 1.

³ РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 6822. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 42.

детально прописанный К. Розовым эпизод ухаживания лейтенанта за Молли Морден, в котором он цитирует любовную лирику Гейне и проносит: «У нас осталось какое-то право на жизнь среди всех этих убийств»¹. Подобное «объективистское»² стейнбековское изображение немецкого офицера не только как оккупанта, но и как человека с его слабостями и страстями, желанием жить и любить, в СССР в 1944 г. было немыслимо и недопустимо и даже могло показаться кощунственным.

Все эти сценарии советских драматургов прямо следовали стейнбековскому оригиналу с минимальными изменениями, что положительно отмечалось цензорами ГУРКа. Зато появившаяся в ГУРКе в ноябре 1943 г. пьеса А. Ирошникова «Луна зашла» является ярким примером отступления от этого правила. Автор инсценировки не стал считаться со стейнбековской установкой на условность места и времени, прямо указав, что события пьесы происходят в Норвегии, а захватчиками являются немцы, фашисты. В соответствии с этим было изменено время действия (захват города происходит в апреле, а не осенью, как у Стейнбека) и введен целый ряд красноречивых деталей: в гостиной мэра появляется эстамп с бюстом Ибсена, в окне, сквозь дымку тумана, оказываются «видны далекие прибрежные скалы, омываемые синими водами фиарда»³, а в качестве лейтмотива на протяжении всего действия должна звучать мелодия Э. Грига из сюиты «Пер Гюнт».

Б. Ростокский отметил в своем отзыве, что «автор взял некоторые ситуации и образы из романа Стейнбека «Луна зашла» и по своему перекроил их, совершенно не считаясь с логикой их развития в первоисточнике»⁴. Так, например, в пьесе Ирошникова любви Молли Морден добивается не лейтенант Тондер, а местный предатель Корелл, которого драматург в списке действующих лиц называет «квислингов-

¹ Там же. Л. 47.

² Десять лет спустя в октябре 1953 г. в статье «Мои короткие романы» (“My Short Novels”) Стейнбек ответил критикам своей книги «Луна зашла» (в первую очередь К. Фадиману и Дж. Терберу): «Война приближалась, и я написал “Луна зашла” для прославления прочности демократии. Я не мог представить, что эта книга будет осуждена. Я написал о немце как о человеке, не как о сверхчеловеке, и это было принято за снисходительность по отношению к нему. Я не мог взять в толк все это, и теперь это представляется абсурдом, когда мы знаем, что немцы – люди и, как все люди, могут ошибаться и терпеть поражения». (Цит. по: *Coers D.V. John Steinbeck as Propagandist: “The Moon Is Down” Goes to War. Tuscaloosa, AL: University of Alabama Press, 1991. P. 22).*

³ РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 3287. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 1.

цем». Кроме того, в пьесе отсутствуют основные женские персонажи пьесы – Мадам, Анни и большинство офицеров вражеской армии (майор Хантер, лейтенанты Тондер, Пракл и другие). Вместо жены мэра в постановке фигурирует его приемная дочь – Хэдда (отсутствовавшая в оригинале), а выразителем сомнений и отчаяния в рядах оккупационной армии вместо исчезнувшего Тондера стал капитан Лофт, самый хладнокровный и педантичный персонаж Стейнбека. Как отмечает Б. Ростоцкий, «тов. Ирошников попытался передать содержание романа Стейнбека в поистине телеграфном стиле, уместив его всего на 20 страницах. Попытка эта, конечно, не увенчалась успехом»¹.

Другой драматург, А. Бородин, в 1944 г. представил ГУРКу сразу две пьесы по мотивам повести «Луна зашла». Первая под названием «Мухи завоевывают липкую бумагу» (апрель 1944 г.), представляла собой драматический этюд – инсценировку одной из глав повести и предварялась обширным предисловием, содержащим пересказ и оценку книги Стейнбека. В конце предисловия А. Бородин так суммировал основную смысл и ценность произведения:

Растерянность, стихийная ненависть и, наконец, организованное сопротивление – вот те три этапа, по которым проходит в повести Стейнбека пробуждающееся сознание завоеванного маленького народа. Глубокая вера автора в неисчерпаемую силу народного духа – яркая черта повести, которая сближает ее с «Гроздьями гнева»².

Сам драматург выбрал для инсценировки всего один эпизод книги – свидание лейтенанта Тондера с Молли Морден, по всей видимости, считая его стержневым для понимания всего произведения, поскольку в нем местная девушка проходит один за другим все три обозначенных автором этапа: растерянность при встрече с молодым лейтенантом оккупационной армии, постепенное пробуждение и рост ненависти к врагу, причастному к расстрелу ее мужа, и, наконец, убийство Тондера.

Тем не менее, рецензент Б. Ростоцкий назвал выбор фрагмента крайне неудачным, не передающим всего масштаба произведения Стейнбека. Ростоцкий отметил, в частности, что при чтении данной инсценировки не знакомому с оригиналом человеку останется «неясным даже тот важнейший драматический момент, что Тондер является

¹ Там же.

² РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 880. Л. 3.

непосредственным убийцей мужа Молли». Заключение цензора было отрицательным: «Совершенно нецелесообразно вводить в действующий репертуар эту малоудачную инсценировку»¹.

Однако еще до написания этюда «Мухи завоевывают липкую бумагу» в январе 1944 г. А. Бородин направил на суд ГУРКа другую инсценировку книги Стейнбека – драму в четырех частях «Побежденные побеждают». Об этой работе Ростоцкий отзывался положительно, отмечая, что драматург

сохраняет своеобразие повествовательной манеры американского автора и вместе с тем удачно усиливает некоторые важные мотивы (прежде всего, мотив активного сопротивления захватчикам), тактично и умело вводя некоторые дополнительные детали (например, короткая, но выразительная сцена в забое угольной шахты – 2-я картина)².

Если в оригинальном произведении Стейнбека основополагающую идею «народной власти» воплощал мэр Орден, который был не столько правителем города, сколько «рупором народа» («Мэр – это идея, родившаяся в мозгу свободных людей»³), то в пьесе Бородина вместо «рупора» на сцену выступает сам народ – простые шахтеры, держащие в руках мотыгу и испачканные землей: Ларре, дедушка Ольсен, Джек Андерс и Алекс Морден. Несмотря на то, что они появляются всего в нескольких сценах, их образы тщательно прописаны, наделены выразительными речевыми характеристиками и весьма типичны для советских пьес. У Бородина именно на них завязаны все ключевые эпизоды инсценировки: они разрабатывают идею активного сопротивления захватчикам, они вдохновляют мэра на героическую смерть и дают обещание отомстить за него и, наконец, именно они, собирая сброшенный самолетами союзников динамит, обсуждают победы Красной армии над общим врагом:

ДЕДУШКА ОЛЬСЕН. Так ты говоришь, русские продолжают наступать?

ЛАРРЕ. Да и как наступать! Они не наступают – они гонят.

ДЕДУШКА ОЛЬСЕН /усмехнувшись/. Это непобедимые увязнут в русских просторах. Их конец начинается. /Пауза/.

¹ Там же. Л. 1.

² РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 883. Л. 2.

³ *Стейнбек Дж.* Луна зашла. С. 349.

ЛАРРЕ. Знаете, дедушка Ольсен, – иной раз, когда я вот так ночью прислушиваюсь к тишине, мне кажется – мое ухо способно за тысячи километров уловить звуки русских пушек. Это так близко к сердцу.

ДЕДУШКА ОЛЬСЕН. Мне очень понятно, то что ты говоришь, Ларре. Это великая страна, там, на востоке... Она очень далеко от нас и все же она где то вот здесь, возле нас. И там – в Европе, в Америке... всюду. /Помолчав/. Нам многому нужно у них поучиться¹.

Бородин в своей пьесе не изменяет сколько-нибудь существенно ни одного эпизода, и не умаляет основной идеи и пафоса произведения Стейнбека, но путем внедрения персонажей «из народа» делает эту идею привычнее и понятнее советским людям.

В целом, говоря об инсценировках военного периода и особенно о тех, что получили разрешение ГУРКа на постановку в столичных театрах, нужно отметить их близость оригиналу, что свидетельствует об уважении к стейнбековскому замыслу и общности представлений о том, каким должно быть пропагандистское произведение военного времени. Добавления авторов и купюры редакторов ГУРКа касались деталей и ни в коей мере не затрагивали главного в повести – призыва к борьбе против нацизма, против его захватнической политики.

Инсценировка И.Л. Прута (1948). В качестве дополнения необходимо остановиться на анализе еще одной пьесы по книге Стейнбека, хотя ее рассмотрение выходит за хронологические рамки данной статьи. Одна из особенностей пропагандистских сочинений заключается в том, что они быстро теряют свою популярность после изменения политической ситуации, которая и обусловила их появление. Такая судьба постигла многие советские и западные антифашистские произведения – после мая 1945 г. они оказались забыты.

Однако сочинение Стейнбека ждала иная и весьма необычная судьба. В 1948 г. в СССР появляется еще одна инсценировка по книге американского автора – «Господин мэр» И.Л. Прута. В архивах не сохранилось никаких документов, отзывов и даже свидетельств о ее прочтении сотрудниками ГУРКа, тем не менее, само содержание пьесы настолько примечательно, что требует отдельного рассмотрения.

За три года, прошедшие после окончания Второй мировой войны, политическая ситуация в мире радикально изменилась. Недавние союзники стали непримиримыми врагами: началась новая, холодная война.

¹ Бородин А. Победенные побеждают. Л. 89.

В СССР с 1947 г. набирает обороты массированная кампания антиамериканской пропаганды, к которой активно привлекаются и литературные институции¹. В этих условиях пишется новая, послевоенная инсценировка повести Стейнбека.

В пьесе И. Прута речь идет вовсе не о Второй мировой войне. Время действия здесь – «ближайшее будущее», место действия – некая европейская «нейтральная страна». Действие начинается в «доме Оурдэна, мэра небольшого прибрежного шахтерского городка»². Пьеса построена на эффекте узнавания и осознания жителями города причин оккупации. Напряженность возникает с самых первых строк: оказывается, город захвачен, причем захватчиками оказываются войска некой дружественной союзнической державы. Это загадочное событие обсуждают Сарра (жена Оурдэна) и Роза (доктор Винтер), пытаются понять, что за «иностранные войска» внезапно вошли в их город и сравнивая это вторжение с пережитой во время войны нацистской оккупацией.

Только появление на сцене самих захватчиков – офицеров американской армии приносит с собой разгадку. Полковник Лансер сообщает, что они прибыли в этот город по приглашению правительства страны и их цель – не милитаристская, а экономическая – вывоз угля в Западную Германию, и жители города обязаны этому содействовать. Также выясняется, что вопреки давлению правительства, мэр Оурдэн предпочел честное и выгодное для горожан сотрудничество с русскими, а не с американцами, и вот тогда-то в город в «усмирительных целях» и были брошены американские войска.

Майор Хантер «популярно» объясняет впадшему в отчаяние Тондери истинную цель вторжения:

Послушайте, лейтенант: нашими деньгами пользуются многие правительства; ряд стран зависит от нас; почти без крови – дешевыми товарами, отбросами с нашего стола, подкупом, угрозой – мы завоевали почти полмира! Должны же мы теперь навести порядок³.

¹ См. напр.: Проект мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды по Союзу советских писателей». 1.04.1949 // Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945–1953 / Отв. ред. Д.Г. Наджафов, сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. – М.: МФД; Материк, 2005. С. 346–348.

² РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 6565. Л. 1.

³ Там же. Л. 45.

Однако жители города отказываются смириться со своим подневольным положением и оказывают сопротивление захватчикам. И в этом им помогает некая «третья сила», отсутствующая не только у Стейнбека в оригинале, но и в других советских инсценировках: группа «красных» под предводительством Нильсена, сумевшего в ходе оккупации выскользнуть из лап захватчиков и покинуть город. Нильсен и его сторонники – внесценические персонажи, о которых, тем не менее, постоянно упоминается, как о некоей невидимой, всемогущей и постоянно сопутствующей героям силе: многие шахтеры бегут в горы, образуя группы сопротивления, а Джозеф, дворецкий мэра, становится командиром отряда у Нильсена. Именно «красные» выступают против агрессоров и консолидируют вокруг себя весь народ – от шахтеров и кухарки Анни до доктора Уинтера и мэра Оурдэна.

Так, парадоксальным образом, созданное в 1942 г. в поддержку «народов девятнадцати оккупированных стран Европы» произведение американского автора Джона Стейнбека, писавшего в своей телеграмме Ф. Рузвельту о героизме Красной армии, которая «свыше года выносила и все еще выносит основной удар нацистской военной машины»¹, теперь послужило материалом для антиамериканской пьесы И. Прута, направленной против бывших союзников и ее автора в том числе.

Книга Стейнбека, в которой принципиально отсутствовали конкретные указания на национальную принадлежность оккупантов и их жертв, отличалась от других пропагандистских произведений как американской, так и советской литературы тем, что ее автор, избегая вопроса «кто виноват?», сосредоточился на вопросе «почему так произошло?», ответ на который ищут все персонажи – от мэра Оурдена до полковника Лансера и лейтенанта Тондера. И именно в силу этой особенности произведение Стейнбека «Луна зашла» после разгрома нацизма парадоксальным образом смогло стать оружием антиамериканской пропаганды по ту сторону «железного занавеса», в стране, кардинальным образом пересмотревшей свое отношение к писателю после 1945 года.

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1070. Л. 1.

Литература

- Иванько С.С.* Джон Стейнбек // Стейнбек Дж. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 3–50. (Библиотека «Огонек»).
- Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М.: Сов. энцикл., 1962–1972.
- Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945–1953 / Отв. ред., сост. Д.Г. Наджафов, сост. З.С. Белоусова. М.: МФД; Материк, 2005.

References

- Benson J.J. *The True Adventures of John Steinbeck, Writer: A Biography*. New York: Viking, 1984.
- Coers D.V. “Introduction to *The Moon is Down*.” Steinbeck J. *The Moon is Down*. New York: Penguin, 1995: vii-xxviii.
- Coers D.V. *John Steinbeck as Propagandist: “The Moon Is Down” Goes to War*. Tuscaloosa, AL: University of Alabama Press, 1991.
- Ivan’ko S.S. “John Steinbeck.” Steinbeck J. *Sobranie sochinenij*: v 6 t. [Collected Works: in 6 vols.] Vol. 1. Moscow: Pravda Publ., 1989: 3–50. (“Biblioteka Ogonek”). (In Russ.)
- Kratkaja literaturnaja jenciklopedija*: v 9 t. [Brief Literary Encyclopedia: in 9 vols.]. Moscow: Soviet Enciklopedija Publ., 19672 – 1978. (In Russ.)
- Stalin i kosmopolitizm. Dokumenty Agitpropa CK KPSS. 1945–1953* [Stalin and Cosmopolitanism. Agitprop Documents of the Central Committee of the CPSU, 1945–1953], eds D.G. Nadzhafov, Z.S. Belousova. Moscow: MFD Publ.; Materik Publ., 2005. (In Russ.)
- Steinbeck: A Life in Letters*, eds E. Steinbeck, R. Wallsten. New York: Viking, 1975.
- Steinbeck J. *Working Days: The Journals of “The Grapes of Wrath”*, ed. R. DeMott. New York. Viking, 1989.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**ДЖОН СТЕЙНБЕК И СССР (1939–1943).
ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ**

Ал. Абрамов

**Внутренние рецензии на книги Джона Стейнбека
(«Гроздь гнева», «Райские пастбища», «О мышах и людях»)**

«Плоды гнева» (“Grapes of Wrath.” 1939)

Название романа заимствовано из «Боевого гимна республики» – эпохи американской войны за независимость. «Мои глаза видели славу господ. Он вышел из виноградника, где созрели гроздь гнева...»

Гневом дышит роман Стейнбека, роман о современных американских фермерах, разоренных, изгнанных из родной земли, обманутых, голодных, тщетно ищущих работы и хлеба. Их деды, боровшиеся за страну свободных, отвоевали землю у дикой природы, возделали ее, собственными руками построили дом. Их отцы от зари до зари работали на этой земле, были ее хозяевами. Но сейчас фермеры перестали быть хозяевами своей земли и дома. Нужда, заставлявшая их обращаться за помощью к банкам, превратила их в арендаторов. Засуха, кризис, песчаные бури отняли у них последнее. Банка предпочли согнать с земли обнищавших арендаторов и создать крупное тракторное хозяйство.

И вот – запаханы поля фермеров, их дворы, их садики. Опустели дома. Люди, сразу потерявшие все, двинулись на поиски счастья в Калифорнию, куда манили их листовки консервных фабрикантов, обещавших каждому работу и хлеб. Но листовки лгали. Хозяевам калифорнийских фруктовых плантаций действительно требовались батраки-поденщики. Но требовались сотни, а не тысячи. Может быть даже тысячи, но не сотни тысяч. Хозяйский расчет был прост: чем больше будет голодных ртов, тем дешевле будут рабочие руки. И обманутые голодные люди сотнями тысяч двинулись в «благословенный край», забывая автомобильные дороги Америки. Казалось, двинулась на Запад вся страна.

Двинулась и семья фермеров Джодов. В старенькой машине, купленной на последние гроши, полученные от проданного имущества,

семья Джодов отправляется в далекий и тяжелый путь. На пути переселенцам встречаются такие же бездомные странники. Те уже побывали в Калифорнии и познакомились с «прелестями» благословенного края: с безработицей, голодом, полицейским террором. Но все же надежда на что-то лучшее, последняя надежда обездоленных, разоренных людей гонит Джодов вперед. Умирают в пути дед и бабка – представители старейшего поколения семьи. Старший сын остается где-то на берегу попавшейся на пути реки. Муж дочери исчезает, подло бросив беременную жену. Но оставшиеся члены семьи продолжают упорно бороться за жизнь на чужой, враждебно встретившей их земле. Страшные картины рисует Стейнбек. Скитания тысяч бездомных людей по дорогам Калифорнии. Жизнь в Гувервиллях, где люди живут как крысы в норах. Нищенский заработок и каторжный труд. Чудовищный полицейский террор: сожженные лачуги переселенцев, зверские убийства ни в чем невинных людей.

Гневом дышит каждая строчка этой замечательной книги. Стейнбек показывает, как отмирают собственнические инстинкты фермеров, как отсталые люди превращаются в сплоченный коллектив. Назревают забастовки. Священник, сопровождающий Джодов в пути, становится агитатором, лидером бастующих, и погибает от руки полицейского бандита. Том, представитель младшего поколения Джодов, вынужденный скрываться, преследуемый за убийство полицейского, отправляется бродить по стране, призывая народ к борьбе за право на жизнь и работу.

Джоды разбиты, рассеяны, но не подавлены. Они готовы продолжать упорную страшную борьбу за жизнь, становясь как бы символом многомиллионных народных масс сегодняшней капиталистической Америки.

Роман следует печатать как можно скорее. В нем все замечательно: и язык, и мастерские описания жизни и быта фермеров, и полнокровные художественные образы его героев.

Небесные луга (“The Pastures of Heaven.” 1938)

Джон Стейнбек, левый калифорнийский писатель, к сожалению, совсем неизвестен в СССР. Он является автором нескольких крупных произведений, имевших большой успех в Америке: последний его роман «Плоды гнева» признан Лигой американских писателей лучшим романом 1939 года.

Рецензируемая книга была впервые опубликована в 1932 году и переиздана в 1938 году издательством Модерн Эйдж букс как одно из лучших произведений Стейнбека. Книга содержит 12 глав – новелл, рассказывающих о делах и людях горной калифорнийской долины «Небесные луга». Это – небольшой фермерский поселок, один из чудеснейших уголков Калифорнии, где сама природа создала, казалось бы, необходимые условия для земного рая. Вводная новелла уводит читателя вглубь истории в эпоху испанской колонизации, рассказывая об одном испанском капрале, который, конвоируя группу арестованных индейцев, наткнулся в горах на долину, красота которой поразила его. Здесь он остался жить и назвал это место «Небесными лугами». Но счастливая жизнь капрала была омрачена неожиданной насмешкой судьбы: он умер от благоприобретенного им в этом «раю» сифилиса, которым наградила его индианка-жена.

Об этом сообщается очень кратко, но именно это сообщение и определяет основную мысль автора, заложенную в каждой из последующих новелл. «Земной рай», оказывается, полон самых неожиданных и нелепых человеческих драм и трагедий, порой смешных, порой страшных, но одинаково отравляющих людям их жизнь в этом «раю». Щедрая природа, казалось, обеспечила им все условия для счастья и благополучия. Даже самые бедные здесь (книга была написана или задумана, по-видимому, до кризиса 1929–1933 г.) живут в относительном благоденствии. Даже бедняк из бедняков Джуниус Молтби беден только потому, что сам обрек себя на нищету, потому что предпочитает жизнь как «руссоист», почти ничего не делая и не умирая с голоду лишь потому, что природа слишком щедра. Однако, и его счастливая жизнь нарушается неожиданным диссонансом. Его сыну Робби, счастливому, как и его отец, абсолютно не имеющему представления о том, что он беден, попечители школьного совета в припадке великодушия дарят новое платье вместо его лохмотьев. Робби понял. Безмятежное существование его разбито. Понимает это и его отец, и покидает долину, отправляясь в город на заработки, чтобы обеспечить какое-то будущее для своего сына в этом мире, делящемся на богатых и бедных, в мире, где даже «Небесные луга» не являются исключением.

В каждой новелле неожиданное вмешательство случая, судьбы, нелепого стечения обстоятельств ломает счастливую жизнь обитателей долины. Становится убийцей талантливый юноша-индеец, мать, безумно любящая свою сумасшедшую дочь, становится виновницей ее гибели, становятся проститутками две славные девушки-мексиканки, сгорает

дом богача Уайтсайда, дом, построенный его отцом «на веки веков», дом, в котором, как мечтал первый из Уайтсайдов, должно было звучать множество счастливых детских голосов, но дети не родились, и в старом доме было пусто и неуютно. Счастливая долина оказывается населенной полудиотами, маньяками, лгунами, которые портят жизнь и себе, и своим близким. Нет счастья в этом, казалось бы, самом счастливом месте на земле. И эту мысль автора иронически подчеркивает заключительная новелла: туристы, проезжающие в горах на автобусе, останавливаются и глядят на долину, лежащую внизу. Какое красивое место, как должно быть легко и счастливо живется ее обитателям!

Причину трагического в жизни своих героев Стейнбек видит не в экономических и социальных условиях, а в неожиданном вмешательстве судьбы, случая, трагического стечения обстоятельств. Все герои у него милые, симпатичные люди. Нет среди них ни подлецов, ни хищников, ни эксплуататоров. Даже убийцы у него – жертвы случая. И вот не удается людям находить счастливую жизнь даже с помощью самой щедрой природы. Ирония судьбы, нелепая насмешка случая – так философствует по поводу своей «райской долины» Джон Стейнбек.

Написаны новеллы отлично – сочным, выразительным, богатым языком. На книге – бесспорная печать большого литературного мастерства. И все же трудно рекомендовать что-либо для перевода. Как ни хорошо написаны эти новеллы, они как-то не характерны для сегодняшней Америки и, главное, не характерны для нынешнего этапа в творчестве автора. Судя по отзывам американской печати, Стейнбек сейчас дает подлинную, не прикрашенную картину американской действительности. Рецензируемая же книга представляет скорей любопытный литературный эксперимент, чем отражение подлинной живой жизни.

«О мышах и людях» (“Of Mice and Men.” 1937)

Рецензируемая книга Стейнбека – роман о дружбе. О дружбе двух калифорнийских батраков, двух бездомных бродяг, Джорджа и Ленни. У них нет ни семьи, ни дома, ни постоянной работы, никаких привязанностей, кроме долготелней дружбы, которая крепко связывает обоих. Но дружба эта – особая. Ленни привязан к Джорджу, как собака. Джордж заботится о Ленни, как о ребенке. Ленни, по существу, и является только взрослым ребенком. Обладая огромной феноменальной физической силой, сложением гиганта, он умственно недоразвит, инфантилен. У

него – мозг ребенка. С легкостью выполняя работу нескольких взрослых людей, Ленни в своих желаниях ребячески примитивен. Он любит животных, но не как взрослый, а именно как ребенок, любит ласкать и гладить щенков, полевых мышей, кроликов потому что они «маленькие и теплые». И, как ребенок, не понимает, что его ласки жестоки: не соразмеряя сил, он душит щенков, ломает им кости, не сознавая этого. Он причиняет Джорджу массу беспокойства и волнений. Он может хватить женщину, потому что ему понравилось ее шелковое платье: «оно такое гладкое». Но, кроме Джорджа, в нем никто не видит ребенка, и шалости Ленни создают множество неприятностей для обоих. Им то и дело приходится бросать работу и бежать в другое место, спасаясь от разъяренных фермеров. Но Джордж не в силах бросить Ленни на произвол судьбы: он знает, что тот неминуемо погибнет, попадет в тюрьму или, что еще хуже, станет жертвой линчевателей. И вот они оба бродят от фермы к ферме, от одного случайного заработка к другому. У обоих одна мечта – самим сесть на землю, завести небольшое хозяйство. Ленни тянется к этому бессознательно, «потому что на ферме будет много кроликов». Джордж мечтает об этом, потому что смертельно устал от бродячей жизни, потому что ему хочется оседлости, покоя, «собственной крыши».

Действие романа происходит на ферме, где находят работу оба приятеля. Но с первых же дней начинаются неприятности, которых так боялся Джордж. Сын хозяина, ничтожество и задира (он боксер легкого веса), придирается к батракам, ища ссоры. Жертвой его становится Ленни. Ленни ведет себя при этом, как ребенок, он плачет, когда его избивают, но стоит ему только схватить кулак своего противника, как у того все кости ладони и пальцев оказываются сломанными. Едва удалось Ленни избежать расплаты за содеянное, как он учиняет новую «подлость», на этот раз оканчивающуюся еще более трагически. У изувеченного им боксера есть жена, кокетливая пустая бабенка. Она заигрывает со всеми, в том числе и с Ленни. Но Ленни не понимает ее приставаний. Он гладит ей волосы, потому что они «пушистые и гладкие». А когда та, испуганная, начинает вырываться, Ленни, в свою очередь, испугавшись, в одно мгновение ломает ей спинной хребет.

Роман кончается трагически. Батраки ищут Ленни, для них он не человек, а чудовище. Ему грозит опасность быть линчеванным. И тут, чтобы спасти его от страшного конца и покончить, наконец, с этой ужасной жизнью, Джордж сам убивает своего друга, убивает, как убивает хозяин любимое, но взбесившееся животное.

Американская критика называет этот роман – романом из жизни батраков калифорнийского побережья. Но это неверно. О жизни батраков, об их борьбе, работе, стремлениях мы ничего не узнаем из этой книги. Герои ее, Ленни и Джо, с таким же успехом могли быть представителями любой профессии. По существу роман – это психологический этюд о дружбе, в которой есть что-то патологическое: ведь Ленни даже не человек, а монстр, место которому в доме умалишенных. Прочитав роман, можно говорить о манере Стейнбека создавать трагический гротеск в самых обыденных житейских условиях, о колоритности и обаятельности его персонажей, о своеобразной яркости его описаний и образов. Но все же роман никоим образом для перевода не годится: он, при всей талантливости своей, не имеет ни познавательной, ни общественной ценности.

Публикация выполнена по источнику: РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 495. Л. 67–68, 73–75.

**Статья Маргарет Маршалл о творчестве Джона Стейнбека
(Из реферативных материалов
Иностранной комиссии Союза советских писателей)**

28 апреля 1940 г.

В журнале «Нейшен» от 25 ноября 1939 г. напечатана статья Маргарет Маршалл «Джон Стейнбек». Привожу ее в несколько сокращенном виде:

«Джон Стейнбек завоевал с апреля 1939 года больше славы, чем кто-либо другой из живущих ныне писателей; но сам он, по видимому, смотрит на себя более трезво, чем все его критики. В интервью для «Лос-Анджелес Таймс» в июле он заявил: «Я еще не законченный писатель». «Меня не удастся превратить в литературного льва. Я думаю об арабских рассказчиках, лучших писателях мира. Они не были окружены комфортом и роскошью. Они собирались на рынках и сказывали, и пересказывали истории, отделявая, оттачивая их, пока они не принимали той формы, с которой мы знакомы по “Арабским сказкам”».

Насколько мне удалось выяснить, это не ложная скромность. Стейнбек действительно очень скромн; об этом есть ряд достоверных

свидетельств. Но в то же время эта скромность не мешает ему быть уверенным в своей работе, хотя как раз перед «Гроздьями гнева» он разорвал рукопись на ту же тему, решив, что это «не то»...

Джон Стейнбек представляет собою типичный пример развития писателя в условиях американской целины. Он родился в 1902 году в Монтерей каунти, штат Калифорния, и, за исключением коротких промежутков времени, жил всегда в этом штате, который все производит в неслыханных масштабах. Он вырос в изолированном кругу ранчо, среди американцев и того смешанного народа из мексиканцев и других национальностей, которые населяют Калифорнию. Он посещал среднюю школу в Салинасе и некоторое время пробыл в Стэндфордском университете. Летом он работал на ранчо; один сезон он пробыл на сахарном заводе. Он немецко-ирландского происхождения. Его мать – школьная учительница, отец – местный казначей – сам он написал много рассказов от руки в отчетных книгах отца в начале 1900 гг. Судя по фотографиям и рассказам людей, знакомых с ним, в нем шесть футов роста, он худощав. По словам одного человека, он сложен «по-немецки» плотно и имеет немецкие черты, а «ирландские» голубые глаза придают его лицу неожиданную живость и подвижность. По выходе из Стэндфорда он провел некоторое время в Нью-Йорке, где работал недолго в качестве газетного репортера и грузчика. Все говорят, что он ненавидит Нью-Йорк и боится его.

Он мало вращался в городах и в литературном мире, который он избегает. Страстной любовью к природе и сельской жизни проникнуты его книги, да и написано большинство его книг о людях земли. Говорят, что он всегда опасается за завтрашний день; это приписывают многолетней нужде; он и сейчас живет очень скромно, а свои немалые заработки держит в различных банках, причем каждый вклад его не превышает 5 тыс. долларов, т.е. суммы, гарантируемой правительством. Но, несмотря на такую осмотрительность в обеспечении своего будущего, нет никаких оснований упрекать его в излишней осторожности или преклонении перед респектабельностью. Книги его свидетельствуют о другом, и один его знакомый сослался на беззаботное существование в «Плоскогорье Тортилла», как на образец жизни, которая ему по душе. Он женат, но детей не имеет.

Первая опубликованная книга Джона Стейнбека «Золотой кубок» (1929 г.) является романтизированной историей, «с некоторыми ссылками на историю», сэра Генри Моргана. Это была четвертая из написанных им книг; что касается первых трех, то, по словам его друга Джо-

зефа Генри Джексона, одна была отвергнута, а две других он никогда и не предлагал, теперь же все они уничтожены. Стилль «Золотого кубка» литературен и самобытен; он выявляет талант к описаниям природы, тенденцию оживления неодушевленных предметов, страсть к описанию жестокостей, юношескую, сентиментальную символику и любованиие красивой фразой, как будто автор относится к стилю, как к золотому кубку.

Все эти элементы сохранились в его произведениях вплоть до «Гроздьев гнева». Начиная со второй опубликованной книги, объектом Стейнбека являются люди и страна, которые он знал.

Его вторая и третья книги «Райские пастбища» (1932 г.) и «К незнакомому богу» (1933 г.) явились сгустками его романтического и «мистического» отношения к земле, которая была и остается его наиболее убедительным персонажем... Это относится в первую очередь к «Райским пастбищам», где дан также ряд эксцентричных типов, «детей»; это – обычный соблазн для молодых писателей, но чаще всего это помогает только вскрыть их незрелость.

В «Плоскогорье Тортилла» (1935 г.) Стейнбек набросал сентиментальную идиллию из жизни «пайзано» из Монтеррея – этой «смеси испанской, индейской, мексиканской и кавказской кровей». Герои книги – Данни и его друзья, группа аморальных детей. Опять дети. Повесть, задуманная как легенда, полна шарма и иронии и не затрудняет мозга. Но «простой» стиль нарочит и изыскан; действительность плоскогорья Тортилла превращается в нечто крайне нереальное.

«Плоскогорье Тортилла» была его первым успехом и не удивительно, ибо она очаровательна...

В 1935 г. и 1936 г. внимание Стейнбека привлекли беженцы, наводнявшие долины Калифорнии. 12 сентября 1936 года он помесил в «Нейшен» статью, являющуюся как бы конспектом «Гроздьев гнева». В том же году он опубликовал книгу «В сомнительной схватке», рассказывающую историю забастовки сборщиков фруктов, которые бежали на восток со своих разоренных земель. Действие разворачивается стремительно, скачками; книга перегружена элементарными поучениями партийного работника Мака о том, как расшевелить массы, порой они граничат с «бурлеском». В одном месте Мак как бы отвечает на протест читателя: «Я не знаю, почему, но всякий раз, как я говорю с вами, я скатываюсь либо к митинговой речи, либо к лекции». Джим отвечает: «Черт с тобой, Мак, я люблю слушать тебя», и поучения продолжают-ся... Но, хотя сюжет «В сомнительной схватке» кажется мелким и от-

дельные персонажи неубедительными, книга все же пропитана духом реальности.

«О мышах и людях» намеренно сделано под драму и только так и может рассматриваться. Кажется, что это шаг назад после «В сомнительной схватке». Стейнбек говорит, что это была попытка написать роман как пьесу. Опыт одержал успех на Бродвее...

Его следующая книга «Длинная долина», сборник новелл, связанных общим стержнем; персонажи его живые люди. Это простая история, рассказанная на этот раз действительно простым языком о мальчике и его мечтах о пони... Эта книга была шагом к зрелости.

«Гроздья гнева» свидетельствуют о дальнейшем росте. Здесь мощная тема великого переселения как бы потрясла «золотой кубок» стейнбековского стиля, хотя еще большие куски его уцелели до сих пор. Фигуры матери и священника остались от раннего Стейнбека. Мать с самого начала, на стр. 100, дана как понятие, как идея, а не как живой персонаж. Таких подмен характеристики много, и это одно из самых слабых мест Стейнбека. Мать часто говорит не своим языком:

«Вот придет тебе время рожать, и ты будешь думать, что весь мир где-то далеко, а ты одна. Тебе будет горько, Роза, и горе твое тоже будет одинокое, и вот эта палатка, Роза, она тоже особняком стоит от всего мира... Наступает такое время... когда смерть одного человека она свяжет с другими смертями, и рождение ребенка свяжет с рождением других ребят. А рождение и смерть – это как половинки одной вещи».

Автор часто отступает в сторону от сюжета, чтобы изложить свои взгляды на людей, машины и жизнь в «музыкальной» форме. Некоторые из этих отступлений опережают фабулу и действительны сами по себе, но другие – чисто риторичны; сам прием литературных вставок является ничем иным как уловкой. Если бы опустить кое-какие из них, а другие влить в само повествование, структура «Гроздьев гнева» стала бы более органичной; сейчас она держится только на теме. Тема эта отражает сосредоточение раннего Стейнбека на проблеме земли и отношении к ней человека, но здесь она выступает как практическая проблема в существовании человека. Под влиянием поражающей действительности юношеский интерес Стейнбека, как человека, перерастает в острую, социальную тему – экспроприация тысяч людей, их наивная и жалкая привязанность к родной земле и их ненависть к каменной стене крупной собственности. Со злобной радостью Стейнбек терзает нервы читателей, упорно повторяет перечисление жестокостей, направленных против этих людей. Его описание местности, опустошен-

ной засухой и пылью, которое открывает книгу, является не только описанием ландшафта, к которому у него есть большой талант; оно трогает и бьет в цель. Употребление им слов из четырех букв, которое в «Мышах и людях» кажется просто одним из элементов его манеры, здесь получило сильное развитие; местами оно кажется лишним и чересчур литературным, но в целом не надоедливо, хотя и вызвало ряд возмущенных упреков.

Плоды натурализма вылились здесь в «Гроздьях гнева» в образе Ноа, этого странного сына Джодов, но здесь он – лишь тень самого себя из прошлых книг и исчезает по первому знаку автора, который прежде тратил на него столько времени. Символизм дает знать о себе в конце, когда дочь Джодов, родивши мертвого ребенка, отдает свое молоко умирающему от голоду бродяге, и еще при протесте бабушки и его смерти, последовавшей после ухода с земли его предков.

Еще неясно, является ли неовладение Стейнбеком характеристикой персонажей плодом его неспособности или просто незрелостью писателя. Образ Джоди в «Красном пони» свидетельствует о его умении создать настоящий образ, когда он создается из личного знания и опыта и когда он не пытается навязать своим персонажам сентиментальных переживаний по отношению к земле или к «смыслу жизни». Его мелкие персонажи часто гораздо реальнее его центральных фигур.

«Гроздья гнева» разошлись в 300 тыс. экз. Это факт очень утешительный, но легко объяснимый. Книга взывает к гражданским чувствам американцев; в ней есть элементы неправдоподобности; история тысяч и тысяч Джодов, кидающихся на запад, драматически напряжена и волнующа. Судьба фермеров-издольщиков так безотраднa, что вызывает слезы на глазах многих дам в мехах, хотя практически для улучшения этой судьбы сделано пока мало.

Популярность книги была совершенно из ряда вон выходящей. Она сжигалась библиотекой в восточном Сан-Луи. Она получила уничтожающую оценку и была подвергнута гонениям со стороны Объединения Фермеров в Калифорнии. Репортер огайской газеты «Виндикэйтер» зашел даже так далеко, что объявил: «Стейнбек портит прекрасную книгу призывом к марксистскому восстанию». Это он выдумал от себя, а не говорит словами Стейнбека. Ибо хотя детали его описания оклахомцев и могли бы навести газетчика на мысль о возможности марксистского разрешения проблемы, особенно если он, следуя моде, стал классово-сознательным, но Стейнбек нигде даже не намекает на такое разрешение. Напротив, его возмущение по адресу трактора, который ломает

отношения между человеком и землей, превращается в достаточно наивный протест против машин. О чем мечтают «Оки» и, есть основания подозревать, мечтает для них и сам Стейнбек? – о маленьком беленьком домике и клочке собственной земли; это гораздо больше напоминает старую формулу о сорока арках и муле, чем «большевицкие» колхозы. За этим последовал еще один проект, положенный им в серии статей о «Безработице, ее причинах и возможных мерах искоренения». Его «возможные меры» совершенно нереальны, но расширение его опыта никогда не повредит ему как писателю. От писателя не требуется формулировки решений; его единственный долг, если он избирает себе социальную тему, это понять ее. Писательский талант Стейнбек в настоящее время гораздо шире его понимания социальных сил и человеческих характеров...»

Публикация выполнена по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1062. Л. 126–132.

Переписка редакции журнала «Интернациональная литература» с Джоном Стейнбеком

1. Дж. Стейнбек – Т.А. Рокотову

February 22, 1939

Dear Mr. Rokotov,

I thank you heartily for your letter of February fourth. Ordinary, I avoid making statements about things cultural. I think I do not understand the term very well, or rather I understand too many aspects of it which seem to cancel out. One could say that, prior to the revolution, the burden of cultural exchange (on this side at least) – was borne by the great Russian novelists almost exclusively. Our understand of Russian life was entirely gained from Dostoevsky, Tolstoy, Chekhov, Gorki. Here, in California, we had the tradition of the Russian fur traders, of the colony at Fort Ross, but this tradition was remote and dim compared with the clear human pictures of the novelists. So far this is simple. But when I attempt to think of a present general cultural exchange I am puzzled. In Russia I know that some American novelists are read, London, Sinclair, Hemingway, Dreiser. But from Russia to America, there is confusion. A great many of our people take every particle of information about the Soviet Union from violent anti-Soviet sources. Hearst newspapers daily print lies, whole lies: such partisan groups

as the Dies committee ascribe every social and economic ill to the work of communists. The so-called “red scare” is used by reactionaries in every labor trouble. Let us see what opposition there is to these violent anti-Soviet forces. Soviet moving pictures? They are greeted with interest but since they are not shown in any large theatres which are controlled by reactionaries, they are not very widely seen. Novels? They are not widely read. Left newspapers? The subscription lists are small. And of course, ninety per cent of straight news from Russia is either cleverly warped or completely fabricated. Consider Last Sunday’s San Francisco Examiner which printed quite coolly that the Red Army was helpless because all of its leaders had been executed. You can see what chance the ordinary man has of knowing anything about the Soviet Union. Probably the whole people reacted more strongly to the successful flight over the Pole, and was more moved by the lost flight than by any other recent things. I do not say that there is a general ignorance of Russia but that correct information is not available to the great mass of our people. Consider the man who works on the little farm where I live. Yesterday he said: “In Russia, they shoot everyone who has any religion”. I asked, “Where did you hear that?” But he had forgotten where he heard it. He only knew it was so. And I was unable to convince him otherwise. He was quite sure I was lying when I said it wasn’t so. It is so hard to describe for a Soviet reader the situation here. Our great industrialists feared more than anything else the success of the Soviet Union, and when now finally they know it is successful, their great fear is that our masses should find it out, and their efforts and their fortunes are devoted toward keeping that fact from our masses. With nearly all of our newspapers, all of our radio stations, and nearly all of our magazines in the hands of such people, it will easily be seen that a free flow of information, cultural or purely factual, is impossible. Our book publishers seem to be alone. They will print nearly anything. A new Tolstoy, a new Chekhov, writing in human terms could accomplish what nothing else has. Our people are fearful and a little contemptuous of ideologies, but they are sympathetic and warm toward people. Thus a novel about border war in the East, or about political sabotage would be greeted here without interest, but a novel or a play about men and a woman primarily would be welcomed and would also perform a great service. We do not know how common Russian people live, how they enjoy themselves, what the obstacles to their happiness are. We know for example something of the wrecking, but no writer has sent us the important thing – how the people felt. Our people love machinery, and iron filings poured in a bearing would hurt them as it must hurt a Soviet man. We need a book dealing with the things your people love and the things they

hate. We must know them as people and not as ideas. And that service could be performed by a Russian writer of humor and understanding.

I've written at great length and probably have said nothing.

Please forgive me for not using the typewriter. I am ill and confined to bed. Of course you may use this if you can read it and if you find it at all interesting. John Steinbeck

2. Т.А. Рокотов – Дж. Стейнбеку

June 7, 1939

Dear Mr. Steinbeck:

Under separate cover we are sending you the special World Fair issue of our English edition devoted to the intellectual life of the USSR.

We would highly appreciate your opinion on it in any form; your criticism will be a real help in further improvement of the magazine.

Your statement appearing in the special issue of our Russian edition which you will get soon, will be published in a forthcoming issue of the English edition as well.

Sincerely yours T. Rokotov, Editor.

3. Т.А. Рокотов – Дж. Стейнбеку

22 февраля 1940

Дорогой мистер Стейнбек,

Вот уже несколько месяцев, как мы с Вами потеряли контакт, но это не значит, что в редакции «ИЛ» перестали вами интересоваться. Даже наоборот – мы все это время работали над вашим романом «Гроздь гнева» и над подготовкой большой статьи о вашем творчестве. В русском издании журнала «ИЛ» ваш роман печатается полностью в январской, февральской и мартовской книге 1940 г.; во французском издании был приведен большой отрывок. В мартовском номере русского издания пойдет статья, о которой я выше писал. Само собой разумеется, что как только эти журналы выйдут из печати, они вам будут высланы: пока же я посылаю вам те номера, в которых печатались те или иные отклики, связанные с романом. Рад сообщить вам, что ваш роман еще до появления его в русском переводе стал известен самому широкому кругу читателей: отрывки из романа печатались в «Правде» и ряде других газет. Весь Советский Союз знает теперь имя передового писателя США. Однако редакция, к сожалению, не знает, что сообщить читателям, интересующимся вашей дальнейшей творческой работой. Очень просил бы вас написать нам об этом.

Если вы не будете на меня в претензии, то я решаюсь просить вас еще об одном. Я надеюсь, для вас не составит труда прислать нам свою автобиографию и желательно 1–2 фото разных лет.

Получаете ли вы регулярно посылаемое вам английское издание «ИЛ»?

Заканчивая это письмо, я хотел бы еще просить вас сообщить мне адрес, по которому я мог бы перевести вам в США часть следующего вам за роман литературного гонорара. Позвольте напомнить вам о том, что между нашими странами нет литературной конвенции, однако писателям, с которыми мы находимся в постоянном контакте, мы часть денег все же имеем возможность пересылать, остальная часть гонорара вносится здесь на ваш текущий счет в советских рублях, и вы можете ими распорядиться в любой момент, как это не раз делал, например, Эптон Синклер.

Рад буду вскоре читать ваш ответ. Дружески приветствую вас.
Т. Рокотов

4. Е.С. Романова – Дж. Стейнбеку

March 16, 1940

Dear Mr. Steinbeck:

Herewith the editors of International Literature are informing you that a remittance for \$70.75 was made to you early in this month. It is a part of the honorarium for *Grapes of Wrath* which we are publishing in full in Nos. 1, 2, 3–4 of our Russian edition.

We would be glad to receive your acknowledgment of its receipt.

Truly yours Helen Romanova, Secretary.

5. Элизабет Отис (секретарь Стейнбека) – Е.С. Романовой

13 мая 1940

Дорогая мисс Романова!

М-р Стейнбек сообщил о вашем письме нам, его представителям, и мы очень рады подтвердить получение от вас 70 дол. 75 ц., которые, как мы понимаем, являются частью гонорара за «Гроздь гнева» в русском издании. Насколько я понимаю из письма м-ра Рокотова, это лишь часть денег, следуемых м-ру Стейнбеку, и что остальное зачислено ему на текущий счет в рублях. Не будете ли вы так добры сообщить мне, какую сумму это составляет? М-р Стейнбек не намерен, разумеется, в ближайшее время побывать в России, но мне хотелось бы располагать этими данными.

Л. И. Казакова (Жданова)

М-р Стейнбек просил меня передать его благодарность за хороший прием «Гроздьев гнева» в России. У него нет определенных планов на будущее, но сейчас он находится по пути в Мексику для работы над одним фильмом.

Искренне ваша Элизабет Отис.

6. Е.С. Романова – Дж. Стейнбеку

May 27, 1940

Dear Mr. Steinbeck:

The editors of *International Literature* are herewith informing you that a remittance for \$56.60 was made to your address this month. It is a payment for *Grapes of Wrath* which has been published in our magazine. We hope that you received the three issues of our Russian edition that contained the novel.

We would be glad to have your acknowledgment of receipt of the money and the magazines.

Truly yours Helen Romanova, Secretary.

7. Т.А. Рокотов – Стейнбеку

May 9, 1941

Дорогой мистер Стейнбек!

Рад сообщить вам, что ваш роман «Гроздьев гнева» пользуется у советского читателя исключительным успехом. У нас уже вышло несколько изданий этого романа. Кроме журнала «И.Л.» он вышел дорогими изданиями в Москве тиражом 25 000 и в Ленинграде тиражом в 25 000 экз., а также дешевым изданием серии «Роман-газета» тиражом 300 000 экз. Отдельным пакетом одновременно с этим письмом я посылаю вам эти оба издания.

Надеюсь, что вы своевременно получили посланные вам номера «ИЛ», где ваш роман был напечатан. Вы бы меня очень обязали, подтвердив получение этого письма и посланных вам книг.

Советские почитатели вашего таланта были бы очень рады узнать, над чем вы сейчас работаете. Я слышал, что вы закончили свой новый сценарий о мексиканских крестьянах. Если бы мы могли получить его, это было бы для нас большой помощью. В свою очередь я всегда рад быть вам взаимно полезным, в частности, если вам будет нужно выяснить состояние вашего текущего счета здесь.

Искренне ваш Т. Рокотов.

8. «Интернациональная литература» – Дж. Стейнбеку

June 1, 1943

Dear Friend!

We have been sending you our new books and periodicals for some time. We have send you a booklet «A Protest against fascist vandalism», which is a collection of speeches made by outstanding Soviet workers in art and literature at the Antifascist meeting against vandalism.

They include the following authors: A. Tolstoy, A. Korneichuk, M. Bazhan, S. Vurgin, composer D. Shostakovich and the actors: I. Moskvina, V. Barsova, A. Yablochkina, N. Cherkassov, I. Alezandrovskaya and I. Sudakov; the sculptress V. Mukhina; the architects: A. Alabyan and V. Vesnin; the cinema producers I. Oyryev and A. Dovzhenko.

The booklet includes also an appeal to art workers in all freedom-loving countries.

9. М.Я. Аплетин – Дж. Стейнбеку

8 июля 1943

Миллионы советских читателей знают и любят Ваши книги и с огромным вниманием следят за вашим творчеством. «Луна зашла» опубликована в отрывках в журнале «Огонек» и полностью в журнале «Знамя». Два экземпляра высланы Вам. Просим присылать нам ваши новые работы, как только они у вас будут.

Сердечный вам привет и горячие пожелания новых творческих успехов в борьбе против гитлеровской тирании и фашистского варварства.

Зам. Председателя Иностранной комиссии ССП СССР Аплетин.

Публикация выполнена по источнику: РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 922. Л. 1–22.

**Переписка Джона Стейнбека с Иностранной комиссией
Союза советских писателей**

1. М.Я. Аплетин – Дж. Стейнбеку

December 17, 1940

Dear Mr. Steinbeck:

It is no bad custom to cast a glance at the past year and summarize all that has been done. That is why I have great pleasure in looking back at

the triumphant march throughout the world of your most remarkable book. Thanks for the pleasure I have had in reading your book. Comparing your book with the Jameson book I have read in one of the magazines I could not make out why her book is given such a stupendous amount of publicity and is so unscrupulously advertised.

Thanks to your book, you have now in the USSR thousands of sincere friends and admirers.

Is there anything better I could wish you for the New Year than to attain as much success in 1941 as you had with your book *The Grapes of Wrath*.

I am mailing you the November issue of *Sovietland*. Let the magazine remind you of the country there good literature is highly appreciated.

With heartiest greetings yours M. Apletin.

2. М.Я. Аpletин – Дж. Стейнбеку

March 12, 1941

Dear Mr. Steinbeck;

I have forwarded to you in three parcels six author's copies of your book *The Grapes of Wrath* published by the State Literary Publishing House, Moscow. Kindly acknowledge receipt of same.

Your splendid book enjoys great success among the Soviet readers.

I am collecting the press reviews on the book and will send them to you.

Permit me also to express my profound thanks for the great enjoyment and benefit I derived from reading your highly talented book.

Millions of readers the world over are thankful to you for this book in defense of man and particularly for the image of the mother depicted by you, great in its simplicity and so touching, permeated with humaneness and profound faith in the potency of mankind. There was a great need of such book in these tragic days in the history of mankind.

With hearty greetings and wishes for new victories on the battlefield of literature.

Sincerely yours M. Apletin
Vice Chairman of the Foreign Commission of the Union of Soviet writers of the USSR.

3. Дж. Стейнбек – М.Я. Аpletину

June 26th, 1941

Dear Mr Apletin:

I have your very welcome letter of March 12. The books you mention came forward in good condition and I am most grateful to you for them.

Now a new work is in progress on still a different track. With a collaborator, I am working up a leisurely journal of travel and research to be called «The Sea of Cortez» in which we concern ourselves with the marine animals of the tropical American Pacific Coast. There are a good many inferences, speculations and hypotheses, some of which I imagine you will find both interesting and amusing.

In this connection we are building up a library of reference, and some of the needed works, strangely enough, were published in Russia in the old days. It occurs to me that you perhaps over there might be able to pick up some of these which are reasonably rare in this country, and send them to me, charging them against my royalty account in Moscow. The list follows, the items shown in the order of their importance. The Grube 1877 Annukata monograph, we are particularly anxious to procure, since it comprises a source book of all the information known on Marine Annelid worms to its date of issue. Anything that can be done in this line will be very much appreciated.

Sincerely, John Steinbeck.

List of publications:

- 1) *Memoires de L'Academie Imperiale des Sciences de St Petersburg*, VIIe Serie. Tome XXV, No. 8, 1978.
- 2) Grube, Ed. "Annulata S mperiana. Beiträge zur Kenntniss der Anneliden Fauna der Philippinen, nach den von herrn, Prof. Semper mitgebrachten Sammlungen". 299 pp., 15 pls. Lu de II janvier 1877.
- 3) Brandt, J.F. 1835. Prodrumus descriptions Animalium ab H.Mertensio in orbis Terrarum circumnavigatione observatorium. Petropoli.
- 4) Middendorff, A. Th. V. 1851. Reise i den äussersten Norden und Osten Sibiriens. St. Petersburg. do Beitrage zu einer Malakozoologie Rossica, vol. 1. 1847, Vol. 2 and 3, 1849.
- 5) Bulletin, Imperial Academy of Sciences, St. Petersburg, vol 4 (1847), vol. 6 (1846) for articles be Middendorff.

Публикация выполнена по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 85.

Патриотическое выступление Джона Стейнбека
(Из реферативных материалов
Иностранной комиссии Союза советских писателей)

29 ноября 1940

В «Нью мэссес» от 24 сентября 1940 г. помещена редакционная заметка, в которой редакция рассказывает о попытках американской прессы мобилизовать общественное мнение Америки на поддержку закона об обязательной воинской повинности и вступления в войну. В частности, ею усиленно распространяются статьи известных американских писателей на тему «Наша страна» с явно шовинистическим уклоном.

Редакция пишет: «Совсем неудивительно видеть, как писатели вроде Мэри Роберт Райнхарт и Филипа Уайли с восторгом подписываются под этим начинанием. Гораздо более потрясает, когда читаешь, как Джон Стейнбек высказывает мысль, что «почти все американцы верят в одно и то же. Они расходятся в мелочах. Я считаю, что они вполне могли оставить на время все эти детали во имя сохранения нации». Неужели Джоуды – это лишь мелочь американской жизни? Выиграют ли они от войны, которую Стейнбек, как и другие авторы данной серии, приветствует столь радушно? Когда писатель вроде Стейнбека падает жертвой «антифашисткой» демагогии нашей профашистской прессы, тогда «Ассошиэтед фармерс» и другие враги Джоудов торжествуют...»

Референт по США Ел. Романова.

Публикация выполнена по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1102. Л. 175.

Джон Стейнбек требует открытия второго фронта
(Из реферативных материалов
Иностранной комиссии Союза советских писателей)

11 ноября 1942

«Дейли Уоркер» (21.05.42 г.) сообщает, что Джон Стейнбек и все участники постановки его антинацистской пьесы «Луна заходит» обратились к президенту Рузвельту с телеграммой, требующей открытия второго фронта против Гитлера.

«Мы, участники постановки «Луна заходит» – автор, режиссер, актеры, рабочие сцены и администрация – хотим выразить вам нашу полную поддержку вашей наступательной антинацистской политике.

Наша пьеса рассказывает об эпической борьбе народов девятнадцати оккупированных стран Европы. Хотя они и временно покорены нацистами, они находят тысячи способов для беспрестанной каждодневной борьбы с гитлеризмом.

Мужественная Красная Армия свыше года выносила и все еще выносит основной удар нацистской военной машины. Теперь, когда главная гитлеровская армия находится на русском фронте, а Европа только ожидает момента чтобы восстать, мы обращаемся к вам, нашему главнокомандующему, с просьбой открыть западный фронт теперь же и обеспечить победу Объединенных наций в 1942 году. Телеграмма подписана Джоном Стейнбеком, Отто Кругером, Ралфом Морганом и двенадцатью другими участниками постановки.

Аналогичная телеграмма была послана Союзом музыкантов.

Публикация выполнена по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1070. Л. 92.

Полемика в американской прессе по поводу произведения Джона Стейнбека «Луна заходит»

**(Из реферативных материалов
Иностранной комиссии Союза советских писателей)**

21 ноября 1942

Последнее произведение Джона Стейнбека «Луна заходит» (роман и пьеса, вскоре на экране появится и кинофильм того же названия), вызвало оживленную дискуссию на страницах американской прессы. Ряд читателей прислали письма в редакции журналов и газет в связи с этим произведением.

Дж. Стейнбека обвиняют в том, что он напрасно изобразил немцев объективно, «сохранив человеческие черты», нарисовал их в слишком мягких тонах. Поэтому «Луна заходит» демобилизует американских читателей и зрителей. Кроме того, если судить по этой книге, слишком легкой представляется борьба с немцами в оккупированных странах.

Ряд журналов выступили в защиту Стейнбека. Люис Гэннет в «Хералд трибюн» (8.05.42) пишет в статье «Крестовый поход против книги Стейнбека», по поводу статьи Джемса Тербера, опубликованной

в «Нью Рипаблик»: «Редактор «Нью Рипаблик» Брус Бливен считает «совершенно несправедливым» обвинение в «тоталитарном крестовом походе», обвинение, которое «Хералд трибюн» предъявил к «Нью Рипаблик» в связи с нападками этого журнала на книгу «Луна заходит». «Нью Рипаблик», по словам Бруса Бливена, считает, что каждый вправе иметь свое суждение, и журнал печатает все получаемые им письма о Стейнбеке, независимо от позиции их авторов. Однако, – добавляет Гэннет, – «Нью Рипаблик» в редакционной статье пишет, будто Стейнбек утверждает, что могучая духовная сила, заключающаяся в демократии, на деле превосходит эффективность пулеметов. Это столь же извращенное истолкование книг Стейнбека, как и совершенно дикое утверждение Тербера (автора специальной статьи о Стейнбеке в «Нью Рипаблик»), будто, если американцы поверят книге Стейнбека, это приведет к тому, что они проиграют войну.

«Мне представляется, – пишет Гэннет, – что лица, критикующие Стейнбека, главным образом руководствуются следующим соображением: они считают, что Стейнбек не должен писать о немцах, приемлемых или приятных в каком-либо отношении, и тем более даже намекать, что невооруженное сопротивление гражданского населения может сыграть значительную роль в ходе войны. По их мнению, Стейнбек обязан ненавидеть немцев, всех без различия. Я всегда с удовольствием читал статьи Тербера и смеялся над его карикатурами; я знаю, что он один из самых культурных людей Америки. Однако, я нахожу, что, реагируя таким образом на повествование Стейнбека, он проявил истерию военного времени.

Я не считаю книгу «Луна заходит» лучшим произведением Стейнбека. Цивилизованные писатели Америки настолько ослеплены ненавистью, что они обвиняют эту книгу в том, что она якобы служит целям фашистской пропаганды. Это казалось и кажется мне удручающим примером того, как здоровая ненависть к нацизму может привести хороших людей к тому, что и они начнут, сами того не сознавая, мыслить по образу тоталитарного мышления».

«Хералд трибюн», 8.05.1942

* * *

По-видимому, с тех же позиций, что и «Нью Рипаблик», нападает на Стейнбека и критик Клифтон Фадиман. Другой критик Джон Чемберлен («Нью-Йорк Таймс – 9.05.42) возражает ему. Чемберлен приводит следующую цитату из предисловия Фадимана к недавно вышедшему в США новому изданию «Войны и мира».

«Он говорил, – пишет Фадиман о Толстом, – что человеческая природа – нечто постоянное, и она выступит наружу, несмотря на всю деформацию, муштру, обесчеловечение и т.д., которому она может подвергнуться». Но именно это и пытается сказать Стейнбек в «Луна заходит» (разумеется, творчество его стоит на ином уровне). Немцы, которых изображает Стейнбек, иногда сомневаются в мудрости фюрера, иные из них скучают по дому, у других кровопролитие в конце концов вызывает отвращение, третьим все надоело. Они человечны, слишком человечны для осуществления людоедских планов фюрера. Битва за Норвегию, – мы скажем словами, какими Фадиман описывает толстовскую концепцию битвы за Россию в 1812 году, – «сочетание столь многочисленных и самым сложным образом связанных между собой случайностей, что ни один ум, ни несколько умов не могут их предвидеть».

В конечном итоге норвежцы выиграют войну просто потому, что немцам не удастся их организовать.

Фадиман дает понять, что условия пропаганды в 1942 г. требуют никак не объективного изображения немцев, иначе у американцев пропадет желание сражаться с ними. «Немцев надо изображать, как людей, которые ничем не могут искупить свои грехи, иначе мы можем утратить волю бороться с ними».

Но именно это (давать необъективное изображение врага) мы не должны делать, – говорит Чемберлен. – Если мы не в состоянии держаться великих толстовских констант, мы падем до уровня доктора Геббельса, а так как Геббельс использует оружие Макиавелли несравненно более умело, чем мы когда-либо сумеем его использовать, он, разумеется, одержит над нами верх. «Слова – это оружие» – говорим мы. Да, это оружие. Но если мы будем все время твердить это себе, мы позабудем более раннюю и гораздо более важную мысль, что слова должны означать правду, а правда сама по себе – есть наилучшее оружие. Лозунг «Слова – это оружие», по своей сущности, нацистский лозунг, так как он пытается извратить честность слов, которые, как предполагается, должны означать именно то, что мы в них вкладываем, а не что-либо иное. Писатели прежде всего должны заботиться о правде, которая стоит за словами. Иначе они превращаются в цирковых клоунов.

Мы можем разгромить Геббельса посредством правды. Неверно, что ложь, если ее повторять достаточно часто, может стать сильнее правды. Разве Гитлеру удалось убедить Норвегию своей ложью? Или Польшу? Или Францию? Да и убедил ли он самих немцев? Я считаю,

что не убедил даже собственных своих подручных по нацистской партии. Из всего слышанного я заключаю, что многие нацисты весьма цинично относятся ко всей нацистской программе. Они сражаются потому, что надеются таким путем достичь власти и высоких постов, а не потому, что верят гитлеровским басням. Сила нацистов – в их военной мощи, в их танках и самолетах и в их центральной позиции в Европе. Геббельс, как положительный фактор, исчерпал себя. Пропаганда уже не имеет значения в этой войне.

В дальнейшем только правда может иметь значение, а эта правда так проста, что она не нуждается в «Бюро словесной войны», дабы получить распространение. Вот она, великая и простая правда, – всем нам надоело, что Гитлер превращает наше существование в бойню. Нам надоело, что мы не можем думать о том, по какому плану разбить наш сад в будущем году, ни какое платье сшить, ни как развлекаться, или учиться, или путешествовать в будущем году. Мы хотим снова иметь возможность заниматься своими обыкновенными человеческими делами и чтобы до нас не доносился голос маньяка, похожий на крик совы. Мы хотим того, что хотела Европа в 1815 году, хотим периода без государственных переворотов, путчей и блитцей. И мы знаем, что у нас не может наступить такая эпоха, пока мы не выиграем войны.

Никого не приходится обманывать относительно целей этой войны. Каковы бы ни были в прошлом возможности ее ограничить, теперь ее нельзя закончить иначе, как поставив в Германии правительство, которое на протяжении жизни одного поколения будет вести себя принципиально и без возможных сюрпризов (это же относится и к Японии). Все это знают, однако большинство все же думает, что для оправдания этой войны они должны открыть нам нечто гораздо более таинственное.

Какое-нибудь ответственное лицо должно было бы иметь смелость сказать то, что самоочевидно: мы боремся за мир, в котором будем иметь возможность в мирной обстановке под защитой законов разрешать наши личные и общечеловеческие проблемы.

Итак, я хотел бы поставить под вопрос пользу лозунга «Слова – это оружие». Я хотел бы заменить его более старым лозунгом: «Правда делает вас свободными».

* * *

«Луна заходит» Джона Стейнбека вызвала, как сообщает Брукс Аткинсон («Нью-Йорк Тамс 10.05.42 г.), недовольство ряда читателей, считающих, что Стейнбек так изображает Норвегию под гитлеровским сапогом, что сопротивление фашистам представляется слишком легким и это ослабит подготовку американского военного наступления. Один из зрителей пьесы «Луна заходит» считает, что пьеса эта «убаюкивает зрителей. Она внушает им, что можно оставаться свободными, ничего для этого не делая».

В «Нью Рипаблик» (4.05.42) француз, проведший год в оккупированной Франции пишет, что «роман Стейнбека – это пощечина всем народам, страдающим под игом Гитлера».

Однако, есть и противоположная оценка среди читателей нашлись люди, пораженные необычайным прозрением Стейнбека, который, не быв сам в Норвегии, сумел превосходно передать и проанализировать самый дух невооруженного сопротивления нацистам в Норвегии. Брус Аткинсон опровергает все предъявляемые Стейнбеку обвинения в демобилизующем влиянии его произведения.

* * *

Некий бельгиец, сотрудник бельгийского посольства в США выступил в выходящем в Нью-Йорке журнале «Свободная Бельгия» с письмом о «Луна заходит». Бельгиец возмущен тем, что Стейнбек в этом произведении упоминает о старушке-бельгийке, которая в войну 1914–1918 гг. отравила на тот свет при помощи булавки для шляп несколько немецких солдат. Столь некультурный способ убийства не может быть употреблен цивилизованными бельгийцами. Только нацисты способны на убийство такого рода. «Нью-Йорк Таймс Бук Ревью», защищая Стейнбека, говорит, что рассказ о старушке-бельгийке писатель вложил в уста одного из своих действующих лиц – немецкого полковника, а потому этот рассказ о бельгийке можно рассматривать как клевету немцев на бельгийский народ.

Публикация выполнена по источнику: РГАЛИ. Ф. 631 Оп. 14. Ед. хр. 1070. Л. 103–109.

**Дискуссионные статьи в американской прессе о романе
Дж. Стейнбека «Луна заходит»
(«Геральд Трибюн», «Нью Рипаблик», «Нью-Йорк Таймс» и др.)**

**(Из реферативных материалов
Иностранной комиссии Союза советских писателей)**

28 ноября 1942

Статья Перл Бак о «Луна заходит»

«Мне трудно думать о новой книге Дж. Стейнбека «Луна заходит», как о романе просто потому, что в ней так ясно выступает структура пьесы (Перл Бак считает, что все произведения Стейнбека ближе к театру).

Стейнбек видит жизнь скорее, чем картину, чем как процесс. Он скорее художник, чем композитор.

Каждую фразу в этой конденсированной и сжатой книжечке стоит прочитать ради нее самой. Можно было бы, может быть, добавить еще много фраз, но ни одной нельзя убрать. Эти совершенные предложения из слов, до краев наполненных содержанием, представляют собой скорее ситуацию, чем процесс. Все вместе взятое – описание того, что случается, когда нацисты захватывают обыкновенный маленький город, каких много везде.

Однако, все свое несравненное искусство Стейнбек употребляет не столько для изображения побежденных, сколько для изображения победителей, и в этом его заслуга. Все мы хорошо знаем побежденных. Многие писатели рассказывали нам о них; больше того, мы их знаем, потому что они похожи на многих из нас. Нам легче вообразить себя ими, чем вообразить себя нацистами. Поэтому победители – новый для нас материал. Нам уже рассказывали, каковы они извне, но нам не показывали их изнутри. Мы знаем, что они делают, но не знаем, почему они это делают и что они при этом чувствуют. Что чувствуют люди, когда они покоряют горсточку ни в чем не повинных крестьян во имя победоносного, но далекого фюрера? Несколькими жесткими четкими ударами кисти, Стейнбек придает этим фигурам человеческое содержание. Даже самый милитаристически мыслящий человек показан им как, в сущности, маленький человек, он жалок вследствие своей примитивности. Однако, писателю удается избежать сентиментальности, показав со всей суровостью, что сама эта простота опасна, потому что она закончена и слепа.

В этой пьесе о человеческих существах столкновение происходит не между победителями и побежденными, а между различными типами людей, входящих в состав оккупационных войск. Некоторые из этих людей вызывают презрение, другие – достойны уважения. Единственный поистине отвратительный тип – это Корелл, местный квислинг, но и победители ненавидят его не меньше, чем крестьяне, – они презирают орудие, которое они вынуждены использовать.

Причина развала, конечного распада не в тайно и беспрестанно сопротивляющихся жителях деревни, она – в самих победителях, которые, в конечном итоге, оказались недостаточно безжалостными для дела, предпринятого ими по приказу их фюрера. Эти нацисты, как ни стремятся быть лояльными, не могут все же выкорчевать из себя все человеческие черты, хотя черты эти отнюдь не обязательно человеческие. Короче говоря, даже нацисты – люди, какими они и родились. В этом их слабость.

(Далее Перл Бак восторженно отзывається о сценическом мастерстве Стейнбека).

Письмо Эптона Синклера в «Нью-Рипаблик»

«Сэр, Вы, несомненно, получили многочисленные отклики на статью Тербера о «Луна заходит». Мне потребовалось полтора часа, чтобы прочитать этот небольшой роман. А когда я его окончил, моя непосредственная реакция вылилась в десять слов телеграммы, которую я тут же послал издательству: «Слава, аллилуйя!» Что за книга! Зарежем барана в честь Стейнбека!»

Рецензия мистера Тербера заставила меня подумать о том, почему я так отреагировал, и попытаться найти точку соприкосновения двух столь различных мнений. Я согласен, что повесть сильно отличается от «Гроздьев гнева», единственной книги Стейнбека, которую я читал. Я также согласен, что она обладает нереальностью сновидения. Но почему бы Стейнбеку не испробовать новый стиль вместо того, чтобы повторять себя, подобно многим другим писателям? И почему бы ему не видеть снов?

Он не хотел написать реалистическую повесть о Норвегии. Возможно, что он никогда не был в Норвегии и недостаточно ее знает. Как бы то ни было, он не захотел назвать ни Норвегию, ни нацистов, ни Гитлера. Он попытался описать людей вообще. Он хотел показать моральное и духовное действие порабощения на народ, который всегда

был свободным. Он хотел придать своей повести более общий характер, дабы она соответствовала действительности что бы ни произошло. Вот почему в конце книги мэри этой норвежской – в какой-то мере – деревни несколько напоминает греческого философа, казненного за свои убеждения. И сам я, много думавший о том, что бы я сделал, попади в руки фашистов, безо всякого труда отождествил себя с этим – в какой-то мере норвежским – мэром.

По-видимому, мистер Тербер не так-то легко сдаст свою позицию. Я позволю себе предложить ему написать повесть о том, что он будет делать, если он попадет нацистам!»

«Нью Рипаблик», 6.04.1942.

Письмо Л. Фейхтвангера в редакцию «Нью Массес» о «Луна заходит» Дж. Стейнбека

«Я считаю, что большая несправедливость допускается по отношению к очень многим книгам только потому, что ни читатель, ни рецензент не интересуются подлинными намерениями автора. Так, если писатель хочет описать бифштекс, бесполезно упрекать его в том, что он не описывает пирожное.

В «Луна заходит» Стейнбек сознательно стремится достичь простоты и общечеловеческих чувств, составляющих лейтмотив его небольшой книги. Со стороны технического мастерства это произведение напоминает мне приемы некоторых современных американских художников, например, Гранта Уда. Нам, европейцам, это техническое мастерство Стейнбека и Гранта Уда – ширина, ясность, простота, прямолинейность – представляются в новом и хорошем смысле американскими.

Я считаю большим достоинство книги, что она не натуралистична. Писатель избежал индивидуальных деталей и тем реалистичнее получился общий эффект, подобно тому, как еще более четко вырисовываются очертания гор, если отойти от них на некоторое расстояние.

Совершенно ясно, что Стейнбек хочет изобразить все усиливающуюся ненависть угнетенных и все возрастающий страх угнетателей. Мне кажется, что для этой цели его упрощающая техника подходит более какой-либо другой. Стейнбеку удалось показать тот страх, который физически ощущают захватчики, страх обволакивающий их, между тем как они уподобляются мухам, прилипшим к липкой бумаге. Стейнбеку удалось сделать этот неуловимый страх, таящийся где-то в глубине, столь ощутимым, что читатель словно может его коснуться, дотронуть-

ся до него. В результате получается впечатление подобное тому, какое вызывают рисунки Гойи.

В этом, считаю я, заключается величайшее агитационное значение книги. Мне кажется, что диктовать Стейнбеку-творцу, что он должен был изобразить нацистов в виде каких-то зверей, это значит безо всякого права вмешиваться в его творческий процесс. Он изобразил звериную природу нацизма. Это представляется мне с технической стороны гораздо более трудным, а с художественной – более ценным. А кроме того и более действенным как пропаганда. При ином отношении к теме стиль произведения был бы испорчен.

Изобрази Стейнбек, как требуют его критики, зверинец с дикими зверями, он, быть может, и достиг бы на время эффекта, но книга его была бы всего лишь одной из уже существующих тысячи одной книги. Теперь же его книга показывает всю силу нацистского зверства и дает яркое представление об опасности, заключенной в нацизме.

«Луна заходит» вызывает у читателя ненависть, а не отвращение.

В то же время это произведение лучше какой-либо из имеющихся книг изображает физический страх, постоянно преследующий нацистов. Оно внушает читателю глубокую веру, что эти существа, одержимые страхом, скоро уже не сумеют противостоять давлению тех, кто их окружает».

«Нью Массес». 19.05.1942.

Статья Рут Маккени

Рут Маккени в статье в «Дейли Уоркер» выражает точку зрения Майка Голда, Бруса Минтона и свою на «Луна заходит» (в противоположность почти безоговорочным похвалам в статье Ралфа Уоркера и Сэмюэля Силена в «Нью-Массес» и «Дейли Уоркер»).

«Выступление Стейнбека в театре против нацистов было большим разочарованием для меня. Я считала «Гроздь гнева» одним из великих американских романов и, прочитав первую рецензию на книгу Стейнбека, немедленно бросилась купить ее.

Увы, «Луна заходит», на мой взгляд, является воплощением именно того, чем не должна быть антинацистская книга. Во-первых, действие происходит в безвоздушном пространстве. По-видимому, Стейнбек хотел дать аллегория, и поэтому он преспокойно удалил из своей мифической деревни все признаки реальной жизни. В действительности, предатели из пятой колонны, будь то в Норвегии, Белграде, Париже

или Бельгии, неизменно – представители крупного капитала, предпочитающие Гитлера – демократии, профсоюзам и т.д. В книге Стейнбека – предатель совершенно не объяснен. Что заставило его предать своих друзей? Никто ничего не говорит об этом, никто ничего не знает. Предатель такой же мистик, как и все другие персонажи, и безо всякого логического основания делает свое черное дело.

Во-вторых, взгляните на тех, кто восстает против Гитлера. Первый из них – шахтер. Это хорошо. Но Стейнбек заставляет его пожертвовать своей жизнью бессмысленно, назло. Нацист толкает шахтера – в ответ тот швыряет кирку в гитлеровского офицера, который оказался поблизости. В действительной жизни мужественные люди жертвовали своей жизнью в борьбе с нацистскими захватчиками. Но те, кого казнили в Париже и в Норвегии, дороже продали свою жизнь, чем глупый герой Стейнбека. В жизни гестапо преследовало людей, которые терпеливо и смело создавали эффективную организацию против Гитлера.

Такой же совершенной чепухой представляется мне последняя часть «Луна заходит». Мэр идет на смерть, цитируя Сократа. Сократ – это, разумеется, хорошо, но нынешняя война ведется за конкретные, современные и чрезвычайно простые идеи.

Стейнбек выхолащивает свою маленькую аллегорию. Он удаляет из нее все признаки подлинной правды, чтобы достичь некоего мистического общения с благородным прошлым. Не могу поверить, что норвежский народ идет в бой, цитируя Платона, или, что норвежцев занимают общие фразы о благородстве человека.

Наконец, я совершенно согласна с вашим (М. Голда) замечанием о нацистах Стейнбека. Писатель, разумеется, вправе сделать свою повесть правдоподобной, указав, что нацисты – люди, что они живут и дышат, как все другие люди. Но в «Луна заходит» Стейнбек изображает большую часть своих нацистских офицеров нервными созданиями, на психику которых угнетающе действует настроение народа, ими покоренного. Можно желать, что бы это было так. Но мы знаем, что в действительности это не так. Свидетельства, получаемые из СССР, говорят о том, что у убежденных гитлеровских офицеров нервы сдают лишь тогда, когда эти офицеры оказываются в очень тяжелом положении.

Меня удивило, что Перл Бак в статье в «Нью Массес» так превозносит Стейнбека. Я считаю, что сама она написала настоящий антифашистский роман. Последний ее роман («Семья Дракона») – превосходный пример того, что может сделать писатель с увлекательным материалом истории нашего времени. В ее книге китайские крестьяне

действуют так, как это бывает на самом деле. У ее предателей – простые понятные причины предавать, а ее герои и героини черпают в явлениях подлинной жизни силу и мужество восстать. Книга Перл Бак – рассказ, полный жизненной правды. Он глубоко волнует, и его нельзя забыть.

Я хочу противопоставить книге Стейнбека другую книгу. Я хотела бы, чтобы каждый американец прочитал книгу Роберта Сент Джона «Страна безмолвных людей». Вот где, в противовес бледной и выхолощенной аллегории Стейнбека, настоящее повествование о настоящих нацистах во время военной кампании на Балканах! Тот, кто прочитал эту книгу, никогда ее не забудет. Эта страшная книга приводит нас в ужас и пугает, – и все же это правда. Отчего писатели должны бояться правды? И почему Стейнбеку надо было выдумывать множество симпатичных нацистов, размышляющих о своей бессмертной душе?

«Страна безмолвных людей» рассказывает о подлинных фактах. Вот как ведут себя нацисты. Вот как им отвечают простые люди. Вот как в действительности предают изменники. Вот подлинная война, которую мы ведем. Стейнбек пишет какую-то чепуху о парашютах, плитках шоколада и динамите. Роберт Сент Джон описывает, как фашистские пикирующие бомбардировщики при помощи сверхмощных бомб уничтожили за час 20.000 человек, тогда как население Югославии идет в бой на возах, в которые впряжены быки.

Гитлеровцы Стейнбека проходят через мучительные переживания прежде, чем решиться расстрелять группу деревенских жителей. Настоящие же гитлеровцы Роберта Сент Джона не задумываясь приняли решение заживо сжечь несколько сот австрийцев и при этом обошлись без всяких гамлетовских сомнений».

«Дейли Уоркер». 9.04.1942.

(Рут Маккенни оговаривается, что написала это письмо в пылу полемики. Теперь же она целиком присоединяется к оценке Луиса Буденца, к которой ее статья «служит лишь добавлением».)

Статья Луиса Буденца в «Дейли Уоркер» о «Луна заходит»

Статья эта как бы подводит итоги дискуссии и выражает объективную точку зрения на книгу Стейнбека.

«Тема, избранная Стейнбеком, – благородная и своевременная тема – восстание свободных народов против захватчиков их родины. Из его книги со всей силой явствует, что эти народы не удастся поработить,

к каким бы угрозам и обманам не прибегали оккупанты. На фоне стойкого сопротивления народа изображен презренный персонаж, местный квислинг – Корелл. Меня несколько удивляет, что другие рецензенты не обратили большего внимания на этот положительный момент. Самое сильное из всех чувств, какие вызывают у нас персонажи или отдельные моменты книги Стейнбека – это презрение к этому квислингу.

Стейнбек также не совсем забыл, что рабочие, как сказал генерал Мак Артур, являются основой сопротивления агрессорам. Вокруг фигуры шахтера Алекса и объединяются первоначально все народные силы, борющиеся против захватчиков; вдова шахтера продолжает борьбу.

За исключением этих двух моментов, Стейнбек совершенно не оправдывает ожиданий.

Когда надо пояснить, почему народ восстает, писатель проявляет большую вялость. Такие восстания никак не вызываются туманным и почти мистическим тяготением к «свободе», а именно им и проникнута вся книга.

Народное восстание возникает в результате особого характера этой войны – в результате унижения национальной культуры, разгрома профсоюзов, потери самых примитивных свобод, а также того факта, что будущий прогресс всех народов мира находится под угрозой. «Луна заходит» совершенно замалчивает такие основные проблемы, и автор допускает ошибку, изображая захватчиков в совершенно нереальном свете.

...Изображать немецкого офицера, как погруженного в самозерцание расслабленное существо, а именно это и делает Стейнбек, – значит просто давать картину, не соответствующую действительности.

(Далее Буденц характеризует основные черты немецкого офицерства – бандитизм, жестокость гитлеровской граб-армии).

Стремясь к реализму и придавая некоторые «человеческие» чувства своим немецким офицерам, чтобы сделать их живыми фигурами, Стейнбек погрешил против реализма.

Но даже здесь автор, пусть мельком, показал нам, как человек, сомневающийся в нацизме или неохотно к нему примыкающий, прикован к смертоносной нацистской машине и вынужден следовать ее территориальной тактике.

В изображении майора Ордэна, главного действующего лица, нет таких недостатков. Его человеческие слабости, его сомнения в том, на-

чинать ли борьбу против захватчиков, может быть, и раздражают тех, кому хотелось бы, чтобы их герои были сделаны из более твердого материала.

Однако, борьба за национальную независимость, по самой своей природе, а также потому, что в ней участвуют весьма многие различные группы населения, дает много таких «вождей», которых народу приходится толкать и торопить, чтобы заставить их начать борьбу.

Самая форма «Луна заходит» сильно ограничивает возможности исчерпывающе осветить замечательную тему произведения. Стейнбек писал скорее для сцены, чем для чтения. Этим объясняется известная поверхностность в обрисовке эпизодов и всего развития романа. Это же мешает отобразить и те мысли и действия, какие сейчас находят свое мощное воплощение в действительности.

Борьбу ведет народ – большая заслуга писателя, что он понимает это. Но народ чрезмерно отодвинут на задний план, и бесстрашие, организованность и сила его массового сопротивления не показаны Стейнбеком в полной мере. Не звучит со страниц его книги и динамическая надежда, которую Советский Союз приносит всем этим борющимся с фашистами народам.

«Луна заходит» не заслуживает ни панегириков, подобных тем, что исходят от Люиса Ганнета в «Нью-Йорк Хералд Трибюн», ни легкомысленной и резкой критики, которую это произведение вызывало у «Нью Рипаблик». Стейнбек первый поднял целину творческой художественной литературы о войне, и одно это объясняет многие недостатки книги. В нашей стране имеется много людей, еще зараженных ядом пропаганды замирения, ядом пацифистских иллюзий. Как книга, так и сценическое ее воплощение, будут полезны для этих людей. «Луна заходит» покажет им, что уничтожить рабский строй стран оси мы можем лишь, если станем бороться, напрягая все наши ресурсы. «Луна заходит» поможет им осознать, что Англия и Америка должны всемерно спешить на помощь оккупированным странам.

Книга эта и одноименная пьеса – обе, вышедшие из-под пера Стейнбека, обладающего вполне заслуженным престижем среди читателей, убедят многих таких людей, которых другим путем нельзя было бы убедить.

Самые недостатки «Луна заходят» как бы являются выводом нашим прогрессивным писателям – написать лучшие произведения о войне, о титанической борьбе и гигантском поле боя, на котором развертывались события.

Мы, разумеется, в первую очередь включаем в группу этих писателей Джона Стейнбека, который первый взялся за такую работу и чье мастерство, проявленное в «Гроздьях гнева», дает все основания предполагать, что он может написать военный роман, стоящий на еще более высоком художественном уровне».

«Сэндэй Уоркер». 5.04.1942.

Публикация выполнена по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1070. Л. 119–131.

Статья Дороти Томпсон о книге Стейнбека «Луна заходит»
(Из реферативных материалов
Иностранной комиссии Союза советских писателей)

10 февраля 1943

Приведенная ниже статья известной американской журналистки Дороти Томпсон о романе Стейнбека «Луна зашла» (Нью-Йорк пост) 15.05.42 г.) обошла всю американскую прессу.

* * *

О книге и пьесе Стейнбека «Луна зашла» идет яростный спор как между критиками, так и между обыкновенными читателями и зрителями. Весь спор идет об одном: есть ли эта книга хорошая военная пропаганда или нет.

Иные находят, что это «ужасная» книга. На днях, будучи в гостях, слыхала, как одна молодая женщина говорила, что книгу Стейнбека следует запретить, так как в ней немцы изображены «такими симпатичными», и что во всяком случае произведение Стейнбека – «сентиментальная чепуха». «Нью Рипаблик» заняла аналогичную позицию. А сторонники книги и пьесы Стейнбека столь же энергично защищают его. Они уверяют, что это «великое», «гениальное» произведение.

Я не считаю книгу Стейнбека «великим» произведением. Это не «Война и мир» и не «Ярмарка тщеславия» или «Повесть о двух городах». Это простая книга о нашествии и оккупации и о том, как ведут себя оккупанты и население оккупированной страны. Я полагаю, что это превосходный образчик пропаганды в лучшем смысле этого слова, которым столь часто злоупотребляют.

Будь я во главе управления политической пропаганды против нацистов, я велела бы перевести эту книгу и, в виде крошечной брошюрки, сбрасывать ее с самолетов на территорию всех оккупированных стран.

Я считаю книгу Стейнбека вполне убедительной, потому что полагаю, что она правдива. Я думаю, что именно так ведут себя захватчики и те, чью землю они захватили. И я считаю эту книгу чрезвычайно волнующей, потому что в ней нет преувеличений и ей присуща отвлеченная объективность, словно автор, оставив в стороне всякие личные свои чувства и симпатии, просто рассказывает о том, что произошло.

Противники произведения Стейнбека оскорблены тем, что немецкий командир в «Луна зашла» симпатичная фигура. Стейнбек изобразил его как человека высоко цивилизованного. То, что он делает, ему не нравится, чувства его протестуют, а ум не верит. И все же он с максимальной эффективностью делает все то, что ему приказано. Он безжалостен, потому что он солдат и повинуетя полученным им приказаниям. Он любознателен, скептически настроен и необычайно проницателен. У него более ясный и полный взгляд на происходящее, чем у всех других действующих лиц.

Однако, у нас считается, что нацисты не могут быть такими людьми, как полковник Лансер, хотя нет никаких указаний, что полковник Лансер – нацист. Он – немецкий офицер. Но, быть может, теперь считается, что и немецкие офицеры, да и вообще немцы не могут быть такими, как он. Все же такие люди в Германии есть. Я знаю десятки немецких офицеров, людей, обладающих вполне зрелым умом, в те времена, когда я имела удовольствие находиться в дружеских отношениях с ними, и они были точь-в-точь такие.

Но, на мой взгляд, драма Стейнбека чрезвычайно сильна именно тем, что она не нападает на нацистов. Она является нападением на нацизм.

В глубоко человеческой трагедии Стейнбека жертвами нацизма являются все, и побежденные, и победители. Потому что нацизм туп, жесток и фальшив. Это философия, зиждущаяся на человеческой низости, садизме, эгоизме и духе соперничества в самом тупом и грубом его виде.

Это философия презрения к людям, которые в ее истолковании либо хозяева, с наслаждением господствующие над пресмыкающимися перед ними подданными, либо подчиненные, которых можно купить или силой принудить повиноваться.

И Стейнбек с большой простотой говорит: люди не такие. Пусть люди и не очень хорошие, но они могут быть хорошими, и им приятнее всего чувствовать, что их поведение достойное. Они не очень мужественные и не очень сильные, но они любят мужество и силу. Им не нравится быть покоренными, и (если только это не примитивные племена дикарей) их чрезвычайно трудно покорить и держать в состоянии покорности.

И вот оказывается, что история подкрепляет точку зрения Стейнбека. Польша – страна, которая была так всецело покорена, как никакая другая страна; свыше 150 лет находилась она не под властью своих завоевателей. Все, что нацисты творят теперь в Польше, все это уже творили в ней ее прежние хозяева. Ее государственные институты были уничтожены, ее вожди, ее самые выдающиеся люди были изгнаны. И все же, как только мелькнула наималейшая возможность получить свободу, весь народ восстал.

Обвинителей Стейнбека, по-видимому, раздражает его абсолютная вера в то, что мы выиграем войну, потому что мы на стороне всего человечества. Они опасаются, что, признав принадлежность немцев к человеческому роду, мы тем самым ослабим борьбу за наше дело.

Они опасаются, что те, кто прочитает эту книгу или увидит эту пьесу, сделают вывод, что нам лишь остается предоставить событиям развиваться своим естественным путем. Однако война есть также результат естественного хода событий. Природа человека неизбежно должна была возмутиться против нацизма и нацистского завоевания.

Стейнбек нигде не говорит, что войну может выиграть лишь одна человеческая природа. Но он дает понять, что принимая во внимание природу человека, какая она в действительности есть, человеческая ярость и изобретательность создадут оружие, которым можно будет вести эту войну – мелкое оружие для маленьких людей в маленьких странах и крупное оружие для более сильных людей в больших странах. Но все эти виды оружия служат лишь средством вооружить восставшую против нацизма человеческую душу. И Стейнбек полагает, что такой бунт человеческой души приведет к поражению нацизма и что даже есть такие нацисты, которые понимают это.

Стейнбек не ненавидит. Ненависть не для поэтов, ненависть и аргументы не для них. Его книга и его пьеса – приговор».

Публикация выполнена по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1075. Л. 33–36.

Дата поступления в редакцию: 10.08.2023

Received: 10.08.2023

Дата публикации: 25.12.2023

Published: 25.12.2023

СТЕЙНБЕК В СССР: ВЗГЛЯД ИЗ-ЗА «ЖЕЛЕЗНОГО ЗАНАВЕСА» (1945–1960)

© 2023 Л. И. Казакова (Жданова)

STEINBECK IN THE USSR: FROM BEHIND THE IRON CURTAIN, 1945–1960

© 2023 Leah I. Kazakova (Zhdanova)

УДК 82.01

https://doi.org/10.54791/27823792_2023_5_77_176

Информация об авторе:

Лия Искандеровна Казакова, канд. филологических наук, независимый исследователь, Новосибирск, Россия. E-mail: cammomilla@mail.ru.

Ключевые слова: советско-американские литературные связи, Джон Стейнбек, «Консервный ряд», «Заблудившийся автобус», «Русский дневник», «К востоку от рая», «Жемчужина», холодная война, травелог, переписка, литературная критика, литературная репутация, реценция.

Аннотация: В статье освещаются взаимоотношения Стейнбека и СССР во время позднего сталинизма и холодной войны (1945–1960). Этот этап делится на период до 1954 г., сопровождавшийся беспощадной критикой в СССР творчества и общественной позиции американского писателя, и на период после 1954 г., когда с началом десталинизации отношение к Стейнбеку в СССР стало меняться, «теплеть», подготавливая почву для триумфального возвращения нобелевского лауреата, автора «Зимы тревоги нашей», в Советский Союз в 1963 г. Важнейшим

Information about the author:

Leah I. Kazakova, PhD in Philology, independent researcher, Novosibirsk, Russia. E-mail: cammomilla@mail.ru.

Keywords: Soviet-American literary connections, John Steinbeck, *The Russian Diary*, *Cannery Row*, *Wayward Bus*, *East of Eden*, *The Pearl*, cold war, travelogue, correspondence, literary criticism, literary reputation, reception.

Abstract: The paper highlights John Steinbeck's Soviet contacts during late Stalinism and the Cold War (1945–1960). This stage is divided into the period before 1954, marked by severe criticism of Steinbeck's works and views in the USSR, and the period after 1954, when due to de-Stalinization, the attitude towards Steinbeck in the USSR began to change for the better, preparing the ground for the triumphant return of the Nobel laureate, author of *The Winter of Our Discontent* to the Soviet Union in 1963. The most important event of this period is Steinbeck's visit to the USSR in 1947 and the publication of his travel book *The Russian Diary* (1948). Along with the *Russian Diary* there exist

событием этого периода является визит Стейнбека в СССР в 1947 году и появление его травелога «Русский дневник» (1948). Наряду с «Русским дневником» американского автора, имеются материалы ВОКС, документирующие ход поездки Стейнбека. Компаративному исследованию этих отчетов и травелога Стейнбека уделено самое пристальное внимание. Антиамериканская пропагандистская линия нашла выражение в критике художественного творчества Стейнбека первой половины 1950-х гг. – повестей «Консервный ряд», «Заблудившийся автобус», романа «К востоку от рая». В заключительной части статьи рассматриваются публикации советской прессы 1955–1956 гг., свидетельствующие о постепенном возвращении Стейнбека в пантеон «великих американских писателей», а также публикация русского перевода его повести «Жемчужина» (1957), встретившей самый теплый прием у советских критиков.

archival VOKS materials documenting Steinbeck's Soviet trip. Comparative study of these reports and Steinbeck's travelogue are in focus of the attention in the article. Anti-American propaganda influenced over Soviet literary criticism: Steinbeck's works in the first half of the 1950s. (*Cannery Row, The Wayward Bus, East of Eden*). The final part of the article examines the publications of the Soviet press in 1955–1956, which indicate Steinbeck's gradual return to the pantheon of "great American writers," and the warm reception of *The Pearl* (Russian edition 1957).

Второй период взаимоотношений Стейнбека и СССР связан с началом «холодной войны» (1946), развернувшейся между двумя странами – союзниками во Второй мировой войне, и по логике своего развития делится на промежуток до 1954 г., сопровождавшийся жесткой критикой творчества и публицистических выступлений американского писателя, и после 1954 г., когда со смертью И.В. Сталина (1953) и началом процесса десталинизации (кульминацией которого стал XX съезд КПСС в 1956 г.) отношение к Стейнбеку в СССР начинает меняться, «теплеть», подготавливая почву для триумфального возвращения нобелевского лауреата, автора «Зимы тревоги нашей» в Советский Союз в 1963 г.

Важным событием этого периода, проливающим свет как на взгляд Стейнбека на СССР того времени и его «иллюзии», так и на позицию советских властей по отношению к американскому писателю, является приезд Стейнбека вместе с фотокорреспондентом Робертом Капой в СССР в 1947 г. Его итогом стали два «отчета» об этом визите – «Русский дневник» Стейнбека, опубликованный в США в 1948 г., и днев-

ники советских сотрудников ВОКСа, сопровождавших писателя в этой поездке.

В отличие от предыдущего периода (1939–1945), охватывающего непродолжительный отрезок времени и характеризующегося относительной линейностью в отношении СССР к американскому писателю, второй период можно разделить на две фазы (1945–1954 и 1954–1960 гг.); говорить о нем следует с учетом «обратной перспективы» – взгляда Стейнбека на СССР, сложившегося у него в этот период.

Стейнбек и СССР в период холодной войны

Фултонская речь Черчилля 5 марта 1946 г. и ответ на нее Сталина, опубликованный в виде интервью в газете «Правда» неделю спустя¹, обозначили резкий перелом в мировой политике, фактически провозгласив официальное начало холодной войны. Оглашение в следующем году доктрины Трумэна (12 марта 1947 г.) и плана Маршалла (5 июня 1947 г.) окончательно поставило СССР и США на позиции двух соперничающих сверхдержав, равно претендующих на осуществление политической, экономической и культурной гегемонии в мире. Одновременно в СССР разворачивается антиамериканская пропагандистская кампания, борьба с «низкопоклонством» перед Западом; с 1948 г. набирает обороты борьба с космополитизмом.

Важнейшим событием этого времени стала публикация в «Правде» постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», которое подвергло осуждению выходящие в журналах «произведения, культивирующие несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада»². Беспощадная критика Америки и всего американского в этой идейной борьбе заняла самое видное место, что демонстрирует, например, «Проект мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды по Союзу советских писателей» (1949) за подписью секретаря Союза К.М. Симонова, в котором советским общественным организациям и отдельным деятелям поручалось «обеспечить создание худо-

¹ Сталин И.В. Ответ корреспонденту «Правды» // Правда. 1946. 14 марта. С. 1.

² Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 / ред. А.Н. Яковлев. Сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. – М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 588.

жественных произведений – пьес, киносценариев, повестей, романов, разоблачающих американский образ жизни», «создать серию из 10–15 документальных книг, написанных работниками советских закупочных комиссий, торговых представительств, ТАСС, АМКИНО, консульств, советскими инженерами, деятелями культуры, побывавшими в США, разоблачающих т.н. «американский образ жизни» и показывающих бедственное положение трудящихся США» и т.д.¹

Однако ситуация со Стейнбеком не была однозначной. С одной стороны, в СССР он был и оставался в первую очередь автором «Гроздьев гнева», книги, являвшейся блестящим доказательством бесчеловечной политики американского империализма, оставлявшей без куска хлеба и каких-либо прав свой же народ. С другой стороны, произведения, написанные Стейнбеком с 1939 г., в глазах советской критики все отчетливее свидетельствовали об отходе автора с прогрессивных позиций. Об этих и других сомнениях на его счет в кругу ответственных советских лиц пишет И.Д. Хмарский, курировавший приезд писателя в СССР в 1947 г.:

Все зарубежные визитеры классифицировались в верхах по трем главным политическим категориям: друзья Советского Союза, нейтралы и чужаки. Оттенки обычно в расчет не принимались. Стейнбек в этом смысле для руководящих товарищей был фигурой довольно размытой. <...> Каково его политическое лицо? Ни публичных изъяснений в любви к первому в мире государству победившего социализма, ни зафиксированного где-либо благоговения перед вождем мирового пролетариата и гениальным полководцем, положившем на лопатки Гитлера, ни ярко выраженных симпатий к компартии США. Право же, было над чем призадуматься².

Советская пресса о Стейнбеке. Так или иначе, в этот непродолжительный период (1945–1948), закончившийся с выходом в США «Русского дневника», советская рецепция Стейнбека была неоднородной. Изредка в печати появлялись положительные упоминания о Стейнбеке, например, в выступлении Г. Фиша о положении колхозов:

¹ Проект мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды по Союзу советских писателей. 1.04.1949 // Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945–1953 / Отв. ред., сост. Д.Г. Наджафов, сост. З.С. Белоусова. М.: МФД; Материк, 2005. С. 346–348.

² Хмарский И.Д. Месяц с Джоном Стейнбеком // Волга–Саратов. 1991. №4. С. 157.

Мне вспоминаются некоторые книги современных писателей о зарубежном крестьянстве: романы американской писательницы Перл Бак «Земля» и «Мать», роман американского писателя Стейнбека «Гроздь гнева». <...> А Стейнбек показывает, как источником горя и несчастья американского фермерства становится техника в руках капиталистов¹.

Положительный отзыв содержится и в «Американских впечатлениях» И. Эренбурга:

Я очень высоко ставлю американских писателей: Хемингуэя, Фолкнера, Стейнбека, Колдуэлла, некоторых других. <...> Крупные писатели – не отщепенцы, не салонные отшельники, это люди, связанные с народом, даже, если широкие читательские массы не читают их книг. Стейнбек был батраком, Фолкнер – маляром и почтальоном. Это не отщепенцы, это люди, которые выражают сокровенные чаяния своего народа, его мечту о большом сердце, которое не способны заменить никакие сверхмощные моторы².

Интересной представляется заметка о первом съезде немецких писателей, на котором, в частности, выступал «живой поджигатель войны», независимый американский писатель Ласки, говоривший о свободе слова и вставший на защиту Зощенко. О выступлении Ласки (которого писательская аудитория освистала) В. Катаев высказался следующим образом:

Мне неизвестно <...>, какие книги написал Ласки. Я знаю других американских писателей. Я знаю Эдгара По, Марка Твена, Колдуэлла, Хемингуэя, Стейнбека и многих других. Но Ласки мне совершенно неизвестен. Я думаю, что если когда-нибудь этому Ласки будет поставлен памятник, то на нем благодарные американцы напишут: «Могила неизвестного писателя»³.

Тем самым, благодаря наложению литературного контекста на политический в этом инциденте, Катаеву риторически удалось не просто поставить «проходимца» на место, но и противопоставить ему Стейнбека и других перечисленных писателей не только по их известности и силе дарования, но и по их политическим взглядам.

¹ Фиш Г. В боях за хлеб // Литературная газета. 1947. 29 марта. С. 2.

² Эренбург И. Американские впечатления // Литературная газета. 1946. 16 ноября. С. 2.

³ Первый съезд немецких писателей // Литературная газета. 1947. 11 октября. С. 4.

Тем не менее, с 1945 г. (и чем дальше, тем больше) в советской печати начинают превалировать отрицательные отзывы о Стейнбеке. Пионером этой критической линии можно считать А. Старцева¹, выступившего в 1945 г. со статьей «Литературные споры в США». В этой статье Старцев пишет о кризисе социального романа в Америке и в качестве примера приводит Стейнбека и его творчество последних лет:

Недавно вышедшая новая книга Стейнбека «Консервный ряд» – вообще вне общественной тематики; она вся под знаком скептического индивидуализма. <...> Это следующий шаг отступления на очень хорошо знакомые Стейнбеку позиции, ибо именно с них он выходил в конце 30-х годов, чтобы принять участие в создании большого американского социального романа².

Кроме того, в своей статье Старцев говорит уже не об оригинальности и самобытности авторского дара Стейнбека, как писали о том советские критики в начале 1940-х гг. применительно к «Гроздьям гнева», но, напротив, о типичности и даже посредственности его творчества, позволяющих рассматривать его в качестве «флюгера» настроений американского общества:

Мы приводим пример Стейнбека не потому, что хотим здесь сосредоточить внимание на его произведениях, а потому, что, как утверждают компетентные американские критики, творчество Стейнбека выполняет в литературе США в качестве одной из своих функций службу, сходную со службой измерительного прибора, показывающего общее состояние атмосферы. К тому же Стейнбек наделен по характеру своего дарования малой сопротивляемостью. Он последним взбирается в гору и первым спускается под гору. «Гроздья гнева» как бы завершали развитие американского социально-го романа 30-х годов не потому, что книга была лучшей из всех, но потому,

¹ Судьба автора этой статьи, доктора филологических наук А.И. Старцева, в контексте исследуемой темы весьма показательна. В 1947 году был разгромлен только что вышедший первый том академической «Истории американской литературы», выполненный в ИМЛИ АН СССР под его редакцией. Впоследствии Старцев по обвинению в антисоветской пропаганде был осужден и выслан в лагерь, а второй запланированный том «Истории американской литературы» так и не вышел. См.: *Панов С.И., Панова О.Ю.* «История американской литературы» в советской Академии наук // Литература двух Америк. 2016. № 1. С. 194–242; 2017. № 2. С. 252–372.

² *Старцев А.* Литературные споры в США // Литературная газета. 1945. 11 августа. С. 2.

что она вобрала в себя опыт многих предшествовавших ей и была наиболее типической и итоговой. Сейчас новая книга Стейнбека, сама по себе не имеющая сколько-нибудь выдающегося значения и не «делающая погоду», по-видимому, сигнализирует о новых сдвигах в американской литературе¹.

В целом, советская печать 1945–1947-х гг. не только подвергла критике последние книги Стейнбека («Консервный ряд» (1945), «Заблудившийся автобус» (1947)), но и пересмотрела уже вышедшие и ранее «одобренные» в СССР произведения Стейнбека, например, упомянутую в негативном тоне Старцевым повесть «Луна зашла»:

Фашизм, с одной стороны, и буржуазная демократия, с другой, представлены в повести как некие абсолютные силы зла и добра; манекенчики, выполняющие роль персонажей, произносят положенные им тирады в этом смысле. В искренности антифашистских взглядов автора не приходится сомневаться, и книга не лишена некоторых художественных достоинств, но неискушенный читатель может подумать, что повесть написана другим Стейнбеком, однофамильцем автора «Гроздьев гнева»².

Или, к примеру, Е. Гальперина в статье «О добротности критики», иллюстрируя оплошности отдельных советских рецензентов, в частности Т.Ю. Хмельницкой, пишет о «путанном и либеральном демократизме романа «Луна зашла» Стейнбека», который никак нельзя было равнять с «действительно ясной и простой точкой зрения Олдриджа, защищающего последовательно демократические идеи»³.

М. Мендельсон в статье «Страусовая утопия», представляющей собой рецензию на «Консервный ряд», также отдельно отмечает две книги, написанные Стейнбеком во время войны («Луна зашла» и «Бомбы вниз»), из которых ни одна «не удовлетворила тех читателей, которые ожидали от автора «Гроздьев гнева» глубокого проникновения в проблему борьбы с фашизмом»⁴.

¹ Там же.

² Там же.

³ Гальперина Е. О добротности критики // Литературная газета. 1946. 28 сентября. С. 2

⁴ Мендельсон М. Страусовая утопия // Литературная газета. 1947. 12 апреля. С. 4.

Рецепция романов Стейнбека в СССР второй половины 1940-х гг.

«*Консервный ряд*» (1945). В начале 1945 г. на американских прилавках появилась новая книга Стейнбека «*Консервный ряд*», которая мгновенно была раскуплена и, так же, как и «*Луна зашла*», встретила достаточно прохладный прием у критиков¹. По словам С. Иванько,

сам писатель считал, что «*Консервный ряд*» подвергся «жесточкому избиению со стороны критиков, они зашли слишком далеко». Критики упрекали писателя в том, что он не создал ничего нового, а просто повторяет ситуации и характеры, уже хорошо известные по повести «*Квартал Тортилья-Флэт*»².

В феврале 1945 г. референт Иностранной комиссии Союза советских писателей Н. Камионская сделала подборку американских статей, в которую вошли две рецензии “*New York Times Book Review*” и “*Newsweek*” на «*Консервный ряд*» Стейнбека.

Автор первой статьи, американский литературовед левых социалистических взглядов Ф. О. Матиссен³ оценивает повесть крайне негативно:

Сюжет так же прост, как сценарии фильма для подростков, совершенно непонятно, зачем Стейнбеку понадобилось напечатать эту вещь на настоящем этапе своего писательского пути. <...> Живой фольклор был одним из самых привлекательных элементов «*Гроздьев гнева*», в данной же книге его оттесняет на задний план процессия благородных «сынов природы» и мадам с золотыми сердцами – хозяек борделей⁴.

¹ См. статьи: *The Bowery of Monterey* // *Time*. 1945. January 1. P. 62; *Prescott O. Books of the Times* // *New York Times*. 1945. January 2. P. 17; *Tobin J.E. Cannery Row* // *Best Sellers*. 1945. January 2. P. 191–192; *Cowley M. Steinbeck Delivers a Mixture of Farce and Freud* // *Pictures Magazine*. 1945. January 14. P. 15; *Hampson J. Cannery Row* // *Spectator*. 1945. November 2. P. 418–420; *Walton E. Cannery Row* // *Tomorrow*. 1945. March. P. 77–78 и др.

² Иванько С.С. Джон Стейнбек. // Стейнбек Дж. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 35. (Библиотека «Огонек»). С. 35.

³ *Mathiessen F.O. Review of Cannery Row* // *New York Times Book Review*. 1944. December 31. P. 1.

Подробнее см.: *Гиленсон Б.А. Матиссен* // *Краткая литературная энциклопедия*: В 9 т. Т. 4. М.: Сов. энцикл., 1967. С. 687.

⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1101. Л. 40.

Статья “Newsweek”¹, на которую ссылается рецензент Иностранной комиссии ССП, оценивает новую книгу Стейнбека более благожелательно, хотя также не скрывает налета разочарования:

У повести нет никакой морали, кроме той, какую Стейнбек провозгласил еще прежде, а именно – дикие бродяги и никчемные парни могут стать большими философами. Стейнбек не интересуется их побуждениями. Он не спрашивает, как в «Гроздьях гнева», почему эти люди такие, какие они есть. Некоторых читателей, может быть, и не удовлетворит такое некритическое отношение к ситуации, но Стейнбек снова доказывает, что он остается большим художником, даже если он и не пытается преобразовать мир².

Отношение советской критики к «Консервному ряду», в целом, было также резко негативным. Авторы упомянутых выше статей А. Старцев и М. Мендельсон были одинаково удивлены выходом в конце войны этого столь резко отличного от «Гроздьев гнева» и своей по тематике, и по стилистике произведения и строили предположения, с чем это могло быть связано. Особенно интересна в этом отношении статья Старцева, написанная в августе 1945 г. и во многом предвосхищающая разгромные рецензии и статьи об американской литературе, которыми будет заполнена советская печать в годы холодной войны.

В своей рецензии Старцев пишет об общем для Америки кризисе жанра социального романа и приводит в пример высказывания американских критиков Ван Вик Брукса³ и Бернарда де Вото⁴, которые с разных позиций подвергают острой критике «негативизм и пессимистическую направленность новейшей западной литературы» и призывают американских писателей к созданию «оптимистического и утверждающего национального искусства» – называемого де Вото «“подлинным американизмом”», иначе говоря – признанию американского общественного устройства конечным социальным идеалом, в духе идей этого рода, господствовавших в США в первой половине XIX века и питавшихся еще более ранними пережитками эпохи бур-

¹ Steinbeck Straight. Review of Cannery Row // Newsweek. 1945. January 1. P. 78–79.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1101. Л. 42–43.

³ См. *Гиленсон Б.А.* Брукс // Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1962. С. 749.

⁴ См. *Орлова Р. Д.* Де Вото // Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1964. С. 551–552.

жуазной революции»¹. Критика, с одной стороны, пессимизма американских писателей, которая впоследствии в разные годы будет звучать применительно к книгам Стейнбека «Заблудившийся автобус», «Жемчужина», «К востоку от рая» (как и к книгам других авторов, например, к повести Хемингуэя «Старик и море»), а также стремления «американских империалистов» представить свой тип демократии единственным и лучшим – с другой, на долгие годы станет в советской прессе общим местом.

Старцев отмечает тревожные симптомы того, что в послевоенной Америке «многие из писателей покинут поле социального романа и уйдут в так называемую «башню из слоновой кости». Об этом, видимо, и говорит последняя книга Стейнбека»².

К этому же выводу приходит и М. Мендельсон в своей оценке «Консервного ряда»:

Маку и его друзьям мир буржуазных отношений не по душе, но, будучи бесконечно далекими от мысли о возможности или желательности борьбы против него, они просто умывают руки и стараются предельно ограничить свои связи с действительностью. Они поворачиваются спиной к жизни, притворяясь, что ничего не замечают. Вот основа той «страусовой» утопии, которую рисует Стейнбек в своей последней повести. Объективно книга проповедует «эскейпизм» – бегство от жизни с ее труднейшими проблемами послевоенного периода³.

Рецензент отмечает, что в «Консервном ряду» автор, предельно дистанцируясь от социальной проблематики «Гроздьев гнева», от реальной жизни и «от принимающей все более острые формы борьбы сил реакции и демократии»⁴, в то же время возвращается к мотивам своей ранней книги «Квартал Тортилья-Флэт», с тем отличием, что трагический финал первой книги свидетельствовал об иллюзорности и недолговечности существования подобных беспечных братств, тогда как в новом романе Стейнбек, напротив, сообщает этому далекому от реальности миру оттенок образцовости и постоянства, что советскому критику в современных условиях представляется невозможным.

¹ Старцев А. Литературные споры в США. С. 2.

² Там же.

³ Мендельсон М. Страусовая утопия. С. 4.

⁴ Там же.

И единственный выход для американского автора он видит лишь в возвращении к «критическому реализму» истории Джоудов.

Другие советские авторы также зачастую прибегали именно к этому роману Стейнбека, чтобы показать всю «глубину падения» современной американской литературы после Второй мировой войны. Например, журналист «Правды» С. Кафтанов в статье «Разложение буржуазной культуры», пишет:

Атмосфера, пропитанная ядом реакционных идей империализма, нередко отравляет и отдельных, в прошлом прогрессивных писателей. <...> В книге «Консервный ряд» Стейнбек изображает люмпен-пролетариев американского города. В его описании – это люди, примирившиеся со своей судьбой. Лживая идея классово-гармонии, с помощью которой империализм пытается отвлечь массы от классово-борьбы, пронизывает всю эту книгу¹.

Эта линия продолжается и в период «оттепели»: например, в 1958 г. автор статьи с выразительным заглавием «О второсортности» Б. Изаков связывает писательскую неудачу стейнбековского «Консервного ряда» с «коммерческим интересом издательских монополий»:

Возьмем, к примеру, одного из самых известных писателей в США – Джона Стейнбека. Его перу принадлежат такие книги большого таланта, как «Гроздь гнева», «Жемчужина». Но наряду с этим он выпустил на потребу книжному рынку вполне второсортные романы из серии «Консервного ряда»: в них он рисует в розовых, идиллических тонах жизнь американского «дна» – на этом странном «дне» копошатся сентиментальные, бродяги и добродетельные проститутки, а в ночлежке и публичном доме царит христианская мораль. Не мудрено, что Голливуд с восторгом занялся экранизацией такой пародии на жизнь².

«Заблудившийся автобус» (1947). Следующий, вышедший в 1947 г., большой роман Стейнбека «Заблудившийся автобус» (“The Wayward Bus”) как раз формально принадлежал к жанру «социального романа». В этом произведении Стейнбек оказался предельно далек от принципов «эскапизма», в котором его обвиняли советские критики, его «Заблу-

¹ Кафтанов С. Разложение буржуазной культуры // Правда. 1948. 25 июля. С. 3.

² Изаков Б. О второсортности // Литературная газета. 1958. 4 сентября. С. 3.

дившийся автобус», напротив, был обращен к действительности лицом и вскрывал пороки и язвы Америки.

В США, по мнению Дж. Бенсона, на новый роман Стейнбека последовали разные и «взаимоисключающие» отзывы¹. Например, рецензент “New York Herald Tribune Books” Де Вото положительно отметил совершенно «несентиментальный» характер книги и разворот Стейнбека «от изображения милых никчемностей, которыми в последнее время был увлечен»². В противовес ему, Бен Рэй Редмен из “American Mercury” счел недостатком книги как раз отсутствие в ней «сентиментальной теплоты и эмоциональной вовлеченности»³, которые присутствовали в других произведениях писателя.

В мае 1947 г. Иностранная комиссия Союза советских писателей сделала обзор американских рецензий на эту книгу: в подборку вошли статьи из “Time”⁴ и “New York Herald Tribune Books”⁵. Внимание советского референта привлекает в основном анализ слабых сторон романа, отмеченных американской прессой.

Так, в реферате статьи “Time” сотрудник Иностранной комиссии ССП концентрирует свое внимание на неутешительном вердикте, вынесенном американским журналистом роману «Заблудившемуся автобусу»:

По теме и развитию сюжета, роман является второсортным и вызывает разочарование <...> В конце книги автобус увязает в грязи под скалой, на которой виднеется полусмытая надпись: «Покайся». Что общего между этим символом раскаяния и действующими лицами Стейнбека (поглощенными своими сексуальными отношениями) – неясно. Но читатели, которым известна слава Стейнбека и его большой талант, сочтут, что у него, как у писателя, есть основания покаяться⁶.

Также, по мнению советского референта, хотя Де Вото дает более высокую оценку роману Стейнбека, не скупится на похвалы художественному мастерству писателя («его мастерство превосходно, и его

¹ *Benson J.J.* The True Adventures of John Steinbeck, Writer: A Biography. P. 593.

² *De Voto B.* John Steinbeck’s Bus Ride into the Hills // New York Herald Tribune Books. 1947. February 16. P. 2.

³ *Redman B.R.* The Case of John Steinbeck // American Mercury. 1947. May. P. 631.

⁴ Repent! // Time. 1947. February 24. P. 118–120.

⁵ *De Voto B.* John Steinbeck’s Bus Ride into the Hills. P. 1–2.

⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1128. Л. 12.

проза, которая всегда прозрачна, но несколько разжижена в последних книгах, снова приобретает свою рельефность»¹), и тем не менее, он признает невысокое значение этой книги среди других произведений Стейнбека («как роман он удовлетворителен и не больше»)², выраженное разве что в возвращении ее автора на рельсы реалистического направления:

«Заблудившийся автобус» – это занятный, неглубокий роман, значение которого заключается в том, что в нем Стейнбек отказывается от довольно неприятной тенденции, которую он, видимо, начал проявлять. <...> Если эта перемена носит постоянный характер, то это весьма отрадно³.

В советской прессе об этом романе практически не сообщалось. Первое короткое упоминание о нем относится к 1951 г. – в переводной статье Дж. Кларка «Искусство в современной Америке», опубликованной в «Советском искусстве» и посвященной упадку литературы, живописи, театра и музыки в США, свидетельствующему о кризисе американского империализма. В качестве иллюстрации этого упадка в статье приводилось творчество Стейнбека последних лет – роман «Заблудившийся автобус» и пьеса «Светло горящий» (“Burning Bright”, 1950). В ней говорится следующее:

Чрезвычайно показательна судьба писателя Джона Стейнбека. Под влиянием прогрессивного движения 30-х годов Стейнбек сумел создать произведение такой большой разоблачительной силы, как роман «Гроздь гнева». Однако последующие произведения Стейнбека говорят о его деградации как писателя. В романе «Заблудившийся автобус» Стейнбек умудрился возвести непоследовательность и бесцельность в принцип и одобрил сюжет изрядной дозой сексуальности. <...> Так, подвергнутый проверке в критические времена, когда «испытываются души людей», Стейнбек ушел из настоящего искусства⁴.

Об этой же «деградации» писала в статье «Философия мистера Стейнбека» Е. Романова:

¹ Там же.

² Там же. Л. 13.

³ Там же. Л. 13–14.

⁴ Кларк Дж. Искусство в современной Америке // Советское искусство. 1951. 6 января. С. 4.

Последующие произведения Стейнбека (после «Гроздьев гнева» – прим. Л.Ж-К.), вроде книги «Заблудившийся автобус» или пьесы «Горящий ярко», не раз вызвали чувство законного недоумения, досады и горечи по поводу того, как низко может пасть писатель, сумевший в свое время с большой силой воспроизвести увиденное им в жизни¹.

Таким образом, тенденциозность и однобокость этих высказываний о послевоенных романах Стейнбека наглядно демонстрируют работу механизма антиамериканской пропаганды, рассматривавшей произведения американской литературы исключительно как иллюстрацию всестороннего упадка и деградации «империалистической» Америки, которые распространились на творчество даже такого в прошлом талантливой автора, как Стейнбек.

Поездка в СССР и «Русский дневник» (1947–1948)

Замысел «русской» книги и поездки в Россию. В 1947 г. произошло событие, напрямую связавшее Стейнбека с СССР: поездка писателя вместе с фотокорреспондентом Робертом Капой в Советский Союз, описанная ими в книге «Русский дневник» (“A Russian Journal”), опубликованной в США в 1948 г.

О возникновении замысла этой книги и поездки в СССР, послужившей для нее основой, Стейнбек пишет в «Русском дневнике»:

Ежедневно в газетах появляются тысячи слов о России. О чем думает Сталин, что планирует русский генштаб, где дислоцированы русские войска, как идут эксперименты с атомной бомбой и управляемыми ракетами, и все это пишут люди, которые в России не были, а их источники информации далеко не безупречны. И нам вдруг пришло в голову, что в России есть много такого, о чем вообще не пишут, и именно это интересовало нас больше всего. Что там люди носят? <...> Ведь существует же у русского народа частная жизнь, но о ней нигде не прочтешь – об этом никто не пишет и не фиксирует на фото пленке².

¹ Романова Е. «Философия» мистера Стейнбека // Литературная газета. 1954. 10 июля. С. 4.

² Стейнбек Дж. Русский дневник. М.: Мысль, 1989. С. 8.

Из первой главы «Русского дневника» также следует, что мысль о написании книги, которая дала бы ответ на эти вопросы и показала бы частную жизнь советского народа, возникла совершенно случайно – из разговора, произошедшего в конце марта 1947 г. со случайно зашедшим в бар отеля «Бедфорд» Робертом Капой. Однако в действительности идея создания произведения, способного показать жизнь советских людей изнутри, сложилась у Стейнбека еще до войны. Об этом свидетельствует письмо Стейнбека от 22 февраля 1939 г. ответственному редактору журнала «Интернациональная литература» Т.А. Рокотову. Отвечая на вопрос о развитии культурных связей между СССР и США и искажении буржуазной прессой информации о жизни в СССР, американский писатель заявил следующее:

Когда я начинаю думать о современном общем культурном обмене, я прихожу в недоумение. Я знаю, что в России читают некоторых американских писателей – Лондона, Синклера, Хемингуэя, Драйзера. Но что касается того, что идет из России в Америку, тут полная путаница. В США множество людей всю свою информацию о Советском Союзе черпают из яро антисоветских источников. Херстовские газеты ежедневно печатают всевозможные вымыслы, ложь с начала до конца; такие реакционные группы, как Комитет Дайеса, все социальные и экономические беды в мире приписывают деятельности коммунистов. <...> Мы не знаем, как живут обыкновенные русские люди, как они радуются, какие у них существуют препятствия к их счастью. Мы знаем, например, кое-что о вредительстве, но ни один писатель не показал нам такой важной вещи, что чувствовал народ, а это очень важно. <...> Нам нужна книга, которая рассказала бы нам о том, что у вас люди любят и что они ненавидят. Мы должны знать вас как людей, а не как идеи, а это мог бы осуществить русский писатель, обладающий чувством юмора и пониманием¹.

Итак, по версии самого Стейнбека, поскольку, несмотря на прошедшие 8 лет и Вторую мировую войну, реалии, о которых он еще до войны писал Рокотову, остались теми же, и 1947-м, как и в 1939-м, американцы испытывали дефицит объективной и надежной информации о том, что «любят и чувствуют русские люди», ему пришлось взяться за восполнение этого пробела, не дождавшись подобной информативной и объективной книги с советской стороны.

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1058. Л. 2–3.

Существует, впрочем, и другая версия причин и целей этой поездки. В монографии Брайана Кеннерда «Стейнбек: гражданин-шпион. Неизвестная история отношений Стейнбека и ЦРУ» (2013)¹ высказано предположение о том, что сотрудничество писателя с разведкой (первые документальные свидетельства которого относятся к 1952 г.) началось как раз в связи с поездкой в СССР в 1947 г. – и подозрения принимающей советской стороны, воспринимавшей фотоаппарат как орудие шпионажа, а интерес к производственной статистике как «сбор данных» были отнюдь не беспочвенны – в условиях начавшейся холодной войны.

Деятельность ВОКС по организации поездки Стейнбека и Капы в СССР. Возобновлению интереса писателя к частной жизни русского народа дал импульс рост напряженности на международной арене и стремительное ухудшение отношений двух сверхдержав, бывших союзников, а теперь соперников по осуществлению политической гегемонии в мире. В этот переломный внутренне- и внешнеполитический момент истории в страну приезжают американцы, желающие написать «честную книгу» об увиденном. Ответственность за прием Стейнбека и Капы в СССР легла на американский отдел ВОКС – Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, среди основных задач которого на 1947 год значилось: «вести активную наступательную пропаганду против идеологии американских реакционных кругов, разоблачать поджигателей войны, разоблачать антисоветских клеветников»². В течение двух неполных месяцев с американцами работали зам. председателя ВОКС А.В. Караганов, зав. американским отделом И.Д. Хмарский, младший референт американского отдела С.Г. Литвинова («Светлана», прозванная американцами “Sweet Lana”), зам. председателя УОКС А.И. Полторацкий, председатель ГОКС Н.М. Микава и др.

О том, как воспринимался ими этот «подарок» судьбы, пишет в своих воспоминаниях сорок лет спустя И.Д. Хмарский – один из главных персонажей «Русского дневника», который пробыл с американцами в СССР большую часть времени:

Сейчас все это выглядит по меньшей мере странным: казалось бы, соперничество между Союзом писателей и ВОКСом должно было идти как раз за право принять у себя известного во всем читающем мире американского

¹ Kannard B. Steinbeck: Citizen Spy. The Untold Story of John Steinbeck and the CIA. Nashville, TN: Grave Distractions Publications, 2013.

² ГА РФ. Ф. 5283. С.2. Оп. 22с. Ед. хр. 19. Л. 15.

романиста, но в 40-е годы существовала своя логика и свои представления о том, что такое хорошо и что такое плохо. Начать хотя бы с того, что все зарубежные визитеры классифицировались в верхах по трем главным политическим категориям: друзья Советского Союза, нейтралы и чужаки. Оттенки обычно в расчет не принимались. Стейнбек в этом смысле для руководящих товарищей был фигурой довольно размытой. <...> А вдруг он выкинет какой-нибудь политический фортель, как это сделал в свое время Андре Жид <...>?

– Надо будет его как следует прошупать, – напомнил мне ВэЭс (Владимир Семенович Кеменов, председатель ВОКСа – *Л.Ж.*). – Говорят, он после «Гроздьев гнева» качнулся вправо. В общем, не поддавайтесь гипнозу имени, а последовательно отстаивайте нашу линию на разоблачение американского империализма и зачинщиков холодной войны¹.

В соответствии с правилами, сложившимися еще в 1920-е гг., курировавшие гостей в разных городах сотрудники ВОКС регулярно составляли отчеты в виде докладных записок и дневников, а также вели записи проведенных с американцами разговоров и интервью. Все эти материалы своевременно направлялись в высшие инстанции, в первую очередь в МИД СССР (зам. министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому, зам. министра иностранных дел СССР Я.А. Малику, зав. отделом США МИД СССР Ф.Т. Орехову, зав. отделом печати МИД СССР В.С. Василенко, зам. заведующего отделом США НКВД–МИД СССР В.И. Базыкину) и в ЦК ВКП(б) (зам. заведующего отделом ЦК ВКП(б) Л.С. Баранову). Таким образом, Стейнбек и Капа, приехавшие в СССР наблюдать жизнь советских людей, сами оказались под наблюдением².

За полтора месяца Стейнбек и Капа посетили Москву, Киев, Сталинград, Тбилиси, Батуми, осмотрели украинские колхозы, хлебзавод, сталинградский тракторный завод (который им, впрочем, запретили фотографировать), пообщались с советскими писателями – К.С. Симоновым, И.Г. Эренбургом, В.П. Катаевым, А.Е. Корнейчуком, В.Л. Василевской и др., увидели празднование 800-летия Москвы и многое другое.

Результаты «русской» поездки Стейнбека и его отношение к СССР. В целом, исходя из написанного Стейнбеком в «Русском дневнике», работу сотрудников ВОКС в этой поездке можно назвать успеш-

¹ *Хмарский И.Д.* Месяц с Джоном Стейнбеком. С. 157.

² Корпус материалов сотрудников ВОКС собран в книге: *Жданова Л.И.* «Русский дневник» Джона Стейнбека в советской оптике: публикация материалов фондов спецотдела ВОКСа Государственного архива РФ. М.: Издательские решения, 2016.

ной. Они смогли, особенно в гостеприимных украинских колхозах и в названной Стейнбеком «советским раем» Грузии расположить американцев к советскому народу, показать, несмотря на «атомную лихорадку» того времени, миролюбивые настроения советских людей. Более того, в каких-то местах им удалось усыпить бдительность двух опытных журналистов, продемонстрировав им то, что нужно было показать, а не то, что было на самом деле: так, за обильнейшими переменами блюд, которыми американцев потчевали в украинских колхозах, Стейнбеку оказалось сложно поверить в голод на Украине – т.н. «третий голодомор», в результате которого в СССР в 1946–1947 гг. погибли сотни тысяч людей, а после лицемерия роскошного патриаршего богослужения в Грузии – говорить о притеснении религии в СССР.

С другой стороны, тонким художественным чутьем Стейнбеку удалось уловить те вещи, которые от него пытались скрыть или которые не могли заметить его советские провожатые, например, витающую в воздухе тревогу и боязнь контактов с иностранцами на улицах Москвы (причиной тому, в частности, являлись многочисленные «суды чести», последовавшие после «дела КР») или отмеченный в «Русском дневнике» культ Сталина в СССР (за десятилетие до возникновения и широко распространения этого термина в стране)¹.

Другим ярким примером, говорящим о пронизательности Стейнбека в отношении советской действительности, стала критика им одной из известнейших советских пьес того времени – «Русский вопрос» Симонова, шедшей одновременно в пяти основных столичных театрах. Сюжет этой пьесы крайне напоминал его собственное положение в СССР – американского журналиста, пишущего книгу о советской России. По словам Стейнбека, это была не самая хорошая пьеса, «на каком бы языке она не шла», ее герои не говорят и не ведут себя, как американцы, а американские издатели не имеют такой огромной власти, как то было представлено в пьесе, и не подчиняются ничьим приказам сверху². Чтобы показать всю нелепость представленной в пьесе картины, Стейнбек придумал «перевертыш» – историю о поездке русского

¹ В «Русском дневнике» Стейнбек пишет об этом: «Во всей истории нет человека, кого бы так почитали при его жизни. В этом отношении можно разве что вспомнить Августа Цезаря, но мы сомневаемся, имел ли Август Цезарь при жизни такой престиж, поклонение и богоподобную власть над народом, какой обладает Сталин. То, что говорит Сталин, является для народа истиной, даже если это противоречит естественным законам...» (*Стейнбек Дж. Русский дневник. С. 110*).

² Там же. С. 75.

писателя Симонова в США, который внезапно обнаруживает, что Америка не являет собой пример «загнивающей западной демократии», по возвращении на родину пишет об этом статью и автоматически теряет членство в Союзе писателей, загородный дом, жену и умирает от голода. Своим советским собеседникам Стейнбек комментировал анекдотичность этого сюжета следующим образом:

Если вы находите это смешным, то это не смешнее, чем пьеса Симонова «Русский вопрос» об Америке. Обе пьесы по одинаковым причинам одинаково плохи¹.

Однако, после непридуманных гонений на А.А. Ахматову и М.М. Зощенко в 1946 г. и совсем недавно произошедшего разбора «дела КР», история, придуманная Стейнбеком, на самом деле не могла показаться особенно смешной ни Симонову, ни другим советских знакомым американского писателя².

Тем не менее, несмотря на критику отдельных сторон советской жизни в «Русском дневнике», и в многочисленных разговорах с советскими людьми, те же страницы «дневников» сотрудников ВОКСа убедительным образом показывают, что Стейнбек и Капа пытались во многом идти навстречу принимающей стороне, писать об СССР как можно лояльнее. Это видно и по многократно провозглашенной на различных встречах с советскими людьми цели их приезда – «служить мостом взаимопонимания между двумя странами»³, наладить контакты, взаимный обмен людьми между двумя странами между США и СССР, и по «Русскому дневнику», в котором злоключения американцев, их сражения

¹ Там же.

² Автор многотомного историко-литературного труда «Сталин и писатели» Б.М. Сарнов в главе о К.М. Симонове комментирует этот эпизод следующим образом: «Своей пародией на «Русский вопрос» Стейнбек и Капа хотели обнажить, наглядно продемонстрировать нереальность, нелепость, абсурдность основной коллизии этой симоновской пьесы. Но то, что в приложении к Америке им представлялось абсурдом, в приложении к российской, советской действительности обернулось наиболее реальной реальностью. Мыслимое ли это дело – хотели они сказать этой своей пародией, – чтобы журналист или писатель, написавший не ту книгу, какая была ему заказана, был подвергнут остракизму, фактическому запрету на профессию и даже обречен на нищенское, голодное существование? Смешно! Но в Советском Союзе такое было не то что возможно, а ТОЛЬКО ТАК И БЫВАЛО». (Сарнов Б.М. Сталин и писатели. Кн. 4. М.: Эксмо, 2011. С. 974).

³ ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 26. Л. 176.

с советскими бюрократическими препонами поданы в юмористическом свете и много внимания уделено хорошим положительным чертам советских людей – их трудолюбию, сплоченности, способности веселиться среди всех трудностей по восстановлению городов после всех пережитых во время войны бед.

Вместе с тем, отрицательные черты, отмеченные Стейнбеком в «Русском дневнике», – критика культа Сталина, бюрократизма, манеры чиновников перекладывать ответственность на вышестоящих по рангу, а не принимать решение самостоятельно, описание царских покоев Кремля, о которых Стейнбек пишет как о «самом мрачном месте в мире» («нетрудно себе представить, как легко решиться здесь на убийство, как отец мог убить сына, а сын – отца и как реальная жизнь за пределами дворца становилась такой отдаленной, что казалась несуществующей» – пишет Стейнбек в «Русском дневнике»¹, не принимая в расчет, каких бюрократических трудностей стоила ВОКС организация посещения Кремля иностранцами) – говорят о внутреннем отношении писателя к СССР, его пока еще скрытой неприязни к диктатуре советской власти, которая будет усугубляться в нем с годами.

Отношение к Стейнбеку советской стороны. В то же время при близком рассмотрении Стейнбек оказался вовсе не таким, каким он представлялся в СССР после публикации в советской прессе романа «Гроздь гнева». Записи сотрудников ВОКС, сопровождающих американцев в поездке, пестрят неожиданными открытиями о характере прославленного писателя, среди которых стоит упомянуть следующие наиболее важные замечания.

Во-первых, Стейнбек не приветствовал любые упоминания о его самой известной в СССР книге – «Гроздьях гнева», показывая, что написанное в этом произведении – это вчерашний день, в настоящий момент совершенно ему чуждый и неинтересный. Так из разговора с писателем зам. председателя УОКС А.И. Полторацкий сделал следующее заключение:

О своем творчестве Стейнбек говорит сухо. Очень недоволен, когда ему напоминают о большом успехе «Гроздьев гнева» – он дает понять, что это был эпизод из жизни Америки, который кончился. Сейчас его интересуют другие более современные темы².

¹ Стейнбек Дж. Русский дневник. С. 138.

² ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 26. Л. 182.

Во-вторых, известный американский писатель показал удивительную для сотрудников ВОКС неосведомленность в вопросе современной американской литературы и также не разбирался ни в классической мировой литературе, ни в философии, и при разговоре с советскими людьми всячески уклонялся от этих литературных тем:

Из беседы со Стейнбеком я вынес впечатление, что он почти совершенно не знаком с русской классической и советской литературой¹.

Я спросил Стейнбека, какой философской системы он придерживается: материализма или идеализма. «Никакой», – ответил Стейнбек. Он обнаружил слабое знание элементарных философских категорий и, в частности, не представляет себе разницы между идеализмом как философской системой и идеалом².

Утром состоялась беседа грузинских писателей под руководством т. Чиковани со Стейнбеком... Стейнбека познакомили вкратце с историей грузинской литературы и затем начали задавать вопросы:

– Каковы основные направления в современной американской литературе?

Стейнбек тихо сказал мне: «Я не знаю», затем посмотрел на Капу. Капа ответил вместо Стейнбека, что в настоящее время невозможно определить течения, как нельзя было сделать это в начале века, когда начинали свою деятельность такие писатели, как Драйзер. Такая возможность появится позже³.

В-третьих, Стейнбек стремился видеть жизнь советского народа, его трудов, радостей и забот вне контекста его взаимоотношений с советским правительством и партией. Так, например, после осмотра Партизанской выставки в Киеве Хмарский заключил: «Стейнбек и Капа смотрели выставку с рассеянным и равнодушным видом людей, которым наперед известно, что им скажут. Из предыдущих бесед, реплик и всего поведения Стейнбека и Капы можно заключить, что все, связанное с темой защиты родины, с патриотизмом, они рассматривают как советскую пропаганду»⁴.

¹ ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 158.

² Там же. Л. 170.

³ Там же. Л. 179.

⁴ Там же. Л. 158.

Кроме того, Стейнбек, нисколько не стесняясь, выдал несколько нелицеприятных комментариев в отношении важных в СССР лиц, крупнейших прогрессивных писателей Америки и Европы и прогрессивных деятелей: членов американской компартии (которую он назвал «сектой»), Т. Драйзера (который, по его словам, «недостаточно владел английским»), Э. Синклера (который, «подобно Симонову, начал писать слишком много. <...> Это отразилось отрицательно на качестве»), С. Льюиса («плохой писатель и чем дальше, тем пишет хуже»), М. Голда («когда-то это был способный, умный писатель, а сейчас превратился в фанатика-коммуниста, пишет монотонные, скучные и бездарные статьи и его в Америке забыли»), Э. Рузвельте («дурак, который написал глупую книгу. Эллиот ничуть не похож на своего отца и никаким авторитетом в США не пользуется») и других. Все эти и другие замечания после опубликования Стейнбеком в “New York Herald Tribune” статей о поездке в СССР будут собраны И.Д. Хмарским и направлены на рассмотрение главному редактору «Литературной газеты» В.В. Ермилову¹.

Критика «Русского дневника» в США и СССР (март–апрель 1948). «Русский дневник» был опубликован в США в апреле 1948 г. Однако вопреки ожиданиям Стейнбек и Капа практически не услышали в адрес своей книги ни ожесточенной критики, ни большого одобрения. Отзывы, последовавшие на эту книгу, были краткими и по большей части – нейтральными. По мнению профессора П. Полинни, «Русский дневник» оказался едва ли не «единственной книгой Стейнбека, которую игнорировали. Ее не заметили. Хотя после ее выхода появились две–три похвальных рецензии, остальные рецензии были скептические. Большинство читателей даже не знают, что Стейнбек написал книгу о России»².

Некоторая часть американской критики положительно отозвалась о замысле и художественном воплощении «Русского дневника», сфокусировавшего свое внимание на показе частной жизни русского народа. Так, Ориана Аткинсон в “New York Times Book Review” назвала репортажную работу Стейнбека и Капы великолепной³, рецензент “Los Angeles Times” Бен Клэр также отметил, что «Русский дневник» дает хорошее представление

¹ ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 81. Л. 189–191.

² *Тольц В.С.* Три дневника. По маршруту Стейнбека полвека спустя [Электронный ресурс]. <https://noblit.ru/node/1476>.

³ *Atkinson O.* John Steinbeck, and Robert Capa, Record a Russian Journey // New York Times Book Review. 1948. May 9. P. 3.

о русских, живущих в руинах и все же способных улыбаться в своих разрушенных нацистами городах и деревнях, восстанавливающих свои дома, общественные здания и многоэтажные строения, работающих бок о бок в миллионы рук, чтобы взрастить и собрать урожаи, заново насадить сожженные нацистами фруктовые сады...¹.

Ричард Уоттс-мл. из “New Republic” добавил, что

сегодня представляется особенно важным достичь эмоционального понимания русских как людей, не слишком отличных от нас, и книга Стейнбека на свой скромный лад вносит свою лепту в достижение именно этого типа понимания².

Однако немало было и скептических оценок травелога Стейнбека. Орвилл Прескотт из “New York Times”, оценив легкий приятный стиль Стейнбека и его «политическую сдержанность» в качестве основных достоинств книги, заявил, что «Русский дневник» «гораздо лучше большинства других книг о России, но куда более поверхностен, чем многие из них»³. А согласно мнению Луиса Фишера из “Saturday Review”, новая книга Стейнбека не является ни «прорусской», ни «антирусской», вообще не является достаточно «русской». Автор статьи пишет, что в книге «больше места отведено описанию рациона, того, что ел и пил Стейнбек, и его подтруниваем над Капой, чем каким-либо аспектам советской жизни», – и заключает:

«Русский дневник» – это не портрет русских людей. Это в большей степени портрет американского художника, примерившего на себя роль полицейского репортера в полицейском государстве⁴.

По словам писателя и публициста В.В. Большакова, обещание Стейнбека и Капы написать «честный репортаж без комментариев, без выводов о том, что мы недостаточно хорошо знаем, и без раздражения на бюрократические препоны», которое они с успехом выполнили в своей книге, как раз

¹ *Clare B.* Iron Curtain Penetrated by Steinbeck // Los Angeles Times. 1948. April 18. P. 3.

² *Watts R. Jr.* The Eye of the Observer // New Republic. 1948. April 19. P. 22–23.

³ *Prescott O.* Books of the Times. // New York Times. 1948. April 16. P. 21.

⁴ *Fischer L.* Conducted USSR Tour // Saturday Review. 1948. May 15. P. 13–14.

стало причиной того, что судьба «Русского дневника» оказалась не самой счастливой. Скрупулезно точный репортаж Стейнбека о Советском Союзе не понравился ни в России, ни в Америке. Для тогдашнего СССР «Русский дневник» был пугающе реален, для тогдашних США недостаточно анти-советским. <...> Официальная советская критика охарактеризовала «Русский дневник» Стейнбека как «низкопробный памфлет с клеветой на нашу действительность»¹.

Но в целом, советская пресса выход порочащей Советский Союз «русской книги» Стейнбека замалчивала. Сопровождавшая писателя в его поездке в СССР сотрудница ВОКС С.Г. Литвинова в беседе с В.С. Тольцем спустя 50 лет сообщила:

Книжка пришла к нам, он прислал ее, прислал мне. И эту книжку поставили в шестигранник² и убрали ее. И я ее получила уже тайком, она у меня лежит уже без его подписи. А так где-то она в Главлите, где она сейчас – я не знаю...³

Все же, по словам Литвиновой, реакция сотрудников ВОКСа на эту книгу, в целом, была положительной:

...хотя в шестигранник поставили, но в основном все положительное, и все считали, что я хорошо поработала, и Хмарский, и все остальные, все показали, что надо, и в Киеве, и в Сталинграде. Кстати сказать, я, читая эту книгу, с точки зрения тех взглядов, понимаю, что она была просоветская⁴.

Однако даже положительная оценка работы ВОКС не могла изменить отношение советских властей к «Русскому дневнику» и высказанной в нем критике культа Сталина, работы советских учреждений, советской литературы – все это, хотя и было обрисовано Стейнбеком в ироничном свете и доброжелательно по отношению к советским людям, коренным образом расходилось с политикой СССР времен холодной войны и не могло быть предано огласке. Поэтому уже после выхода в начале 1948 г. в “New York Herald Tribune” первых публикаций Стейнбека о его поезд-

¹ *Большаков В.В.* Правда о стране Советов и Соединенные Штаты Америки // Писатели США о Стране Советов. – Л.: Лениздат, 1983. С. 299.

² Шестигранник («шайба») – цензорский знак, которым отмечалась литература, ограниченная или закрытая для общего пользования, проставлялся цензором Главлита. Был введен 10 июня 1938 г.

³ *Тольц В.С.* Три дневника.

⁴ Там же.

ке с Капой в страну Советов (которые после составят отдельные главы его «Русского дневника»), в высших литературных инстанциях СССР началась подготовка «ответа» на высказывания американского писателя, который должен был выйти в «Литературной газете».

И.Д. Хмарский в письме главному редактору «Литературной газеты» В.В. Ермилову сообщил свои личные впечатления о Стейнбеке, который, по его мнению, «вел себя в СССР как в высшей степени самодовольный заурядный американец с достатком, для которого решительно все ясно, и он путешествует ради собственного удовольствия, не будучи стеснен временем», и в процессе ознакомления со страной «самые ничтожные житейские мелочи обычно поглощали гораздо больше его внимания, чем главное, что характеризует истинные достижения советского народа»¹. К примеру, Стейнбек «крайне неохотно посещал музеи и с явным отвращением относился к беседам советских людей по вопросам культуры. Но, буквально повторяя А. Жида, он уделял анекдотически большое внимание проблеме “туалетной бумаги”»².

Замечания Хмарского коснулись и политических воззрений писателя, высказанных во время поездки:

Политические взгляды Стейнбек целиком соответствуют основным тезисам официальной американской реакционной и антисоветской пропаганды. Стейнбек упрямо защищал свои реакционные взгляды, вопреки совершенно очевидным фактам. <...> Таков идейный и моральный уровень Стейнбека³.

Во время пребывания писателя в Советском Союзе у него было взято два интервью – на Украине редактором «Литературной газеты» т. Серпилиным⁴ и в Грузии журналистом ТАСС т. Свердлиным, для

¹ ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 81. Л. 190.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Из докладной записки о пребывании в Киеве американцев зампреда УОКС А.И. Полторацкого:

«Для того, чтобы иметь оружие против Стейнбека, если его устные высказывания о лояльности к советскому народу окажутся ложными – с ним было проведено интервью редактором «Литературной газеты» тов. Серпилиным. Интервью, подписанное Стейнбеком, затрагивало два основных вопроса: его отношение к виденному на Украине, где он высказывался кратко и в сдержанных тонах. Однако, он высоко оценил все виденное и заявил, что не верит в агрессивную политику советского Союза. Вторая половина касалась вопросов американской литературы». (ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 26. Л. 221).

того чтобы «прошупать настроение Стейнбека после его поездки по СССР, перед тем как устраивать его беседу с корреспондентом ТАСС в Москве»¹. Упомянутое третье интервью (только уже «Литературной газете») должно было увенчать поездку писателя и служить в качестве алиби советской стороне в случае появления «клеветнических измышлений» Стейнбека по его возвращении на родину. На этом особенно настаивал зам. председателя ВОКС А.В. Караганов:

Это интервью поможет получить от Стейнбека ряд заявлений о советском народе, которые в какой-то степени будут связывать Стейнбека, когда он приступит к опубликованию своей книги об СССР по возвращении в США².

Тем не менее, ни эти интервью, ни призванная «разоблачить антисоветские высказывания американского писателя Дж. Стейнбека в его “Русском дневнике”»³ статья А.В. Корнейчука, о которой говорит в письме В.В. Ермилову И.Д. Хмарский, ни другие материалы, напрямую свидетельствующие о поездке американского писателя в СССР, в 1947–1950-х гг. опубликованы не были.

«Разоблачение клеветы» Чаковского. Единственной публикацией, прорезавшей молчание советской прессы и всецело продемонстрировавшей ее отношение к русской поездке и книге Стейнбека, является статья А.Б. Чаковского⁴, вышедшая в «Известиях» 17 марта 1948 г. под заголовком «Разоблачение клеветы: по поводу кинофильма “Русский вопрос”». Формально эта статья представляет собой рецензию на новый фильм М. Ромма, экранизацию всесоюзно известной пьесы К.М. Симонова. Однако описанию самого фильма и мастерству исполнителей главных ролей уделено лишь несколько абзацев, обрамлявших статью (ок. 250 слов из 1500). Далее автор переходит к анализу того, что составляет, по его мнению, «силу этого фильма» – его правдивости и буквально с первых строк перемежает события фильма и события реальные, сравнивая персонаж Симонова – Гарри Смита – со Стейнбеком.

¹ ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 181.

² ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 26. Л. 231.

³ Там же.

⁴ Чаковский Александр Борисович (1913–1994) – советский писатель и журналист, лауреат Сталинской (1950), Ленинской (1978) и Государственной премий СССР (1983). Член Союза писателей с 1941 года. Главный редактор журнала «Иностранная литература» (1955–1963), «Литературной газеты» (1962–1988).

Чаковский в своей статье раскрывает советскому читателю «истинное лицо» американской журналистики, рассказывая об отдельных ее представителях и представляя картину их преступлений «против правды и гуманности»: о медиамагнате Херсте, в 1934 году «фактически подкупленном немецкими фашистами и получавшем от нацистов миллион марок в год», «небезызвестной профашистке» Дороти Томпсон, журналисте Дрю Пирсон, «названном Рузвельтом «профессиональным лжецом»¹ и других реальных людях – «коллегах» литературного персонажа пьесы Симонова – Гарри Смита, после чего переходит к поездке в СССР Джона Стейнбека:

Писатель Стейнбек, подобно Гарри Смигу, побывал по заданию одной из американских редакций в Советском Союзе. Он видел, как живут и трудятся советские люди. <...> Есть русская поговорка: «Чужая душа – потемки». Поэтому мы не будем размышлять над проблемами борьбы писательской совести с желанием угодить антисоветским вкусам диктаторов современной Америки и тому подобными моральными категориями применительно к душе писателя Стейнбека. Позволим себе лишь одну догадку: очевидно, по представлении в редакцию своего «Дневника» Стейнбеку не нужно было возвращать аванс, он не оказался, конечно, подобно Смигу, уволенным из числа сотрудников...²

Автор рецензии демонстративно отказывается говорить о книге Стейнбека³, сообщая, что «в “Русском дневнике” нас в данном случае интересует лишь место, относящееся к пьесе Симонова “Русский вопрос”»⁴. Чаковский последовательно разбивает все высказанные Стейнбеком претензии к «неправдивой» пьесе Симонова о камень советской пропаганды, приведя пример совершенно реальной, служащей «капиталу, богатству и власти»⁵ газеты “New York Herald Tribune”, от

¹ Чаковский А.Б. Разоблачение клеветы: По поводу кинофильма «Русский вопрос» // Известия. 1948. 17 марта. С. 3.

² Там же.

³ Лишь в одном месте ниже он допускает маленькую, но многозначительную ремарку: «...Разумеется, бумага, в особенности американская газетная бумага, все терпит. Но, должно быть, тысячи честных американцев – читателей «Гроздьев гнева» возмущались, читая лживый репортаж Стейнбека на страницах «Нью-Йорк геральд трибюн». (Там же).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

которой Стейнбек и Капа и приехали в СССР для создания своей «русской» книги».

Таким образом, в своей статье Чаковский, виртуозно смешивая художественную реальность и настоящую действительность, с одной стороны, уравнивает Стейнбека как журналиста и писателя с противниками литературного персонажа Гарри Смита – Мерфи, Гульдом, Макферсоном, к которым советский читатель и зритель после просмотра «Русского вопроса» испытывает глубокую неприязнь, а с другой, претворяет в жизнь сюжет симоновской пьесы, представляя реальных американцев – журналистов, издателей, писателей – такими, какими их показал Симонов, и используя в качестве аргумента реальную поездку Стейнбека и его «Русский дневник».

Стоит отметить, что «Русский вопрос» К.М. Симонова был опубликован в 1946 г. – т.е. за год до поездки Стейнбека и Капы в СССР и за два года до выхода «Русского дневника» в США в 1948 г. При этом пьеса Симонова фактически явилась выполненным в художественной форме отчетом писателя по совершенным ранее поездкам в Японию (декабрь 1945–апрель 1946) и в США (апрель 1946–июнь 1946):

Мне показалось, что рассказать о том, что я знал больше и лучше, ближе наблюдал – не столько даже в самой Америке, сколько перед этим в Японии, – о политических и нравственных проблемах, связанных с жизнью и деятельностью американской прессы, я смогу лучше в драматургической форме. Так я написал «Русский вопрос»...¹.

В этом показательном параллелизме обоих сюжетов можно увидеть, в первую очередь, способность обоих авторов тонко чувствовать и реагировать на запросы своего времени – эпохи холодной войны, а также их стремление объяснить своим соотечественникам, кто, какие люди находятся по ту сторону «линии фронта». В пьесе Симонова хорошим американцем является лишь один герой – Гарри Смит, способный ценой своей жизни поддерживать правоту советской страны, а плохими американцами – все остальные. В книге Стейнбека, напротив, весь советский народ, как в своих отдельных представителях, так в совокупности, предстает положительным персонажем, непростым для понимания, но довольно симпатичным и внушающим уважение, тогда как отрица-

¹ Симонов К.М. Истории тяжелая вода / сост., подгот. текста, вступ. ст. Л. Лазарева. М.: Вагриус, 2005. С. 366–367.

тельными чертами являются некоторые аспекты советского строя – от бюрократизма советских чиновников до бюстов Сталина, в пугающем количестве взиравших на американцев во всех концах страны, в которых они побывали. Однако Чаковский завершает свою статью уверенным вердиктом: пьеса Симонова сильна своей правдивостью, поскольку представляет настоящий образ Америки, а репортаж Стейнбека об СССР – лжив и, кроме того, зловреден, т.к. способствует обострению непонимания между двумя народами и «разжиганию войны»:

Джон Стейнбек пишет свои дневники в 1948 году, в дни, когда американская буржуазная пресса дошла до гималайских высот клеветы на Советский Союз, травли прогрессивных людей Америки <...> Думал ли об этом Джон Стейнбек, американский писатель, когда диктовал свой «Русский дневник»? Ведь того, о чем не знал, чего не понимал средний американский журналист Гарри Смит, не может не знать, не понимать Джон Стейнбек!..¹.

Наконец, в контексте рассмотрения темы «Стейнбек и СССР» пьеса Симонова «Русский вопрос» важна еще потому, что ее заключительные строки, финальный монолог Смита о «двух Америках» – Америке Херста и противостоящей ей Америке Линкольна и Рузвельта – фактически предсказали и озаменовали собой все последующее направление публикаций советской прессы о США и ее гражданах: лишь некоторые из них, такие же одинокие и беспомощные, как Смит, являются хорошими честными американцами, отстаивающими правду маленького человека, а другие – многочисленные гульды и макферсоны – продажными империалистическими акулами. И Стейнбек, в соответствии с отношением к нему редакционной номенклатуры СССР, чем дальше, тем больше в конце 1940-х – начале 1950-х гг. будет переходить из первой когорты во вторую.

Всемирный конгресс деятелей культуры в защиту мира (август 1948)

25–28 августа 1948 г. в польском Вроцлаве состоялся Всемирный конгресс деятелей культуры, в котором приняли участие 500 деятелей науки, литературы и искусства, среди них Пабло Пикассо, Бертольд

¹ Чаковский А.Б. Разоблачение клеветы. С. 3.

Брехт, Олдос Хаксли, Поль Элюар, Илья Эренбург, Александр Фадеев Анна Зегерс, Ирен и Фредерик Жолио-Кюри, Ян Дембовский, Поль Робсон, Пабло Неруда и др. Разговоры о возможности проведения такого конгресса звучали уже во время приезда Стейнбека в 1947 г. В частности, с американцами об этом завел речь принимавший их в Киеве писатель А.Е. Корнейчук:

Т. Корнейчук высказал мысль о том, что прогрессивные писатели всего мира должны собираться на конгресс в защиту мира.

Стейнбек начал было говорить, что такой конгресс был бы полезным, но Капа перебил его, заявив следующее: «Я боюсь за одно: понимание прогрессивного у писателей разных стран находится на различном уровне, и поэтому необходимо его вначале унифицировать».

Тов. Корнейчук ответил на это, что прогрессивные писатели всех стран хотят мира и это могло бы стать единой платформой для созыва конгресса. Стейнбек неопределенно согласился с этим. Он подчеркнул, что главное состоит в том, чтобы люди различных стран понимали друг друга, и привел такой пример. Когда он был в колхозе, один мальчишка, взглянув на него, сказал: «А американцы такие же, как и наши». «Этот мальчишка, – сказал Стейнбек, – выразился умнее всех министерств иностранных дел. Я хочу, чтобы то, что сказал маленький украинский мальчик, поняли все».

В. Василевская вставила в этом месте: «Но, чтобы этот мальчик мог спать спокойно, не боясь атомных бомб, мы с вами должны бороться против поджигателей войны»¹.

Этот разговор, приведенный И.Д. Хмарским в его дневнике, весьма показателен для определения отношения советских писателей и американских гостей к такому мероприятию, как Всемирный конгресс деятелей культуры.

Как видно из слов Корнейчука и Василевской, советская пропаганда, решительно делила население земного шара на две части: защитников мира и «поджигателей войны». При этом деление на первых и вторых производилось исключительно по политическому критерию – уровню лояльности отдельных лиц к СССР и к его внутренней и внешней политике: «друзья» Советского Союза выступали за мир и противостояли недоброжелателям СССР, «поджигателям войны, реакционерам, фашистам».

¹ ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 169.

Стейнбек в этом отношении, как уже было отмечено Хмарским, представлял собой «размытую» фигуру, занимающую на политической шкале срединное положение. Приведенные им слова украинского мальчика, открывшего для себя, что американцы – такие же люди, как русские и украинцы, т.е. что их общечеловеческая, биологическая общность куда более значима, чем разделяющие их политические, идеологические разногласия, выражали любимую мысль самого писателя, идею, положенную в основу его «Русского дневника» – и, соответственно, идею, кардинально расходящуюся с установками советской пропаганды.

Будучи в 1947 г. сторонником линии Уоллеса, Стейнбек стоял на позициях сохранения мира с Советским Союзом. Тем не менее, эта линия вовсе не предполагала убежденности Стейнбека в том, что «советский общественный строй является лучшей формой организации общества, чем любой несоветский общественный строй» (И.В. Сталин)¹. При всем своем интересе и нескрываемой симпатии к русскому народу советский строй Стейнбек категорически не принимал, и поездка 1947 г. не сделала его более терпимым к политике, проводимой советским правительством. Об этом свидетельствуют частные разговоры Стейнбека с советскими людьми, например, беседа с председателем ГОКСа Н.М. Микавой, в ходе которой он заявил: «Американский народ будет иметь социализм, но он никогда не будет иметь коммунизма», т.к. «он чужд характеру американца»². Накануне отъезда из СССР Капа так комментировал эту точку зрения Стейнбека: «Он (Стейнбек) считает, что все, что происходит здесь, прогрессивно для России, но что для Америки такой путь совершенно не годится»³. Данная позиция писателя при всем «прогрессивизме» его взглядов в конце 1940-х гг. вычеркивала автора «Гроздьев гнева» из списка «друзей СССР» и автоматически переносила на сторону врагов, «поджигателей войны».

Конгрессы в защиту мира, согласно «Большой советской энциклопедии»,

объединили людей доброй воли, ведущих борьбу против войны, против применения варварских средств массового уничтожения людей – атомного, бак-

¹ Сталин И.В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы 9 февраля 1946 г. // Кардашов В.И., Семанов С.Н. Иосиф Сталин: жизнь и наследие. М.: Новатор, 1998. С. 486.

² ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 180.

³ Там же. Л. 176.

Л. И. Казакова (Жданова)

териологического и химического оружия, за мирное сосуществование государств с различным социальным строем¹.

Однако на Конгрессе большое внимание было уделено обсуждению не только мирных инициатив, но и козней врагов: так, красной нитью в выступлениях делегатов Конгресса прошел эпизод с трехмесячным заключением американского писателя Говарда Фаста из-за того, что он отказался предоставить Комитету по расследованию антиамериканской деятельности список лиц, помогавших испанским антифашистам.

Один из выступающих, советский делегат Д.И. Заславский, сравнил подобное отношение Америки к «поборникам мира и демократии» с приемом в СССР Стейнбека, которому, напротив, «предоставили широкие возможности видеть все, что он пожелает»:

Мы здесь не только обменялись комплиментами <...> но и поспорили. В этом нет большой беды. Мы за идейные принципиальные споры в среде людей, борющихся за правду, ибо советские люди не боятся правды².

В речи И. Эренбурга на Конгрессе также была затронута тема Америки, но не как «тюрьмы» для своих свободолюбивых граждан, а как опасного друга-«опекуна» жителей Европы, лишаящего их знакомства с культурой и достижениями прогрессивных стран, и взамен насаждающего свою продукцию. По словам Эренбурга, «захватывая страны Западной Европы, янки несут с собой не Эйнштейна, не Стейнбека, не Фолкнера, не Фаста, не Хемингуэя, не Чаплина, а стандартные детективные романы, стандартные гангстерские фильмы»³.

Илья Эренбург, который, как и Симонов, познакомился со Стейнбеком еще во время их поездки в США в 1946 г., год спустя неоднократно встречался с ним в СССР: принимал участие во встрече писателей в доме К.М. Симонова в Переделкине, сопровождал американцев в поездке в Загорск (Сергиев Посад), участвовал в последнем прощальном ужине, организованном для Стейнбека и Капы Союзом писателей. В его материалах, опубликованных до 1947 г., как и в произведениях более позднего времени (в том числе в его книге воспоминаний 1960-х гг.

¹ Крылов Б.С. Всемирные конгрессы и конференции в защиту мира // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1969–1978. Т. 5. С. 450.

² На Всемирном конгрессе деятелей культуры в защиту мира // Известия. 1948. 29 августа. С. 4.

³ Эренбург И. Мир народам! // Правда. 1948. 12 сентября. С. 3.

«Люди, годы, жизнь»¹) помещены выбивающиеся из общего контекста выступлений советской прессы самые лояльные отзывы о Стейнбеке, где он называет его в ряду лучших американских писателей и указывает на его близость советским людям².

В марте 1950 г. на третьей сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира было принято Стокгольмское воззвание о запрете использования атомного оружия. Спустя несколько дней после его обнародования Эренбург снова обратился к Стейнбеку, наравне с другими «прогрессивными» западными писателями (Эрнесту Хемингуэю, Роже Мартену де Гару, Джону Б. Пристли, Эркину Колдуэллу, Андре Шамсону, Альберто Моравиа), с призывом подписать это обращение. Это открытое письмо Эренбурга, представлявшее собой, с одной стороны, личное обращение к известным писателям с подтверждением их былых заслуг в деле защиты мира, а фактически – ультиматум, было напечатано в качестве передовицы апрельского номера «Правды» и содержало в себе следующее обращение к Стейнбеку:

Я обращаюсь к вам, Джон Стейнбек. Вы говорили мне, что нужно развеять предвоенный туман. Вы побывали недавно в нашей стране, и вы написали книгу о вашей поездке. В этой книге вы говорите, что вам не понравилась советская пьеса, изображающая американцев, которые изготавливают предвоенный туман. <...> Вы заметили (и вы об этом написали), что советский народ не хочет войны. Я полагаю, что американский народ также не хочет войны. Именно поэтому я приглашаю вас выступить против кучки людей, строящих свое благосостояние на опасной и преступной игре с атомными бомбами. Я надеюсь, что вы не уклонитесь от вашего долга³.

Стейнбек, никак не отреагировав на призыв своего советского коллеги, от этого «долга» уклонился. И, хотя Эренбург писал про обращение Постоянного комитета, что «это не приговор, это – предупреждение», в отношении Стейнбека и других западных писателей, дистанцировавшихся в этот период от вопросов политики и отношений государств Восточного и Западного блоков, это стало настоящим «приговором». Если раньше в отношении Стейнбека сохранялись надежды, что

¹ *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Т. 3. М.: Советский писатель. 1990.

² См. напр.: *Эренбург И.* Американские впечатления // Литературная газета. 1946. 16 ноября. С. 2.

³ *Эренбург И.* Открытое письмо писателям Запада // Литературная газета. 1950. 5 апреля. С. 1.

однажды он займет просоветскую позицию» то теперь его «молчание» было расценено в негативном ключе как позорное бегство, капитуляция перед нарастающей силой реакции США, отказ от своих прежних «прогрессивных» воззрений – не только на бумаге, но и в жизни.

Совсем скоро идеологический «приговор» печатных советских институций вступил в силу. В июле 1950 г. в «Известиях» вышла статья за подписью Д. Шостаковича «Запретить атомное оружие!», в котором автор поименно назвал вошедших в лагерь поджигателей войны известных культурных деятелей, «потерявших честь и совесть», «ушедших от своего народа, хоронящих свою культуру»: Андре Мальро, Жана-Поля Сартра, Андре Жида, Эптона Синклера и Джона Стейнбека. По поводу последнего он высказался отдельно:

Советским читателям хорошо известен Джон Стейнбек, автор романа «Гроздь гнева». Но из-под пера этого некогда умевшего мыслить писателя вышла книга «Бомбы вниз!». Стейнбек совершил прыжок из лагеря прогресса и человеколюбия в лагерь оголтелой реакции, варварства и канибализма. Таков отвратительный облик этих предателей, верных слуг капитализма¹.

Спустя полгода на Втором Всемирном конгрессе сторонников мира в Варшаве Д. Шостакович заговорил о необходимости «получить возможность принести свои достижения, сообщать свои мысли другим народам», «наладить обмен всеми культурными ценностями, относящимися к прошлому, к настоящему и даже существующим лишь как предположение для будущего, между всеми народам земли»². И, чтобы наглядно продемонстрировать, как «наши враги борются с культурой», как в разных странах относятся к «инакомыслящим», выходцам из других систем, он рассказал о теплом приеме американского писателя Стейнбека в СССР («Из американцев последним в нашей стране был Стейнбек и, кажется, никогда не жаловался на прием»³) и недавнем отказе на въезд в США советским писателям Фадееву, Тихонову, Эренбургу, Симонову и его собственной неудавшейся попытке провести концерт в Великобритании, когда английское правительство отказало ему в получении визы⁴.

¹ Шостакович Д. Запретить атомное оружие! // Известия. 1950. 6 июля. С. 2.

² Речь Д. Шостаковича // Правда. 1950. 23 ноября. С. 5.

³ Там же.

⁴ Так же, как в случае с писателем Андреем Платоновым, важно отметить двусмысленность этих и других громких высказываний, приписываемых Д.Д. Шостаковичу.

К обращению Эренбурга к Хемингуэю и Стейнбеку в декабре 1950 года присоединился П. Неруда, чье письмо было также опубликовано в передовице «Литературной газеты». Оно было еще более риторическим и эмоционально окрашенным:

Стейнбек, автор замечательных книг! Почему ты ничего не говоришь о Говарде Фасте? Или ты согласен с тем, что большой писатель, выступающий в защиту мира, должен писать свои романы в тюрьме? Стейнбек, Стейнбек! Что сделал ты со своим братом?¹

Советская пресса о Стейнбеке (1951–1954)

Красноречиво свидетельствуют об окончательном изменении отношения советской прессы к Стейнбеку две статьи американских авторов, вышедшие в 1951 г. на страницах советской печати и напрямую касающиеся Стейнбека и его творчества. Переводная статья Дж. Кларка говорит об упадке искусства США на примере писательской судьбы Дж. Стейнбека:

Под влиянием прогрессивного движения 30-х годов Стейнбек сумел создать произведение такой большой разоблачительной силы, как роман «Гроздь гнева». Однако последующие произведения Стейнбека говорят о его деградации как писателя. <...> Так, подвергнутый проверке в критические времена, когда «испытываются души людей», Стейнбек ушел из настоящего искусства. Правда, Стейнбек не изъял из обращения роман «Гроздь гнева». Но есть писатели, которые идут на эту позорную форму капитуляции...².

Помимо известного факта о непростом характере композитора и о его сложных взаимоотношениях с советскими властями, существуют множество устных и письменных свидетельств того, как и за счет чего формировался в прессе публичный образ Шостаковича, и отношения к этому самого музыканта. В качестве одной из иллюстраций можно привести воспоминание скульптора Эрнста Неизвестного о том, как Шостакович советовал ему подписать письмо, написанное за него Е.А. Евтушенко в идеологическую комиссию ЦК, и тот в свою очередь спросил музыканта:

– Дмитрий Дмитриевич, а Вы все подписывали?

Он вдруг очень резко и раздраженно сказал:

– Да, да, да, я подписываю все! Я даже научился подписывать любые бумаги вверх ногами, чтобы НЕ ЧИТАТЬ!» (*Неизвестный Э.И.* Я буду говорить о Шостаковиче // Лебедь. 2002. 22 декабря. № 303).

¹ *Неруда П.* Борьба и песни // Литературная газета. 1950. 28 декабря. С. 1.

² *Кларк Дж.* Искусство в современной Америке. С. 4.

Вторая статья принадлежала перу Г. Фаста, который после своего непродолжительного тюремного заключения в глазах советских людей продолжал оставаться мучеником, «узником свободы», главным символом ущемления прав личности США. В своей статье Фаст обратился к писателям-соотечественникам –

...к Джону Стейнбеку и Артуру Миллеру, к Эрскину Колдуэллу и Эрнсту Хемингуэю, к Лилиан Хеллман и Ирвину Шоу, к Винсенту Шиэну и Бадду Шалбергу, к Арчибальду Маклишу и Карлу Сэндбергу, к Джону Херси и всем другим из этой большой компании «молчальников»¹.

Предметом его речи послужила казнь семи негров в Мартинсвилле, Вирджиния, обвиненных в изнасиловании белой женщины. По мнению Фаста, американские писатели, «закутавшись в мантию великолепного молчания, стали соучастниками еще одного из многих чудовищных преступлений, которые хранит память угнетенных народов»². И в конце он бросает своим коллегам предупреждение:

Вам не сбросить с плеч ответственности, которая лежит на вас, ибо ныне даже мертвые не молчат; и вы услышите их голоса, даже если будете глухи³.

Эпизод с отказом Стейнбека присоединить свою подпись к Стокгольмскому воззванию еще неоднократно будет возникать в ряде советских заметок, все более выставляя Стейнбека как участника этого «молчаливого предательства». Так в рецензии, посвященной недавно опубликованному в СССР роману американского писателя и физика М. Уилсона «Жизнь во мгле» (в переводе Н. Ветошкиной; оригинальное название романа – “Live with Lightning”, 1949) о проблеме использования атомной энергии, советский журналист связал общественную позицию ряда американских авторов, в том числе и Стейнбека, с «наступлением фашиствующей реакции на интеллигенцию» и с различной реакцией ее представителей:

Одни – такие, как Поль Робсон, Говард Фаст, Альберт Мальц, Виктор Джером, Альберт Кан и другие, – мужественно и стойко продолжали начатую

¹ *Фаст Г.* Предательское молчание // Литературная газета. 1951. 17 мая. С. 4.

² Там же.

³ Там же.

ими борьбу. Другие, подобно Джону Стейнбеку, Клиффорду Одету, Ирвину Шоу, капитулировали перед поджигателями войны, продали им свои перья и сами превратились в трубадуров реакции и агрессии. Третьи пытаются от-молчаться¹.

В этих строках советского рецензента отчетливо виден перевод Стейнбека с нейтральных позиций «молчальников» в стан врагов.

Однако еще более заметным этот перелом отношения к Стейнбеку стал в публикациях «Правды» о поездке Стейнбека в качестве корреспондента “Collier’s” в Северную Африку и Европу. В центре рассмотрения советского издания оказалась одна поездка писателя в винодельческий район Франции провинцию Юра, чтобы, как и в Советском Союзе, на земле в разговорах с местными жителями постичь «душу Франции».

Автор заметки, М. Поликанов, начинает ее так:

Американский писатель Стейнбек, давно сменивший служение литературе на служение доллару, недавно посетил Францию. Миссия этого провокатора войны состояла в том, чтобы разведать настроение французского народа, а также проверить, насколько эффективна империалистическая пропаганда войны, в частности, пропаганда против Советского Союза и других миролюбивых народов².

В основе статьи лежит рассказ самого Стейнбека об этой поездке, напечатанный им в “Collier’s” от 30 августа 1952 г.³, однако советский автор не дает перевода оригинального текста Стейнбека, а пересказывает его содержание, по-своему расставляя акценты. Так, в советской интерпретации беседуя с простыми французскими крестьянами Стейнбек пытался сбить их с «правильного пути», убедить в необходимости перевооружения и подготовки к войне ввиду наличия сильнейшей русской и коммунистической опасности, однако в ответ слышал упреки французов по поводу назначения Риджуэя и присутствия американских войск в Франции, а также их неоднократные заявления о ненависти к войне и неизменной приверженности миру.

¹ Ветошкина Н. Талантливая книга // Литературная газета. 1952. 7 августа. С. 4.

² Поликанов М. Отпор проповеднику ненависти // Правда. 1952. 14 сентября. С. 6.

³ Steinbeck J. The Soul and Guts of France // Collier’s. 1952. August 30. P. 26–30.

Статья Поликанова заканчивается живой сценкой:

Стейнбек опять попытался застрашать крестьян уже не только «русской», но и «коммунистической опасностью». И опять не имел успеха.

– Все, чего мы хотим, это – мир! – воскликнул один из крестьян <...>

Война нам надоела! Война нам отчаянно надоела!

– Считаете ли вы, что все французы так настроены? – спросил Стейнбек.

– Думаю, что да, – последовал ответ.

Так провокатор войны получил отпор у простых французских крестьян. Его проповедь войны и ненависти между народами провалилась¹.

К вопросу о поездке Стейнбека во Францию М. Поликанов вернулся еще раз – в начале 1953 г. в статье «Характерные признания». В этой заметке речь шла о проверке, которую провел в департаменте Юра депутат французского парламента Виатт, представляющий христианско-демократическую партию МРП², по следам визита американского писателя.

На создание Стейнбеку репутации яростного поджигателя войны, подкупленного реакционным правительством США, нацелена и заметка члена компартии США, журналиста и писателя М. Голда под названием «Мысли об американских писателях» (1953). В отличие от французского очерка Стейнбека, фактически переписанного советским рецензентом заново, статья Голда (перепечатка из журнала “Masses and Mainstream”), несмотря на большой объем, была опубликована практически целиком.

Творческий талант Стейнбека Майкл Голд оценивает весьма скептически:

После многих лет барахтанья в мистике Стейнбек лишь один раз приблизился к правде и к народу, когда он написал реалистическую эпопею кризиса – «Гроздь гнева»³.

Далее в своей статье он вспоминает встречу со Стейнбеком еще до написания «Гроздь гнева». По его словам, в то время Стейнбек жил в бревенчатой хижине и приветствовал приехавших гостей с бурной ра-

¹ Поликанов М. Отпор проповеднику ненависти. С. 6.

² МРП от Mouvement républicain populaire (франц.) – «Народно-республиканское движение».

³ Голд М. Мысли об американских писателях // Литературная газета. 1953. 2 июля. С. 3.

достью. Он показал им телеграмму, которую получил в то утро от своего издателя, в которой сообщалось, что его книга «О мышах и людях» только что вышла в свет и имела грандиозный успех:

Стейнбек проливал слезы в рюмку: «Первый мой успех! Боюсь его до смерти, боюсь! Не хочу быть богатым! Писатель должен всегда оставаться бедным и честным! Что теперь со мной будет?!»

Увы, опасения оправдались! Стейнбек ездит во франкистскую Испанию и поет ей дифирамбы, в то время как кровь героев, отказывающихся подчиниться фашизму, льется на улицах. На страницах журнала «Кольер» Стейнбек выступает, как активный пропагандист атомного империализма¹.

Биографические справки о Стейнбеке Иностранной комиссии Союза писателей (1950–1954)

Идеологические установки холодной войны не менее ясно видны во внутренней документации советских литературных институций. За период 1950–1954 гг. Иностранной комиссией Союза советских писателей (ИК ССП) было составлено три биографические справки о Стейнбеке.

В первой из них от 1950 г. после краткого обозначения творческого пути Стейнбека до «Гроздьев гнева» сказано: «Весь дальнейший путь Стейнбека – путь политического отступничества и творческого падения»².

Автор этого документа подробно акцентирует свое внимание на недостатках военного и послевоенного творчества Стейнбека. Так, по его мнению, в романе «Луна зашла», описывая историю оккупации немцами некоей европейской страны, Стейнбек «извращает задачи и методы антифашистской борьбы». В книге «Бомбы вниз!», написанной по личному заказу генерала Арнольда, Стейнбек «выступает вербовщиком молодежи в ряды военно-воздушных сил США, совершенно умалчивает о характере и целях войны и откровенно заявляет о том, что США начали борьбу за мировое господство и “выйдут из войны в роли руководителя и будут вершить делами послевоенного мира”». В романе «Консервный ряд» советский рецензент видит проповедь «пассивного отношения к жизни и возврат к “простым радостям жизни”, т.е. к удовлетворению животных инстинктов», а в «Заблудившемся автобусе» – клевету автора

¹ Там же.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1163. Л. 15.

на американский народ, в которой он ухитряется обогатить прогрессивную Америку и под видом «псевдогуманистического копания в жизни “маленького человека” учит смиренно принимать американскую действительность, уверяет в бесполезности попыток изменить ее». О «Русском дневнике» сказано только, что в этой книге Стейнбек допускает ряд антисоветских выпадов. И, наконец, в отношении последней пьесы Стейнбека «Горящий ярко» приводится мнение прогрессивного журнала “Masses and Mainstream” о том, что «общество, история, подлинные взаимоотношения живых людей – все это остается за пределами книги, написанной в невыносимо претенциозном духе псевдопоэзии»¹.

Таким образом, автор данной биографической справки приходит к выводу, что «все творчество Стейнбека последних лет свидетельствует о реакционности его мировоззрения и декадентском характере его творчества»².

Биографические сведения о литературной деятельности и политической позиции Джона Стейнбека 1951 г.³ полностью повторяет предыдущие.

В справке о жизни писателя за 1954 г. появляется добавление, связанное с выходом его последнего романа «К востоку от рая», о котором говорится, что он «глубоко реакционен по своему идейному содержанию»⁴. Также советский референт говорит об антисоветских выступлениях Стейнбека в периодической печати:

...Стейнбек в последние годы неоднократно выступал с политическими высказываниями, весьма недвусмысленно объявляя борьбу идеям не только коммунизма, но и коллективизма вообще и клевета на Советский Союз. Совсем недавно во французской печати было опубликовано политическое кредо Стейнбека⁵, изобиловавшее злобно антикоммунистическими и антисоветскими измышлениями⁶.

¹ Там же. Л. 15–16.

² Там же. Л. 16.

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3774. Л. 1–2.

⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3813. Л. 4.

⁵ Имеется в виду статья в “Le Figaro littéraire” от 18 сентября 1954 г., в которой «Стейнбек выступал с клеветническими измышлениями по адресу коммунистических партий и стран демократического лагеря, повторяя избитые тезисы самой реакционной пропаганды о «подавлении свободы личности» и т.д.» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3828. Л. 10).

⁶ Там же.

«К востоку от рая» (1952)

В сентябре 1952 г. в издательстве “Viking Press” был опубликован новый роман Стейнбека – «К востоку от рая» (“East of Eden”). И, как и в других работах Стейнбека, оценки критики о ней кардинальным образом разошлись, что не помешало книге в скором времени войти в список бестселлеров.

Рецензент “New York Times” Орвилл Прескотт в рецензии к только что опубликованному роману отметил:

...сегодня была опубликована лучшая и наиболее амбициозная работа Стейнбека со времен «Гроздьев гнева». Громоздкая по своей структуре и обезображенная непомерными мелодраматизмами и в большом количестве встречаемой дешевой сенсационностью, «К востоку от рая», тем не менее, серьезная и в целом успешная попытка автора совладать с огромной темой. <...> Его герои, мужчины и женщины, уже не слабые и недалекие животные, как это было в «Консервном ряду» и «Заблудившемся автобусе». Они – люди, сильные и слабые, мудрые и глупые, иногда порочные, но их жизни представлены многозначительно в «торжестве их выбора». «К востоку от рая» – это провозглашение Стейнбеком свободной воли и внутренне присущего благородства человека¹.

Х.К. Уэбстер из “Saturday Review” в своей рецензии также отметил эту двойственность восприятия нового романа Стейнбека:

Несмотря на то, что «К востоку от рая» не является великим произведением согласно строгому соглашению о формальной чистоте, широко распространенной сейчас, потребуется равное количество надменности и глупости, чтобы отрицать, что это одно из лучших произведений последних десяти лет и лучшая книга Джона Стейнбека, написанная со времен «Гроздьев гнева»².

Немало было и отрицательных отзывов на книгу. Так, по мнению “Time”,

в том виде, в каком он есть, роман «К востоку от рая» – это огромная сборная солянка, в которой бессмысленность и несообразность мелодрамы выплы-

¹ Prescott O. Books of the Times // New York Times. 1952. September 19. P. 21.

² Webster H.C. Out of the New-born Sun // Saturday Review. 1952. September 20.

вает столько же часто, как хорошая повествовательная манера и правдоподобное сопровождение. <...> Но даже в качестве рассказа о первопоселенцах в новой стране или просто о мужчинах и женщинах, реализующих свою частную земную судьбу, роман «К востоку от рая» представляется слишком неумелым и некорректно выполненным, чтобы строить на этом все повествование¹.

А разбор рецензента “New Yorker” Энтони Уэста² оказался Стейнбеку настолько ехидным и неприятным, что тот в свою очередь в письме Карлтону А. Шеффилду иронически отметил:

Интересно, что так сильно разозлило его – ведь это был действительно злой текст. Я бы хотел увидеться с ним, чтобы обсудить, что стало причиной его столь сильной ненависти и страха перед этой книгой³.

В целом, хотя многие критики колебались между положительной и отрицательной оценкой книги, большинство статей американской периодики отнеслись к ней как к «серьезному большому достижению серьезного большого автора»⁴.

В СССР знакомство с книгой «К востоку от рая» произошло в начале 1953 г., когда сотрудник Иностранной комиссии Союза советских писателей Е.С. Романова подготовила реферат отзывов американской печати, посвященных этому роману. В основу этого реферата была положена статья журналиста “People’s World”, центрального печатного органа компартии США, Роберта Фридмена от 17 ноября 1952 г.

В свой реферат Е.С. Романова включила утверждение Фридменом антигуманного и шовинистического характера романа:

В одном из своих авторских отступлений, – пишет Фридмен, – Стейнбек пускается в рассуждения о своей вере в свободу и в личность. Но когда свобода и личное достоинство превращается в чисто демагогические лозунги для прикрытия настоящей антидемократической программы правящего класса и его выразителей – этого противоречия не скроешь никак. А Стейнбек, уже

¹ It Started in a Garden // Time. 1952. September 22. P. 110.

² West A. California Moonshine // New Yorker. 1952. September 20. P. 22–23.

³ Steinbeck: A Life in Letters / eds E. Steinbeck, R. Wallsten. New York: Viking, 1975. P. 458.

⁴ Benson J.J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer: A Biography. New York: Viking, 1984. P. 731.

давно поставивший свое перо на службу поджигателей войны с Уолл-стри-та, с готовностью вторит и их шовинизму. Для него индейцы из Салинаса – «низшая каста, лишённая энергии, изобретательности и культуры». Негров он упоминает дважды: он рассказывает о негритянке, заразившей солдата гражданской войны венерической болезнью, и о содержательнице дома терпимости (следуя шовинистическим традициям, он именуёт ее презрительной кличкой «ниггер»)¹.

Также Романовой была взята на вооружение обрисовка Фридрихом настоящего политического облика Стейнбека и его отношение к последним мировым событиям:

Стейнбек ныне целиком связан с этим реальным (хотя и преходящим) злом, злом империалистических войн и расизма. Вот почему этот некогда одаренный художник может теперь писать: «В наше время массовое или коллективное производство вошло в нашу экономику, нашу политику и нашу религию настолько, что отдельные нации подменили идеей коллективизма идею бога. Это в мое время и является угрозой». И в другом месте: «Я считаю, что все в мире сводится к одной единственной проблеме... Люди – в жизни, в мыслях, в устремлениях, в их жадности и жестокости, равно как и в их доброте и великодушии – попадают в сети добра и зла».

Не массовые убийства в Корею, не расовая ненависть к негритянскому народу, не полицейский террор представляется Стейнбеку угрозой. «Коллектив» для него пугало. Единение людей в борьбе за мир и за демократию – грозный признак, а непреодолимая «сеть добра и зла» – вот тот барьер, который не может якобы преодолеть человечество. Так Стейнбек лакейски служит госдепартаменту².

Отзыв самой Романовой о книге Стейнбека «К востоку от рая» появился только спустя полтора года в «Литературной газете» и представлял собой опровержение вышедшим хвалебным отзывам о романе «реакционных» журналов “Saturday Review” и “New York Herald Tribune”.

В этой заметке Е.С. Романова вслед за рецензентом из “People’s World” представляет книгу Стейнбека как коллекцию жестоких и «омерзительных сцен насилия и разврата», обвиняя автора в низкопробном материале и в бесформенности сюжетно-композиционной структуры романа:

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3799. Л. 13.

² Там же. Л. 14.

Предельная аморфность литературной формы свидетельствует о деградации писателя, некогда приблизившегося, было, к подлинным высотам художественного мастерства¹.

Причины этой творческой неудачи советский автор видит в «глубоко реакционном характере основной идеи романа, которая выражается и в образах действующих лиц и в авторских отступлениях»:

На протяжении всего романа Стейнбек перепевает множество избитых в реакционной буржуазной литературе США мотивов. Здесь и антинаучные измышления о цикличности исторического процесса, и варварские разглагольствования о присущем человеку инстинкте убийства, и циничные предостережения тем, кто вступает в борьбу против власти денег. <...> Стейнбек делает все, чтобы принизить войны освободительные и превознести захватнические, хищные набеги на чужие территории. О войне американцев за независимость он развязно заявляет: «Мы побили их (англичан. – *Е.Р.*), но хорошего это нам дало немного. Приобрели мы всего-навсего спаленный пожаром Белый дом и десять тысяч вдов на пособия». Вот война с Мексикой – это совсем иное дело: «...Мы получили много западных земель, почти вдвое расширили свои владения...». К тому же это была, по мнению Стейнбека, неплохая «тренировка для американских генералов»².

В вину писателю также ставится очернение идеи коллективизма, в котором тот видит наибольшую опасность нашего времени, его высокомерно расистское пренебрежение к другим национальностям (в частности, китайцам и индейцам) и текстуальное приближение, фактически уравнивание человека и животного, оскорбляющее советского гражданина.

Наконец, автор выносит следующий вердикт новому роману Стейнбека:

Политический смысл этой идеи достаточно ясен. Посеять в человеке семена уныния, безверия, покорности, отдать его во власть рабьей психологии, – вот какую цель преследует роман Стейнбека, и вот за что рукоплещет ему реакционная критика³.

¹ Романова Е. «Философия» мистера Стейнбека // Литературная газета. 1954. 10 июля. С. 4.

² Там же.

³ Там же.

Вплоть до начала 1960-х гг. статья Романовой представляла собой единственное упоминание в советской прессе об этом романе Стейнбека.

Стейнбек об СССР после «Русского дневника» (1948–1960)

«*Дуэль без пистолетов*» (1952). В конце 1950-х гг. и в 1960-х гг. было написано несколько «открытых писем» Джону Стейнбеку. Эта традиция сложилась в сталинское время: открытые письма выполняли политический заказ и представляли собой глубоко идеологизированный ритуал эпохи сталинизма. После 1953 г. цель этих акций также заключалась не в получении ответа от адресата, но в «создании прецедента, формировании общественного мнения»¹. Такими, например, были открытые письма Стейнбеку советского критика А.Н. Макарова (опубл. в «Иностранной литературе», 1957), писателя Ф.Т. Кравченко (находится в архиве «Литературной газеты», напечатано не было, 1964), Е.А. Евтушенко (опубл. в «Литературной газете», 1966). О реакции Стейнбека на эти советские письма никаких свидетельств не сохранилось, вполне возможно, он даже не догадывался об их существовании. Однако о том, каким могло быть отношение Стейнбека к инвективам советских авторов можно предположить по инциденту, который произошел во время поездки американского писателя в Италию в 1952 г. и был им подробно описан и опубликован в «Collier's» в статье под названием «Дуэль без пистолетов» («Duel Without Pistols»)².

Волей судьбы во время въезда в Рим Стейнбек оказался в кортеже только что прибывшего в столицу генерала М. Риджуэя, сменившего Эйзенхауэра на посту верховного главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе и направлявшегося в тот же отель, что и Стейнбек. Через какое-то время писатель увидел на римских прилавках газету с громким названием «Открытое письмо Джону Стейнбеку» и был польщен подобным вниманием к его приезду. Однако оказалась, что эта заметка была напечатана в крупнейшем коммунистическом издании Италии – «L'Unità», и ее автор Эцио Таддей использовал совпавший по времени приезд Стейнбека и Риджуэя, чтобы обвинить США в приме-

¹ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение. 2001. С. 178.

² Steinbeck J. Duel without Pistols // Collier's. 1952. August 23. P. 13. Далее статья цитируется по этому источнику.

нении бактериологического оружия в Корею и бесчинства американских солдат, которые «вымостили дорогу для своих танков телами маленьких детей». Все это также ставилось в вину Стейнбеку, который не осудил действия главнокомандующего и своей страны, санкционировавших эти преступления против человечности. Подобно своим коллегам из Советского Союза, итальянский журналист риторически восклицал: что же случилось с человеком, когда-то написавшим «Гроздь гнева»?

Стейнбек, который обычно никогда не отвечал газетчикам, считая это «заранее проигранной игрой», потому что «ты ответишь колумнисту один раз, а у него ежедневная колонка», в этот раз не смог промолчать. Он подсчитал, что «выпад Таддея против Америки» могут прочитать более миллиона человек:

В течение недели значительная часть из этого миллиона будет считать, что все, о чем там написано, было действительно мной сказано. И, если я не отреагирую, я был уверен, что красные начнут громко вопить, что я испугался, либо они расценят мое молчание как согласие с ними. По своему опыту я знал, что они довольно нечестные соперники.

Поэтому Стейнбек принял решение ответить на вызов Таддея (Стейнбек поясняет в статье, что в этом решении он руководствовался не благородными мотивами, а просто был «ужасно зол на человека, который пытался его втянуть в грязную политику») и в течение нескольких дней направил в редакцию “L’Unità” ответ на выступление итальянского журналиста «на десять страниц, где абзац за абзацем комментировал письмо Таддея, благо, тот совершил ошибку, используя ложные утверждения, которые было легко опровергнуть отсылками к официальным документам».

Ответ Стейнбека в “L’Unità” был рассмотрен, но там его сочли излишне длинным и предложили немного сократить, что американский писатель наотрез отказался делать. Последовавшая затем встреча Стейнбека и итальянских коммунистов, по его словам, была крайне вежливой и бестолковой, поскольку на ней представители “L’Unità” пытались «мягко» убедить писателя сократить свой текст самостоятельно, а Стейнбек также мягко и твердо настаивал на своем авторском праве представлять к публикации тот текст, который он считает нужным. Стейнбек говорил, что в противном случае он отдаст свой материал другой итальянской газете, на что итальянцы возражали, что они ни одна газета в Италии не возьмется печатать текст Стейнбека из-за его длины.

В результате в “L’Unità” все же опубликовали «коммунистически укороченный» вариант письма Стейнбека, присовокупив в нему комментарий Таддея, который оказался длиннее оригинала письма американского автора. Однако Стейнбек был готов к такому повороту и своевременно направил полный вариант своего письма в другое итальянское еженедельное издание – газету “Il tempo”, напечатавшую его без купюр.

На следующий день, после того как полный текст письма Стейнбека вышел в “Il tempo”, по его словам,

случилась небольшая лихорадка. “L’Unità” объявила, что я фашист и что моя публикация была проплачена фашистами. Коммунисты сказали также, что “Collier’s” является частью широко известной национал-фашистской-империалистической-уолл-стритовской канибалистской группы, которая была организована с целью подорвать рабочие классы. Более того, они подвергли пересмотру мои произведения, которые оказались никудышными.

У этого эпизода, помимо прямой аналогии с характером советских заметок о Стейнбеке, имеется несколько деталей, отсылающих к советскому опыту Стейнбека, его поездке в СССР в 1947 г.

Во-первых, перед встречей с представителем редакции “L’Unità”, с которым он должен был обговорить условия публикации своего письма в их издании, Стейнбек обдумывал различные каверзы, которые могли его ожидать при этом разговоре, например:

если они последуют технике русских¹, их человек не будет не знать английского, соответственно он придет не один. И в результате все будет обговорено через посредника, и я так и не узнаю, что произошло.

Во-вторых, когда после этого инцидента также присутствовавшая в Риме жена Стейнбека Элейн решила сделать фотографию Таддея, что-

¹ В «Русском дневнике» Стейнбек пишет об этой трудности коммуникации с советскими журналистами. После того, как журналист ТАСС по Украине взял у него интервью, Стейнбек попросил перевести его ответы с русского обратно на английский и убедился, что записанные ответы не соответствовали тому, что он сказал изначально. Стейнбек прокомментировал эту ситуацию следующим образом: «Здесь не было злого умысла, и дело даже не в трудности перевода с одного языка на другой. К языковым проблемам это не имело прямого отношения. Это был перевод с одного образа мышления на другой. Наши собеседники были приятные и честные люди, но мы не могли найти с ними общего языка. Это интервью стало последним, больше я на них не соглашался». (Стейнбек Дж. Русский дневник. С. 74).

бы проиллюстрировать статью мужа, она столкнулась с тем, что Стейнбек обозначил в «Русском дневнике» понятием «русский гамбит»¹: первая англоговорящая девушка, поднявшая трубку в редакции “L’Unità”, сказала, что их офис не работает и откроется не раньше пяти тридцати, во второй раз после означенного времени трубку взял итальянец, не говоривший по-английски, в третий раз – другой итальянец с голосом, очень похожим на предыдущего, но уже говоривший по-английски. Он сказал, что узнает насчет возможности получить фотографии у Э. Таггея, в настоящий момент, к сожалению, отсутствующего в офисе, и перезвонит. Но, как пишет Стейнбек, конечно же, не перезвонил.

В этой статье Стейнбек с присущим ему юмором описал свою «дуэль без пистолетов» не только с итальянскими газетчиками, но с коммунистическим мировоззрением вообще. Эта дуэль, с его точки зрения, походила на борьбу Дон Кихота с ветряными мельницами (а этого персонажа Стейнбек особенно любил и нередко себя с ним ассоциировал), на первый взгляд бессмысленная, но на самом деле важная и необходимая. О необходимости вести эту борьбу несмотря ни на что писал Стейнбек в послании другу – шведскому художнику Бо Бескову:

Если это (советский тоталитаризм – Л.К.) то, к чему мы идем, я надеюсь не увидеть это своими глазами и не увижу, потому что буду бороться с этим. Бог знает, что мы далеки от совершенства, но мы гораздо лучше, чем это. Мы можем создать шум, даже если немногие услышат его².

Письма Стейнбека об СССР (1947–1958). По словам биографа Стейнбека Дж. Бенсона,

«антикоммунизм» писателя происходил в значительной степени от его осведомленности о том, как коммунизм душит индивидуальность. Он наблюдал это среди молодых коммунистов 1930-х гг. в Калифорнии, и видел это в России, и был в ужасе от того, с какой тщательностью и жестокостью там

¹ В «Русском дневнике» Стейнбек рассказывает о природе этого явления следующее:

«Мы слышали о русской игре – назовем ее «русский гамбит» – выиграть в которой редко кому удается. Она очень проста. Чиновник из государственного учреждения, с которым вы хотите встретиться, то болен, то его нет на месте, то он попал в больницу, то находится в отпуске. Это может продолжаться годами. <...> И нет способа противостоять этому гамбиту. От него нет никакой защиты, единственный выход – расслабиться». (Стейнбек Дж. Русский дневник. С. 21).

² Steinbeck: A Life in Letters. P. 403.

выслеживаются и искореняются все следы независимой мысли. (При том, что он в каком-то роде являлся специалистом по России, посетив эту страну трижды – и две поездки длились по несколько месяцев каждая – и увидев большую часть страны и поговорив с большим количеством ее людей, чем большинство дипломатов и журналистов, которые здесь останавливались)¹.

Факты, приведенные в исследовании Б. Кеннарда, также свидетельствуют о том, что, несмотря на сложившуюся в конце 1930-х гг. репутацию Стейнбека, как левого писателя, его убеждения и взгляды отличались сложностью и динамичностью. Документально подтвержденная готовность Стейнбека сотрудничать с разведкой в 1952 г., тот факт, что в разгар маккартизма его (автора «Гроздьев гнева», к тому же дважды побывавшего в СССР) ни разу не потревожила Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности (HUAC)² – все это убедительно свидетельствует об изменении позиции Стейнбека, который на протяжении 1940–1960-х гг. все более последовательно придерживался идеи американского патриотизма, занимал охранительную позицию по отношению к американской демократии, вплоть до решительно «поправения» – к началу войны во Вьетнаме.

Антикоммунистические убеждения росли и развивались в течение всей жизни Стейнбека – от интереса к левому движению 1930-х гг. в Калифорнии (результатом которого отчасти стало написание книг «В сомнительной схватке» и «Гроздьев гнева») до открытого декларативного неприятия, осуждения коммунизма и политики СССР в его вьетнамских «Письмах к Алисии» 1960-х гг., т.е. последнего периода его жизни.

Кроме того, можно сказать, что в силу особенностей его характера антикоммунистические воззрения писателя носили в большей степени латентный характер. За исключением некоторых немногочисленных фраз, реке пассажей, в его статьях и книгах, в его творчестве имеется очень мало прямых оценок того, что происходило в Советском Союзе. Даже в «Русском дневнике» одним из его основных постулатов было – «избегать политики и крупных проблем», «держаться подальше от Кремля, от военных и от их замыслов»³.

Меж тем, происходящее в России, хотя было далеко не его главным интересом, в течение многих лет являлось одной из тем, крайне

¹ *Benson J.J.* The True Adventures of John Steinbeck. P. 720.

² См.: *Kannard B.* Steinbeck: Citizen Spy. P. 155.

³ *Стейнбек Дж.* Русский дневник. С. 9.

занимавших и задевавших писателя за живое. Доказательством тому, помимо его многократных поездок в СССР, служат личные письма американского автора друзьям, в которых он в разные годы снова и снова возвращался к теме коммунизма и советского строя.

Примечательно, что в письмах, созданных Стейнбеком непосредственно в СССР, так же, как и в статьях, печатавшихся в “New York Gerald Tribune”, и «Русском дневнике», вышедшем по результатам этой поездки, американский автор пишет о Советском Союзе, хотя насмешливо, но в целом весьма доброжелательно. В собрании писем Стейнбека “Steinbeck: A Life in Letters” (1975) помещены три его письма из СССР – два адресованных издателю Паскалю Ковичи из Киева и одно жене писателя Гвендолин из Сталинграда, которые выражают его очень сильные и теплые эмоции по отношению к советским людям и к местам, где он побывал. К примеру, из Киева Стейнбек пишет:

Это прекрасная страна и прекрасный город, который, к сожалению, был жестоко и безумно разрушен немцами. Восстановление идет по всем фронтам, но с приложением больших усилий – из-за того, что до сих пор не хватает машин. <...> Эти украинцы очень гостеприимны и с прекрасным чувством юмора. Я записал все разговоры с крестьянами и рабочими из опаски, что позабуду их. Нам ужасно повезло, что мы находимся здесь. Мы увидели здесь очень много¹.

В.С. Тольц объясняет столь теплую, полную симпатии оценку обоими американцами увиденного в конце поездки психологическим моментом:

С ними приключилась довольно обычное: как многие богатые иностранцы после достаточно длительного пребывания в бедных странах, они пообвыкли к окружающей, поначалу поразившей их повседневной скудости, и это положение дел стало казаться обычным, приемлемым и даже улучшающимся².

В продолжении самой поездки сам Стейнбек от многочисленных вопросов, в обилии поступавших к нему от советских людей о том, каковы его впечатления о Советском Союзе, как правило, уклонялся, отвечая, что «его впечатления не формируются так быстро»³. И в самом

¹ Steinbeck: A Life in Letters. P. 298.

² Тольц В.С. Три дневника.

³ ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 161.

деле, когда его отделила от СССР временная и пространственная дистанция – спустя полгода после поездки в США – положительные картины быта простых советских людей стали все больше вытесняться невеликими размышлениями об отсутствии в СССР того, без чего Стейнбек не мыслил своего существования, – творческой жизни.

Так, в процессе подготовки к печати «Русского дневника» в Америке, в феврале 1948 г. Стейнбек пишет своему другу, шведскому художнику Бо Бескову:

Русские куски в газетах получились здесь весьма успешными. Я не знаю, что сделает книга. Русские сделали столько всего плохого в последнее время со своим художественным оуплением, своими глупыми нападками на музыкантов¹ и запретом на общение собственных граждан с иностранцами, что это не может не печалить меня. Похоже, что мы там оказались последними на долгое время. Из-за нового запрета мы бы не смогли пообщаться ни с одним тех людей, с которыми мы общались. Они практически полностью уничтожили всю хорошую или хотя бы интересную живопись². У них осталось не очень много хорошей литературы, и теперь они управились с музыкой. Тупые сукины дети. Интересно, ведется ли какая-нибудь скрытая работа в их литературе и живописи. Я буду удивлен, если горстка творческих личностей не занимается этим в каком-нибудь подвале. Обычные русские – такие хорошие люди³.

¹ Речь идет о Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) Об опере «Великая дружба» В. Мурадели 10 февраля 1948 г., опубликованном в «Правде» 11 февраля 1948 г. и осудившим «формализм в музыке», нашедший «свое наиболее полное выражение в произведениях таких композиторов, как гг. Д. Шостакович, С. Прокофьев, А. Хачатурян, В. Шебалин, Г. Попов, Н. Мясковский и др., в творчестве которых особенно наглядно представлены формалистические извращения, антидемократические тенденции в музыке, чуждые советскому народу и его художественным вкусам». (Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) Об опере «Великая дружба» В. Мурадели 10 февраля 1948 г. / Власть и художественная интеллигенция. С. 631).

² Во время приезда Стейнбека и Капы в СССР в 1947 г. неоднократно поднималась тема современного искусства и, в частности музыки и живописи. Для понимания различия в отношении к нему американских гостей и советских служащих характерен следующий разговор: «Вечером у меня возник со Стейнбеком спор по вопросам искусства. Я высказал Стейнбеку свое личное мнение о современной упаднической музыке, которую народ не любит и не понимает. Стейнбек сказал, что все новое прогрессивно уже потому, что оно ново. Он отнес к прогрессивным течения в искусстве футуризм, кубизм и пр. По мнению Стейнбека, в искусстве, как и в жизни, не бывает движения назад». (ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 131).

³ Steinbeck: A Life in Letters. P. 306.

Следующее письмо, адресованное тому же Бо Бескову в 1950 г., также явилось реакцией на упомянутое выше заявление Д. Шостаковича¹, сделанное им после третьей сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. В этом письме Стейнбек продолжает свою мысль о гнетущем влиянии коммунистической идеологии и образа жизни на своих же граждан – советских людей, однако углубляет ее и поднимается почти до эсхатологических пророчеств:

Меня ужаснул подкравшийся паралич, который исходит от Кремля, смерть искусства и мысли, смерть личности и единственной творческой вещи на земле – индивидуальности. Когда я был в России пару лет назад, я не увидел ни одной творческой вещи. Интеллектуалы, как попугаи, повторяли статьи, которые они прочитали в безопасных журналах. Это вызывает у меня не просто сожаление, это вызывает тошноту. Из всех книг, испрошенных и посланных тем, кто просил об этом, ни одна не была получена. И даже теплый свитер и варежки для девочки, и кукла для малышки не были разрешены к выдаче. Я не думаю, что войны могут решить проблемы, но как-то нужно это остановить, иначе с миром будет покончено, он рухнет в черный хаос, снова начнутся темные века. Если это то, к чему мы идем, я надеюсь не увидеть это своими глазами и не увижу, потому что буду бороться с этим. Бог знает, что мы далеки от совершенства, но мы гораздо лучше, чем это. Мы можем создать шум, даже если немногие услышат его.

Шостакович на днях объявил меня канибалом. Конечно, его вынудили к этому – каждый, кто скажет, что его произведение, написанное честно, является неправдивым, неправильным, потому что так сказала партия – будет лжецом, и его совесть как художника будет нечиста. Можно называть произведение неумелым, плохо сделанным, незрелым или неразвитым, но ни один художник не может быть *неправ*. Я полагаю, есть немало людей, которые бы также желали обуздать мысль, но они не добьются этого. Они не должны этого добиться! Если кажется, что, говоря об этом, я впадаю в неистовство, то это потому, что я видел и вижу это. Здесь кому-то может не нравиться то, что я говорю, но я могу это написать, и люди смогут это прочитать – и на самом деле читают! И это все, что мне нужно. И я думаю (так как наш биологический вид – творец по природе) о тех подпольных художниках в России, которые рисуют за задернутым занавесом, исполняют музыку вполголоса, пишут стихи, а потом сжигают или прячут их. Не верю, что система, где царит такое насилие, может быть долговечна. Но пока она существует – и она будет разрушаться и калечить людей еще какое-то время².

¹ Шостакович Д. Запретить атомное оружие! С. 2.

² Steinbeck: A Life in Letters. P. 403.

К концу 1957-х гг. отношение Стейнбека к советской тирании никак не менялось, разве что стало еще более политизированным. Так, в январе 1957 г. он направляет письмо директору Информационного агентства США Артуру Ларсону, в котором в качестве независимого эксперта по Западной и Восточной Европе сообщает свои мысли о том, как наладить отношения с соседями. Так, по мнению писателя, первым шагом диктатуры является закрытие границ для поездок, товаров и идей. Для Стейнбека представляется естественным, что в первую очередь необходимо размокнуть эти границы – с помощью книг. В письме Ларсону Стейнбек пишет:

В 1936 году я был в качестве туриста в России и на Балканах. В 1947 году вместе с Робертом Капой мы посетили Россию и несколько стран-сателлитов по заданию “New York Herald Tribune”. Мы спрашивали многих людей, проявивших к нам доброту, что мы могли бы прислать им. Ответ был неизменно: «Книги». По возвращении мы отослали им книги. Никто их не получил. Мы послали их снова – и снова никому не удалось их получить. <...> Поэтому я считаю, что книги крайне важны. Книга – это что-то настоящее там, где пропаганда вызывает подозрения. Отрицание права читать то, что люди хотят, одно из наиболее горьких и непереносимых проявлений советской тирании¹.

Также Стейнбек очень едко высказался в адрес советской власти в ноябре 1958 г. в письме Стюарту Л. Хэннону, ассистенту директора радио «Свободная Европа», о присуждении Б.Л. Пастернаку Нобелевской премии и его травле в СССР. Для письма Стейнбека инцидент с Пастернаком – лишь повод: по сути, письмо представляет собой пасквиль на «встроенных в систему» советских писателей, коллег Пастернака по цеху, выступивших в роли «погромщиков». Письмо Стейнбека – обвинительная речь в их адрес:

Награждение Нобелевской премией Пастернака и советский протест против нее преисполняет меня чувством жалости, но не к Пастернаку. Он выполнил свои обязанности как писатель, он увидел мир, описал его и дал свой комментарий. То, что результат его творчества нашел отклик по всему миру, везде, где роман был разрешен к прочтению, должно стать для него вознаграждением. Поэтому его не стоит жалеть, как бы жестко с ним не обращались. Я жалею

¹ Ibid. P. 547.

бедных номенклатурных писателей, ставших судьями книги, которую им не разрешили прочитать. Этим неспособных летать стервятников от искусства, которые сами помогают подрезать себе крылья, повергает в праведное негодование полет презирающего их гордого орла. Они, убогие, хромые и кривые, столь жалки, что их злоба против тех, кто, находясь под тем же гнетом, не поддался ему и достиг успеха, совершенно естественна. Они несут гроб Советской Литературы и должны теперь остерегаться веса своего покойника.

Что бы они за глаза ни говорили о Пастернаке, как бы ни раболепствовали, его книга доказывает их бессилие – сейчас и всегда. Предатели от литературы, несправедливые судьи Пастернака, они будут наказаны так же, как судьи Сократа – их имена забудутся, и вспоминать будут только их тупость и ограниченность¹.

Как видно на примере последних двух писем, в конце 1950-х гг. в отношении к СССР Стейнбек решительно отказался и от нейтральности и лояльности «Русского дневника», и от отстраненного юмора, с которым описано итальянское происшествие в «Дуэли без пистолетов». Он твердо встал на позиции неприятия и категоричного осуждения советской идеологии и политической системы – как писатель, понимающий пагубность советского строя для литературы (и творчества вообще).

Интересно, что Стейнбек окончательно пришел к такому убеждению как раз в тот момент, когда в СССР началась «оттепель». Причиной такой «замедленной реакции», возможно, была личностная особенность Стейнбека, в которой он не раз признавался в своих поездках в СССР в 1947 и 1963 гг. – медлительность «переваривания» разного рода впечатлений и постепенное вызревание отношения к ним². Ко второй половине 1950-х гг. Стейнбек действительно осознанно стал врагом советского строя. Если во время приезда в СССР он предполагал найти свободу от партийной пропаганды в простом народе³, то по возвраще-

¹ Ibid. P. 602.

² ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 161.

³ Из дневника сопровождавшего американцев в поездке по Украине И.Д. Хмарского: «Стейнбек высказал руссоистскую мысль о том, что человек тем лучше, чем ближе он стоит к природе и чем меньше на нем различных «наслоений». Задача художника состоит в том, чтобы «очистить» его от этих наслоений и показать таким, каким он есть в действительности. Он подчеркнул, что именно в этом смысле ему особенно нравятся украинские колхозники, в которых он заметил много непосредственного юмора, силы характера и трудолюбия». (ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 170).

нии на родину его надежды остались связаны лишь с советскими людьми искусства, нонконформистами, подобно Пастернаку непризнанными в своем государстве, «подпольными художниками в России, которые рисуют за задернутым занавесом». Но, при этом, отказавшись от позиции нейтралитета, сменив ее на резкий категоричный тон, он тем самым парадоксальным образом сблизился с авторами тех самых советских пасквилей, которых ненавидел и осуждал. В результате его письмо в защиту Пастернака, нацеленное против советской писательской номенклатуры, крайне напоминает статьи советских авторов (Чаковского, Поликанова и др.), направленные против него самого.

«Потепление» в отношениях Стейнбека и СССР (1954–1960)

Советская пресса о Стейнбеке (1955–1958). В то время как Стейнбек все более укреплялся в своем неприятии советского строя, в советской периодической печати начиная с 1955 г. наметилось ощутимое потепление к Стейнбеку, связанное, в первую очередь, с изменениями во внешней и внутренней политике СССР: смерть Сталина, начавшаяся «десталинизация» и либерализация общества, XX съезд КПСС (февраль 1956 г.) и начало «оттепели». Мгновенно применительно к Стейнбеку исчезли такие эпитеты как «поджигатель войны», «изменник», «предатель», «фашист» и другие, неизменно сопутствовавшие любому упоминанию о нем в прессе в предшествующий период. Материалы о нем большей частью стали носить нейтральный характер, началось движение к возвращению имени Стейнбека в стан «великих американских писателей».

Так, в апреле 1955 г. Иностранной комиссией Союза советских писателей был подготовлен перевод статьи Стейнбека, опубликованной в еженедельнике “Saturday Review”¹ и посвященной делу разоблачения профессионального осведомителя Х. Матусоу. Уже первые фразы этой статьи были для советских чиновников весьма показательными:

Для всякого вдумчивого человека показания Матусоу все равно, что букет незабудок на могиле Маккарти. Смехотворность всей нелепой серии расследований стала теперь очевидной даже для тех, кого один из моих друзей называл «любителями погрызть каштаны»².

¹ Steinbeck J. The Death of a Racket // Saturday Review. 1955. April 2. P. 26.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3828. Л. 8.

В своей статье на примере человека, который из соображений корысти притворился раскаявшимся коммунистом, т.е. стал профессиональным лжесвидетелем, Стейнбек показывает, как маккартистские гонения на коммунистов, превратившись в моду, источник наживы, «доходный рэкет», оказались доведены до абсурда. О политических преследованиях, ставших причиной подобных явлений, Стейнбек говорит в прошедшем времени и возлагает надежды на то, что теперь с ними будет покончено:

Таковы были веяния времени, что некоторые глупости проходили незамеченными. Например, человек с совершенно чистым прошлым вынужден был проходить проверку прежде, чем получить разрешение на служение правительству. Одного подозрения в близости к коммунистической партии было достаточно, чтобы уволить человека. При этом он подвергался расследованию со стороны покаявшихся экс-коммунистов. <...> Я говорю обо всем этом в прошедшем времени потому, что я верю в то, что со всем этим почти покончено. Я подозреваю, что правительственные осведомители, даже если они говорили правду, не смогут уцелеть под показаниями Матусоу. Он назвал это доходным рэкетом. Так вот, Матусоу покончил с этим. Никогда он уже не возродится¹.

Примечательно, что эта статья Стейнбека, все эти годы, в целом, не изменявшего своим установкам: последовательно отстаивавшего свободу личности и творчества, воевавшего с конформизмом, проявлениями тоталитаризма и в СССР, и у себя дома в эпоху маккартизма, оказалась особенно актуальна именно в Советском Союзе, в то время, когда изменилась генеральная линия партии, и началось разоблачение «перегибов» и «культы личности Сталина». Также интересно, что после перевода данной статьи референтом Иностранной комиссии ССП было сделано замечание:

Наряду с этим необходимо напомнить о двух выступлениях Джона Стейнбека, относящихся к осени 1954 года. В статье для французской газеты «Фигаро литерер» от 18 сентября 1954 года Стейнбек выступал с клеветническими измышлениями по адресу коммунистических партий и стран демократического лагеря, повторяя избитые тезисы самой реакционной пропаганды о «подавлении свободы личности» и т.д. В передаче на радиостанции «Свободная Европа», как видно из книжного обозрения «Нью-Йорк Таймс» от 19 сентября

¹ Там же. Л. 9.

1954 года, Стейнбек грубо клеветал на советскую культуру. Еженедельник утверждал, что к подобному выступлению Стейнбека побудило постоянно использование его романа «Гроздь гнева» в антиамериканской пропаганде, и что Стейнбек «решил, что, наконец, настало время для контрудара»¹.

Эта ремарка, встречающаяся уже в библиографической справке автора за 1954 г., имеет двойной смысл: с одной стороны – осторожного напоминания о «былых прегрешениях» писателя, с другой – объяснения его прежних антисоветских выпадов боязнью маккартизма, эпитафию которому он помещает в своей статье.

Пересказ статьи Стейнбека о деле Матусоу буквально в те же дни появился на страницах «Правды» с подзаголовком «Как в США фабрикуются обвинения»², что фактически ознаменовало «новый курс» советской печати и литературной критики в отношении Стейнбека (и всей американской литературы).

После успешно проведенного в июле 1955 г. в Женеве совещания глав правительств четырех держав (президента США Д. Эйзенхауэра, председателя Совета министров СССР Н.А. Булганина, премьер-министра Франции Э. Фора и премьер-министра Великобритании Э. Идена при участии Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева), посвященного проблемам разрядки международной напряженности, в советской периодике последовала серия статей, авторы которых постулировали необходимость мира между советским и американским народом и заверяли в своей любви и уважении американскому народу-труженику и американской литературе.

Например, Б. Лавренев в статье «Перелистывая страницы истории...» отметил, что исторические корни дружбы и мирного сотрудничества между советским и американским народами уходят в далекое прошлое и прослеживаются с самого начала появления Америки на карте земли. А следствием непрекращающейся «культурной «диффузии» и обмена ценностями духа, взаимными влияниями» стало влияние на крупнейших американских писателей творчества Л. Толстого, Тургенева, Горького, Чехова, Достоевского и успех различных американских авторов в СССР, среди которых Синклер Льюис, Эрнест Хемингуэй, Колдуэлл и Джон Стейнбек³.

¹ Там же. Л. 10.

² Как в США фабрикуются обвинения // Правда. 1955. 3 апреля. С. 4.

³ Лавренев Б. Перелистывая страницы истории... // Литературная газета. 1955. 23 июля. С. 4.

В двух декабрьских номерах «Литературной газеты» вышли заметки об Америке писателя Н.М. Грибачева, который находился в США осенью 1955 г. в составе группы сопровождения Н.С. Хрущева. Эти статьи по своей форме и содержанию напоминали «дофултоновские» «американские впечатления» Эренбурга 1946 г. и «Русский дневник» Стейнбека. Советский журналист описывает Манхэттен, нью-йоркские биржи, банки, редакции, университеты, в которых изучается творчество Хемингуэя, Фолкнера, Стейнбека, Миллера, О'Нила, а также Генри Джеймса и Уитмена¹.

В другой статье Грибачев поведал о встречах, «которые никогда не забудутся»: с Лионом Фейхтвангером, Говардом Фастом, Полем Робсоном, Майклом Голдом, Альбертом Каном, Этель Лилиан Войнич. Также советский автор сообщил, почему им не удалось увидеться со Стейнбеком: автор «Гроздьев гнева» живет в Южных штатах, посещение которых иностранцами не поощряется. Грибачев добавляет, намекая на существующую в США внутреннюю цензуру: «Мы были иностранцами – этим все сказано»².

Весной 1956 г. в советской прессе широко освещался случай увольнения Л. Лэвели, профессора колледжа Диккинсон в Карлайле (штат Пенсильвания), после того как тот предстал перед комиссией по расследованию антиамериканской деятельности и, сославшись на конституцию, отказался отвечать на вопросы. Этот и другие подобные инциденты подавались в СССР как «преследование демократически и либерально настроенной интеллигенции в США». В июне этого года «Литературной газетой» освещался еще один случай притеснения прогрессивной американской интеллигенции:

В городе Райсвилле (штат Айова) анекдотическим нападкам подвергся учитель Поль Райчер. Школьный совет «принял отставку» молодого учителя, обвинив его в том, что он «подрывал» умы учеников, читая им... отрывки из книги современного американского писателя Стейнбека «Гроздь гнева!»³.

Эти статьи стали «первыми ласточками» «оттепели», предвестников нового пересмотра отношения советских критиков к Стейнбеку, ко-

¹ Грибачев Н. Америка и американцы: среди небоскребов // Литературная газета. 1955. 8 декабря. С. 4.

² Грибачев Н. Америка и американцы: встречи, которые не забываются // Литературная газета. 1955. 17 декабря. С. 4.

³ Международная почта: Лорэнт Лэвели и другие // Литературная газета. 1956. 9 июня. С. 4.

торое произойдет в 1960-е гг. после выхода в свет романа «Зима тревоги нашей», нашедшего признание в Советском Союзе, и последнего приезда американского писателя в СССР в 1963 году.

«*Жемчужина*» (опубл. в СССР в 1956 г.). Органичным продолжением этой линии по возвращению имени Стейнбека в литературный контекст Советского Союза стала публикация его ранней повести «Жемчужина» (“The Pearl”) в переводе Н. Волжиной в последнем двенадцатом номере «Иностранной литературы» за 1956 г., спустя 11 лет после ее выхода на свет в США в 1945 г. Впоследствии она дважды выходила отдельной книгой в 1957 и 1958 гг.¹, а также вместе с другим довоенным произведением Стейнбека – повестью «Квартал Тортилья-Флэт» (1935) – в 1963-м, в год третьего приезда американского писателя в СССР. Предисловие к этому изданию написал М.О. Мендельсон, который ранее уже рецензировал повести «Консервный ряд» и «Квартал Тортилья-Флэт»².

По мнению критика, «Жемчужина» на самом деле – «одна из лучших, наиболее значительных в идейном и художественном отношении повестей Стейнбека. Это взрыв боли, вызванный сознанием зла, которое творят деньги»³.

Причиной этому стала антикапиталистическая направленность этой книги, в образной притчевой форме явленная с не меньшей силой, нежели двумя десятилетиями ранее в «Гроздях гнева». Так, в этой книге, по мнению советского критика, «писатель с полной убедительностью показывает, что в обществе, где царит «американский магазин», даже прекрасное может служить источником горя и несчастья. Жемчужина прелестна, но именно поэтому она ценится очень дорого, именно поэтому она воплощает разрушающую мощь собственности»⁴.

В представлении Мендельсона, жемчужина – это не языческое магическое существо, амбивалентное по своей природе, являющее собой невероятную красоту и притягательность для людей, но также корень зла, зависти и смерти для них (как героиня другого стейнбековского романа «К востоку от рая» – Кэти с ангельским лицом и характером дьявола), но невинная жертва своей исключительности, которая вме-

¹ Стейнбек Дж. Жемчужина / пер. с англ. Н. Волжиной. М.: Правда, 1957; Стейнбек Дж. Жемчужина / пер. с англ. Н. Волжиной. М.: Изд-во иностр. лит., 1958.

² Мендельсон М. Страусовая утопия. С. 4.

³ Мендельсон М. О Джоне Стейнбеке и двух его повестях // Стейнбек Дж. Жемчужина. Квартал Тортилья-Флэт. М.: Гослитиздат, 1963. С. 18.

⁴ Там же.

сте со своими хозяевами, простой бедной мексиканской семьей Кино, Хуаны и младенца Койотито, пала жертвой алчности капиталистического мира.

Советский критик опустил в своей рецензии, к примеру, то обстоятельство, что мечты Кино, связанные с продажей жемчужины, были самыми что ни на есть «буржуазными»: обвенчаться в церкви, купить новую хорошую одежду (например, «синий матросский костюмчик из американского магазина» и маленькую капитанскую каскетку для Койотито), карабин и дать сыну образование, т.к. именно в этом герой Стейнбека видит признак личной свободы человека:

Мой сын будет листать и читать книги, и мой сын научится писать и понимать по писаному. И мой сын выучит цифры, и тогда мы станем свободными людьми, потому что он будет все знать, а от него и мы все узнаем¹.

При этом Мендельсон отдельно отмечает готовность Кино вступить в борьбу против несправедливости системы и вести ее до победы или поражения:

Вместе с тем в повести сильнее показаны гнев несправедливо преследуемого человека, его готовность вступить в бой с недругами. Кино отвечает на насилие насилием, и Стейнбек не осуждает за это своего героя².

Хотя Стейнбек скорее видел этот эпизод в фаталистическом ключе, и печальный финал повести – тому свидетельство, советский критик стремился увидеть в этом революционный призыв к борьбе, а не утверждение бесплодности этой борьбы и обреченности на поражение.

В советской печати эта книга вышла практически одновременно с повестью другого американского классика – «Старик и море» Хемингуэя. Ввиду некоторой тематической и сюжетной схожести произведений советские критики часто ставили их рядом и сравнивали с отечественными произведениями.

Так, в статье, вышедшей в 1957 г. в «Литературной газете», под названием «Герой нашей литературы» говорится о пессимизме и безотрадности западной литературы: жизнь старика Сантьяго замкнута в цепи страданий, бесконечной борьбы и нищеты; герой Стейнбека

¹ Там же. С. 44.

² Там же. С. 19.

также, выбросив в финале книги в море жемчужину, не смог добиться своей цели и остался внутри круга бедности и несчастий. Автор статьи замечает:

При всех наших симпатиях к героям Ремарка (герою книги «Время жить и время умирать» – Л.Ж.К.), Хемингуэя, Стейнбека мы видим, что у этих героев безвыходная судьба одиночек, не приобщившихся к общему делу. Нам их искренне жаль, ибо мы знаем, что давно настала эпоха крушения индивидуализма, эпоха, когда все толкает человека на путь организованной борьбы Трудящихся. Вместе с тем нас радует, что писатели глубоко реалистически воссоздают картину страданий и мук человека, опутанного капиталистическим укладом жизни¹.

В статье, посвященной выходу новой книги А.В. Калинина «Суровое поле», главный герой которой, Михайлов, по профессии писатель, также всплывает тема различия западной и советской литературы:

Однажды к Михайлову заехал давний друг, обкомовский работник Тарасов. Друзья говорили о многом, в том числе и о литературе. Тарасов восхищается «Жемчужиной» Стейнбека («Действительно, жемчужина!»), «Стариком и морем» Хемингуэя, но все-таки эти книги не приносят ему полного удовлетворения – их герои пассивны, они не борцы².

В начале 1960-х гг. известный советский актер театра и кино, мим, балетмейстер, педагог А.А. Румнев написал сценарий и поставил на сцене пантомиму по «Жемчужине» Стейнбека, которая впоследствии вошла в классическое наследие отечественной пантомимы³. Благодаря невербальности мимического искусства, этот сценарий, в отличие от советских рецензий, посвященных повести Стейнбека, парадоксальным образом оказался максимально близок к авторскому тексту и заложенному в него автором смыслу.

Таким образом, благодаря начавшейся «оттепели», «Жемчужина» Стейнбека была принята в СССР достаточно тепло, встав в один ряд с его лучшими произведениями – «Гроздьями гнева» и впоследствии и с романом «Зима тревоги нашей».

¹ Герой нашей литературы // Литературная газета. 1957. 14 февраля. С. 2.

² Бушин В. «И вечный бой!...» // Литературная газета. 1958. 13 сентября. С. 3.

³ РГАЛИ. Ф. 2721. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 13–18.

«Открытое письмо президенту Эйзенхауэру» (1956) и «открытое письмо Стейнбеку А. Макарова» (1957). Своеобразной «интермедией» в этой веренице положительных отзывов о Стейнбеке второй половины 1950-х гг. в советской печати стал отклик на публикацию во второй половине 1956 г. в “New York Times” «открытого письма президенту Эйзенхауэру» группой американских интеллигентов и лиц свободной профессии, обратившихся к правительству с требованием «решительного установления мира на Ближнем Востоке» и международного контроля над Суэцким каналом. Одним из подписавших это письмо был Джон Стейнбек.

Заметка, посвященная этому событию, была напечатана в декабрьском номере «Правды». С точки зрения ее автора, В. Боровского, «письмо Эйзенхауэру» повторяет «вздорные измышления американской пропаганды насчет мнимого «советского проникновения» на Среднем Востоке», также «изобилует грубыми выпадами против президента Египетской республики Насера, виновного в том, что он осмелился «провозгласить независимость» своей страны и возглавить ее оборону от агрессоров» и требует установления «американского протектората над этим районом»¹.

Советский автор припомнил, что Стейнбек не «выступил со словами возмущения в адрес интервентов, творивших бесчеловечные преступления в Египте», «молчал в дни расправ с маленькой Гватемалой»², а также во время захвата власти Баттистой в Кубе, войны в Алжире и нападения Англии на Йемен. Советский журналист сравнил подобное поведение Стейнбека и других американских интеллигентов с чеховским пещерником: они, «поддерживая разбойничьи деяния империалистов, приговаривают: «Ничего не поделаешь, батенька! Спасаем мир и цивилизацию...»»; в конце статьи автор напоминал, что везде – на Востоке, в Африке, в Латинской Америке – все еще «зреют гроздь гнева»³.

На этот поступок Стейнбека появился отклик и в советской литературной среде. Во втором номере 1957 года «Иностранной литературы» было опубликовано «открытое письмо Джону Стейнбеку» советского критика А.Н. Макарова. Критик подчеркивает контраст между «колониаторской» позицией письма Эйзенхауэру – и гуманизмом «малень-

¹ Боровский В. Заметки на международные темы: клеветники на службе американского империализма // Правда. 1956. 23 декабря. С. 5.

² Там же.

³ Там же.

кой поэмы в прозе» «Жемчужина», только что опубликованной в «Иностранке» (1956 г. № 12). Критик отмечает, что, читая ее, он «снова был потрясен... жестокой правдой и человечностью этой маленького поэмы в прозе», «трагедией народа, ограбленного колонизаторами до нитки», и проникся «чувством святой и справедливой ненависти к колониализму и его апостолам»¹. Он недоумевает, как мог автор «Жемчужины», «Гроздьев гнева» и антифашистской повести «Луна зашла» такой книги стать подписантом письма Эйзенхауэру, в котором выражены колонизаторские претензии американцев на Ближний Восток.

В поисках ответа на вопрос, как это могло произойти, Макаров, однако, не прибегает к обычным филиппикам рубежа 1940-х–1950-х гг. Риторика его письма предвещает новую эпоху 1960-х:

...Я кое-что смыслю в искусстве и понимаю, что человек не может быть полным лицемером в своих художественных творениях, иначе он перестает быть художником. Мне хочется думать, что и Ваша подпись под письмом – как и другие Ваши выступления, проявление Ваших блужданий на сложных перепутьях XX века, ибо выход, подсказываемый самой историей, Вы, как видно отвергаете².

Об этом же – творческих «блужданиях» автора и всей американской литературы в 1950-х гг. – будут писать уже после выхода в СССР романа Стейнбека «Зима тревоги нашей», советские критики «шестидесятники» Р.Д. Орлова и И.М. Левидова.

Макаров же в своем «открытом письме» говорит о конфликте книг и их создателя, в котором книги одерживают верх, оказываясь более «жизнеспособными», более «стойкими к великой битве века, чем создавший их автор»³.

Эти два упоминания о неприятном для советской стороны проявлении американского патриотизма Стейнбека оказались единственными и в советской прессе конца 1950–1960-х гг.; больше они не встречались, вытесненные другими публикациями об известном писателе, выдержанными в дружелюбной, «оттепельной» манере.

В преддверии 1960-х: советская пресса о Стейнбеке (1957–1960).

В 1957–1958 гг. «потепление» продолжается: советская пресса еще несколько раз прибегала к публикациям Стейнбека, в которых тот крити-

¹ РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 1. Ед. хр. 8750. Л. 5.

² Там же. Л. 6–7.

³ Там же. Л. 7.

ковал различные частные стороны политики своей страны. Например, в июле 1957 года в «Литературной газете» вышла статья «Кто для США является нежелательным гостем?», которая представляла собой перевод заметки Стейнбека «Игра в гостеприимство», опубликованной в еженедельнике “Saturday Review”¹.

Поводом к написанию этой статьи послужила поездка писателя осенью 1957 г. в Токио для участия в Конгрессе писателей, организованном международным Пен-клубом. Перед поездкой на Конгресс Стейнбек заинтересовался перспективами проведения такого мероприятия в США, в процессе чего выяснилось, что это невозможно, поскольку в США запрещен или затруднен въезд для многих известных писателей. Как пишет писатель, «для получения отказа не надо быть виновным в преступлении или злодеянии – достаточно быть просто человеком, о котором много говорят»². Далее в статье Стейнбек составляет список исторических личностей, которым был бы запрещен въезд в страну свободы. В списке оказалось более 50 лиц – от «аморальных» Адама, Давида и Соломона до Вашингтона, Джефферсона и прочих «отцов-основателей». Начав тему, газета продолжает ее в следующем номере: автор помещенной в нем статьи «Друзья и враги мирного сосуществования»³, обличая американский милитаризм, ссылается на только что опубликованную заметку Стейнбека «Игра в гостеприимство».

Кроме того, в июле 1957 г. во время заграничной туристической поездки М.А. Шолохова состоялась его встреча с Дж. Стейнбеком, который также проводил свой отпуск в Стокгольме. Беседе двух писателей освещалась практически всеми советскими изданиями в нейтрально-информативном ключе⁴.

Тем же летом Стейнбек вновь привлек внимание советских рецензентов своим выступлением в журнале «Esquire»⁵ в защиту своего друга драматурга Артура Миллера, который 31 мая 1957 г. был вторично вы-

¹ *Steinbeck J. A Game of Hospitality // Saturday Review. 1957. April 20. P. 24.*

² Кто для США является нежелательным гостем? // Литературная газета. 1957. 2 июля. С. 4.

³ Друзья и враги мирного сосуществования // Литературная газета. 1957. 13 июля. С. 1.

⁴ Беседа М. Шолохова с Д. Стейнбеком // Известия. № 156. 1957. 3 июля. С. 3; Возвращение М.А. Шолохова из заграничной поездки // Правда. 1957. 6 июля. С. 4; Возвращение М.А. Шолохова из заграничной поездки // Литературная газета. 1957. 6 июля. С. 1.

⁵ *Steinbeck J. The Trial of Arthur Miller // Esquire. 1957. June. P. 86.*

зван на слушание в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности и приговорен к штрафу в 500 долларов, тридцатидневному аресту, лишению загранпаспорта и «запрету на профессию» из-за отказа назвать коммунистов из театральных кругов. При всем своем неприятии коммунизма и большом нежелании «лезть в политику», Стейнбек, ненавидевший тоталитаризм, оказался единственной знаменитостью, выступившей в защиту драматурга¹.

Иностранная комиссия ССП в реферате статей американской печати отметила это событие:

Джон Стейнбек заявил, что процесс над А. Миллером, представляет собой «явную, возникшую сегодня перед нами опасность... Эта опасность угрожает не столько Артуру Миллеру, сколько всему нашему изменяющемуся образу жизни... Писатель считает, что от любого человека, предающего своих друзей – а именно этого требовал конгресс от Миллера, заставляя его стать осведомителем – нельзя ожидать преданности родине. Мораль неделима. И наши добродетели начинаются в своем собственном доме. Они не изменяются в зале суда, кроме тех случаев, когда на нас оказывают давление запугиванием².

На вопрос, как бы поступил он сам, если бы ему пришлось оказаться на месте Миллера, Стейнбек ответил:

Я не знаю, что бы я стал делать... но я хочу надеяться во имя себя и своих детей, что у меня хватило бы храбрости сохранить и защитить свой моральный облик, как это сделал Артур Миллер³.

¹ *Benson J.J.* The True Adventures of John Steinbeck. P. 722.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3903. Л. 58.

³ Там же. Л. 58–59. Общий пафос статьи Стейнбека направлен на осуждение процесса попрания человеческих свобод, до сих пор происходящего в Америке, – без сомнения, это крайне интересовало советские органы и приветствовалось в СССР. Между тем, в той же статье имеется фраза, способная свидетельствовать о том, что слушания и следовавшие за ними преследования Комиссией американской интеллигенции писатель отчасти уподоблял сталинистским чисткам и гонениям, которые он никак не думал наблюдать в своей стране и с которыми, он считал, нужно вести такую же борьбу, как с ростом коммунистического влияния в мире. Так, в самом конце заметки Стейнбек приводит правила поведения, которым научил его отец и которые, по его убеждению, не потеряли своей силы и по сей день, и называет среди них: «давать открытый отпор тирании, независимо от того, исходила ли она от хулигана на школьном дворе, от иноземного диктатора или от местного демагога (подчеркнуто нами. – Л.К.)». (Там же. Л. 59).

В 1960 г. в “Saturday Review” вышла статья Стейнбека, посвященная положению негров в США¹, которая была полностью приведена в августовском номере «Литературной газеты»².

В 1958 г. редакция журнала «Иностранная литература» поместила рецензию на новую книгу Стейнбека «Короткое царствование Пипина IV» на основе статей американской периодической печати (“Observer” от 26 мая 1957 г., “Bookseller” от 27 мая 1957 г., “Daily Worker” от 30 мая 1957 г.). В целом, это произведение получило неплохие отзывы: так, по словам газеты “Observer”, его герои «являются карикатурами на современных буржуазных политиков», а “Daily Worker” писала: «Перед нами новый Стейнбек, а, может быть, это не что иное, как возвращение того Стейнбека, который так восхищал нас своими первыми романами»³.

Осенью 1959 г. в «Литературной газете» были опубликованы фрагменты из последней книги Стейнбека «Однажды была война» – сборника его военных очерков со Средиземноморского фронта, на котором он был в качестве корреспондента “New York Herald Tribune” в 1943 г. Как пишет в предисловии к публикации журналист «Литературной газеты», «сборник Джона Стейнбека созвучен нашему времени. Он выражает протест писателя против войны, который так близок и понятен многим тысячам его читателей»⁴.

Тем не менее, несмотря на выход последних «более-менее успешных» книг Стейнбека, в советской прессе и критике сохранялось представление о послевоенном творчестве писателя как об «упадочном». Поэтому большим событием стала публикация в 1958 году монографии исследователя П. Лиски «Широкий мир Джона Стейнбека»⁵. Посвященная выходу этого труда рецензия А. Кейзина⁶, отреферированная Инкомиссией ССП, открывалась словами, которые передавали отношение советской интеллигенции к творчеству Стейнбека последних лет:

¹ *Steinbeck J. Atque Vale // Saturday Review. 1960. July 23. P. 13.*

² *Стейнбек Дж. Так здравствуй же! // Литературная газета. 1960. 20 августа. С. 5.*

³ РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 79–80.

⁴ *Стейнбек Дж. Когда-то была война... // Литературная газета. 1959. 10 октября. С. 4.*

⁵ *Lisca P. The Wide World of John Steinbeck. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1958.*

⁶ *Kazin A. The Unhappy Man from Happy Valley // New York Times. 1958. May 4. P. 1.*

Что случилось со Стейнбеком? Начиная с его первого удачного романа “Tortilla Flat” («Квартал Тортилья-Флэт» – Л.Ж.-К.) все его лучшие произведения увидели свет в тридцатых годах: «В сомнительной схватке», «О мышах и людях», «Большая долина», «Гроздь гнева» <...> Что побудило одного из наиболее талантливых американских писателей обратиться к банальной пропаганде, отмечающей повесть «Луна зашла», к нарочитой манерности «Консервного ряда», милого пустяка, высмеянного впоследствии самим Стейнбеком в издевательском фарсе «Благостный четверг»? <...> Что же произошло со Стейнбеком?¹

В 1958 г. советский писатель С.П. Злобин подготовил для Иностранной комиссии Союза советских писателей рецензию на статью Кейзина, после чего эта работа получила широкое распространение, и многие советские критики (И.М. Левидова, М.О. Мендельсон) впоследствии часто обращались к ней, рассуждая о причинах упадка позднего творчества Стейнбека.

Отчасти эти мысли повторяет очерк 1961 г. Максвелла Гайсмара «Синклер Льюис, забытый герой», напечатанный в “Saturday Review” и упомянутый в «Литературной газете». В этой статье, в частности говорится об «упадке современных классиков»:

Речь идет о творчестве Хемингуэя, Дос Пассоса, Фолкнера, Стейнбека. Очерк выдержан в суровом тоне, порою напоминает инвективу: «Почему никто из них не создал в последнее десятилетие свежей или значительной книги?» Критик объяснял это тем, что писатели, сформировавшиеся в 20-е годы, оказались неспособны сказать серьезное слово о послевоенном мире².

Тем не менее, в конце 1950-х гг. количество советских статей, клеймящих Стейнбека за его отступничество от линии «Гроздь гнева», резко снижается и вытесняется упоминаниями имени американского писателя в положительном ключе, с признанием его былых и настоящих заслуг. Об окончательном переломе в отношении к Стейнбеку в СССР могут свидетельствовать публикации нескольких его интервью, которые вышли на рубеже 1950–1960-х гг. и которые демонстрируют интерес к частной жизни писателя, а не к его политическим высказываниям. К примеру, в декабре 1959 г. «Литературная газета» поместила интервью американского автора, взятое у него английской газетой “Manchester

¹ РГАЛИ. Ф. 2175. Оп. 5. Ед. хр. 88. Л. 10.

² Полемика: прошло ли время бунтарей? // Литературная газета. 1961. 11 апреля. С. 4.

Guardian”¹ и содержащее в себе частные детали его характера, его творческого процесса, жизни, никак не связанные с политикой².

Следующие интервью Стейнбека в советской прессе появились уже в 1961 г., после выхода его романа «Зима тревоги нашей» – события, которое вместе с получением писателем Нобелевской премии в 1962 г. знаменует новый этап его взаимоотношений с СССР.

Литература

Большая советская энциклопедия: В 30 т. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.

Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение. 2001.

Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП (б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 / ред. А.Н. Яковлева, сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 1999.

Жданова Л.И. «Русский дневник» Джона Стейнбека в советской оптике: публикация материалов фондов спецотдела ВОКСа Государственного архива РФ. М.: Издательские решения, 2016.

Иванько С.С. Джон Стейнбек // Стейнбек Дж. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 3–50. (Библиотека «Огонек»).

Кардашов В.И., Семанов С.Н. Иосиф Сталин: жизнь и наследие. М.: Новатор, 1998.

Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М.: Сов. энцикл., 1962–1972.

Панов С.И., Панова О.Ю. «История американской литературы» в советской Академии наук // Литература двух Америк. 2016. № 1. С. 194–242; 2017. № 2. С. 252–372.

Сарнов Б.М. Сталин и писатели. Кн. 4. М.: Эксмо, 2011.

Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945–1953 / Отв. ред., сост. Д.Г. Наджафов, сост. З.С. Белоусова. М.: МФД; Материк, 2005.

References

Benson J.J. *The True Adventures of John Steinbeck, Writer: A Biography*. New York: Viking, 1984.

Bol'shaja sovetskaja enciklopedija: v 30 t. [Big Soviet Encyclopedia: in 30 vols.] Moscow: Sovetskaja enciklopedija Publ., 1969–1978. (In Russ.)

¹ *Weatherby W.J.* Big Man from Monterey // Guardian [Manchester, UK]. 1959. Oct 13.

² Джон Стейнбек о себе // Литературная газета. 1959. 17 декабря. С. 4.

Coers D.V. “Introduction to *The Moon is Down*.” Steinbeck J. *The Moon is Down*. New York: Penguin, 1995: vii–xxviii.

Coers D.V. *John Steinbeck as Propagandist: “The Moon Is Down” Goes to War*. Tuscaloosa, AL: University of Alabama Press, 1991.

Ivan’ko S.S. “John Steinbeck.” Steinbeck J. *Sobranie sochinenij*: v 6 t. [Collected Works: in 6 vols.] Vol. 1. Moscow: Pravda Publ., 1989: 3–50. (“Biblioteka Ogonek”). (In Russ.)

Kannard, Brian. *Steinbeck: Citizen Spy. The Untold Story of John Steinbeck and the CIA*. Nashville, TN: Grave Distractions Publications, 2013.

Kardashov V.I., Semanov S.N. *Iosif Stalin: zhizn’ i nasledie* [Joseph Stalin: Life and Legacy]. Moscow: Novator Publ., 1998. (In Russ.)

Kratkaja literaturnaja jenciklopedija: v 9 t. [Brief Literary Encyclopedia: in 9 vols.]. Moscow: Soviet Enciklopedija Publ., 19672 – 1978. (In Russ.)

Lisca P. *The Wide World of John Steinbeck*. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1958.

Panov S.I., Panova O.Yu. “Istorija amerikanskoj literatury v Sovetskoj Akademii nauk.” [“History of the American Literature (1947) and the Soviet Academy of Sciences.”] *Literatura dvuh Amerik* [Literature of the Americas] 1 (2016): 194–242; 2 (2017): 252–372. (In Russ.)

Sarnov B.M. *Stalin i pisateli* [Stalin and Writers]. Book 4. Moscow: Eksmo Publ., 2011. (In Russ.)

Stalin i kosmopolitizm. Dokumenty Agitpropa CK KPSS. 1945–1953 [Stalin and Cosmopolitanism. Agitprop Documents of the Central Committee of the CPSU, 1945–1953], eds D.G. Nadzhafov, Z.S. Belousova. Moscow: MFD Publ.; Materik Publ., 2005. (In Russ.)

Steinbeck: A Life in Letters, eds E. Steinbeck, R. Wallsten. New York: Viking, 1975.

Steinbeck J. *Working Days: The Journals of “The Grapes of Wrath”*, ed. R. DeMott. New York: Viking, 1989.

Vajl’ P., Genis A. *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [The 60s. The World of the Soviet Man]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.. 2001. (In Russ.)

Vlast’ i hudozhestvennaja intelligencija. Dokumenty CC RKP(b)–VKP (b), VChK–OGPU–NKVD o kul’turnoj politike. 1917–1953 [State Power and Intellectuals. Documents of CC RCP(b)–VCP(b), Cheka–OGPU–NKVD on Cultural Politics], eds A.N. Jakovlev, A.N. Artizov, O.V. Naumov. Moscow: Mezhdunarodnyj fond “Demokratija” Publ., 1999. (In Russ.)

Zhdanova L.I. “Russkij dnevnik” *Dzhona Stejnbeka v sovetskoj optike: publikacija materialov fondov specotdela VOKSa Gosudarstvennogo arhiva RF* [Steinbeck’s The Russian Diary from the Soviet Point of View: publication of VOKS Documents from the Funds of the State Archive of the Russian Federation]. Moscow: Izdatel’skie reshenija Publ., 2016. (In Russ.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

**ДЖОН СТЕЙНБЕК И СССР (1945–1960).
ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ**

**Новый роман Стейнбека «Консервный ряд»
(Из реферативных материалов
Иностранной комиссии Союза советских писателей)**

февраль 1945

В конце 1944 г. вышел новый роман Дж. Стейнбека «Консервный ряд» («Cannery Row»). Ниже приведены два отзыва американской прессы о нем.

* * *

В своем последнем небольшом романе автор «Гроздьев гнева» и «О мышах и людях» возвращается к настроению давно написанной им повести «Тортилла флэт» и рассказывает нам о нескольких симпатичных, но неисправимых лентяях на берегу океана у Монтерея. Мак и его приятели работают только тогда, когда это совершенно необходимо, все остальное время они наслаждаются жизнью в бакалейной лавке Ли Чонг, в борделе мадам Доры, в океанской лаборатории, где хозяйничает в единственном числе Доктор (Док) и в мебелирашках Палас.

Сюжет так же прост, как сценарий фильма для подростков, совершенно непонятно, зачем Стейнбеку понадобилось напечатать эту вещь на настоящем этапе своего писательского пути. Неоднократно повторяющееся утверждение – какие все парни замечательные – скоро надоедает, хотя оно подкреплено большими доказательствами, чем подобное же утверждение Сарояна, у которого Стейнбек теперь, по-видимому, многое заимствует. Живой фольклор был одним из самых привлекательных элементов «Гроздьев гнева», в данной же книге его оттесняет на задний план процессия благородных «сынов природы» и мадам с золотыми сердцами – хозяек борделей. Когда же мы узнаем в коварном Ли Чанге ни кого иного как язычника-китайца, мы открываем, что, несмотря на легкий аромат Сарояна, мы на самом деле возвращаемся в блестящее и фальшивое царство Брет-Гарта.

Ф.О. Матиссен. Нью-Йорк Таймс Риверсиз Уикли. 31.12.1944.

* * *

Место действия нового романа Джона Стейнбека – уютное селение на Калифорнийском берегу в Монтерей Каунти – то место, которое Стейнбек превосходно знает. Жители «Кэннери Роу» – самый случайный ассортимент человеческих существ, какой мог создать только Стейнбек. Но, несмотря на общую живописную декорацию и на привлекательные свойства героев «Консервного ряда», последняя книга Дд. Стейнбека в общем разочаровывает.

По стилю она напоминает «Тортилла флэт», но в ней нет той страстности, которая сделала «Гроздя гнева» одним из самых выдающихся романов нашего времени. Нигде Стейнбек не проявляет интереса к судьбе своего народа, он довольствуется лишь тем, что, со всем присущим ему очарованием, рассказывает, ради самого удовольствия рассказать, небольшую простую повесть. Свой иронический скетч он ограничивает селением в несколько десятков домов на берегу океана, где царят фабрики сардинных консервов. Кроме строений, где происходит обработка рыбы, и откуда идет сильный запах ее, кроме бакалейной лавки Ли Чонга, мебелишек «Палас», «веселого дома», пользующегося дурной славой, и океанской лаборатории, руководимой доктором (Доком), в поселке нет больше ничего.

Док – пожилой, бородатый холостяк, ученый, который всю свою одинокую, но удовлетворяющую его жизнь проводит в коллекционировании медуз, лягушек, ужей и других образцов океанской фауны у берегов Монтерей. Он напоминает не то Христа, не то сатира. Он неизменно снимает шляпу при встрече с собаками, и они также неизменно ему улыбаются. Он пьет пиво, любит музыку и дает тон всему «Консервному ряду». И действительно, почти все, что происходит в книге, так или иначе обусловлено общей любовью к доктору и желанием сделать ему что-либо приятное.

Под влиянием сильно действующей водки, которую прозвали «старые теннисные башмаки», Мак и его собратья из мебелишек устраивают пирушку для Дока. Чтобы достать денег для еды, подобающей для данного случая, они отправляются вглубь материка ловить лягушек. Со времени Марка Твена в литературе не было ничего более веселого, чем эта поразительная экспедиция, предпринятая под влиянием спиртных паров. Мак и его приятели вернулись с таким количеством лягушек, что их хватило бы на все исследовательские лаборатории Америки. Всех лягушек они временно помещают в лабораторию Доктора. Во время

беспорядка, царящего на одной из самых алкоголических пирушек в истории Монтерея, лягушки разбегаются.

Самого Дока при этом нет, т.к. именно этот день он избрал для ловли осьминогов у берега, и в тот момент, когда буйство пирующих достигает апогея, предполагаемый почетный гость пьет молоко за много миль отсюда.

Это замечательная пирушка. Док прощает Маку и его беспомощным приятелям разрушения, произведенные ими в его лаборатории. Благодарный Мак, его философские приятели, мадам Дора с оранжевыми волосами и китаец Ли Чонг собираются устроить еще одну пирушку для Дока.

Только Стейнбек мог придумать и описать такое сборище: лягушки Дока, его гремучие змеи, коты и мыши, шныряющие под ногами, любимая Доком церковная музыка и чтение переводов с санскритского девушкам из соседнего «веселого дома» не останавливают непрерывного потока вина и виски.

У повести нет никакой морали, кроме той, какую Стейнбек провозгласил еще прежде, а именно – дикие бродяги и никчемные парни могут стать большими философами. Стейнбек не интересуется их побуждениями. Он не спрашивает, как в «Гроздьях гнева», почему эти люди такие, какие они есть. Некоторых читателей, может быть, и не удовлетворит такое некритическое отношение к ситуации, но Стейнбек снова доказывает, что он остается большим художником, даже если он не пытается преобразовать мир.

Ньюс Уик. 1.01.1945.

Референт Н. Камионская

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1101. Л. 39–43.

Интервью французской газеты «Лэз'Этуаль» с Дж. Стейнбеком

**(Из реферативных материалов
Иностранной комиссии Союза советских писателей)**

сентябрь 1946

Французский еженедельник «Лэз'Этуаль» (2.04.1946) помещает интервью с Джоном Стейнбеком своей корреспондентки, известной левой журналистки Андре Виоллис, присланное ею из США. Андре Виоллис посетила писателя в южном городке Куэрнаваха, где он живет.

Стейнбек выразил одобрение выборам во Франции: «Молодцы, приветствую ваши выборы» (Стейнбек, очевидно, имеет в виду выборы в Учредительное собрание в 1945 г.). «Как всегда, вы в самом первом ряду передового движения. Вы явились примером для мира. И ваши женщины, вопреки надеждам кое-кого у вас, голосовали очень разумно. Да, женщины гораздо ближе к жизни, чем мужчины!»

«Я не нуждаюсь в литературе, – сказал Стейнбек в дальнейшем, – я знаю, что прожить я всегда сумею, благодаря вот этому, – и он вытянул перед собой свои сильные руки. – Мне надо очень мало. Двадцать пять долларов в неделю совершенно достаточно для моего полного счастья».

Андре Виоллис передает беседу Дж. Стейнбека с советским послом Уманским, «большим другом Стейнбека», переведшим значительную часть «Гроздьев гнева».

Уманский как-то сказал американскому писателю, что у того в Москве лежит на текущем счету большая сумма, но потратить ее надо будет непременно на месте.

– Что же я на них сделаю? – мечтательно спросил Стейнбек. – Вечер для русских друзей с икрой и шампанским? Вы говорите, что этого мало? Что же еще? – вдруг у него заблестели глаза. – Я знаю. Я оставляю деньги для советских трудящихся на создание лаборатории по изучению жизни моря. Разумеется, если у них еще нет всего необходимого в этой области.

Трагическая гибель Уманского помешала осуществлению этого плана.

Стейнбек о критиках своей любимой книги “Tortilla Flat” говорит с негодованием. «Можете себе представить, что ослы-критики позволили себе снисходительно, свысока отнестись к этим хорошим людям (героям “Tortilla Flat”). Они находили моих героев забавными, живописными; пожалуй, немного неприличными. Людей, которых я люблю, моих друзей, так хорошо сумевших приспособиться к условиям своего существования, а это, в конце концов, и есть величайшая мудрость, высшая философия. И это их называли «живописными»! Знай я, что о них будут говорить в таком тоне, ни за что не стал бы писать эту книгу!

Стейнбек был военным корреспондентом в Северной Африке, а затем в Италии. Он хотел узнать, что думает и говорит простой рядовой американской армии, родной брат его героев. Но неподалеку от Стейнбека разорвался заряд. Это так потрясло писателя, что он должен был уехать в Америку.

... Один из нас осмелился спросить писателя, напишет ли он книгу о своих военных впечатлениях.

– Нет, нет! Во всяком случае, не теперь, – ответил Стейнбек. – Меня пригласили присутствовать на Нюрнбергском процессе. Если бы меня не привязывала к США работа над фильмом, это было бы мне по душе... Хотя лица, руководящие организацией процесса, принимают все меры, чтобы не делать трагедию слишком увлекательной, все же это дата в истории. Что же касается Гитлера, я продолжаю надеяться, что он не умер. Такой театральный конец, достойный вагнеровской оперы, слишком красив для него! Болтаться на веревке – как его друзья-приятель, – большего он не заслуживает.

– Ваши писатели, – сказал Стейнбек Андре Виоллис, – великолепно вели себя во время Соппротивления. Я могу их не называть, не правда ли? Все, кто имеет какой-либо вес, участвовали в Соппротивлении. Как литератор и просто как человек, я горжусь ими.

– ... Они вели и они ведут себя превосходно. Я терпеть не могу всевозможные обращения и приветствия. Но передайте им от меня одно, – он наклонился над столом и, подняв палец, с торжественным видом говорит: «Пусть они не кладут оружия слишком рано. Враг еще не повержен».

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1111. Л. 191–193.

**Рецензия «Тайм» на роман Стейнбека
«Заблудившийся автобус»
(Из реферативных материалов
Иностранной комиссии Союза советских писателей)**

май 1947

Американский журнал «Тайм» в номере от 25.02.1947 г. поместил рецензию на последний роман Джона Стейнбека «Заблудившийся автобус» (“The Wayward bus”).

* * *

Фон повествования, знакомый читателям Стейнбека, приобретает в романе свежесть и аромат. Но самый рассказ – нечто вроде «Гранд-отеля» в автобусе – пикантен, но несколько дешев. «Клуб книги этого месяца», избрав для мартовского номера новый роман Стейнбека, пред-

упредил своих читателей: «Возможно, что Стейнбек... пишет слишком вольно для некоторых читателей, в особенности для родителей, имеющих несовершеннолетних детей...» «Заблудившийся автобус» написан Стейнбеком прошлым летом, в течение трех месяцев. Фабула романа несложная. Автобус, курсирующий между двумя пунктами в Калифорнии, во время ливня, смывшего мост, сворачивает к маленькой придорожной харчевне, принадлежащей Хуану Чикой – наполовину мексиканцу, наполовину ирландцу. Автор выводит пятерых пассажиров и семью содержателя харчевни. То, что происходит во время этой вынужденной стоянки, составляет нить повествования.

«Собранные таким образом воедино, главные герои этого романа Стейнбека, могут быть, в известной степени, отождествлены с символическими образами в притче левого толка. Хуан олицетворяет свободную инициативу и индивидуализм, конечно, не только в экономическом, но и в сексуальном аспекте.

Притчард (глава семейства, путешествующего в автобусе) представляет собой карикатурное изображение мертвой души англо-американского капитализма, живущего самообманом и далекого от естественной жизни; хозяйка харчевни является воплощением откровенной, глупой и яростной чувственности; госпожа Притчард, эта приятная женщина – тот гибельный тип человека, безразличие которого является источником и символом других его земных качества; Милдред – ее угрюмый отпрыск, по-видимому, должна служить выражением здорового бунта молодости во имя жизни. Еще одна девушка, случайно попавшая в харчевню – Кэмилл Окс – олицетворяет собой продажность пола.

Простота фабулы компенсируется время от времени удачными мазками художника. Главы, посвященные содержательнице харчевни Элис, в одиночестве прикладывающей к бутылке, и поездке Кэмилл в автобусе с шофером Луи, во время которой она устало отбивается от него, характеристики Хуана – все эти эпизоды сами по себе являются умными маленькими рассказами. Но по теме и развитию сюжета, роман является второсортным и вызывает разочарование. Более того, Стейнбек допускает небрежности. Так, например, на 64 стр. говорится, что госпожа Притчард никогда ничем не болела, а на 210-й – у нее начинается одна из постоянных мучительных мигреней.

В конце книги автобус увязает в грязи под скалой, на которой виднеется полусмытая надпись: «Покайся». Что общего между этим символом раскаяния и действующими лицами Стейнбека (поглощенными

своими сексуальными отношениями) – неясно. Но читатели, которым известна слава Стейнбека и его большой талант, сочтут, что у него, как у писателя, есть основания покаяться».

* * *

В еженедельном литературном приложении к газете «Нью-Йорк геральд трибюн» помещена рецензия Бернарда де Вотто на «Заблудившийся автобус» Стейнбека. Автор рецензии пишет: «На этот раз Стейнбек остается в рамках комедии и совершает лишь небольшой экскурс в далекие голубые просторы. Только три действующих лица даны в трех измерениях. Но хотя большинство из них простые, обыденные люди, он не покровительствует им и не восхваляет их за сокровища смиренности. Его мастерство превосходно, и его проза, которая всегда прозрачна, но несколько разжижена в последних книгах, снова приобретает свою рельефность. В книге присутствует известный символизм, но он не слишком бросается в глаза: “Заблудившийся автобус” – это занятный, неглубокий роман, значение которого заключается в том, что в нем Стейнбек отказывается от довольно неприятной тенденции, которую он, видимо, начал проявлять... Читатель может по желанию принять или игнорировать символическое значение поездки в автобусе, который вынужден свернуть с шоссе на заброшенную дорогу, так как дождь смыл мост, и увязает в грязи, когда Хуан идет на сделку с совестью, чтобы иметь возможность исполнить задуманное желание. Мечтая уйти от жены, от скучной и однообразной жизни и окружения, и бежать в Мексику, он дает обещание Пречистой Деве сделать это, если автобус увязнет. Он действительно уходит, но сознание того, что он пошел на жульничество, возвращает его из мира фантазий в реальный мир, к реальным и теплым, хотя однообразным и иногда сопровождающимся потасовками отношениям с женой...

С точки зрения повествования роман превосходен – в нем чувствуется опытная рука большого художника, которому присущ настоящий юмор, но как роман он удовлетворителен, и не больше. Самым большим достоинством романа является то, что даже те образы, которые имеют всего лишь два измерения, выведены смело, даны на реальном фоне, и что из случайных обстоятельств вырастают подлинные человеческие отношения. Ненависть и разочарование, свойственные Притчардам и их дочери, весьма реальны... Образ Кэмилл очень ярк по замыслу, диалог ее крайне характерен...

Содержанием романа являются мелкие аномалии в отношениях между полами и постоянное подчеркивание половой проблемы, которая

еще задолго до конца отчаянно наскучивает читателю... Однако “Заблудившийся автобус” почти совершенно несентиментальный роман, и автор отворачивается от коротких никчемностей, которые недавно слишком занимали его воображение. Если эта перемена носит постоянный характер, то это весьма отраднo».

Нью-Йорк Геральд Трибюн Уикли Бук Ревью. 16.02.1947.

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1128. Л. 11–14.

И.Д. Хмарский о пребывании Стейнбека в СССР в 1947 г.

24 марта 1948

Уполномоченному ВОКС в США
тов. Стриганову С.Р.

Срочно сообщите, как расценивается «Русский дневник» Стейнбека, опубликованный в «Нью-Йорк Геральд Трибюн» прогрессивной и реакционной печатью США, а также нашими друзьями. Как ведет себя Стейнбек в настоящее время по отношению к СССР.

Заведующий американским отделом ВОКС И. Хмарский.

Публикуется по источнику: ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 81. Л. 189–191.

27 марта 1948

Главному редактору «Литературной газеты»
тов. В. Ермилову.

В дополнение к устным переговорам, которые вела с Вами т. Кислова о целесообразности опубликования в «Литературной газете» статьи т. Корнейчука, разоблачающей антисоветские высказывания американского писателя Дж. Стейнбека в его «Русском дневнике», прошу учесть мои личные впечатления о Стейнбеке во время его пребывания в СССР.

Я встречался со Стейнбеком и фотокорреспондентом Капа на протяжении двух месяцев, ездил с ними в Киев, Сталинград, Грузию, беседовал в Москве. Стейнбек далеко не производит впечатления, которое ошибочно могло сложиться у некоторых товарищей о нем после прочтения «Гроздьев гнева», как о человеке, которого волнуют большие социальные проблемы, искреннее стремление понять другой народ или по-настоящему критически взглянуть на судьбу собственного народа.

Напротив, он вел себя в СССР как в высшей степени самодовольный заурядный американец с достатком, для которого решительно все ясно, и он путешествует ради собственного удовольствия, не будучи стеснен временем. Стейнбек говорил, что он отлично понимает Советский Союз, ему ясно, о чем писать, но поездка должна дать ему «детали», необходимые для придания убедительности его будущим статьям. Характерно, что большую часть своих бесед с советскими людьми Стейнбек провел за выпивками, к которым, кстати сказать, он питает явное пристрастие. Самые ничтожные житейские мелочи обычно поглощали гораздо больше его внимания, чем главное, что характеризует истинные достижения советского народа. Разительным примером в этом смысле является его отношение к советской культуре. Стейнбек, например, крайне неохотно посещал музеи и с явным отвращением относился к беседам советских людей по вопросам культуры. Но, буквально повторяя А. Жида, он уделял анекдотически большое внимание проблеме «туалетной бумаги».

Мне бросилась в глаза также склонность Стейнбека к демагогии. Он часто повторял, что его глубоко интересует личная жизнь советских людей, их труд, отдых и т.п., что он сам фермер и предпочитает простых людей «испорченным» интеллигентам. Когда мы пришли со Стейнбеком в первый раз в колхоз (им. Шевченко на Украине), где колхозницы собирали на огороде огурцы, Стейнбек рассыпался в похвалах колхозникам, демонстративно пожимал им руки, тер в пальцах землю и т.п. Но это была только поза. Вскоре это ему прискучило, и в дальнейшем он обычно смотрел на работающих советских людей издали, не выходя из машины.

Обычно замкнутый и апатичный, Стейнбек, однако, проявлял проворство в тех случаях, когда ему казалось, что от него что-то скрывают или утаивают.

В теоретическом отношении Стейнбек поразительно для писателя слабо развит и начинен буржуазными предрассудками. Это вполне согласуется с его сознательным презрением к теории. Стейнбек считает теорию даже вредной для писателя.

Стейнбек очень высокого мнения о своем творчестве, считая, что в его произведениях жизнь отражается такой, какой она есть на самом деле. В то же время он презрительно отзывается о творчестве крупнейших, особенно прогрессивных писателей Америки и Европы и прогрессивных деятелей. По словам Стейнбека, Т. Драйзер «плохо знал английский язык», произведения Р. Роллана испорчены тенденциозностью, Эллиот Рузвельт глуп, а Уоллес – плохой администратор и поэтому не годится в президенты.

Политические взгляды Стейнбек целиком соответствуют основным тезисам официальной американской реакционной и антисоветской пропаганды.

Стейнбек упрямо защищал свои реакционные взгляды, вопреки совершенно очевидным фактам. По словам Стейнбека, в Америке нет классов. Когда же его спросили, в чем состоит разница между Фордом и его рабочим, Стейнбек ответил буквально следующее: «Старик Форд умер, а что касается его сына, то это совсем другой человек».

Таков идейный и моральный уровень Стейнбека.

Для написания статьи о Стейнбеке полезно было бы использовать, кроме сказанного, также некоторые другие лицемерные заявления Стейнбека и Капа, которые приводятся ниже:

1. В Киеве за обедом у т. Корнейчука Стейнбек сказал: «Перед моим отъездом в Россию жена сказала мне: «Если ты напишешь правдивую книгу о России, тебя бросят в тюрьму». Я ответил: «Если я живу в государстве, где за правду сажают в тюрьму, я готов сидеть». Тогда она ответила мне: “Поезжай”».

2. Заявляя о своем отрицательном отношении к антисоветской кампании, проводимой реакционными кругами США, Стейнбек заявил: «Раздувание антисоветской кампании в Америке – это большое несчастье для дела мира. Но, к счастью, народ не верит прессе Херста, Мак-Кормика, Патерсона. Мы хотим написать книгу, разоблачающую антисоветскую клевету».

Аналогично заявление Капа, к которому присоединился Стейнбек: «Между СССР и США существует большая водная преграда. Через нее нужно навести большой мост взаимопонимания. Наша поездка должна этому помочь».

3. Побывав в украинских колхозах и поговорив с колхозниками, Стейнбек говорил сотрудникам УОКСа, что, насколько он смог заметить, колхозный строй – прочный строй и что крестьяне верят в него. Аналогичное заявление было сделано им в интервью, данному корреспонденту ТАСС в Грузии: «В настоящее время могу сказать, что колхозная система очень эффективна. Даже в разрушенных районах люди хорошо питаются, и, по-видимому, они любят то, что делают». Однако это заявление Стейнбек обошел молчанием в своих статьях.

4. Выступая по возвращении в США на форуме газеты «Нью-Йорк Геральд Трибюн», Капа зачитал выступление Стейнбека, в котором говорится: «Русские задавали особенно много вопросов о преследовании либералов в США. Мы им на это отвечали: “Насколько нам известно,

в Соединенных Штатах нет политических заключенных»». Однако, в США всем известно, что прогрессивный писатель Говард Фаст приговорен к тюремному заключению только за то, что отказался предоставить Комитету по расследованию антиамериканской деятельности список лиц, помогавших испанским антифашистам.

Заведующий американским отделом ВОКС [И. Хмарский].

Публикуется по источнику: ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 81. Л. 189–191.

А. Чаковский

Разоблачение клеветы: По поводу кинофильма «Русский вопрос»

Многим советским зрителям уже известна история американского журналиста Гарри Смита, который, написав правдивую книгу о Советской России, оказался изгнанным из редакции разоренным.

Однако новый художественный фильм «Русский вопрос» не стал простым кинематографическим повторением талантливой пьесы К. Симонова. Интерьеры пьесы «Русский вопрос» расширились в фильме до масштаба огромного американского города, зрителю всесторонне показаны редакция крупной буржуазной газеты, быт и нравы американской прессы. Фильм как бы продолжает пьесу. В пьесе мы расстаемся с одиноким, хотя и излечившимся от своей политической наивности, готовым к борьбе Гарри Смитом. В фильме зритель видит Гарри Смита уже вступившим в эту борьбу. В фильме мы расстаемся с Гарри Смитом на многотысячном митинге, где он от имени Америки Линкольна и Рузвельта бросает вызов реакционной, антидемократической, империалистической Америке.

Роль Гарри Смита играет Вс. Аксенов. Он создает образ честно-го американского журналиста, «белой вороны» в хищной и крикливой стае продажных, фашиствующих бандитов пера. Режиссер фильма и актриса Е. Кузьмина по-своему раскрыли образ Джесси, жены Смита. Лишенный налета мелодраматичности, свойственного ему в пьесе, этот образ стал ближе к жизненной правде. Мелкая хищница, мечтающая о покое и домашнем уюте, бросающая своего мужа в трудную минуту и возвращающаяся в лагерь врагов Смита, – такой выступает в фильме Джесси. Прекрасно передают образы современных хозяев американской прессы – Макферсона и Гульда актеры М. Астапов в роли редакто-

ра Макферсона и М. Названов – роли его подручного Гульда. Выразительно, сильно и правдиво играет Б. Тенин роль Мэрфи.

Фильм пользуется заслуженным успехом у советского зрителя. Нет сомнения в том, что он получит признание и у всех искренних демократов за границей.

В чем сила фильма «Русский вопрос»? Прежде всего в правде. Не случайно в начало картины вмонтированы кадры из американской кинохроники, показывающие Нью-Йорк – город-спрут с его вопиющими противоречиями.

Получив задание написать книгу о России, Смит принимает решение, характерное для многих честных, но политически наивных американцев. Он думает проплыть невредимым между Сциллой реакции и Харибдой собственной совести, – сказать о России «полуправду», суметь, не предавая русских, угодить «шефу».

Но, пока Смит писал книгу, стрелка американского политического барометра качнулась еще более право. Сделка на «льготных условиях» оказывается кабальной. В час расплаты Макферсон требует уже не кусточек души Смита, а всю его душу.

Почему же Гарри Смит не сумел с самого начала правильно оценить ситуацию?

1946 год... Всего лишь месяцы прошли с того дня, как замолкли пушки. Миллионы честных людей во всем мире думали, что после всего того, что они вынесли, после того, как человечество заглянуло в пропасть, вырытую для него фашизмом, мир должен начать жить по-новому...

К этим людям принадлежит и рядовой американец – журналист Гарри Смит.

Но не успела окончиться война, как новые претенденты на мировое господство – американские империалисты поднимают свой зловеющий голос. Они предают передовых борцов против немецкого фашизма – французских «маки», греческих партизан, индонезийских и филиппинских республиканцев, куют золотую цепь, с помощью которой они хотят давить весь мир, – «план Маршалла». Внутри США они усиливают наступление на рабочий класс, на трудящиеся массы.

Всего этого вначале не видит и не понимает Гарри Смит. И не потому, что он пробыл некоторое время за пределами Америки. Миллионы американцев, никогда и не покидавших Штаты, тоже еще не в состоянии разобраться в этой «кухне дьявола». Ежедневно, ежедневно отравляемые буржуазной прессой, они не в состоянии отдать

себе отчет в происходящем. Они не знают, куда ведут их правители Америки.

Гарри Смит, по его признанию, не читает собственной газеты. Но он, наверное, читает другие американские газеты и *книги*. Ему, наверное, было известно, что еще в 1934 году Херст, например, был фактически подкуплен немецкими фашистами, заключил сделку с отделом пропаганды гитлеровской партии и получал от нацистов *миллион* марок в год. Гарри Смит, очевидно, читал газеты, предоставлявшие до войны свои страницы для высказываний Гитлера и Муссолини, а во время войны травивших Рузвельта, защищавших Гитлера, – газеты, сеющие рознь между союзниками.

От своей политической слепоты Гарри Смит излечивается, почувствовав на собственной шее клыки капитализма, оказавшись перед дилеммой: пойти по пути предательства, измены совести и человечности или включиться в борьбу за дело народа. И Гарри Смит включается в борьбу, он пишет ясную и до конца правдивую книгу о России.

Судьба Гарри Смита, его выбор имеют прямое отношение к судьбам миллионов американцев, которым рано или поздно придется сделать свой выбор.

Мы не знаем, в какой редакции развернулась драма Гарри Смита. Может быть, это газета «Нью-Йорк Таймс», выражающая, по мнению известного американского публициста Сельдеса, интересы людей и организаций, представляющих силу и мощь промышленного и финансового капитала, тесно связанная с домом Моргана.

Или, может быть, это «Нью-Йорк Пост», где наряду с либеральными журналистами подвизается небезызвестная профашистка Дороти Томпсон... Или это одна из маккормаковских газет, скажем «Чикаго Трибюн», пользующаяся репутацией самой реакционной и лживой газеты, или говардовская «Нью-Йорк Уорлд Телеграмм»... не будем гадать!

Не будем также стараться узнать, кто послужил автору прообразом Макферсона, но мы знаем, что его подлинное имя могло бы быть и Херст, о котором в США говорили, что сам он не умел написать даже объявление о продаже собаки, но который сумел создать самую гнусную в мире индустрию лжи. Под псевдонимом Макферсона может скрываться и Маккормик, и Ганнет, и Рой Говард.

Не будем стараться раскрыть инкогнито и заведующего иностранным отделом Престона, и других авгуров «Русского вопроса». Ими могли бы быть и Уолтер Липпман, и названный Рузвельтом «профессиональным лжецом» Дрю Пирсон, или О’Доннел, обозреватель «Нью-

Йорк Дейли Ньюс», которого Рузвельт в дни войны иронически предложил наградить немецким «железным крестом»... Не в этом дело!

Суть в том, что людей, подобных им, можно найти много в современной Америке; в том, что это – правда о современной американской жизни. Итак, Гарри Смит горькой ценой излечился от своих иллюзий и понял, что ему надо делать. Это путь многих американцев, многих, но... не всех.

Обратимся к другому американцу, и притом, не в пример Гарри Смиту, известному американцу. Речь идет о Джоне Стейнбеке, писателе.

Писатель Стейнбек, подобно Гарри Смиту, побывал по заданию одной из американских редакций в Советском Союзе. Он видел, как живут и трудятся советские люди. Побывал Стейнбек и в советских театрах. Там он видел пьесу «Русский вопрос». По возвращении в Штаты писатель опубликовал в газете «Нью-Йорк Геральд Трибюн» очерки, озаглавленные «Русский дневник».

Есть русская поговорка: «Чужая душа – потемки». Поэтому мы не будем размышлять над проблемами борьбы писательской совести с желанием угодить антисоветским вкусам диктаторов современной Америки и тому подобными моральными категориями применительно к душе писателя Стейнбека. Позволим себе лишь одну догадку: очевидно, по представлении в редакцию своего «Дневника» Стейнбеку не нужно было возвращать аванс, он не оказался, конечно, подобно Смиту, уволенным из числа сотрудников...

В «Русском дневнике» нас в данном случае интересует лишь место, относящееся к пьесе Симонова «Русский вопрос». Стейнбек так оценивает эту пьесу: «1. Это нехорошая пьеса, на каком бы языке она ни была написана. 2. Актеры не говорят так, как говорят американцы, и, насколько мы понимаем, не действуют так, как действуют американцы. 3. Хотя в Америке имеется несколько (! – А. Ч.) плохих издателей, все же они нигде не пользуются такой властью, как это показано в пьесе. 4. Ни один издатель в Америке ни от кого не получает приказов... Эта пьеса, далекая от того, чтобы прибавить что-нибудь к русскому пониманию Америки и американцев, по всей вероятности, будет иметь обратный эффект».

Оставим в стороне первые два пункта, – они бездоказательны. Но два последние – воистину многозначительны. Итак, ни один издатель в Америке не пользуется «такой властью» и «ни от кого не получает приказов». И эти слова напечатаны в «Нью-Йорк Геральд Трибюн» – газете, владельцем которой является Огден Миллс Рид, крупнейший

капиталист, совладелец железнодорожных, энергетических и других компаний, совладелец медных рудников в Перу, рудных и нефтяных концессии в Мексике и на Кубе! Эти слова напечатаны в «Нью-Йорк Геральд Трибюн», которая, по словам Сельдеса, открыто служит «капиталу, богатству и власти» и которая систематически выступала против всех прогрессивных начинаний Рузвельта по вопросам внутренней политики и занимала резко враждебную позицию по отношению к рабочему движению. Разумеется, бумага, в особенности американская газетная бумага, все терпит. Но, должно быть, тысячи честных американцев – читателей «Гроздьев гнева» возмущались, читая лживый репортаж Стейнбека на страницах «Нью-Йорк Геральд Трибюн».

Действие «Русского вопроса» разворачивается в 1946 году. Джон Стейнбек пишет свой «Дневник» в 1948 году, в дни, когда американская буржуазная пресса дошла до гималайских высот клеветы на Советский Союз, травли прогрессивных людей Америки, в дни, когда Макферсоны всех мастей и оттенков, послушно выполняя приказы своих хозяев – империалистических воротил, призывают к новой войне, поощряют к деятельности недобитых фашистов, амнистируют военных преступников и разжигают национальную рознь.

Думал ли об этом Джон Стейнбек, американский писатель, когда диктовал свой «Русский дневник»? Ведь того, о чем не знал, чего не понимал средний американский журналист Гарри Смит, не может не знать, не понимать Джон Стейнбек!

Мистер Стейнбек пишет, что «Русский вопрос» «ничего не прибавит к русскому пониманию Америки». Нет, прибавит! Смотря и пьесу, и фильм, советские люди еще раз убеждаются, что власть денег не всемогуща, что в Америке есть честные люди и что им, простым честным людям, присущи смелость, готовность бороться за демократическую Америку.

Что же касается «обратного эффекта», то Стейнбек, очевидно, имеет в виду травлю «Русского вопроса», поднятую американской прессой, пригвожденной и в пьесе, и в фильме к позорному столбу. Но мы не считаем этот эффект «обратным». Это – настоящий, «прямой» эффект.

В заключение нужно сказать еще об одном весьма важном достоинстве фильма «Русский вопрос». Он проникнут глубокой верой в прогрессивных людей Америки, в успешность их отпора реакции, в успешность их борьбы за мир и демократию.

М. Поликанов**По страницам зарубежной печати: отпор проповеднику
ненависти**

Американский писатель Стейнбек, давно сменивший служение литературе на служение доллару, недавно посетил Францию. Миссия этого провокатора войны состояла в том, чтобы разведать настроение французского народа, а также проверить, насколько эффективна империалистическая пропаганда войны, в частности, пропаганда против Советского Союза и других миролюбивых народов.

Стейнбек решил «пойти вглубь» и «не изучать настроение народа по газетам». Сей провокатор сам откровенно пишет в журнал «Кольерс», на грязных страницах которого он с особым усердием подвизается, что «французские газеты еще более далеки от народа, чем даже наши собственные, если это возможно». Решив, видимо, что наиболее выгодный для себя материал он найдет в крестьянской среде, Стейнбек отправился в глухую винодельческую деревню Полиньи, расположенную в Юрских горах, вблизи швейцарской границы (департамент Юра). Это район виноделов, т. е. наиболее зажиточных слоев крестьянства.

Однако расчеты Стейнбека не оправдались. Его постигла явная неудача. Оказалось, что «Голос США», с которого поет ныне Стейнбек, плохо действует на французских крестьян. Это с явной злостью вынужден признать сам писатель.

Собеседникам Стейнбека, как это видно из его очерка, опубликованного в журнале «Кольерс» от 30 августа, были: хромой, худой человек с изможденным лицом, бывший в немецком плену в лагере Бухенвальд, где гитлеровец раздробил ему ногу железным брусом; человек с седой головой, заместитель председателя местного кооператива виноделов; учитель Жибе Винтнер; старик-крестьянин, опоясанный шерстяным поясом: человек в рваной шляпе с выбитыми передними зубами и молодой человек в брюках, доставшихся ему от авиадесантных войск.

Первый сюрприз Стейнбеку преподнес худой человек с изможденным лицом, который сказал:

– Мне думается, вы могли бы назначить кого-нибудь получше Риджуэя.

Стейнбек запротестовал, стал расхваливать Риджуэя. На это последовала реплика со стороны седого крестьянина, заместителя председателя кооператива:

– Видите ли, – сказал он. – ввиду всех разговоров по поводу Кореи назначение Риджуэя произвело плохое впечатление.

– Какие разговоры? – спросил Стейнбек. – Неужели вы хотите сказать, будто серьезно верите в то, что мы применяем там бактериологические средства?

К вящей ярости Стейнбека выяснилось, что крестьяне верят и серьезно верят! Стейнбеку, несмотря на то, что он разозлился (он пишет: «Я почувствовал, что начинаю злиться»), так и не удалось разубедить французских крестьян.

Малоутешительным оказался для Стейнбека и разговор о гонке вооружений.

– Мы пережили голод при немцах, – сказал старик-крестьянин. – Мы боимся голода. Мы не хотим тратить свои небольшие заработки на пушки.

Все дальнейшие попытки Стейнбека убедить свои собеседников, что война нужна, что перевооружение необходимо, закончились полным провалом.

– Мы не хотим войны, – произнес крестьянин. – Я получил ранение в 1916 год и был снова ранен в 1943 году. Нет, мы не хотим никаких войн.

Это заявление решительно не понравилось Стейнбеку. Еще больше не понравилось ему откровенно высказанное виноделами неудовольствие по поводу присутствия американских войск во Франции. Стейнбек решил спекулировать на прошлом, передергивая при этом факты. Он заявил:

– Возможно, вам не нравится наше присутствие здесь, но, если бы мы не пришли, вы бы все еще находились по власть нацистов.

Но крестьяне и на этот раз одернули провокатора. Они вежливо, но твердо напомнили ему, что своим освобождением от нацистского ига Франция обязана не американским войскам, а Советской Армии, разгромившей Гитлера.

– Не надо забывать о русских, – сказал старик-крестьянин. – Русские здорово сражались.

Взбешенный вконец Стейнбек не нашел ничего лучшего, как попытаться застрашать крестьян мнимой «русской опасностью», тут один из его собеседников, которого он пренебрежительно именуется «человеком в рваной шляпе», перебил его:

– Нам кажется, что было бы лучше, если бы вы оставили нас в покое.

– Вы хотите сказать, – раздраженно воскликнул Стейнбек, – что вам не нужны деньги Управления экономического сотрудничества?

Но и на этот вопрос у крестьян нашелся ответ.

– Деньги, – сказа Жибе-Винтнер, – предоставляются только крупным компаниям. Они пользуются ими, чтобы вытеснить мелкие компании. Большие компании растут, а маленькие исчезают. Это очень опасно. В этом участвуют политические деятели, а мы им не доверяем.

Стейнбек опять попытался застрашать крестьян уже не только «русской», но и «коммунистической опасностью». И опять не имел успеха.

– Все, чего мы хотим, это – мир! – воскликнул один из крестьян – человек с выбитыми зубами. – Мы не хотим ничего делать, что может привести нас к войне, и не хотим, чтобы вы что-либо делали за нас. Война нам надоела! Война нам отчаянно надоела!

– Считаете ли вы, что все французы так настроены? – спросил Стейнбек.

– Думаю, что да, – последовал ответ.

Так провокатор войны получил отпор у простых французских крестьян. Его проповедь войны и ненависти между народами провалилась.

Источник: Правда. 1952. 14 сентября. С.6.

«Пиплс Уорлд» о новом романе Джона Стейнбека «К востоку от рая»

**(Из реферативных материалов
Иностранной комиссии Союза советских писателей)**

январь 1953

В номере газеты «Пиплс уорлд» от 17 ноября 1952 г. помещена рецензия Роберта Фридмена на роман Джона Стейнбека «На восток от рая», тотчас же по выходе занесенной в список бестселлеров.

Роман Стейнбека, пишет рецензент, по существу рассказывает о жизни «хорошего» Адама Траска и его «дурной» жены Кэти.

Излагая вкратце интригу романа, рецензент касается вопроса о мировоззрении Стейнбека.

В одном из своих авторских отступлений, пишет рецензент, Стейнбек пускается в рассуждение о своей вере в свободу и в личность. Но когда свобода и личное достоинство превращается в чисто демагогиче-

ские лозунги для прикрытия настоящей антидемократической программы правящего класса и его выразителей – этого противоречия не скроешь никак. А Стейнбек, уже давно поставивший свое перо на службу поджигателей войны с Уолл-стрита, с готовностью вторит и их шовинизму. Для него индейцы из Салинаса – «низшая каста, лишённая энергии, избрётательности и культуры». Негров он упоминает дважды: он рассказывает о негритьянке, заразившей солдата гражданской войны венерической болезнью, и о содержательнице дома терпимости (следуя шовинистическим традициям, он именуется ее презрительной кличкой «ниггер»).

Один из главных персонажей романа – Ли, эрудированный китаец, который, впрочем, предпочитает свободе жизнь в качестве слуги у Адама Траска. Это тоже явно отдаёт шовинизмом.

Предельно окарикатуренный образ Кэти объясняется мифом о предопределённости судеб... Как ребенок может родиться безруким, так человек рождается лишенным доброты или совести. Такие люди, – поясняет Стейнбек, – принадлежат к категории «моральных или физических монстров».

А каков смысл всей этой средневековой ерунды? Поскольку «зло» объясняется прирожденным, неизменяемым, непреодолимым, разве не следует из этого, что бесплодны поиски причин таких зол, как война, безработица, расовые предрассудки, трущобы, нажива на проституции или на наркотиках в капиталистическом обществе, которое зиждется на самом существовании всех этих зол?

По законам стейнбековской «морали» Кэти родилась проституткой. Однако, нельзя не отметить, что весь образ Кэти насквозь пропитан идеей о мужском превосходстве.

Стейнбек превращает женщину в воплощение всех зол... «Добро» у Стейнбека бессмысленно, ибо оно абстрактно, – это мистический туман, распространяемый отдельными персонажами писателя, вроде патриарха Саймона, опекающего Адама... «Зло» у Стейнбека, воплощенное в образе «дьявольской женщины» Кэти, убивающей родителей и бросающей мужа и детей, тоже выдуманно. Он нарочито запугивает читателей...

Зло в наше время следует искать не в этих гротесках, а таких «респектабельных» людях, как Джон Фостер Даллес... в тех самых «хороших» людях, которые, действуя от имени свободы, демократии и «борьбы с тоталитаризмом», превращают Корею в пепелище.

Стейнбек ныне целиком связан с этим реальным (хотя и преходящим) злом, злом империалистических войн и расизма. Вот почему этот

некогда одаренный художник может теперь писать: «В наше время массовое или коллективное производство вошло в нашу экономику, нашу политику и нашу религию настолько, что отдельные нации подменили идеей коллективизма идею бога. Это в мое время и является угрозой». И в другом месте: «Я считаю, что все в мире сводится к одной единственной проблеме... Люди – в жизни, в мыслях, в устремлениях, в их жадности и жестокости, равно как и в их доброте и великодушии – попадают в сети добра и зла».

Не массовые убийства в Корее, не расовая ненависть к негр-тянскому народу, не полицейский террор представляется Стейнбеку угрозой. «Коллектив» для него пугало. Единение людей в борьбе за мир и за демократию – грозный признак, а непреодолимая «сеть добра и зла» – вот тот барьер, который не может, якобы, преодолеть человечество.

Так Стейнбек лакейски служит госдепартаменту.

Референт Е. Романова.

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3799. Л. 12–14.

Справка о писателе Джоне Стейнбека Иностранной комиссии Союза советских писателей

Стейнбек Джон – романист. Родился в 1902 г. в Калифорнии. Отец – мелкий чиновник, мать – учительница. Широко известен в США и за их пределами, главным образом, романом «Гроздь гнева» (1939 г.) о судьбах разоряемого крупным капиталом фермерства, произведением огромной разоблачительной силы

Известны и ранние произведения Стейнбека – «В сомнительной схватке» и «О мышах и людях» /1936 г./, где особенно сильно складывается присущее писателю тяготение к патологическим мотивам.

После «Гроздь гнева» Стейнбеком выпущены: «Луна зашла» (1942 г.), «Бомбы вниз» (1942 г.), «Консервный ряд» (1944 г.), «Заблудившийся автобус» (1947 г.), «Русский дневник» (1948 г.), пьеса «Горящий ярко» (1950 г.) роман «К востоку от рая» (1953 г.). Написанный после посещения в 1947 году СССР «Русский дневник» содержит ряд антисоветских выпадов.

Последнее крупное произведение Стейнбека – роман «К востоку от рая» – глубоко реакционно по своему идейному содержанию.

Л. И. Казакова (Жданова)

Помимо этого, Стейнбек в последние годы неоднократно выступал с политическими высказываниями, весьма недвусмысленно объявляя борьбу идеям не только коммунизма, но и коллективизма вообще и клевета на Советский Союз. Совсем недавно во французской печати было опубликовано политическое кредо Стейнбека, изобиловавшее злобно антикоммунистическими и антисоветскими измышлениями.

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3813.

Джон Стейнбек о деле Матусоу
(Из реферативных материалов
Иностранной комиссии Союза советских писателей)

апрель 1955

В еженедельнике «Сатердей ревью» за 2.04.1955 г. опубликована статья романиста Джона Стейнбека «Смерть одного рэкета» по поводу нашумевшего дела Матусоу. Стейнбек пишет:

Для всякого вдумчивого человека показания Матусоу все равно, что букет незабудок на могиле Маккарти. Смехотворность всей нелепой серии расследований стала теперь очевидной даже для тех, кого один из моих друзей называл «любителями погрызть каштаны». Матусоу окажет влияние гораздо более значительное, чем ему казалось. К худшему этому не приведет, а к лучшему – может. И, безусловно, все это забавно.

Матусоу, поклявшись в том, что сам он был коммунистом, привлекался различными органами нашего правительства для того, чтобы публично присягнуть в принадлежности к коммунистам сотен других людей. А ныне он объявляет, что лгал. Клянется, что и другие профессиональные свидетели тоже лгали. Расследователей захлестнула волна истерии. Сенаторы, которых это лично коснулось, вопят, что Матусоу лжет сейчас, но не лгал, когда он давал показания против их врагов. Некий сенатор, за которым не числится особо правдивых выступлений, очень резко заявляет, что он не придает значения словам лжецов. А ведь этот самый лжец в более счастливые времена немало потрудился, агитируя за этого самого сенатора. Очень серьезные люди пытаются решить, когда Матусоу лгал, а когда – нет. И, видимо, приходят к выводу, что он говорил правду, давая показания в их пользу, и лгал, наговаривая

на них. Никто публично не высказал предположения, не лгал ли он все время и даже теперь.

Рассказ Матусоу о жизни осведомителя весьма печален, но правдоподобен... Некий неизвестный – будь то мужчина или женщина – неудачник вступил или делал вид, что вступает в коммунистическую партию. Может быть, и само вступление было продиктовано желанием быть замеченным. Потом вышеуказанный субъект раскаивался и предлагал свои услуги Республике во имя осуждения ее врагов. Тотчас же такая личность оказывалась в центре внимания. Это выражалось в оплате правительством не только экспертиз, но и публичных лекций. Журналы дрались из-за его статей... Как говорит Матусоу, им овладевал страх, что все это кончится, и сам он опять окажется в неизвестности. Естественно, что ради сохранения своей исключительной позиции, он готов был на любые новые и более вопиющие обвинения...

Позиция публичного осведомителя не только шатка, но и весьма завидна. Стоит чуть уклониться в сторону, как найдется множество желающих занять это место. Стоит информации иссякнуть, и осведомителя нет. Один очень знаменитый осведомитель растянул свои показания на десять лет. Он – чемпион. Еще никому не удалось достигнуть его мастерства.

Таковы были веяния времени, что некоторые глупости проходили незамеченными. Например, человек с совершенно чистым прошлым вынужден был проходить проверку прежде, чем получить разрешение на служение правительству. Одного подозрения в близости к коммунистической партии было достаточно, чтобы уволить человека. При этом он подвергался расследованию со стороны покаявшихся экс-коммунистов. Иными словами, его судьба находилась в руках людей, которые по этим же законам не заслуживали допуска к правительственной службе. Я говорю обо всем этом в прошедшем времени потому, что я верю в то, что со всем этим почти покончено. Я подозреваю, что правительственные осведомители, даже если они говорили правду, не смогут уцелеть под показаниями Матусоу. Он назвал это доходным рэкетом. Так вот, Матусоу покончил с этим. Никогда он уже не возродится.

Итак, несмотря на истерические слова расследователей о том, когда, по их мнению, Матусоу лгал, а когда – говорил правду, – на деле любое показание профессионального свидетеля придется подвергать проверке по давно испытанной системе доказательства.

Все это важно, но еще важнее быстрая и резкая перемена общественной атмосферы. На днях упоминание в театре о профессиональных свидетелях было встречено взрывом смеха. В воздухе носится ощущение

необычайного облегчения. Человек, который полгода назад торжественно вторил откровениям какой-нибудь истерической старой девы, вправе теперь поверить и заявить, что он никогда не принимал их всерьез.

Эти перемены многозначительны во многих направлениях. Если бы Кон и Шайн повторили свою поездку, они никого не напугали бы.

Книги возвращаются на полки наших библиотек. Цена речам одного шумливого сенатора упала очень низко, а политическая поддержка с его стороны превратилась в пугало. Любопытное зрелище представляют различные конгрессмены, пытающиеся отмежеваться от всей этой истории.

Неизбежно некоторые чиновники, пойманные врасплох, вынуждены утверждать, что Матусоу – и ныне еще коммунист, а этот его ход есть часть заговора властителей умов из Кремля. Но время подобных рассуждений миновало. Ни один коммунистический стратег не стал бы нарушать атмосферы разброда и подозрительности, которая преследовала нас на протяжении последних нескольких лет, и ратовать за возврат к здравому смыслу...

Мы не можем знать наверняка, что побудило Матусоу к подобным шагам. Было ли это давним заговором или попыткой – как он сам говорит – заработать. Но его прежние и нынешние показания могут оказаться тем толчком, который вернет маятник здравого смысла на место. Именно это сейчас, по-видимому, и происходит».

* * *

Наряду с этим необходимо напомнить о двух выступлениях Джона Стейнбека, относящихся к осени 1954 года.

В статье для французской газеты «Фигаро литерер» (18 сентября 1954 г.) Стейнбек выступал с клеветническими измышлениями по адресу коммунистических партий и стран демократического лагеря, повторяя избитые тезисы самой реакционной пропаганды о «подавлении свободы личности» и т.д.

В передаче по радиостанции «Свободная Европа» (как видно из книжного обозрения «Нью-Йорк Таймс» от 19 сентября 1954 года), Стейнбек грубо клеветал на советскую культуру.

Еженедельник утверждал, что к подобному выступлению Стейнбека побудило постоянное использование его романа «Гроздь гнева» в антиамериканской пропаганде, и что Стейнбек «решил, что, наконец, настало время для контрудара».

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3828. Л. 8–10.

Джон Стейнбек о судебном процессе Артура Миллера
(Из реферативных материалов
Иностранной комиссии Союза советских писателей)

июль 1957

Как сообщает обозреватель газеты «Дейли Уоркер» Дэвид Платт (в номере от 23.05.1957), известный американский писатель Джон Стейнбек выступил в журнале «Эсквайр» с осуждением судебного процесса по делу Артура Миллера.

Джон Стейнбек заявил, что процесс над А. Миллером, представляет собой «явную, возникшую сегодня перед нами опасность... Эта опасность угрожает не столько Артуру Миллеру, сколько всему нашему изменяющемуся образу жизни... Писатель считает, что от любого человека, предающего своих друзей – а именно этого требовал конгресс от Миллера, заставляя его стать осведомителем – нельзя ожидать преданности родине. Мораль неделима. И наши добродетели начинаются в своем собственном доме. Они не изменяются в зале суда, кроме тех случаев, когда на нас оказывают давление запугиванием».

Стейнбек ставит перед собой вопрос: как бы поступил он сам, если бы ему пришлось оказаться на месте Миллера. «Я не знаю, что бы я стал делать, – отвечает он, – но я хочу надеяться во имя себя и своих детей, что у меня хватило бы храбрости сохранить и защитить свой моральный облик, как это сделал Артур Миллер».

Стейнбек говорит, что отец научил его правилам поведения, которые, по его убеждению, не потеряли своей силы и по сей день. Отец учил его «воздавать славу всевышнему, хранить честь семьи, верность друзьям, уважение к закону, любовь к родине и давать открытый отпор тирании, независимо от того, исходила ли она от хулигана на школьном дворе, от иноземного диктатора или от местного демагога».

«И если эти принципы называются предательством, джентльмены, – заключает Стейнбек, – побольше бы нам такого предательства!»

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3903. Л. 58–59.

А. Макаров

Открытое письмо Джону Стейнбеку

Вероятно, Вам покажется странным это письмо – письмо неизвестного Вам советского критика. Но я испытал неодолимую потребность написать его. Я – всего лишь один из многих в нашей стране читателей, уважающих Ваш художественный талант, мятущийся талант человека, уязвленного любовью к простым людям, которых беспощадно калечит и давит колесница взбесившегося империалистического Джаггернаута. Когда Вы были в нашей стране, Вы сами могли убедиться в том, какой известностью пользуется в ней книга «Гроздь гнева» и имя ее автора.

И вот я только что прочел в двенадцатой книжке «Иностранной литературы» Вашу повесть «Жемчужина» и снова был потрясен активной силой Вашего гуманизма, жестокой правдой и человечностью этой маленького поэмы в прозе. С равной поэтической силой переданы в ней и манящая музыка утренних волн, и тихая песня скромного любящего сердца, песнь семьи простого рыбака Кино, его жены Хуаны и их маленького Койотито. Но семья Кино живет в стране, где трудящийся человек лишен самых обычных прав, где даже счастливая удача обертывается для него кровавой трагедией и неизбывным горем. Много чувств и мыслей вызывает Ваша повесть. Мне сейчас хочется говорить с Вами лишь об одном – как мне представляется – очень важном ощущении. Мощью своего разгневанного таланта Вы заставили меня выстрадать вместе с героями трагедию народа, ограбленного колонизаторами до нитки, ввергнутого ими в ад, перед которым меркнет самая мрачная фантазия средневековых создателей ада мифического. Хотели Вы этого или нет, но Вы укрепили во мне своей повестью чувство святой и справедливой ненависти к колониализму и его апостолам, мне захотелось протянуть Вам руку, как соратнику по борьбе.

Но надо же было случиться так, что не успел я закрыть Вашу повесть, как газеты принесли известие о том, что в США опубликовано от имени группы интеллигентов «Открытое письмо президенту Эйзенхауэру». Эта группа интеллигентов и лиц свободной профессии обращается к правительству США, призывая его, как сказано в письме «к решительному установлению мира на Ближнем Востоке», который мыслится авторам письма в виде американского протектората над этим районом. Я прочел это письмо, типичное для такого рода выступлений, полное недопустимых выпадов против президента египетской республики

и клеветы на Советский Союз. Авторы письма старательно умалчивают о подлинных злодеяниях реальных агрессоров против Египта, злодеяниях англо-французских и израильских интервентов. Они умалчивают и о том, что народ Египта стал на защиту своей Родины в справедливом гневe, ибо не желает для себя той судьбы, какую Вы так ярко изобразили в своей талантливой повести о ловце жемчуга. Зато они не скупятся на ложь о мнимом «русском наступлении» в этом районе и открыто призывают: «Если русские будут сопротивляться, тогда США должны будут использовать все свое могущество, чтобы так или иначе добиться этого», то есть осуществления США жандармских функций на Ближнем Востоке. Менее всего меня удивило само это письмо. Планы американских империалистов прибрать к своим рукам плоды англо-французской агрессии сейчас для всех очевидны.

Но среди почти ничего не говорящих мне имен авторов письма было и Ваше имя, Джон Стейнбек. То самое имя, которое стоит на титуле «Гроздьев гнева», антифашистской повести «Луна зашла» и только что прочитанной мною «Жемчужины» – книга, полных не простого сочувствия к судьбе маленького человека, но и сочувствующих самой борьбе его против угнетения и угнетателей.

Чем же это объяснить? Ведь Вы писатель не без права претендующий, благодаря своему художественному таланту, на роль учителя жизни. Неужели Вам безразлично, какие документы подписывать? Но ведь Ваша подпись отнюдь не безразлична Вашим читателям во всех странах мира. Одни будут обвинять Вас в лицемерии, другие будут считать Вас наивным, подписавшим письмо сгоряча. Я кое-что смыслю в искусстве и понимаю, что человек не может быть полным лицемером в своих художественных творениях, иначе он перестает быть художником. Мне хочется думать, что и Ваша подпись под письмом – как и другие Ваши выступления, проявление Ваших блужданий на сложных перепутьях XX века, ибо выход, подсказываемый самой историей Вы, как видно, отвергаете.

Вы можете сказать, что названные мною произведения – Ваши старые вещи, что «Жемчужина», которую я только что прочел, написана в 1945 году, а сейчас Вы относитесь к миру иначе. Что ж, для нас не секрет, что за последнее десятилетие Вы отошли от лейтмотива «Гроздьев гнева», и мы не раз с горечью отмечали это, не без оснований видя отрицательное влияние Вашей политической позиции – впрочем, можно ли говорить о твердой позиции? – на Ваше художественное творчество. Но мы никогда не забывали и о том, что при всей идейной путанице

«Консервного ряда» или «Заблудившегося автобуса» пафосом их все же оставались поиски человечности среди отверженных изгоев современного общества и гневное отрицание собственничества. Бывает, что книги оказываются более жизнеспособными, более стойкими к великой битве века, чем создавший их автор. Они переживают своего автора, становятся иной раз и его врагами. Эта печальная судьба для автора, но не для книг!

Ваши книги честно и хорошо выполняют свой долг, возбуждая любовь к простому человеку, побуждая ненавидеть поработителей. Не горько ли, что эта ненависть, вызванная силой Вашего художественного дара, обращается против Вас самих, Джон Стейнбек?!

Источник: РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 1. Ед. хр. 8750. Л. 5–7. (Опубл.: Иностранная литература. 1957. №2).

Г. Злобин

Новая монография о творчестве Джона Стейнбека

октябрь 1958

В «Нью-Йорк Таймс Бук Ревью» (от 4.05.1958 г.) была опубликована на первой полосе рецензия Альфреда Казина на монографию П. Лиска «Широкий мир Джона Стейнбека» (“The Wide World of John Steinbeck” by Peter Lisca). В рецензии, озаглавленной «Несчастный человек из счастливой долины» Казин пишет: «Что случилось со Стейнбеком? Начиная с его первого удачного романа (“Tortilla Flat”) все его лучшие произведения увидели свет в тридцатых годах: «В сомнительной схватке», «О мышах и людях», «Большая долина», «Гроздь гнева». По-видимому, между Стейнбеком и тридцатыми годами существует некая непосредственная и живая связь, ибо трудно найти лучшие произведения среди романов, созданных им после 1942 года: «Луна зашла» (“The Moon in Down”), «Консервный ряд» (“Cannery Row”), «Благостный четверг» (“Sweet Thursday”), «Заблудившийся автобус» (“The Wayward Bus”), «К востоку от рая» (“East of Eden”).

Что побудило одного из наиболее талантливых американских писателей обратиться к банальной пропаганде, отмечающей повесть «Луна зашла», к нарочитой манерности «Консервного ряда», милого пустяка, высмеянного впоследствии самим Стейнбеком в издевательском фарсе «Благостный четверг»? Что произошло с автором, создавшим превос-

ходную современную пастораль в «Большой долине» и опустившимся до «Заблудившегося автобуса», произведения, напоминающего кинофильм?..

Что же произошло со Стейнбеком? Вот, казалось бы, к чему должен сводиться вопрос, встающий перед человеком, пишущим о Стейнбеке монографию. Но Питер Лиска, признавая деградацию творчества Стейнбека и слегка намекая на то, что она объясняется славой, превратившей Стейнбека в знаменитость, не знает, с какой стороны подойти к рассмотрению этой проблемы»...

Казин разделяет точку зрения автора монографии, утверждающего, что в основном критикам не давалось исследование творчества Стейнбека. Но это – по мнению Казина – объясняется не слабостью критики, а странной особенностью писателя, быстро переходящего в своих книгах от одной темы к другой. Стейнбеку, по утверждению А. Казина, «...недостает интеллектуальной глубины, обогащающих писателя традиций прошлого.

Тема Стейнбека – это американский миф о «счастливой долине». Вариации на ту же тему у Фолкнера связываются с Миссисипи, у Хемингуэя – с Мичиганом, у Фитцджеральда с Миннесотой... «Счастливая долина» – большая тема в творчестве Марка Твена и в произведениях многих писателей, чье детство протекало в провинции...

В лучшем произведении Стейнбека «Большая долина» воссоздается райское видение Калифорнии, в ней также звучит гнев сына своей страны, возмущенного жадностью и жестокостью крупных землевладельцев и их политических прихлебателей, этот же мотив мы встречаем и в наиболее сильных произведениях Стейнбека – в «Сомнительной схватке» и «Гроздьях гнева»... Самая сильная сторона творчества Стейнбека – его стиль, даже в тех случаях, когда он ставит перед собой цель чисто публицистическую, как, например, в отступлениях романа «Гроздья гнева», его стиль отличается такой пластичностью и конкретностью, что напоминает собой неизменный в своей прозрачности и чистоте стиль Торо и Марка Твена...

Но Стейнбеку, на мой взгляд, менее удастся создание «людей природы».

Восхищение автора налагает на эти образы слишком явный отпечаток, он окружает их сентиментальным ореолом, обращает их против «цивилизации»... Тем не менее, сила Стейнбека в его приверженности к старой идиллической жизни и, оглядываясь назад, на тридцатые годы, нетрудно понять, почему ужасающая картина чудовищного голода

в стране изобилия привела Стейнбека в состояние творческой ярости. Лиска сообщает, что Стейнбек был настолько встревожен положением переселенцев, что он, в то время еще чураясь Голливуда и избегая всякого рода коммерческих сделок, был готов дать согласие на экранизацию Голливудом его книги «О мышах и людях», с тем, чтобы получить возможность раздать по два доллара трем тысячам переселенцев. Тридцатые годы, как мы видим теперь, подвели черту под старым индивидуализмом... Эмоциональные, «революционные» протесты Тома Джоада и других персонажей «Гроздьев гнева», двойственные образы руководителей коммунистической забастовки в книге «В сомнительной схватке» – все это показывает, насколько противоречива была борьба, происходившая в душе самого Стейнбека, с каким внутренним сопротивлением он склонялся к «действию», чтобы спасти от голода множество людей.

Подобная позиция противоестественна для Стейнбека, личные вкусы которого носят часто созерцательный, лирический, пассивный характер... Стейнбек настолько далек от марксизма, что на протяжении ряда лет он разработал свое туманное, полное пиетизма кредо, основанное на примитивных заимствованиях из области науки. В тридцатых годах он сделал вынужденный и наиболее неестественный для себя шаг – включился в социальную полемику, повлекшую за собой выражение в «Гроздьях гнева» поистине впечатляющей силы эмоций... Заключительный аккорд «Гроздьев гнева» звучит полным отчаянием, несмотря на кажущуюся символику знаменитой последней сцены, в которой молодая мать отдает молоко своей груди умирающему от голода человеку... Развязка книги «В сомнительной схватке» поражает своей мрачностью. Трудно понять книгу, которая так далеко отстояла бы от партийного оптимизма пролетарской литературы тридцатых годов. Но эти книги обнаруживают в равной степени опасную уязвимость, они свидетельствуют о том, что Стейнбек, как художник, получил возможность самовыражения лишь после того, как описал страдания своей долины. В определенный момент писательской деятельности его интеллект отвлекся в сторону, в то время как каждый американский писатель, развивающий ту же самую тему, оказавшись на его месте, либо нашел бы новую силу, на которую можно было бы опереться, либо впал бы в сентиментализм. Эволюция творчества Стейнбека, на мой взгляд, тормозила то, что у него не было ничего, кроме физического ощущения «Счастливой долины», как таковой... – у него не было богатых традиций, на которые опираются южане типа Фолкнера, представители Среднего Запада типа... Фитцджеральда и Драйзера.

Изменения, происходящие в «долине», гибель «американского рая» могли найти зрелое воплощение в нашей литературе только в том случае, если художник был бы способен опереться на некоторые религиозные и философские традиции, более древние, чем сама Америка.

Все послевоенные книги Стейнбека являлись попыткой подсластить пилюлю окружавшего его современного мира, противопоставить «долину» – «людям бизнеса». Путаница, царящая в книге Стейнбека «К востоку о рая», его наиболее тенденциозном литературном опыте последних лет, свидетельствует о том, что чувство любви к ближнему, лежащее в основе произведений Стейнбека, никогда не сопровождалось интеллектуальными и творческими исканиями автора, помогающими ему постигнуть действительность. Очевидно, что Стейнбек не живет уже в своей «Счастливой долине», но мысли его все еще обращены к ней. Он обнаруживает тот же самый расплывчатый мистицизм, ту же самую бессвязную псевдофилософичность, которые характерны для многих калифорнийских писателей – от Джорджа Стерлинга и Джека Лондона, Фрэнка Норриса, Робинсона Джефферера до ныне здравствующих Генри Миллера и Джека Керуака.

Калифорнии явно не удалось породить для своих писателей ни традиции, на которую они могли бы опереться, ни критериев, с которыми они могли бы оценивать внешний мир, и которые помогали бы им постигать его...

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 2175. Оп. 5. Ед. хр. 88. Л. 10–13.

Письмо Дж. Стейнбека о присуждении Б.Л. Пастернаку Нобелевской премии

Присуждение Нобелевской премии Пастернаку и яростные нападки на это присуждение меня крайне удручили. Мое огорчение относится, однако, не к Пастернаку. Он выполнил, как писатель, свой долг, т.к. он видел свой мир, описал его и занял относительного него свою позицию. Для него должно быть блестящим удовлетворением видеть, какой отклик вызвала его книга во всем мире, где только ее можно свободно получить.

Поэтому он совершенно не нуждается в нашем сожалении, как бы жестоко с ним не поступили. Мое огорчение вызывают те нищие духом официальные писатели, которые призваны вершить суд над произведе-

нием, запрещенным для них самих. Стервятники от искусства, которые в свое время сами помогли себя подрезать. И вот сидят они в естественной растерянности от такого взлета и полны ненависти к орлу. Эти, по существу, несчастные скрюченные калеки естественно враждебны к тому, кто под тем же гнетом не сдался и сохранил свое лицо. Им, гробовщикам советской литературы, теперь должно стать ясным, сколь тяжок груз этого мертвого тела, которые они на себя взвалили (или на себе тащат).

Как бы они не цитировали теперь Пастернака, в его отсутствие, как они не сообщали, что он отрекся и сдался – его книга опровергает все их утверждения – ныне и навеки. Подлинными предателями литературы стали судьями Пастернака. В конце концов, они обретут ту же судьбу, что и судьи Сократа – им имена будут в истории забыты, но будут вспоминать только их глупость.

* * *

Американский Комитет защиты свобод культуры, объединяющий более трехсот писателей, художников, артистов, – в этот Комитет входят такие писатели, как Джон Стейнбек, Торнтон Уайльдер и другие, – 30 октября выступил с обращением, из которого приводим две выдержки:

«Объединенные в общей борьбе со всякого вида тоталитаризмом, вторгающимся в сферу свободного мышления и творчества, мы поздравляем советского писателя Бориса Пастернака по случаю присуждения ему Нобелевской премии. Мы выражаем нашу готовность горячо поддержать его в благородной борьбе за свободу мышления, за свободу духа... Повсюду в демократическом мире общественное мнение возмущено той подлой кампанией клеветы и опорочения, которой подвергся Борис Пастернак, лауреат Нобелевской премии, в его собственной стране».

Перевод письма Стейнбека Стюарту Л. Хэннону (опубл. в: Steinbeck: A Life in Letters / ed. by E. Steinbeck, R. Wallsten. New York: Viking, 1975. P. 602) публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 5. Ед. хр. 295. Л. 7, 13.

Дата поступления в редакцию: 10.08.2023

Received: 10.08.2023

Дата публикации: 25.12.2023

Published: 25.12.2023

СТЕЙНБЕК В СССР: ТРИУМФ, «ПРЕДАТЕЛЬСТВО» И ЗАБВЕНИЕ (1961–1968)

© 2023 Л. И. Казакова (Жданова)

STEINBECK IN THE USSR: TRIUMPH, “RENEGATION”, AND OBLIVION, 1961–1968

© 2023 Leah I. Kazakova (Zhdanova)

УДК 82.01

https://doi.org/10.54791/27823792_2023_5_177_295

Информация об авторе:

Лия Искандеровна Казакова, канд. филологических наук, независимый исследователь, Новосибирск, Россия. E-mail: cammomilla@mail.ru.

Ключевые слова: советско-американские литературные связи, Джон Стейнбек, «Зима тревоги нашей», «оттепель», Е.А. Евтушенко, война во Вьетнаме, «Письма к Алисии», литературная критика, литературная репутация, рецепция.

Аннотация: В статье рассматриваются взаимоотношения Стейнбека и СССР в 1960-е гг. Десятилетие подразделяется на два периода – 1961–1965 и 1966–1968. На последние «оттепельные» годы (1961–1965) пришелся второй пик славы Стейнбека в СССР, связанный с выходом его нового романа «Зима тревоги нашей» (1961), получением Нобелевской премии (1962) и третьим приездом писателя в Советский Союз (1963). Большое внимание в статье уделяется рецепции романа «Зима тревоги нашей» в СССР, который пользовался в Советском Союзе большим успехом и отвечал насущным чаяниям советской интеллигенции. Тре-

Information about the author:

Leah I. Kazakova, PhD in Philology, independent researcher, Novosibirsk, Russia. E-mail: cammomilla@mail.ru.

Keywords: Soviet-American literary connections, John Steinbeck, *The Winter of Our Discontent*, Khrushchov Thaw, Evgeny Evtushenko, Vietnam War, *Letters to Alicia*, literary criticism, literary reputation, reception.

Abstract: The paper examines the John Steinbeck's Soviet contacts in the 1960s. The decade is divided into two periods: 1961–1965 and 1966–1968. The last years of the Khrushchov Thaw (1961–1965) saw the second peak of Steinbeck's fame in the USSR: he published his last novel *The Winter of Our Discontent* (1961), won Nobel Prize (1962) and visited the Soviet Union for the third time (1963). The paper pays much attention to the reception of the novel *The Winter of Our Discontent* in the USSR, which was a great success in the Soviet Union and met the urgent aspirations of the Soviet intelligentsia. Steinbeck's third visit to the USSR was initiated by the Union of Soviet Writers and the State

тий визит Стейнбека в СССР был инициирован Союзом советских писателей и Госдепартаментом по личной просьбе Дж. Ф. Кеннеди. Стейнбек возлагал на эту поездку большие надежды, т.к. был наслышан о происходящей в стране «оттепели» и о появлении в СССР нового поколения молодых поэтов и писателей. Однако оттепель была уже на исходе, и Стейнбек, хотя и воспользовался возможностью познакомиться и тесно пообщаться с советскими диссидентами и поэтами-шестидесятниками (Е. Евтушенко, В. Аксенов, Б. Ахмадулина, В. Некрасов и др.), уехал из СССР, не изменив о нем своего мнения об СССР как о стране несвободы. Как показывают публикации советской прессы тех лет, в первой половине 1960-х гг. Стейнбек продолжал оставаться дружественным СССР автором до 1966 г., когда участие Стейнбека во вьетнамской войне полностью дискредитировало его в глазах советской общественности. В статье рассматриваются два показательных эпизода: публичная переписка американского писателя с Евгением Евтушенко на страницах «Литературной газеты» и «Newsday» (1966), и реакция советской прессы на публикацию «Писем к Алисии» непосредственно из Вьетнама, после которой Стейнбек в СССР была предан анафеме и подвергнут «бойкоту», длившемуся более 15 лет – до рубежа 1970–1980-х гг.

Department of the USA at the personal request of J.F. Kennedy. Steinbeck had high hopes for this trip: he had heard a lot about the Thaw and a new generation of young Soviet poets and writers. However, the thaw was coming to an end, and Steinbeck, although he had a chance to meet and talk with Soviet dissidents and young poets of the sixties – E. Evtushenko, V. Aksenov, B. Akhmadulina, V. Nekrasov, etc., didn't change his opinion about the USSR as a country of unfreedom. Soviet literary criticism in the first half of the 1960s shows that Steinbeck was praised as a humanist and realist friendly to the USSR until 1966, when Steinbeck's attitude to the Vietnam War completely discredited him in the eyes of the Soviet public. The paper examines two key episodes: the public correspondence of Steinbeck and Evgeny Evtushenko in *Literaturnaya Gazeta* and *Newsday* (1966), and the reaction of the Soviet press to the publication of Steinbeck's *Letters to Alicia* directly from Vietnam, after which Steinbeck was subjected to a boycott that lasted over 15 years, until the turn of the 1970s and 1980s.

Хронологические рамки данной статьи охватывают два периода. Во-первых, окончание «оттепели», на которое пришелся второй зенит славы Стейнбека в СССР, связанный с получением им Нобелевской премии, выходом его нового романа «Зима тревоги нашей», продолжавшего реалистические традиции «Гроздьев гнева», и третьим приездом писателя в рамках культурного обмена в Советский Союз. Рассмотрению этого периода (1961–1965) посвящена первая часть статьи.

Второй период, которому посвящена вторая часть (1966–1968), носит прямо противоположный характер: участие Стейнбека во вьетнамской кампании полностью дискредитировало писателя в глазах советской общественности и привело к «бойкоту», длившемуся более 15 лет – до рubeжа 1970–1980-х гг.

«Оттепель» в отношениях Стейнбека и СССР (1961–1965)

«*Зима тревоги нашей*» (1961/1962). В 1961 г. в издательстве «Викинг Пресс» (Viking Press) был опубликован последний роман Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей» (“The Winter of Our Discontent”)¹. В этом произведении писатель вновь целиком обратился к современности и поднял проблему, занимавшую его на протяжении последних лет – «аморальность» американской жизни, которая, по его мнению, давно воспринимается не как недостаток, но как негласно постулируемое в обществе достоинство².

На эту книгу Стейнбек возлагал большие надежды³, которые отчасти оправдались: так, при присуждении Нобелевской премии секретарь Шведской академии Андерс Остерлинг заявил, что именно роман «Зима тревоги нашей» заставил комитет почувствовать, что Стейнбек «снова обрел свою позицию – независимого и правдивого писателя, с безошибочным чутьем ко всему подлинно аме-

¹ Этот роман стал последним оконченным произведением Стейнбека, напечатанным при жизни писателя: незавершенный роман «Деяния короля Артура и его благородных рыцарей» (“The Acts of King Arthur and His Noble Knights”, 1959) был опубликован после его смерти в 1976 г.

² Об этом он говорит, к примеру, в интервью газете “Die Welt”: «На вопрос, какова тема романа, писатель ответил: “Аморальность”. По определению Стейнбека, пишет корреспондент, этот термин означает примерно следующее: стремление получить от жизни больше, чем желание дать ей» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4101. Л. 6.), а также в ряде своих писем конца 1950-х гг., например, письмах Адлау Стивенсону и Дагу Хаммаршельду (Steinbeck: A Life in Letters / eds E. Steinbeck, R. Wallsten. New York: Viking, 1975. P. 651–653).

³ В письме Паскалю Ковичи (июль 1960) он говорил применительно к роману «Зима тревоги нашей»: «Роман — это крупное художественное произведение, имеющее свою форму, свое направление, свой ритм и свою цель. В худшем случае роман должен развлекать читателей, будет лучше, если он сумеет воздействовать на их чувства, но лучше всего, если он станет озарять им путь. Я не знаю, сумеет ли мой роман выполнить хотя бы одну из этих задач, но его цель относится к третьему пункту». (Steinbeck: A Life in Letters. P. 676–677).

риканскому – и хорошему, и плохому <...> вернулся к высокому уровню “Гроздьев гнева”»¹.

Тем не менее, американскими критиками этот роман был принят по большей части отрицательно. Как пишет биограф писателя Дж. Бенсон, даже в самых благосклонных к роману Стейнбека рецензиях, например, статье журнала “Atlantic Monthly”², в заслугу писателю ставилась «не его творческая эволюция как автора, проявившаяся в использовании новых интересных техник для диагностирования текущей нравственной болезни, но то, что эта книга напоминала собой “Гроздьев гнева”»³. О речи А. Остерлинга один из известнейших американских журналов “Newsweek” отозвался следующим образом:

Он (А. Остерлинг. – Л.К.) упустил сказать, что в его собственной стране критики едва ли увидели в «Зиме тревоги нашей» тот возврат к «высоким стандартам» 1930-х годов, который был отмечен Нобелевским комитетом⁴.

Тем временем в СССР отношение читателей и критиков к этой книге было совсем другим, во многом прямо противоположным. После окончания длительной партийно-правительственной антиамериканской пропагандистской кампании, в результате которой имя Стейнбека, как и других американских авторов, либо поливалось грязью, либо замалчивалось, и на фоне оттепели известие о выходе нового романа Стейнбека «Зима тревоги нашей» было встречено в СССР с большим интересом. Иностранная комиссия Союза советских писателей, как и в случае с другими произведениями писателя, тщательно просматривала и изучала реакцию на появление этой книги на родине Стейнбека⁵. Особенное внимание в своих отчетах советские рецензенты уделили

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4144. Л. 9.

² Автор этой статьи отмечает среди достоинств нового романа Стейнбека следующее: «Джон Стейнбек был рожден, чтобы писать о морском побережье, и он делает это с особым вкусом и любовью. Его диалоги полны жизни, его провокация Этана на преступление весьма изобретательна, и моральный аспект этого романа свидетельствует о возвращении мистера Стейнбека к тому настроению и беспокойству, с которым были написаны “Гроздьев гнева”». (*Weeks E.* “The Winter of Our Discontent” by John Steinbeck. A Review // *The Atlantic Monthly*. 1961. July. P. 122).

³ *Benson J.J.* *The True Adventures of John Steinbeck, Writer: A Biography*. New York: Viking, 1984. P. 898.

⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4144. Л. 10.

⁵ См. Обзоры литературной жизни США за 1961 г.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4101. Л. 41–43; Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4102. Л. 1–2.

слабым местам романа, отмеченным американской критикой: например, изначальной слабости и непродуманности фабулы, о которой пишет рецензент “New York Herald Tribune Books” Вирджилия Петерсон¹, или изначально неверному авторскому подходу, из-за которого Стейнбеку не удалось решить поставленные им проблемы, по мнению известного левого журналиста “Saturday Review” Гренвила Хикса².

Параллельно с этим уже в мае 1961 г. в «Литературной газете» появляется первое упоминание о романе «Зима тревоги нашей»³. Первый фрагмент из романа был опубликован в «ЛГ» спустя два месяца 29 июля 1961 г.⁴

Перевод романа был выполнен Н.А. Волжиной и Е.Д. Калашниковой летом 1961 г. В ноябре-декабре в «Иностранной литературе» был поднят вопрос о печати романа на страницах журнала. Редколлегией (в которую входили, в том числе, Б.Г. Гафуров, Т.Л. Мотылева, Е.А. Долматовский, М.И. Рудомино, Л.В. Никулин, В.П. Терешкин и Е.Ф. Трущенко) было принято единогласное решение о публикации.

При этом оценка членами редколлегии романа «Зима тревоги нашей» была самой разной. К примеру, в своем отзыве о романе Л.В. Никулин пишет:

Роман будет иметь успех у читателей, я полагаю, понравится мягкий юмор, некоторая увлекательность сюжета, есть даже некоторая идейная глубина – обличение дельцов вроде директора банка Бейкера. По-моему, надо печатать⁵.

В отличие от своего коллеги, Е.А. Долматовский отметил идейную слабость романа, заявив, что «Зима тревоги нашей» Стейнбека – «не лучшая его книга, но она должна быть напечатана. Вероятно, нам следует вслед дать статью на тему “исповедь среднего американца”»⁶.

Самый обстоятельный отзыв о романе, его содержательном и художественном аспектах оставила Т.Л. Мотылева. В своей заметке она отметила:

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4102. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Стейнбек: делать что-то во имя жизни // Литературная газета. 1961. 25 мая. С. 4.

⁴ Джон Стейнбек: За чашкой чая // Литературная газета. 1961. 29 июля. С. 4.

⁵ РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 3. Ед. хр. 139. Л. 50.

⁶ Там же. Л. 45.

Новый роман Джона Стейнбека – значительное и интересное явление в современной американской литературе. Повествуя о будничной жизни провинциального города, о повседневных невзгодах и психологических переживаниях, приводящих продавца-бакалейщика Итена Хоули к тяжелому внутреннему надлому и конечной катастрофе – Стейнбек ставит под сомнение самые основы (выделено Т.Л. Мотылевой. – Л.К.) «американского образа жизни». <...> Мы читаем о том, как хороший, неиспорченный от природы человек, горячо любящий жену и детей, честно служивший в армии во время войны и привыкший жить согласно велениям совести – жестокою логикой американского буржуазного общества вынужден стать подлецом, стяжателем, доносчиком: на этом пути перед Итеном Хоули могут открыться, и действительно открываются, перспективы богатства и почетной политической карьеры¹.

Рецензент видит достоинство этого произведения не в обобщенно-нравственном, но в узко идеологическом ракурсе – как романа, ниспровергающего «самые основы «американского образа жизни»», капиталистической системы. Подобная оценка романа, встречающаяся и в ряде других рецензий, вызывает в памяти советское прочтение «Гроздьев гнева» исключительно как антикапиталистического романа, утверждающего неизбежный приход мировой пролетарской революции.

Тем не менее, в рецепции обоих романов в Советском Союзе имеется весьма существенное различие. Его прекрасно иллюстрируют две крупные научно-исследовательские работы, вышедшие вскоре после публикации романа «Зима тревоги нашей» в СССР²: статьи Р.Д. Орловой «Деньги против человечности. Заметки о творчестве Джона Стейнбека» (опубл. в качестве послесловия в «Иностранной литературе» (1962. № 3. С. 197–208), а также в отдельном издании романа, вышедшем в Издательстве иностранной литературы в 1962) и И.М. Левидовой «Послевоенные книги Джона Стейнбека» (опубл. в журнале «Вопросы литературы», 1962. № 8. С. 122-142).

Р.Д. Орлова пишет о Джоне Стейнбеке, как «глубоко противоречивом писателе, противоречивом, как и формировавшая его

¹ Там же. Л. 48.

² Роман «Зима тревоги нашей» был опубликован в первых трех выпусках «Иностранной литературы» (январь–март) за 1962 г. В том же году вышли отдельные версии книги: издание серии «Роман-газета» (вып. № 15) и книжное издание Издательства иностранной литературы.

действительность»¹. Между тем, в его разнородном творчестве она видит сквозную линию, проходящую через все произведения писателя – «деньги против человечности»; эта тема является основой и последнего романа – «старая и не стареющая коллизия американской действительности и американской литературы. Старая и не стареющая тема, лейтмотив творчества Джона Стейнбека»².

И.М. Левидова также считает, что Стейнбек – «это человек единого (разумеется, развивающегося, и не всегда поступательно) взгляда на жизнь»³. Стержень, объединяющий произведения писателя послевоенной поры, исследователь видит в его «раздумьях об индивидуальной моральной ответственности человека в борьбе между добром и злом» Эта «тема ответственности» прямо соотносится со стейнбековской темой «деньги против человечности», обозначенной Р.Д. Орловой.

Оба критика подробно останавливаются на сюжете и на центральной идее – положении человека, не вписывающегося в нормы окружающего мира и совершаемом им выборе в рамках господствующей системы. С точки зрения Р.Д. Орловой, главный герой «все время задает себе вопрос Раскольникова, перекроенный на современный американский лад: могу ли я приспособиться, принять господствующие – волчьи законы?»⁴. И.М. Левидова также пишет, что целью неправдоподобного допущения, положенного автором в основу романа, было стремление раскрыть «трудную судьбу честных и лишенных деляческой «жилки» людей в обществе, где залогом материального процветания является способность наиболее эффективно использовать своих ближних в своих собственных интересах»⁵.

Хотя оба исследователя в своих статьях повторяют, что объектом критики писателя является исключительно американское капиталистическое общество и присущая именно этой системе аморальность, не подлежит сомнению, что ценность этого романа они видят в рассмотрении проблем, важных и актуальных не только для американского, но и для советского общества и акцентируют внимание на этической составляющей романа.

¹ Орлова Р.Д. Деньги против человечности (Заметки о творчестве Джона Стейнбека) // Иностранная литература. 1962. №3. С. 197.

² Там же. С. 198.

³ Левидова И.М. Послевоенные книги Джона Стейнбека // Вопросы литературы. 1962. №8. С. 124.

⁴ Орлова Р.Д. Деньги против человечности. С. 197.

⁵ Левидова И.М. Послевоенные книги Джона Стейнбека. С. 139.

Эти статьи наглядно демонстрируют, что роман «Зима тревоги нашей», опубликованный в СССР на закате «оттепели», говорил советским читателям, и в первую очередь интеллигенции, об их собственном положении в стране и о непросто́м поиске компромисса между тем, что представляется верным, нравственным, и что навязывается извне; эта книга была близка их собственным «раздумьям об индивидуальной моральной ответственности человека в борьбе между добром и злом»¹. Об этом поиске и утверждении иных ценностей, отличных от общепринятых, диктуемых окружающим миром, пишет Р.Д. Орлова: «Приказчик бакалейной лавки достигает богатства, но оказывается, что оно ему совсем не нужно, а нужно другое. Нужно вернуться к себе самому, вернуться к человеку»². Эта «вывернутость понятий», о которой говорит Р.Д. Орлова, была присуща не только «буржуазной действительности», но и советской.

Однако выразить подобную точку зрения напрямую советскому исследователю даже в «оттепельное» время по-прежнему не представлялось возможным, в связи с чем обсуждение романа велось исключительно на американском «поле» и с помощью привычных со времен «Гроздьев гнева» (и еще ранее) клише, таких, как «критика буржуазной цивилизации», «аморализм основ капиталистической цивилизации», «обличение капиталистической системы», «бескомпромиссное осуждение буржуазной морали» и др.

В СССР этот роман неслучайно пользовался большим успехом; ощущалась его созвучность духу и настроениям оттепели – прежде всего, в переносе акцента с классовой на нравственную проблематику. «Зима тревоги нашей» была признана романом писателя, «который не может и не хочет отворачиваться от зла и горя, еще наполняющих мир, и неугасимой любовью ко всему живому»³, по-прежнему борющегося за человека против всего, что калечит его тело и душу.

В целом, в 1960-х гг. роман «Зима тревоги нашей» был принят в СССР очень тепло. Е.А. Евтушенко в статье «Выдержанное вино из “Гроздьев гнева”» прямо говорит о большом внимании к этой книге культурных слоев СССР тех лет:

¹ Там же. С. 130.

² Орлова Р.Д. Деньги против человечности. С. 208.

³ Левидова И.М. Послевоенные книги Джона Стейнбека. С. 142.

Вся интеллигенция России тогда зачитывалась недавно переведенным романом Стейнбека «Зима тревоги нашей», печатавшимся с продолжениями в журнале «Иностранная литература», у которого было триста-четыреста тысяч подписчиков¹.

Критика писала о том, что новый роман Стейнбека не уступает по художественной силе «Гроздьям гнева». И когда, спустя год, в 1963 г. нобелевский лауреат Джон Стейнбек в рамках культурного обмена приехал в Советский Союз, он был удивлен не только огромными тиражами его книги (300 тыс. экз.), за которые он как автор мог получить лишь установленную законом сумму в 1000 рублей, но и тем, что на сценах нескольких столичных театров вскоре должна была появиться постановка «Зима тревоги нашей»² и готовился показ одноименного телеспектакля, снятый ленинградским режиссером Р.А. Сиротой с И.М. Смоктуновским в главной роли³.

Во время посещения репетиции «Зимы» в МХТ им. Чехова жене Стейнбека Элейн показалось, что «они (русские – Л.К.) направили содержание книги Джона в русло марксистского толкования американской истории. Она попыталась донести свой протест до постановщиков пьесы, что, в свою очередь, повлекло за собой долгую дискуссию – весьма

¹ *Евтушенко Е.А.* Выдержанное вино из «Гроздьев гнева» // Огонек. 2002. № 32. С. 51.

² Увидев случайным образом на афише МХТ свое имя и объявление о том, что в настоящее время идут репетиции к спектаклю «Зима тревоги нашей», Стейнбек был ошарашен. По словам его биографа Дж. Бенсона, «Стейнбек объяснил, что такой пьесы не существует, но они сказали, что сделали ее. “Вы хотите сказать, — взревел Джон, — что ваши сукины дети не только украли мою книгу, но украли мою книгу и сделали пьесу из нее?”» (*Benson J.J.* *The True Adventures of John Steinbeck, Writer.* P. 931).

^B письме Элизабет Отис он сообщает об этом инциденте в более примирительном ироническом тоне: «Сообщи Анни Лори, что сценическая версия «Зимы» уже ставится на подмостках Московского художественного театра. Было бы забавно перевести ее и попробовать ее в Нью-Йорке. Вот было бы надувательство, не так ли?» (*Steinbeck: A Life in Letters.* P. 780–781).

³ По сообщению газеты «Правда»: «Премьера телевизионного фильма «Зима тревоги нашей», созданного местной студией, собрал у экранов весь театральный Ленинград. Накануне премьеры фильм был как бы авторизован самим Джоном Стейнбеком, который после просмотра фрагментов заявил, что ему очень понравилась игра артистов. В новом телевизионном фильме снимались ведущие актеры ленинградских театров». (Новости культурной жизни // Правда. 1963. 15 ноября. С. 4).

странную в этих условиях – о значении “Зимы...”¹. Эта ремарка о состоявшейся долгой дискуссии между труппой МХТа и американским писателем представляется весьма интересной еще и потому, что говорит о желании и готовности актеров, изображавших в спектакле МХТ персонажей Стейнбека – американцев, но отчасти и самих себя, отстоять свое понимание этой книги здесь, в СССР, даже против мнения ее автора, что тоже ярко свидетельствует об «оттепельном» настроении эпохи.

В этих обстоятельствах представляется еще более примечательной запись, сделанная Стейнбеком в первые дни его приезда в Москву в письме Элизабет Отис: «Я спросил у одного из писателей, почему “Зима...” так здесь популярна, и он ответил, что, возможно, это потому, что проблема эта здесь не безызвестна»². Возможно, именно эта «небезызвестность» «здесь», в СССР, проблемы нравственного выбора между благополучием и честностью, между жизнью «как у всех» и жизнью по совести, и стала причиной столь радушного приема книги «Зима тревоги нашей» в Советском Союзе.

Таким образом, как и в случае с повестью «Луна зашла», последний роман Стейнбека, цель которого была призвать американских читателей «посмотреть вокруг себя и заглянуть в собственную душу, так как в этом романе рассказано о том, что происходит сегодня почти во всей Америке»³, оказался понят и принят гражданами совсем другой – советской – страны, для которых эта книга оказалась сродни веянию свежего ветра, пробившегося из-за железного занавеса, «соприкосновению с чем-то чистым, нетронутым, неоскверненным»⁴, а также зеркалом, в отражении которого они увидели не только проблемы лонг-айлендского бакалейщика и его семьи, но свою собственную жизнь.

Приезд в СССР (осень 1963)

В октябре 1963 г. Джон Стейнбек, будучи уже не только всемирно известным писателем, но и лауреатом Нобелевской премии, в третий раз посетил Советский Союз. На этот раз в страну Советов он приехал

¹ Benson J. J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 931

² Steinbeck: A Life in Letters. P. 780.

³ *Стейнбек Дж.* Зима тревоги нашей // Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Правда, 1989. С. 4.

⁴ Там же. С. 44.

в рамках программы культурного обмена, инициированного американским Госдепартаментом (по предложению президента Дж.Ф. Кеннеди) и Союзом советских писателей, и вместе с женой Элейн и драматургом Эдвардом Олби в течение почти тридцатидневного пребывания (с 15 октября по 14 ноября 1963 г.) посетил Москву, Киев, Ереван, Тбилиси, Ленинград.

Непосредственно перед поездкой известный теле- и радиожурналист Эдвард Р. Марроу¹, в то время директор Информационного агентства США, рассказал Стейнбеку о своих собственных впечатлениях в Советском Союзе и посоветовал писателю не быть слишком вежливым, но вместо этого «поднять столько шума, сколько это будет возможно», поскольку, с точки зрения журналиста, советский народ склонен симпатизировать людям, откровенно высказывающим свое мнение².

Для самого Стейнбека это был также не первый опыт знакомства с СССР, и, с его слов, предыдущие два приезда в СССР в 1936 и 1947 гг. не оставили у него хороших впечатлений³. Так, в последовавшем после возвращения Стейнбека и Олби на родину интервью «Голосу Америки» 20 января 1964 г. Стейнбек рассказал о своих впечатлениях от этой и других поездок:

Моя первая поездка в СССР совпала с тяжелым периодом расправы Сталина с военными руководителями – расстрел Тухачевского и др. В 1947 году я наблюдал там второй период сталинского безумия. В то время беседа с иностранцами без разрешения МИДа считалась преступлением⁴.

Тем не менее, в 1963 г. Стейнбек ждал новой поездки в Советский Союз с большим нетерпением. В письме Лесли Брэди, атташе по культуре в посольстве США (13 мая 1963 г.), он пишет:

И все же я хочу ехать. Я должен ехать. Хотя бы потому, что теперь молодые советские писатели, экспериментаторы не так запуганы, как ранее. И это только одно из многих изменений, происшедших в этой стране с 1947 г.

¹ Эдвард Р. Марроу (Edward R. “Ed” Murrow, 1908–1965) — один из основоположников американского теле- и радиовещания. Получил известность благодаря репортажам из Лондона во время Второй мировой войны, также один из активных участников борьбы за свободу слова и мысли во время маккартизма.

² Benson J.J. *The True Adventures of John Steinbeck, Writer*. P. 926.

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4191. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 21.

Другое – это перестройка сознания и появление нового поколения, которое не помнит ни войну, ни тяжелый гнет Сталина. Так что ради себя самого, я должен ехать¹.

В заявке Стейнбека, направленной американской стороной в Союз советских писателей, целью его поездки значилось «знакомство с советской культурой, литературой, искусством; встречи с писателями, творческой интеллигенцией, молодежью»². В данном случае позиция Стейнбека и американских властей полностью совпала в своем стремлении

прорвать советский информационный блок, посеять там столько правды о Западе, сколько это будет возможно, и показать, что американцы не монстры, что они не только заняты добыванием денег, но и проявляют большое внимание к искусству и, более того, вольны сколько угодно критиковать свое государство и правительство – даже за границей³.

В 1963 г. отношение к программе культурных обменов советской стороны было вполне определенным: все прибывавшие в СССР американские писатели (непреренно прогрессивного толка) являли собой потенциальных ретрансляторов на Западе «настоящей» советской жизни, в которой царит мир и благоденствие, люди довольны своим государством и свободны в речах и поступках. С этой целью пребывание иностранных писателей в СССР было четко урегулировано и находилось в полном ведомстве ответственных лиц с советской стороны: от предоставления писателям не отходящего от них ни на шаг переводчика до организации всех звеньев программы, включая завтраки, обеды и ужины в компании проверенных людей со стойкой партийной позицией.

Для Стейнбека также была составлена подобная программа, учитывавшая пожелания самого писателя, предварительно высказанные им в памятной записке госдепартамента и переданные затем через 2-го секретаря американского посольства Питера Бриджеса. К примеру, первый день писателя, проведенный в Москве, должен был включать:

¹ Steinbeck: A Life in Letters. P. 769.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4178. Л. 1.

³ Benson J.J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 940.

10:30–12:00 – визит в Посольство США.

12:00–13:00 – общее обсуждение программы в Секретариате Правления СП СССР (Чаковский, Межелайтис, Абдумомунов, Чугунов, Романова).

13:00–14:30 – обед писателя в ЦДЛ (Чаковский, Романова).

15:00–17:00 – прогулку в машине по городу и отдых¹.

Однако уже на первом этапе приезда Стейнбека советская сторона была вынуждена пойти на некоторые уступки писателю. В первую очередь это касается приезда вместе со Стейнбеком жены писателя – Элейн (что не соответствовало высказанному секретарем Правления Союза писателей СССР А. Сурковым в начале 1963 г. пожеланию о приезде американских писателей без жен)² и малоизвестного в СССР драматурга Эдварда Олби. Олби принадлежал к другому поколению, и благодаря этому, а также своему не столь высокому статусу в советской среде, имел больше возможностей для общения со своими сверстниками – советскими писателями-диссидентами.

Кроме того, уже в первые дни визита Стейнбека назрел конфликт, который мог поставить под угрозу всю программу пребывания писателя в СССР: автор «Гроздьев гнева» изъявил желание, чтобы американский дипломат П. Бриджес сопровождал его в его поездке не только по российской и украинской части Советского Союза, но и на юг страны – в Грузию и Армению, что было невозможно без долгого предварительного согласования. Как позднее писал об этом в своих воспоминаниях П. Бриджес, это произошло потому, что «в 1948 году (он ошибочно упоминает 1948 год, хотя предыдущий визит Стейнбека состоялся в 1947 году. – Л.К.) в СССР его использовали, и он не хотел, чтобы это повторилось вновь»³; он надеялся, что присутствие русскоговорящего человека из американского посольства сможет в какой-то мере обезопасить его от этого. Поэтому 21 ноября на встрече в Иностранной комиссии Союза советских писателей Стейнбек заявил, что если ему не пойдут навстречу, то он откажется от этой части программы:

Если представителю моего государства не доверяют, то нет никаких оснований доверять мне, поскольку я тоже являюсь представителем своего государства, и даже, если хотите, в известной мере Государственного департамента,

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4178. Л. 3.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 148. Л. 22.

³ *Bridges P. A Note on Steinbeck's 1963 Visit to the Soviet Union // Steinbeck Review. 2007. Spring. Vol. 4. No 1. P. 82.*

поскольку я совершаю эту поездку по официальному соглашению, подписанному Госдепартаментом. К тому же такие случаи постоянно имеют место у меня на родине, и я всегда встаю против этого. Я не намерен изменять своим правилам, где бы то ни было. Можете считать мою поездку на юг отмененной в случае, если Питеру Бриджесу будет в ней отказано¹.

В записи этой беседы отмечено, что данное заявление было сделано «очень решительно, в ультимативной форме»².

Необходимо понимать, что сама постановка такого рода вопроса была из ряда вон выходящей – как для ситуации 1963 г., так и 1947 г. В прошлый приезд во время путешествия Стейнбека и Капы по СССР не смогли состояться очень многие запланированные американцами мероприятия. В 1963 г. П. Бриджесу в итоге была предоставлена возможность выехать вместе со Стейнбеком в упомянутые города, и это, в общем-то, оправдало надежды Стейнбека на то, что его будут «меньше использовать» в этой поездке: так, как пишет Дж. Бенсон, когда при переводе ответов Стейнбека его собеседникам переводчица писателя – Фрида Лурье – опускала какие-то его фразы, Бриджес ее поправлял и просил осуществить перевод фразы Стейнбека до конца; также он самостоятельно доводил до сведения Стейнбека все опущенные переводчицей нюансы значений русских слов³.

Впечатления писателя от пребывания в Советском Союзе во время этой поездки также были далеко неоднозначными. В первые дни своего приезда Стейнбек, глядя в ряды отстроенных домов, обилие парков и более приветливые, спокойные лица людей на московских улицах, замечает в этом приметы «оттепели». На третий день своего пребывания в Москве он пишет литературному агенту Элизабет Отис: «Должен сказать тебе, что оттепель здесь очень явственна. Ты можешь почувствовать ее везде. Я теперь здесь снова за своего. Все вернулось к исходной точке»⁴.

Примером такого поворота к «оттепели» является обед, организованный для Стейнбека Ильей Эренбургом, на котором также присутствовали диссиденты Р.Д. Орлова и Л.З. Копелев. Об этой встрече Стейнбек впоследствии писал Э. Отис:

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4178. Л. 7–8.

² Там же. Л. 8.

³ *Benson J.J.* The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 929.

⁴ Steinbeck: A Life in Letters. P. 780.

Прекрасный обед и много хороших разговоров. Здесь даже не стоит вопроса, есть ли оттепель на самом деле, люди – по крайней мере, интеллектуалы – говорят свободно почти на все возможные темы, хотя, конечно, не имея опыта жизни во внешнем мире, они довольно ограничены в каких-то своих оценках¹.

Однако, по воспоминаниям писателя-шестидесятника Анатолия Гладилина, в 1963 г. ко времени приезда Стейнбека в СССР, эпоха либерализма уже подошла к концу, хотя советские писатели не были ни арестованы, ни высланы за границу и еще надеялись на какие-то изменения. Сам Стейнбек, чем дольше длилось его пребывание в Советском Союзе, все отчетливее ощущал привкус искусственности, сквозящий в речах людей, без конца поднимавших бокалы за «советскую власть» и следивших за реакцией американского гостя. К примеру, близко общавшийся с писателем во время его приезда в 1963 г. Евгений Евтушенко замечает, что «в поведении Стейнбека под шумной внешне раскованностью чувствовалась некоторая недоверчивая настороженность к проявлению восторженных чувств по отношению к нему – он подозревал в этом некую “организованность энтузиазма”»².

И, чем дольше длилась программа визита Стейнбека в СССР, тем чаще он имел возможность увидеть другую сторону советской жизни, тем сильнее в нем рос скепсис по отношению к политике, действующей в стране Советов власти. Примером тому могут служить встречи Стейнбека с сотрудниками газеты «Известия», украинскими писателями, авторами журнала «Юность» и др. – на всех мероприятиях американский писатель пытался пообщаться с рядовыми сотрудниками, в первую очередь молодыми людьми, в которых видел возможность иного взгляда на СССР, на жизнь, однако в силу разных причин встречал в них покорное молчание и был вынужден вести фактически диалог с их председателями (А.И. Аджубеем, А.Е. Корнейчуком, Б.Н. Полевым).

Встреча Стейнбека с советскими писателями в редакции «Юности». Одним из самых показательных примеров подобных взаимоотношений советских писателей и Стейнбека служит эпизод, произошедший во время встречи Стейнбека с молодыми авторами журнала «Юность». Стейнбек лично настаивал на этой встрече, будучи наслышанным о ряде молодых советских поэтов и писателей, чье творчество

¹ Ibid. 781.

² *Евтушенко Е.* Выдержанное вино из «Гроздьев гнева». С. 51.

характеризовалось свежим, современным взглядом на жизнь, во многом дерзким и независимым от установки властей.

Джексон Дж. Бенсон, биограф писателя, пишет, что Стейнбека в редакции «Юности» встретил главный редактор журнала Б.Н. Полевой. Он представил писателя группе постоянных сотрудников издания, включая В.П. Аксенова, В.С. Розова, Е.А. Евтушенко, А.Т. Гладилина, Б.А. Ахмадулину и др. Как только они сели за «стол переговоров», Стейнбек попытался (как он позднее напишет об этом в записях, сделанных во время поездки) вовлечь их в разговор о бунте и тех нововведениях, которыми характеризовалось творчество молодых писателей. Однако, как отмечает его биограф,

никто не говорил много, и он заметил, что присутствие Полевого действовало на них угнетающе. Наконец, Белла Ахмадулина сказала с каким-то сарказмом, что на самом деле все не так просто и, что бы Стейнбек ни подумал из их молчания, ее товарищи – люди храбрые и бесстрашные¹.

С советской стороны Анатолий Гладилин рассказывает, что перед той встречей Полевой по очереди вызывал к себе писателей и просил их быть осторожными, потому что Стейнбека непременно будет сопровождать человек из посольства, и если они не хотят закрытия журнала, то ради него, Полевого, пусть сдерживаются, не обращают внимания на провокационные вопросы, которые, несомненно, будут. В итоге все авторы дали главному редактору обещание «сдерживаться» и на протяжении всей встречи были связаны им. Гладилин по этому поводу пишет: «Мы знали, что создаем впечатление идиотов, но мы не могли пойти на поводу у этих издевок. Мы были не вправе подвести журнал, мы дали слово»².

Евгений Евтушенко в статье «Выдержанное вино из “Гроздьев гнева”» также описывает всю трагикомичность создавшегося положения. По его словам, Стейнбек около часа

ругал в хвост и в гриву собственное правительство, американское общество, прессу, а потом, наконец, остановился, перевел дух, вытер вспотевший лоб платком и подбадривающе подмигнул нам:

– Ну, я выложил вам то, что мне не нравится в моей стране. Теперь ваш черед – что вам не нравится в вашей? А ну, волчата, покажите зубы!

¹ *Benson J.J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 941.*

² В своей книге Дж. Бенсон приводит адресованное ему письмо А. Гладилина с воспоминаниями об этом случае (*Ibid. P. 942*).

А волчата, то есть мы, смущенно переглядывались, краснели, пыхтели, нелепо улыбались, но никаких зубов не показывали, как будто, потеряв молочные, не отрасли новых...¹.

В своих воспоминаниях все авторы отводят особое место ответу, который дала Стейнбеку молодая Белла Ахмадулина. А. Гладилин пишет, что посреди затянувшегося молчания Ахмадулина встала и от своего имени объяснила Стейнбеку, что есть разница между ним и нами:

он может говорить все, что угодно, а мы этого не можем себе позволить, и что если господин Стейнбек этого не понимает, то это его недостаток воспитания или образования. И он это понял. И совсем по-другому посмотрел на нее и на нас².

Евтушенко также сообщает любопытные детали этого разговора. По его словам, Стейнбек сам остановил свой взгляд на девушке, бывшей явно не в лучшем расположении духа, и поинтересовался, в чем причина ее грусти, если ей все нравится в «вашей самой замечательной, самой безукоризненной, самой уникальной стране без малейшего, даже очаровательного, недостатка?». На это незамедлительно последовал ответ Ахмадулиной: «У меня права отобрали, мистер Стейнбек, – поэтому я такая грустная». Хотя переводчица перевела слово «права» буквально (*driver's license*), представитель американского посольства тут же объяснил писателю, что русское выражение «отобрать права» имеет и другой смысл – «отнять права человека (*human rights*)»³.

Сама же Ахмадулина в своих воспоминаниях акцентирует внимание не на политической подоплеке этого события, а именно на воспоминании, воссоздании личного прошлого писателей-шестидесятников, для которых встреча с классиком американской литературы стала важной частью общей истории их поколения. В ахмадулинском портрете Стейнбека в первую очередь проступает ее собственное отношение к нему, ее восхищение писателем («Я восхищалась им. <...> Стейнбек говорил так умно, так смешно. Большое впечатление на меня произвел»⁴) и некоторое отчуждение. Касательно самой встречи она со-

¹ *Евтушенко Е.* Выдержанное вино из «Гроздьев гнева». С. 51.

² *Гладилин А.* Памяти Беллы // *Российская газета*. 2010. 29 ноября. С. 9.

³ *Евтушенко Е.* Выдержанное вино из «Гроздьев гнева». С. 51.

⁴ *Мессерер Б.* Промельк Беллы // *Октябрь*. 2013. № 8. С. 129.

общает, что в тот день она действительно лишилась прав и потому на встречу с писателем опоздала. По мнению поэтессы, Стейнбек мгновенно оценил ее ответ, «понял, что не все так просто, что молодые волки, которые должны быть яростными, смелыми, неугодливыми, вовсе не свободны и права у них – только автомобильные...»¹.

Позднее об этом эпизоде Евтушенко вспомнит в открытом стихотворном письме Стейнбеку, написанного по случаю поддержки последним войны во Вьетнаме (1966)².

Важно отметить, что эта встреча оказала столь серьезное воздействие на каждого из ее участников, что редактор журнала Борис Полевой спустя год направил Стейнбеку письмо, в котором сообщил, что после их «весьма “вежливой” беседы ребята и девушки из журнала “Юность” окружили меня в некотором замешательстве и упростили передать Вам их извинения и сожаления за то, что события сложились таким образом»³. В том же письме Полевой объяснил причину скованности молодых писателей – присутствие дипломата, который, хотя «был хорошим и приветливым человеком, все равно оставался дипломатом»⁴. В конце письма Полевой выразил надежду, что Стейнбек вновь вернется с визитом в СССР, и тогда они вновь увидятся и на этот раз – без третьих лиц.

Сохранился официальный отчет об этой встрече, предназначенный для ЦК КПСС и выполненный присутствовавшей на этом мероприятии референтом Иностранной комиссии Союза советских писателей, переводчицей Стейнбека, Ф.А. Лурье. В своем отчете о пребывании американского писателя в СССР она отметила, что «контакт с аудиторией у Стейнбека <...> не установился»⁵, поскольку в ответ на провокативные выпады Стейнбека, члены редколлегии журнала «Юность» (среди которых она называет критика Л. Лазарева, писателей В. Аксенова, А. Гладилина, Б. Ахмадулину) «выступили с защитой морально-этических принципов советской литературы»⁶.

Встреча в редакции журнала «Юность» продемонстрировала особенности положения советских писателей-шестидесятников, их общей «юности» на фоне уходящей хрущевской «оттепели». С другой сторо-

¹ Там же.

² *Евтушенко Е.* Письмо Джону Стейнбеку: Стихи // Литературная газета. 1966. 7 июля. С. 4.

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4240. Л. 9.

⁴ Там же.

⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 195. Л. 35.

⁶ Там же.

ны, эта встреча стала важной частью «советского опыта» Стейнбека, яркой страницей в истории его взаимоотношений с СССР.

В своих отчетах по окончании поездки в СССР Стейнбек выделял молодую советскую интеллигенцию, которая «нашла в себе мужество встать против указаний Кремля»¹. Путешествовавший вместе со Стейнбеком драматург Эдвард Олби в интервью газете “New York Times” так описал настроение молодых авторов:

Эти писатели едко подшучивают над консерваторами, своими оппонентами в среде советских писателей, но, когда беседа грозит затронуть трудности их жизни, они попросту улыбаются или укрываются за иронией. Они не в состоянии депрессии, они не оптимистичны – они ироничны. <...> Я не могу не повторить это слово «ироничны»².

Встреча Стейнбека с В. Некрасовым в Киеве. Подобная история еще до встречи в редакции «Юности» произошла и с другим советским писателем-диссидентом, находившимся в то время в опале – В.П. Некрасовым. Как сообщал в своих воспоминаниях о Некрасове писатель Г.И. Кипнис, 1963 г. – время приезда Стейнбека в СССР –

был тяжелым для Виктора Платоновича: в январе появилась в «Известиях» недоброй памяти реплика «Турист с тросточкой», в марте – яростные нападки из Москвы лично главы государства, самого Никиты Сергеевича, в апреле в здании Верховного Совета Украины состоялся республиканский актив, на котором Некрасову угрожал первый секретарь ЦК Подгорный, а как раз в дни, когда у нас находился Стейнбек, автора «В окопах Сталинграда» про-рабатывали на уровне киевского горкома и Ленинского райкома партии³.

В официальную «свиту», состоявшую из «больших и малых» украинских писателей, окружавшую Стейнбека во время его приезда в Киев, Некрасова, конечно, не включили. Но Стейнбек, по словам А.Г. Полянкера, еще в США ознакомившийся с впечатлившим его эссе Некрасова об Америке «По обе стороны океана»⁴, а также получив-

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4191. Л. 7.

² Там же. Л. 16.

³ Кипнис Г.И. Как приезжал к нам Джон Стейнбек // Киевские новости. 1994. 22 апреля. С. 8.

⁴ Полянкер А.Г. «Перешедший реку» (Памяти Григория Полянкера). Киев: Адеф-Украина, 2008. <http://www.nekrassov-viktor.com/AboutOfVPN/Nekrasov-Polianker-Grigoriy.aspx>

ший в Москве от Эренбурга напутствие встретиться в Киеве с автором «В окопах Сталинграда», твердо выражал украинским организаторам поездки свое намерение увидеться с Некрасовым и несколько раз получал от них ответ: «вы не можете увидеть его, потому что он болен; вы не можете увидеть его, потому что его нет в городе; вы не можете увидеть его, потому что он находится в середине своей работы над книгой»¹.

Однако памятное свидание двух писателей все-таки состоялось. И, как в случае со встречей Стейнбека с молодыми авторами в редакции «Юности», сохранилось несколько версий произошедшего с советской и американской стороны. Суть их сводилась к одному: во время торжественного приема Стейнбека, проходившего в огромном зале Союза советских писателей под председательством его бывшего главы А.Е. Корнейчука (также принимавшего у себя Стейнбека и Капу в 1947 году) Стейнбек отказался продолжать разговор до тех пор, пока не увидит Некрасова. По словам И.Л. Дегена, у которого в этот день гостил писатель, «в тот вечер в зале царил траурная атмосфера. Более часа хозяева и официальные гости сидели в напряженном состоянии, а “невоспитанный” Стейнбек не желал ни с кем общаться, пока не встретится с Некрасовым»².

Некрасова, который жил в одном доме с Корнейчуком и был, разумеется, в добром здравии и свободен от дел, в результате пришлось искать по всему Киеву. Из дома И.Л. Дегена (куда за писателем буквально через полчаса после его ухода явился чиновник в штатском) Некрасов отправился провожать кого-то в аэродром, а вернувшись домой, был пойман сначала по телефону, а после лично – неким «Игорем» из Союза советских писателей, заведовавшим иностранными гостями, который и доставил его на машине на прием к Стейнбеку. Как рассказывал позднее сам Некрасов,

заяхавшийся Игорь сообщил мне, почему-то понизив голос, что в Союзе сейчас принимают Стейнбека и что тот заявил, что не уйдет, пока ему не покажут живого Некрасова. По имеющимся у него сведениям, я арестован. Все в панике, гонцы разосланы во все забегаловки и пивные точки города...³.

¹ Benson J.J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 933.

² Деген И.Л. Портреты учителей. <http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/DEGEN/portrety.txt>

³ Кипнис Г.И. Как приезжал к нам Джон Стейнбек. С. 9.

Некрасов описал картину, увиденную им по прибытии в Союз писателей, следующим образом:

За длинным столом, на том месте, где обычно стоит гроб, расположилось все начальство при всех орденах и регалиях и среди них, посередине, знатный гость – седой, востроглазый, с небольшой бородкой клинышком. Рядом с ним переводчица. На столе батарея бутылок отменных коньяков и всякого рода телятина и белорыбица. Вдоль стен – сидя и стоя – писатели второго сорта. Лица у всех напряженно-усталые – сидят уже третий час. Все, что положено, уже сказано и спрошено, говорить больше нечего. Всеобщее томление. Даже коньяки не лезут в глотку¹.

Жена Стейнбека Элейн, также присутствовавшая на этом приеме, весьма образно описала появление Некрасова в зале Союза писателей:

Все перестали говорить и посмотрели в его сторону. Это был совершенно точно один из самых великолепно выглядящих мужчин, которых я когда-либо видела, очень темный, с крупным шрамом через лицо, очень лихой, чем-то похожий на крестьянина. Мужчина большими шагами пересек комнату, встал перед Джоном. Он хлопнул рукой по столу и сказал: «Некрасов!» И Джон хлопнул рукой поверх его и сказал: «Стейнбек!» И мужчина сказал: «Я слышал, вы искали меня. Я выбрался из подполья, чтобы увидеть вас». Это было нечто².

Вскоре после того, как Стейнбек «заполучил» себе Некрасова, он завершил пресс-конференцию и, покинув смущенное таким поворотом событий начальство Союза писателей, удалился вместе с советским автором в отель «Москва», где за столиком в ресторане проговорил с ним всю ночь.

Эпизод встречи Стейнбека и Некрасова был также задокументирован официальным представителем Союза писателей СССР Ф.А. Лурье. В ее отчете эта встреча была изображена как один из немногих эпизодов, способствовавших формированию у Стейнбека положительного впечатления о советских писателях (возможно, вследствие того, что по настоянию Виктора Некрасова в этом разговоре не принимал участия секретарь американского посольства Питер Бриджес). По словам

¹ Там же.

² *Benson J.J.* The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 933.

Лурье, Стейнбек упорно настаивал на этой встрече и требовал, чтобы она происходила в неофициальной обстановке. Оказавшись после приезда в Союзе писателей Украины в гостинице, Некрасов сразу же спросил Стейнбека, чем был вызван повышенный интерес американского гостя к его особе (ведь книг Некрасова Стейнбек, скорее всего, не читал), и предположил, что, вероятно, «критикой его последних произведений и той шумихой, которую в связи с этой критикой усиленно раздувают на Западе». Стейнбек ответил на это, что «много слышал о Некрасове как о честном писателе и намерен теперь прочесть все его книги, переведенные на английский язык»¹. После дружеской беседы, на которой советский писатель держал себя с большим достоинством, Стейнбек подарил Некрасову свою трубку² и, как сообщает Лурье, в целом, «был глубоко взволнован этой встречей. Он сказал, что такие краткие встречи гораздо важнее и значительнее многословных разговоров на общие темы»³.

Данный эпизод, как и вышеописанная встреча Стейнбека с московскими шестидесятниками наглядно показывают, с одной стороны, сложившееся отношение американского автора к официальным советским властям, близкое к дерзости, связанное с пониманием того, что, как и зачем ему (как и в 1947 г.), будут показывать, и чего он, в свою очередь, как нобелевский лауреат и фактически посланник президента Джона Ф. Кеннеди, может требовать от них. С другой стороны, эта встреча говорит об огромном и настойчивом желании Стейнбека во что бы то ни стало пробиться к настоящим, неангажированным коммунистической идеологией писателям, появление которых он предчувствовал еще в своих письмах 1950-х гг.⁴ и увидел в молодой поросли советских писателей-диссидентов, шестидесятников – Некрасове, Евтушенко, Аксенове, Ахмадулиной и других независимых (в той степени, в какой это было для них возможно) советских авторов.

Освещение советской прессой приезда Стейнбека. В отличие от поездки 1947 г., проходившей в обстановке полной секретности, приезд нобелевского лауреата Стейнбека в 1963 г. освещался советской прес-

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 195. Л. 33.

² В ответ на подарок Стейнбека Некрасов также прислал американскому романисту свою трубку. В приложенной к ней записке он написал: «Я курил эту трубку в годы войны в госпитале, когда у меня была ранена правая рука, и я не мог сворачивать сигарку». (Там же. Л. 34).

³ Там же.

⁴ См. письма Стейнбека 1950 г. и 1958 г. (Steinbeck: A Life in Letters. P. 403, 602).

сой очень широко. Во всех основных периодических изданиях СССР в начале поездки писателя почти каждый день появлялись заметки о посещении автором «Гроздьев гнева» тех или иных мест, разговоры и интервью с ним и описание его встреч с читателями.

Первой о приезде Стейнбека в СССР читателям сообщила газета «Известия», опубликовав интервью, взятое у него в первый день его приезда в Москву. Заметка К. Вишневецкого носила программное название «Нам нужны контакты» и приводила следующие слова писателя:

В Советском Союзе я уже третий раз. Любопытство – вот что меня привело сюда. Когда мне предложили поехать в СССР, так сказать, по линии соглашения о культурном обмене между Советским Союзом и США, я обрадовался. Я сказал себе: пора. Пора туда ехать. Ты давно уже там не был...¹

Вишневецкий рисует положительный образ писателя, описывая его как представительного, серьезного мэтра, тем не менее, не потерявшего былую хватку и живой интерес к современности. В конце заметки он передает прощальные слова Стейнбека, сообщающие о главной цели его пребывания в СССР – все то же наведение «мостов» и разного рода контактов между двумя странами, которое в 1947 г. провозглашал Роберт Капа:

Я хотел бы, чтобы вы передали читателям «Известий» вот что, – говорит Стейнбек, – наибольшую важность сегодня имеют контакты между людьми, правительствами, странами. Когда эти контакты нарушаются – это опасно. Я надеюсь, что контакты между нашими странами будут восстановлены².

Статья «Литературной газеты» также помещает первые оптимистичные слова писателя, только что прибывшего в советскую страну:

Я хотел увидеть эти грандиозные перемены – вот цель моей поездки, – говорит Стейнбек. – Я собираюсь погостить у вас целый месяц. – Лютят осенние дожди? Меня погода не смущает. Главное – люди, а они всегда представляют для меня интерес, в любое время года³.

¹ Вишневецкий К. Дж. Стейнбек: Нужны контакты... // Известия. 1963. 16 октября. С. 4.

² Там же.

³ Тугужева М. Стейнбек вновь в Москве // Литературная газета. 1963. 17 октября. С. 4.

Возможно, самой известной публикацией, нарисовавшей портрет американского писателя в Москве, стал материал «Известий» того же К. Вишневецкого «Разговаривая со Стейнбеком». В этом интервью был нарисован простой, «свойский» образ писателя, не понаслышке знакомого с трудом, с творческими падениями и неудачами, близко наблюдавшего в 1940-е гг. военные действия союзников и с тех пор ненавидящего войну («и сейчас, когда разговариваешь с писателем, чувствуешь, что, если и есть что-либо для него наиболее ненавистное, так это война»¹), горячо любящего свою страну и переживающего за ее темные пятна, такие как расовая дискриминация и маккартизм, с удовольствием вдыхающего осенний московский воздух, который напоминает ему «климат моего родного штата» и, наконец, испытывающего не иначе чем благоговение при соприкосновении с памятью своего великого советского собрата по цеху («Я как-то робую, стоять и фотографироваться на балконе, где был великий Горький...»²).

Впоследствии это интервью, напечатанное в крупнейшей советской газете и растиражированное во всех уголках Союза, куда прибывал американский писатель, столь часто упоминалось на встречах с ним, столь часто цитировалось, что Стейнбек, вернувшись в Москву и вновь оказавшись во время встречи с представителями советской и иностранной прессы лицом к лицу с К. Вишневецким, взявшим у него это интервью, не мог не сыронизировать по этому поводу. Так, ответив на вопрос советского журналиста о роли прессы в смягчении международной обстановки, Стейнбек добавил следующее:

Я хочу сказать своему другу из «Известий», что его газету очень широко читают в Советском Союзе. Я встречал читателей газеты «Известия» в Грузии, Армении, на Украине и очень часто в беседах со мной цитировали мое интервью газете «Известия». Я, очевидно, единственный человек в Советском Союзе, который не читал его». Т. Вишневецкий попытался возразить: «Но вы говорили все это», на что Стейнбек ответил: «Я не знаю, потому что я не помню, что я говорил»³.

В целом, можно отметить, что в 1947 г. Стейнбек в своих разговорах с советскими людьми часто прямо высказывал свое мнение

¹ Вишневецкий К. Разговаривая со Стейнбеком. С. 4.

² Там же.

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4185. Л. 10

о тенденциозности и «шовинизме»¹ советской прессы, ее «“нажмем” на сознание человека и таившемся в ней в силу этого “зле”»² и всякий раз встречал отпор со стороны своих советских собеседников, пытавшихся изменить это его мнение; в 1963 г. он старательно избегал разговоров на эту и другие полемические темы, либо отшучивался. Так, по воспоминаниям Г.И. Кипниса, бравшего у американского писателя интервью от «Литературной газеты» в Киеве, Стейнбек позволил себе такой выпад и в сторону «Литературки», когда советские интервьюер спросил о его главных впечатлениях в СССР на настоящий момент:

Стейнбек остановился и внимательно посмотрел на меня:

– Хотите знать, что поразило меня больше всего?

Он сильно затаился и, стараясь скрыть волнение, произнес:

– «Литературная газета»! То, как она быстро и щедро отразила мое пребывание в Киеве...³.

И в конце интервью, когда Кипнис вновь задал приехавший уже американскому писателю вопрос о том, не желает ли он передать что-либо читателям «Литературной газеты», Стейнбек ответил:

– Читателям? – переспросил автор «Зимы тревоги нашей». – Читателям пока нет. А секретариату вашей газеты – мой большой и пламенный привет. – И бросил палку...⁴.

Кроме того, в своей мемуарной статье Г.И. Кипнис поднимает важный вопрос: почему в какой-то момент, приблизительно в середине поездки Стейнбека по СССР, после возвращения писателя из Киева и перед его поездкой в южные республики, в советской печати вдруг резко сократилось количество публикаций, освещавших его приезд. Как сообщает Кипнис,

почти вся центральная печать в день приезда выдающегося писателя дружно сообщила об этом факте информацией и фотографией. Было такое впечатле-

¹ ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 118.

² ГАРФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 26. Л. 181.

³ Кипнис Г.И. Как приезжал к нам Джон Стейнбек. С. 9.

⁴ Там же.

ние, что интерес к визиту будет нарастать по восходящей, но за исключением, кажется, только «Известий», давших целый четырехполосный «стояк», дело ограничилось небольшими «фитюльками»¹.

Советский автор выдвигает предположение, что, по всей видимости, Стейнбек своим приездом в Москву преследовал самые высокие цели, в том числе намеревался увидеться с Н.С. Хрущевым и поговорить с ним о взаимоотношениях между США и СССР (о своем большом интересе к политике СССР и своей личной симпатии к первому секретарю ЦК КПСС Стейнбек в частности говорит в упомянутом выше интервью «Известиям»²). В Советском Союзе, видимо, тоже в начале его визита приглядывались к писателю, пытались разгадать его намерения. И, как пишет Кипнис,

ничего не получилось. Видимо, не понравился при ближайшем рассмотрении. Слишком своенравный и чересчур вольнодумный, что ли. Так или иначе, но встреча на высшем уровне не состоялась, а газетам спустили команду – перестать широко афишировать писателя, подумаешь. Нобелевский лауреат... Открытых нападок, как у нас делается, не было, но информация о встречах писателя была, по сути, скомкана³.

Взятое Кипнисом интервью писателя в «Литературной газете» также не было опубликовано.

Так или иначе, но после тех бурных приветствий, которыми ознаменовался приезд Стейнбека в Советский Союз, уже начиная где-то со второй недели его пребывания в стране, в «Известиях» и «Литературной газете» вышло всего несколько статей, посвященных Стейнбеку, среди них одно большое интервью Э. Межелайтиса, взятое им в первые дни пребывания нобелевского лауреата в Москве⁴, и несколько небольших заметок информационного характера. Соответственно отъезду писателя из СССР было уделено два коротких абзаца в «Литературной газете», в которых было вкратце сказано о том, что Стейнбек месяц гостил в СССР, посетил различные советские города, встретился с писателя-

¹ Там же.

² *Вишневецкий К.* Разговаривая со Стейнбеком. С. 4.

³ *Кипнис Г.И.* Как приезжал к нам Джон Стейнбек. С. 9.

⁴ *Межелайтис Э.* Познавший «Соль земли» // Литературная газета. 1963. 2 ноября. С. 4.

ми, побывал в различных издательствах, редакциях газет и журналов¹. И лаконичность этой заметки, пожалуй, является самым красноречивым свидетельством того, насколько успешно была выполнена цель поездки Стейнбека – налаживание контакта «между людьми, правительствами, странами», о которой он заявил в день своего приезда в Москву².

Подведение итогов в Союзе писателей СССР. О серьезных намерениях Джона Стейнбека добиться встречи с первым секретарем ЦК КПСС и гипотетической возможности такого события свидетельствуют архивные документы. Как сообщает в своем отчете референт Иностранной комиссии ССП Ф.А. Лурье, Стейнбек дважды выражал свое пожелание встретиться с Н.С. Хрущевым – на приеме у А.И. Аджубея и в Союзе писателей СССР³. И после половины срока пребывания американского писателя в Советском Союзе 4 ноября 1963 г. Секретарь Правления ССП А.Б. Чаковский направил в ЦК запрос, в котором передавал просьбу Стейнбека об аудиенции у главы советского правительства и просил соответствующих указаний. К письму Чаковского также прилагалась подробная биография писателя, сообщение о переводах его книг в СССР и ходе его текущей поездки по СССР, в которой значительное место было уделено роли секретаря американского посольства Питера Бриджеса, о котором было отдельно сказано, что этот дипломат «использует самые разнообразные методы и приемы для отрицательного влияния на Стейнбека и его супругу, что чрезвычайно осложняет всю работу с ними»⁴.

Уже после окончания визита американского писателя 20 ноября в ЦК был также направлен отчет Иностранной комиссии ССП о пребывании Джона Стейнбека и его супруги в СССР, составленный Ф.А. Лурье. Помимо описания самой поездки – каким образом она была задумана, спланирована, как проходила, в каких городах, контакты с какими советскими людьми включала в себя и т.д. – референт Иностранной комиссии отдельно остановила свое внимание на нескольких важных моментах.

В первую очередь анализу были подвергнуты поведение, характер, художественные вкусы и общественно-политические взгляды писателя,

¹ Отъезд Джона Стейнбека // Литературная газета. 1963. 16 ноября. С. 3.

² Вишневецкий К. Дж. Стейнбек: Нужны контакты... С. 4.

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 195. Л. 31.

⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 194. Л. 6.

которые он демонстрировал им во время своего визита в СССР – их действительно можно было бы обозначить словами Г.И. Кипниса: «слишком своенравный и чересчур вольнодумный»¹.

Однако самое большое пристальное внимание референт уделила изображению деятельности Питера Бриджеса, который на официальных основаниях (согласно указанию Госдепартамента по предварительной договоренности с ГККС), сопровождал Стейнбека и его супругу в этой поездке. В своем отчете Лурье описывает этого дипломата как «умного, изворотливого и хитрого противника, не упускавшего ни малейшей возможности для соответственной обработки Стейнбека и его жены и оказания на них враждебного нам влияния»². По словам референта, Бриджес, продемонстрировав «незаурядные способности к психологической обработке порученных ему “подопечных”»³, с первого дня завоевал расположение и дружбу Стейнбеков и использовал это в своих служебных целях: на протяжении поездки дипломат комментировал все происходящее, внося коррективы, высказывал по любому удобному поводу критические соображения, вставлял иронические замечания, обращал внимание американцев на негативные стороны советской жизни и преимущества американской системы, а также организовал свои собственные мероприятия: не значившиеся в программе ССП: поездку на Новодевичье кладбище, встречу без участия официальных лиц с Е.А. Евтушенко и др.

Вывод Ф.А. Лурье касательно этого опыта «сотрудничества» Инокомиссии ССП с представителем американского посольства однозначен:

¹ К примеру, Ф.А. Лурье пишет, что на встречах со своими советскими коллегами Стейнбек затрагивал вопросы, связанные со «свободой творчества», «правом на эксперимент», «конфликтом между поколениями», говорил о «недопустимости вмешательства правительства в творческую жизнь художника» и т.п. Также референт Инокомиссии ССП сообщает: «В ряде случаев Стейнбек поднимал вопросы чисто политического характера, об отношении к Кубе и Фиделю Кастро, — в беседе с писателем К. Симоновым; об отношении к факту существования берлинской стены (на встрече с ленинградскими писателями) и т.п. Беседуя с писателями, Стейнбек многократно говорил об извечной «оппозиции» писателей официальным установлениям, «беспощадной критике недостатков» и т.п.» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 195. Л. 29–30).

² Там же. Л. 46.

³ Там же. Л. 36.

Впредь практику «опеки» подобного рода следует решительно отвергать, поскольку американская сторона прибегает к ней с благовидными целями для оказания враждебного нам влияния на приезжающих в СССР американских писателей <...> Вряд ли целесообразно впредь при любых обстоятельствах предоставлять американским дипломатам, весьма враждебно относящимся к нашей стране и советскому народу, возможность поездок по республикам Советского Союза, даже в том случае, *если от-каз в такого рода поездках и будет угрожать продолжению контактов с американскими писателями в рамках официального соглашения* (Курсив мой. Л.К.)¹.

Стейнбек о поездке в СССР. В целом о личном отношении Стейнбека к СССР, сложившемся у него еще ранее и укрепившемся в этой поездке, красноречиво свидетельствует его тост, произнесенный на прощальном банкете в Тбилиси и задокументированный в отчете референта ИК ССП:

«Прощайте!», – не «До свидания!», а «Прощайте!», – сказал он. – Идите своей дорогой, куда бы она вас ни привела. Если бы я не был атеистом, я бы сказал: «Да поможет вам Бог!»²

Тем самым, в результате вновь повторившихся в этой поездке бесчисленных споров с советскими людьми о двух системах и тщетных попыток доказать принимающей стороне превосходство американской демократической системы, Стейнбек, как и в 1947 г.³, пришел к мнению о невозможности переубедить своих идеологических оппонентов и вынужденной необходимости принять их право на строительство своего (непонятного и чуждого ему) миропорядка в своей стране как данность.

Говоря о публикациях Стейнбека, посвященных его последней поездке в СССР, Элейн Стейнбек и Роберт Вэлстейн, составители сборника его писем, отметили:

¹ Там же. Л. 46–47.

² Там же. Л. 42–43.

³ Эту точку зрения Стейнбека накануне отъезда из СССР в 1947 г. Р. Капа определил следующим образом: «Он (Стейнбек) считает, что все, что происходит здесь, прогрессивно для России, но что для Америки такой путь совершенно не годится». (ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 176).

Как обещал¹ Стейнбек, еще находясь за «железным занавесом», он не написал публично о своих впечатлениях, полученных там. Вместо этого он написал большое число благодарственных писем, о которых сам автор красноречиво высказался в послании Л. Брэди: «Я должен известить тебя, что я написал несколько наиболее порфириносных писем, которые ты когда-либо мог увидеть, Союзу писателей Еревана, Тбилиси и Киева. Их содержимое может прозвучать для нас несколько простодушно и старомодно, но я выучился этому стилю, находясь там»².

Тем не менее, по приезду в США Стейнбеку необходимо было отчитаться о своей поездке в Вашингтоне, для чего он подготовил 40-страничный отчет о своих впечатлениях от СССР и восточноевропейских стран. Как он сообщал в письме П. Бриджесу, «если он (отчет. – Л.К.) не понравится Департаменту, я отправлю его в “Newsday” или в один из других журналов, просивших у меня материал»³.

Документы Стейнбека были приняты госдепартаментом, в настоящее время часть из них хранится в библиотеке Стэнфордского университета⁴.

Несмотря на данное Стейнбеком устное обещание не афишировать на Западе свои впечатления от СССР, Иностранная комиссия Союза советских писателей вскоре после его отъезда тщательно отслеживала прессу тех стран, в которые последовал Стейнбек из Москвы, собирая все записи и политически значимые высказывания писателя в отдельный документ.

¹ Об этом обещании Стейнбека не сообщать публично о своих впечатлениях от Советского Союза, также сообщает в отчете о пребывании Стейнбека в СССР в 1963 г. Ф.А. Лурье. По словам референта, на аэродроме перед вылетом в Варшаву Стейнбек заявил: «Мы с женой оставляем здесь много искренних и настоящих друзей. Мы полюбили народ вашей страны и никогда не скажем о нем ничего плохого. Протест, выраженный мною вчера в посольстве на пресс-конференции, связан лишь с фактом ареста профессора Баргхорна и никакого отношения к советскому народу не имеет. Я хочу, чтобы вы знали это <...> Журналисты могут исказить в печати смысл сделанного мною заявления». (Там же. Л. 44–45).

² Steinbeck: A Life in Letters. P. 788.

³ Bridges P. A Note on Steinbeck's 1963 Visit to the Soviet Union. P. 91–92.

⁴ Papers and memoranda based on State Department-sponsored trip to the U.S.S.R. and East European countries, 1963. Об этих документах сообщает Дж. Бенсон в примечаниях к книге “The True Adventures of John Steinbeck, Writer: a Biography” (P. 1080) и к статье: “Through a Political Glass, Darkly: The Example of John Steinbeck.” *Studies in American Fiction* 12:1 (Spring 1984): 59.

В этом отношении особо примечательна статья “New York Times”, освещавшая встречу Стейнбека с советскими читателями в Библиотеке иностранной литературы в Москве 21 октября 1963 г.¹ В отличие от краткой заметки «Литературной газеты» (о которой уже говорилось выше), акцентировавшей внимание на необычайно теплом приеме писателя советской публикой, растопившим его сердце («Я шел на это собрание, как на казнь, а встретил доброту и понимание»²), отреферированная Инокомиссией ССП статья “New York Times”, помимо перечисления тем, «от абстрактного искусства и до негритянских писателей и джаза»³, о которых шла речь во время встречи, назвал еще ряд острых моментов. Во-первых, в статье было отмечено, что встреча в основном велась на одном поле – поле Стейнбека, т.к. на обращенный им в зал вопрос «об идеологическом наступлении Коммунистической партии в области искусства и литературы в начале этого года» никто не дал ответа, сославшись на то, что «здесь принято, чтобы иностранные писатели рассказывали сами о своей работе»⁴. Во-вторых, американский рецензент ответил, что слова Стейнбека об Эренбурге, «как “о своем друге, которым могут гордиться не только русские, но и весь мир”», были встречены публикой аплодисменты, после чего добавил, что «Эренбург был в числе тех, кого обвинили в этом году в отклонении от партийной линии»⁵.

Кроме того, журналист “New York Times” в конце статьи позволил себе сделать несколько более общих замечаний – о том, что книги Стейнбека приобрели в СССР большую известность, главным образом, после 1956 г., «когда кампания десталинизации открыла двери Советского Союза чуть пошире для иностранных книг»⁶, и что творчество Стейнбека в советской критике было разбито на разные периоды, и список «приемлемых» произведений писателя включает в себя «Гроздь гнева», «оцененные здесь как “реалистическое отображение борьбы фермеров против монополий”», «Квартал Тортилья-Флэт», «Жемчужину» и «Зиму тревоги нашей»⁷.

В Варшаве Стейнбека застигло известие о трагической гибели 22 ноября 1963 г. Дж.Ф. Кеннеди, по просьбе которого была совершена

¹ Steinbeck Meets the Soviet Press // New York Times. 1963. Oct 22. P. 34.

² Встреча со Стейнбеком // Литературная газета. 1963. 24 октября. С. 4.

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4191. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

поездка писателя в СССР и которого Стейнбек хорошо знал лично. Тема его смерти и последующей политики американских властей поднималась на пресс-конференциях писателя в Варшаве, Вене, Праге.

На пресс-конференции в Вене Стейнбек высказал западным журналистам свое мнение о Н.С. Хрущеве:

Хрущев, – сказал Стейнбек, – хороший политик, который осуществляет разумное руководство. Это можно было увидеть не только во время дела Баргхорна, когда советский премьер-министр лично распорядился освободить Баргхорна, но еще в дни кубинского кризиса, когда кремлевский руководитель попытался, по возможности, выпустить пар из котла международной напряженности¹.

Кроме того, памятуя о своих встречах с молодыми советскими писателями, Стейнбек отметил, что в области литературы в СССР «преодолен застой последних 35 лет, и в авангарде находится молодая советская интеллигенция, которая “нашла в себе мужество встать против указаний Кремля”»².

О посещении Стейнбеком западного Берлина Иностранная комиссия ССП отобрала целых пять рецензий различных немецких и американских изданий. По словам писателя, о поездке в американскую часть Берлина его просил покойный президент Кеннеди. В целом, он старался воздерживаться от комментариев по поводу стены, но, как пишет “New York Herald Tribune” (выпуск 12 декабря 1963 г.), подойдя к ней вплотную и увидев с восточной стороны часовых с автоматами, Стейнбек сказал, что в Москве он беседовал о берлинской стене со многими русскими:

Все они говорили мне, что единственная причина сооружения этой стены – это контроль над валютой. Эти русские утверждали, что никто ни в кого не стрелял у стены, кроме западноберлинской полиции³.

Спустя несколько дней в “New York Herald Tribune” появляется другая заметка, которая также привлекает внимание сотрудников Иностранной комиссии ССП – о том, что «Стейнбек отказывается посетить Восточный Берлин». В статье приводятся следующие слова писателя:

¹ Там же. Л. 7.

² Там же.

³ Там же. Л. 11.

«Хоть я и сочувствую заключенным, но не люблю тюремщиков. Если бы я мог помочь, я бы поехал, но не из любопытства». По его мнению, также следует, что «стена – это неудачное мероприятие»¹.

Наконец, завершающим аккордом посещения Стейнбеком и Олби СССР стали две радиопередачи, которые вышли по прибытии американцев на родину в начале 1964 г. в «Голосе Америки» и были подробно задокументированы Иностранной комиссией ССП. В первой передаче от 13 января Стейнбек и Олби в основном, рассказывали о своих впечатлениях от СССР и от общения с советскими писателями, о различиях в восприятии советскими и американскими авторами цели своего ремесла и роли художника в обществе. Например, по мнению Стейнбека, американские писатели «критикуют свое общество, если их не устраивает его мораль, не считая необходимым требовать при этом коренных изменений в его социальном устройстве», в то время как советские писатели, по словам Стейнбека, «не могут этого делать, т.к. они должны поддерживать его политику»². Также из бесед с советскими писателями Стейнбек вынес убеждение, «что их интересует прежде всего политика, а потом уже проблемы морали, в том время как американских писателей и писателей Запада, прежде всего, занимают проблемы “морально-этические”»³.

Во второй передаче от 20 января больше внимания было уделено вопросам культурных обменов между США и СССР. Оба писателя, Стейнбек и Олби, отметили полезность своей и подобных ей поездок и высказались за продолжение практики культурного обмена, считая его одним из важнейших средств для нахождения общего языка. Так, подобно тому, что он уже говорил в 1947 г., Стейнбек заявил:

Я думаю, что одна из самых больших опасностей в мире возникает тогда, когда закрываются двери и воздвигаются стены... У нас произошла потеря понимания сигналов. Личные встречи и разговоры «помогают восстановлению общего языка»⁴.

Присоединившийся к мнению своего старшего коллеги Олби обозначил особенную важность «участия молодежи во взаимных поездках по

¹ Там же. Л. 14.

² Там же. Л. 19.

³ Там же. Л. 19–20.

⁴ Там же. Л. 22.

культурному обмену», поскольку, по его словам, «молодежь доверяет друг другу больше, чем старшему поколению»¹.

В целом, говоря об отзывах Стейнбека о его третьем визите в СССР, опубликованных в зарубежной прессе, нельзя не отметить, что, как и в «Русском дневнике», нобелевский лауреат, назначенный Кеннеди «послом мира», в своих заявлениях старательно обходил сложные политические вопросы, концентрируясь на том общем, что объединяет два народа, и, тем самым, демонстрировал свое лояльное отношение к СССР, политике Хрущева, в особенности возлагая надежды на новое поколение советских писателей, нашедшее в себе «мужество встать против указаний Кремля»². С другой стороны, показательным является то, что, если Стейнбек в первые дни своего пребывания в Москве с восторгом писал об «оттепели», которая чувствуется везде³, то спустя несколько месяцев по возвращении домой он осторожно добавлял: «Там есть оттепель. Не дошло до таяния. Но изменения по сравнению с тем, что я видел там в первый раз, налицо»⁴.

Попытка приглашения советских писателей в США ПЕН-клубом.

Вернувшись на родину и проанализировав результаты своего путешествия в страну Советов, Стейнбек и Олби задумались о том, чтобы изменить формат советско-американских «культурных обменов», убрав их политическую составляющую. С этой инициативой они обратились к президенту американского ПЕН-клуба Джону Фаррару. И спустя полгода после поездки Стейнбека и Олби в СССР ПЕН-клуб направил шести молодым советским писателям (большинство из которых присутствовало на той встрече в редакции журнала «Юность») – В.П. Аксенову, Ю.П. Казакову, В.П. Некрасову, А.М. Володину, А.А. Вознесенскому и Е.А. Евтушенко (позднее в список были добавлены К.М. Симонов и М.П. Бажан) за подписью Стейнбека и Олби приглашение посетить Америку. В этом приглашении, направленном советским авторам, говорилось, в частности, следующее:

«Мы обсуждали наши впечатления от поездки со многими из наших коллег после нашего возвращения в Америку. В своих разговорах

¹ Там же.

² Там же. Л. 7.

³ Steinbeck: A Life in Letters. P. 780.

⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4191. Л. 21.

мы отметили в особенности возросшее значение того, о чем мы говорили с вами до нашего отъезда из Советского Союза: мы, писатели, можем сослужить хорошую службу в деле мира и международного понимания, причем сами по себе, без вмешательств и хлопот со стороны государств, официальных обменов и т.д. По крайней мере, так мы сможем увидеть, что писатели двух наших государств имеют возможность узнать друг друга, разделить свои мысли, обсудить различия между ними. И поэтому мы обратились с предложением к нашим коллегам пригласить писателей из Советского Союза посетить Соединенные Штаты в качестве личных гостей писателей Америки»¹.

Стейнбек и Олби от лица ПЕН-клуба предлагали советским писателям приехать в сентябре 1964 года (а в следующем письме, отправленном в ноябре, – весной будущего года) и провести в Америке 6 недель, в течение которых они бы могли всецело пообщаться со своими американскими коллегами, «увидеть наши университеты, наши города, наши пригороды»² и, в целом, самостоятельно составить себе программу поездок, которая бы их устроила.

Приглашения на имя каждого из советских писателей поступили в Союз советских писателей. Некоторые из них ответили, что с радостью воспользуются приглашением, а некоторые, например А.М. Володин, сказали, что не смогут приехать в США осенью 1964 года. Однако в своем втором письме, направленном непосредственно К.А. Федину, генеральному секретарю ССП, Дж. Фаррар отметит, что никаких более определенных ответов они не получили «даже к 1-му сентября – число к которому мы ожидали приезд писателей!»³ Выразив сомнение, что, возможно, это произошло потому, что советские писатели получили приглашения слишком поздно и могли не успеть подготовиться к столь длительной поездке в другую страну, Фаррар предложил перенести поездку на весну следующего года, отметив, что организаторы этого мероприятия готовы пойти на отсрочку, хотя она будет сопряжена с некоторыми трудностями для ПЕН-клуба.

Ответ на письмо Фаррара последовал неутешительный. Секретарь Правления Союза Писателей СССР Георгий Марков, в связи с отсутствием К.А. Федина в Москве, сообщил, что «каждый из писателей, которых Вы приглашаете, живет по своему плану, все они много ездят –

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 6345. Л. 18.

² Там же. Л. 19.

³ Там же.

очень трудно, пожалуй, даже невозможно соединить их всех вместе, чтобы они приехали в США в одно и то же время. Сейчас, например, Константин Симонов находится в Западной Германии, в ближайшее время он предполагает посетить Финляндию, Италию, Латинскую Америку. Микола Бажан вскоре уезжает в Италию»¹.

Он сообщил, что возможно, некоторые из названных писателей смогли бы приехать весной 1965 года в США, и обещал ответить, когда у него появится более подробная информация, а также попросил «заверить г.г. Джона Стейнбека и Эдуарда Олби, что советские писатели тронуты проявлением дружеских чувств с их стороны и благодарят их за приглашение»². Однако дальше этого дело не продвинулось, что фактически поставило крест на попытке американских писателей организовать общение со своими молодыми советскими коллегами вне политического «кордона».

После поездки в СССР (1964 – 1966)

Письмо Стейнбека советским писателям и «открытое письмо» Ф.Т. Кравченко. После поездки Стейнбека в СССР 1963 г. произошел еще один инцидент, который напрямую коснулся многих представителей советской интеллигенции. 9 мая 1964 г. многие из них неожиданно для себя получили письмо от Стейнбека с приложенной к нему «речью, произнесенной в декабре 1962 г. в Стокгольме по случаю получения Нобелевской премии по литературе»³. В этом письме Стейнбек, в частности, сообщал различные подробности их встреч в Москве, о том, как «у нас возникали споры, мы выражали разные точки зрения, но все это не помешало нашей дружбе», его воспоминания о том, как «в Москве мы много смеялись вместе»⁴ и др. Это письмо было написано писателем от руки, а затем размножено с помощью мимеографа и направлено огромному числу лиц, в том числе тем, с кем Стейнбек ни разу в жизни не встречался. Данный поступок известного американского писателя был воспринят его советскими коллегами с большим недоумением.

Писатель А.Ю. Кривицкий был один из многих советских деятелей культуры, кто обратился с вопросом по поводу этого письма в редакцию

¹ Там же.

² Там же.

³ РГАЛИ. Ф. 1814. Оп. 9. Ед. хр. 2256. Л. 9.

⁴ Там же.

«Известий» (позднее он также вспоминает этот случай в своей биографической книге «Ветер на перекрестке, или Памфлеты и рассказы из “Кое-что...”»¹). В своем письме Кривицкий описал то удивление, которое он почувствовал, сначала получив собственноручно написанное письмо известного американского писателя о событиях, участником которых он не был, а после узнав от своих знакомых в Центральном Доме литераторов, что многие из них получили точно такие же письма. Как сообщает советский автор, все адресаты Стейнбека задавались одним и тем же вопросом: «Если адресатом служит весь справочник Союза писателей, не проще ли обратиться к ним с открытым письмом в печати?»².

Чтобы разобраться в случившемся, редакция «Известий» обратилась к собственному корреспонденту в США С. Кондрашову с просьбой как можно скорее связаться со Стейнбеком и прояснить ситуацию. Писателя в тот момент дома не оказалось, и корреспондент обратился с этим вопросом к литературному секретарю писателя Э. Отис. Через какое-то время Отис сообщила Кондрашову и «Известиям», что в этой истории виноват государственный департамент, который «все перепутал и по списку Союза писателей разослал письма Джона Стейнбека и тем, с кем он не виделся в Советском Союзе»³.

Вскоре после этих неприятных разбирательств, сам Стейнбек прислал в «Известия» письмо, которое обозначил как «Дорога в ад и добрые намерения» и просил его опубликовать в газете, чтобы «собрать» развалившиеся, как Шалтай-Болтай (англ. Humpty-Dumpty⁴) первоначальные добрые намерения и вернуть уважение советских людей.

Стейнбек объяснил путаницу с адресами желанием, возникшим у него вскоре после отъезда из СССР, отблагодарить многочисленных советских друзей и послать им «напоминание о себе, нечто редкое, что могло бы послужить маленьким знаком моей признательности за ока-

¹ Кривицкий А.Ю. Тень друга. Ветер на перекрестке. М.: Советская Россия, 1984. С. 415–416.

² Письма из-за границы и за границу // Известия. 1964. 29 августа. С. 3.

³ Там же.

⁴ Используя образ «развалившегося на части Шалтай-Болтая» (так в переводе С.Я. Маршака звучит имя персонажа книги Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» и английского детского стихотворения), которого «надо снова собрать», Стейнбек выражал намерение вернуть утраченный смысл его первоначальным добрым намерениям при отправке этого письма.

занное мне добросердечное отношение»¹, а также своей плохой памятью, из-за которой он не мог вспомнить, по каким именно адресам ему было необходимо отправить это послание; по этой причине он действительно решил воспользоваться справочником Союза советских писателей – организации, гостями которой он и его супруга были.

Объяснив причину возникновения сотен копий письма, которое он отправлял в СССР с самыми добрыми намерениями, в своем послании «Известиям» Стейнбек пишет, что очень дорожит дружбой многих русских людей, и что «было бы очень печально, если бы некоторая бестактность с моей стороны изменила или в какой-то степени поколебала это чувство»².

Некоторые из писателей отнеслись к этому инциденту с юмором и пониманием, например, Н.Г. Винников, который направил американскому автору следующий ответ:

Мне было бы очень приятно сохранить для мемуаров собственноручное письмо автора превосходной книги «Гроздь гнева» о его теплых встречах со мной, если бы появление Вашего литографированного манускрипта в моем почтовом ящике не было вызвано явным недоразумением. Дело в том, что мы с Вами, к сожалению, никогда не встречались ни в Москве, ни в какой-либо другой точке земного шара. Поэтому, если буду в Нью-Йорке, я с большим удовольствием воспользуюсь Вашим приглашением, чтобы восполнить этот пробел в наших биографиях³.

Другие посчитали нужным в резонерском и даже язвительном тоне уведомить автора «Гроздь гнева» о том, что подобное отношение к себе они считают недопустимым. Так, писатель С.Л. Львов пишет в ответном письме Стейнбеку:

Как и все мои коллеги – советские писатели – я высоко ценю мнение коллектива и коллективные действия на благо людей. Но не думаете ли Вы, дорогой друг, что, если писатель пишет письмо писателю, как личное, а потом размножает его и рассылает «всем, всем, всем», это выражает упрощенное представление о личности писателя в коллективе писателей. И разве Вы не были бы удивлены, если бы кто-нибудь из ваших московских адресатов свой

¹ Письма из-за границы и за границу. С. 3.

² Там же.

³ РГАЛИ. Ф. 2834. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 1.

ответ, предназначенный Вам, размножил бы и разослал всем нью-йоркским писателям по адресам, взятым из справочника. Ваше обращение ко мне как к другу дает мне право, как мне кажется, на это откровенно высказанное соображение.

Я буду рад получить от вас личное письмо, если вы пожелаете мне ответить. Я не возражаю и против того, чтобы получить то Ваше письмо, которое Вы будете снова рассылать как циркуляр, если вы полагаете возможным сохранить такую форму общения с коллегами по профессии. Но совмещение этих двух эпистолярных жанров представляется мне несколько странным¹.

Отдельного упоминания заслуживает «открытое письмо» Стейнбеку украинского писателя Ф.Т. Кравченко, которое было опубликовано в «Литературной газете» 12 июля 1964 г., т.е. до появления в «Известиях» объяснения Стейнбека.

Это письмо полно обиды советского писателя на оскорбившего его знаменитого американца и имеет своей целью поставить зазнавшегося капиталистического автора на место. Памятуя о «дружеском» приветствии Стейнбека к нему в своем письме, Ф.Т. Кравченко пишет:

Вы в своем письме, господин Стейнбек, назвали меня «дорогим другом». Но ведь друзья – это единомышленники! На что же Вы рассчитываете, желая завязать со мной хотя бы заочную дружбу? На то, что я приму Вашу идеологию? Но это же смешно! Если Вы вдумаетесь в то, что я Вам написал, Вам никогда и в голову не придет, что это когда-либо случится. Вам нравятся класс эксплуататоров, а я страстно ненавижу его с детских лет; Вы видите свое призвание в том, чтобы примирить два класса – эксплуататоров и эксплуатируемых, <а я с детских лет> хочу только одного: полного истребления таких же помещиков и капиталистов, как и те, которые, как говорится, сосали кровь из моего отца – рабочего – и моего дела – раба, несчастного крепостного мужика, которому не позволяли даже говорить на родном языке...²

«Всеобщему страху» и «малокалорийному отчаянию», о котором пишет Стейнбек в своей нобелевской речи, украинский писатель противопоставляет путь

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4240. Л. 8.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4299. Л. 11–12.

советского народа, ведомого в светлое будущее созданной Лениным Коммунистической партией», <...> когда не будет эксплуататоров и эксплуатируемых, (а следовательно и войн не будет), и исчезнут последние признаки того страха, который, кстати сказать, продиктовал письмо, полученное мною сейчас, и заставил Вас произнести столь «смутную», с точки зрения философской, и безнадежную для писателя (если он хочет быть полезным человечеству!) речь в Стокгольме¹.

Однако случай Ф.Т. Кравченко был скорее исключением, связанным не с личной неприязнью к Стейнбеку, но со стремлением советского автора следовать в фарватере идеологии (и «подвернувшийся» ему нобелевский лауреат оказался для этого прекрасным поводом). Как пишет в своей биографии А.Ю. Кривицкий, в целом, «мы (советские писатели. – Л.К.) дружески извинили Стейнбеку его неловкость, усугубленную проворством чиновников госдепартамента тех времен. Но вот вызывающий полет писателя на боевом самолете над истерзанным Вьетнамом вызвал осуждение во всем мире»².

Советская пресса о Стейнбеке до Вьетнама. «Полет писателя на боевом самолете над истерзанным Вьетнамом», о котором говорил Кривицкий, произошел на рубеже 1966–1967 гг., а до этого времени в сознании советского читателя Стейнбек продолжал оставаться дружественным СССР автором, создателем всенародно любимых книг «Гроздь гнева» и «Зима тревоги нашей», в своем последнем визите – хотя бы на уровне широко известного интервью «Известиям» – подтвердившим свою репутацию писателя-гуманиста и противника войн и свое доброе отношение к советскому народу.

Это хорошее отношение к писателю отразилось в публикациях советской прессы о Стейнбеке 1964–1966-х гг. В некоторых из них сохранились отсылки к последней поездке Стейнбека. Например, в статье «Литературной газеты», нацеленной против измышлений американской прессы об СССР, в качестве положительного примера говорится о визите Стейнбека в Ереван:

Приятным гостем Еревана был Джон Стейнбек. Он познакомился со многими писателями и учеными, художниками, строителями и колхозниками. Он встретил уважение и теплый прием и сам проникся чувством уважения к Советской Армении и армянам.

¹ Там же. Л. 13–14.

² Кривицкий А.Ю. Тень друга. Ветер на перекрестке. С. 416.

Стейнбек многое помнит об Армении, исполненный любви и сердечного тепла. Он пишет: «Я будто вижу древний величавый Ереван, который помнит десятки и десятки поколений, маячащих вдали, как горы, и шагающий в будущее... – прелестную страну и славный народ, хранящий традиции и, что самое главное, непрерывно идущий вперед».

Такими увидел нашу страну и нас Джон Стейнбек¹.

Другая статья «Литературной газеты» относилась к визиту Стейнбека в Киев и его посещению музея поэта Т. Шевченко, судьба и лирика которого весьма впечатлили американского автора. В качестве неопровержимого доказательства мирового значения украинского поэта автор статьи А. Полторацкий приводит строки из письма Стейнбека, в котором тот говорит о Шевченко:

Можно ли вплести еще какие-либо слова в венок шевченковской славы – славы, которую безоговорочно признает весь мир? Тот, кто ищет плодов человеческой деятельности, которым суждено жить вечно, – может найти их у Шевченко... Даже ваш любимый Днепр немного изменил свое течение и передвинул свои песчаные косы. Но слова Шевченко, прозвучавшие когда-то, остались неизменными навсегда. И я не знаю, можно ли прибавить еще что-либо для его прославления².

Также «Известия» в качестве объяснения того, почему в кандидаты президенты США от республиканцев был выдвинут Голдуотер, ссылаются на слова своего недавнего визитера:

Пусть ответит столь авторитетный знаток американской жизни, как писатель Джон Стейнбек. В прошлом году он побывал в гостях у «Известий». И когда мы спросили его, может ли в Соединенных Штатах голову поднять фашизм, он ответил:

– У нас, в Америке, всегда существовала угроза фашизма. Реакция всегда гнездилась в сердце нашей страны с самого начала, с первых дней после революции (американской). Достаточно сказать, что у нас был Маккарти³.

¹ Порция желчи: басни американского журнала «Репортер» // Литературная газета. 1964. 4 апреля. С. 4.

² Полторацкий А. Джон Стейнбек о Тарасе Шевченко // Литературная газета. 1964. 9 июня. С. 1.

³ Полянов Н. Беседа с читателями: человек, который хочет отменить XX век // Известия. 1964. 18 июля. С. 3.

В 1964 г на подмостках Москвы и Ленинграда успешно шли постановки по прозаическим произведениям американского автора: в МХАТе им. Горького шла инсценировка романа Стейнбека «Зима тревоги нашей» (постановщик – Б. Норд, режиссер – В. Марков, в роли Итена Хоули – П. Массальский), а в Ленинградском академическом театре оперы и балета имени С.М. Кирова – одноактный балет по «Жемчужине» (композитор – Н. Симонян, в главных партиях – К. Федичева, Ю. Соловьев, А. Осипенко, С. Кузнецов, И. Зубковская). Рецензии на эти спектакли были опубликованы с интервалом в полгода в «Советской культуре»¹. В 1965 г. в Русском драматическом театре им. Леси Украинки также была поставлена впервые переведенная на русский язык пьеса Стейнбека «О мышях и людях»².

В середине 1960-х гг. по следам разразившегося в мировом литературном сообществе спора о «новом романе» (один из этапов которого проходил в Ленинграде в 1963 г. – на Конгрессе о судьбах романа, в котором приняли участие известнейшие западные писатели – Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар, Натали Саррот, Уильям Голдинг, Джузеппе Унгаретти, Ганс Вернер Рихтер и др.) Стейнбек, по оценкам советской прессы, выступал как яркое живое доказательство превосходства реалистического романа – об этом говорят статьи 1964 г. Р. Самарина «Размышления о романе»³ и «Широкой дорогой реализма»⁴.

Кроме того, если в 1940-х гг. после выхода «Гроздьев гнева» все упоминаемые советской прессой случаи, иллюстрирующие «бедственное положение американского фермерства», стали связываться исключительно с этим романом, так после широкого распространения в СССР романа «Зима тревоги нашей» сюжет этого произведения стал универсальным примером пагубного влияния капиталистического уклада жизни на моральные устои американцев. Этот вопрос подробно разбирался в упомянутой работе Р.М. Самарина «Широкой дорогой реализма», статье доктора философских наук И.С. Кона о юношеском самоопределении «Что такое “найти себя”?»⁵, А.Н. Николокиной «Блудные дети

¹ Право быть «средним»? // Советская культура. 1965. 5 января. С. 2–3; Дьяконов А. Несчастливая «Жемчужина» // Советская культура. 1965. 10 июля. С. 3.

² Горят «Днепровские зори» // Литературная газета. 1965. 25 сентября. С. 1.

³ Размышления о романе // Правда. 1965. 5 декабря. С. 3.

⁴ Самарин Р. Широкой дорогой реализма // Правда. 1964. 15 ноября. С. 3.

⁵ Кон И. Что такое «найти себя»? // Известия. 1965. 25 августа. С. 4.

Америки»¹ и заметке Л.Н. Толкунова «Духовное обнищание: антикоммунизм на службе агрессии», в которой советский автор дает марксистское истолкование проблемам, поднимаемым Стейнбеком в его большом эссе «Америка и американцы»² («кризис правящего класса, который не может выдвинуть сколько-нибудь захватывающих национальных целей, глубокий кризис всего американского общества»³).

Публикация в СССР книг Стейнбека и о Стейнбеке (1964–1966).

В эти годы появились на свет и первые научные работы о Стейнбеке. Так, «Литературная газета» в начале 1965 г. анонсировала⁴ появление на советских прилавках книги В.В. Смирновой «Современный портрет»⁵, в которую были включены литературные портреты советских и зарубежных писателей, помимо Дж. Стейнбека, в ней присутствовали статьи об Э. Колдуэлле, Э. Хемингуэе, А. де Сент-Экзюпери, Я. Корчаке. В 1964 г. вышла монография М.О. Мендельсона «Современный американский роман»⁶, одна из глав которого посвящена анализу прозаического наследия Стейнбека. В 1965 г. в серии «Современная зарубежная литература» также появилось небольшое по размеру исследование творчества писателя – книга А.А. Федорова «Джон Стейнбек»⁷.

Также в советской печати вышли новые произведения писателя: в 1965 г. издательство «Прогресс» опубликовало последнее законченное произведение Стейнбека «Путешествие с Чарли в поисках Америки»⁸. Украинский журнал «Всесвіт» (редактором которого был хорошо известный Стейнбеку по его поездкам в СССР в 1947 и 1963 гг. А.И. Полторацкий) планировал также перевести на русский язык и издать в 1967 г. роман Стейнбека «Заблудившийся автобус»⁹, что впоследствии не было осуществлено.

¹ Николоюкин А. Блудные дети Америки // Литературная газета. 1966. 22 декабря. С. 4.

² Steinbeck J. America and the Americans // Saturday Evening Post. 1966. July 2. P. 33–38, 40–41, 44, 46–47.

³ Толкунов Л. Духовное обнищание: антикоммунизм на службе агрессии // Известия. 1966. 25 августа. С. 2.

⁴ Вышли из печати // Литературная газета. 1965. 9 января. С. 3.

⁵ Смирнова В.В. Современный портрет. М.: Советский писатель, 1964.

⁶ Мендельсон М.О. Современный американский роман. М.: Наука, 1964. С. 269–348.

⁷ Федоров А.А. Джон Стейнбек. – М.: Высшая школа, 1965.

⁸ Стейнбек Д. Путешествие с Чарли в поисках Америки. М.: Прогресс, 1965.

⁹ Григорьев К. Сто номеров «Всесвіта» // Литературная газета. 1966. 27 октября. С. 4.

Наконец, в 1966 г., по сообщению «Литературной газеты», на заседании Комитета по печати при Совете Министров СССР обсуждался вопрос о выпуске Библиотеки избранных произведений всемирной литературы, который было решено приурочить к 50-летию Великого Октября. Научное руководство изданием планировалось осуществить ИМЛИ имени А.М. Горького АН СССР, а выпуск библиотеки возложить на издательство «Художественная литература».

В третьей серии издания, представлявшей собой современную литературу XX века и по плану включавшей в себя 70 томов, должны были находиться и избранные сочинения Стейнбека. Однако в 1967 г в силу изменившейся ситуации этого не произошло по идеологическим причинам, и первый двухтомный выпуск «Избранных произведений» Стейнбека с предисловием С. Батурина в той же «Художественной литературе» вышел только в 1981 г.¹

Стейнбек и война во Вьетнаме: «ледяной душ» в отношениях с СССР (1966–1967)

Изыявления горячей симпатии к американскому писателю резко обрываются в Советском Союзе с наступлением 1966 г. Это было связано с участием Стейнбека – прямым и косвенным – во вьетнамской кампании, столь диссонировавшим с прежними антивоенными и гуманистическими убеждениями писателя.

В СССР поддержка Стейнбеком ввода американских войск во Вьетнам оказалась полной неожиданностью, поскольку в глазах рядового советского читателя Стейнбек был в первую очередь писателем-гуманистом, певцом справедливости и человеческого достоинства. Так, литовский советский поэт Э. Межелайтис, встречавший долгожданного гостя в московском аэропорту, писал, резюмируя свои мысли о жизни и творчестве Стейнбека:

С той поры, как мы, не отрываясь, прочли «Гроздь гнева», мы знали, что Стейнбек не просто большой писатель, он друг человека. Друг без мизантропии, без прекраснотушия, без фальшивых назидательных сентенций².

¹ *Стейнбек Дж.* Избранные произведения: В 2 Т. М.: Художественная литература, 1981.

² *Межелайтис Э.* Познавший «соль земли» // Литературная газета. 1963. 2 ноября. С. 4.

Сам Стейнбек во время своего визита в СССР в 1963 г. неоднократно подтверждал это мнение. В своих многочисленных интервью и заявлениях, сделанных в ходе этого визита, в разговорах на политические темы Стейнбек в первую очередь отмечал то общечеловеческое, что объединяет оба народа, и ратовал за разоружение и прекращение «холодной войны», путь к чему он видел в установлении дружеских контактов между странами, в первую очередь на культурном уровне. Об этом же, к примеру, говорилось в большом интервью с писателем газете «Известия», которое было прочитано тысячами советских граждан:

И сейчас, когда разговариваешь с писателем, чувствуешь, что, если и есть что-либо для него наиболее ненавистное, так это война. Стейнбек горячо выступает за разоружение, за ликвидацию страха, презрительно говорит об американской доктрине «равновесия страха».

– Самое опасное – это страх! – говорит он. – Я не видел ни одного с ног до головы вооруженного человека, который бы в душе не трясся от страха. Страх заставляет нас вооружаться. Страх должен быть ликвидирован. С ним можно бороться, лишь устанавливая контакты, добиваясь взаимопонимания.

– Если задумаешься над тем, что разделяет американцев и русских и что их объединяет, то можно прийти лишь к единственно правильному выводу: мы более схожи, чем различны. Вот об этом надо говорить, об этом надо писать, это надо утверждать¹.

Кроме того, это стойкое, исключавшее любые сомнения убеждение советских людей в том, что Стейнбек займет в этой кампании антивоенную позицию, наглядно демонстрирует небольшая заметка Л. Никулина «Бронтозавры на краю пропасти»:

Мы видим как бы две Америки. Одну Америку – Хемингуэя, Фолкнера, Стейнбека, – страну, где, по словам газет, четырнадцать граждан из пятнадцати стоят за мирное разрешение конфликта. Другая Америка – Америка Голдуотера, Бэрча, белых балахонов, огненных крестов. Именно по ее настоянию продолжается трагедия во Вьетнаме².

В целом, эта монолитность и однозначность образа Стейнбека, создававшегося в советской прессе со времен выхода его романа «Зима

¹ *Вишневецкий К.* Разговаривая со Стейнбеком. С. 4.

² *Никулин Л.* Бронтозавры на краю пропасти // Литературная газета. 1965. 23 февраля. С. 4.

тревоги нашей», писателя-гуманиста, всю жизнь отстаивавшего в своих произведениях право маленьких людей на свободу и на счастье, привела к тому, что поддержка Стейнбеком войны во Вьетнаме стал громом среди ясного неба – полной неожиданностью для тысяч его советских читателей. В итоге положительный образ Стейнбека, сложившийся в СССР, оказался разбит вдребезги.

“*My Dear Fiend Genua...*”: открытая переписка Стейнбека и Евтушенко о событиях во Вьетнаме. Знаковым событием в этом контексте стала короткая переписка двух друзей, находившихся по разные стороны «железного занавеса», Дж. Стейнбека и Е. Евтушенко. С советским поэтом Дж. Стейнбек свел знакомство на встрече с молодыми советскими авторами журнала «Юность» в ноябре 1963 г.; после отъезда Стейнбека на родину общение писателей продолжилось и переросло в дружбу. Когда в 1965 г. многие американские деятели культуры – писатели, драматурги, журналисты, музыканты, выразили свой протест против войны во Вьетнаме, заняв антивоенную позицию¹, в СССР эту новость встретили с большим воодушевлением. Е. Евтушенко, который также живо интересовался происходящими во Вьетнаме событиями и общественной позицией своих коллег за рубежом, был удивлен, не найдя в списке американских пацифистов имени Стейнбека. Свое удивление он выразил в стихотворном «Письме Стейнбеку», опубликованном в июльском номере «Литературной газеты» за 1966 г.

В этом письме Евтушенко обращается к «одному из моих любимых писателей и друзей Джону Стейнбеку, у которого я хочу учиться», и вспоминает встречу в редакции журнала «Юность», на которой Стейнбек призвал молодых советских авторов «показать свои зубы», т.е. открыто без боязни высказать свою критическую позицию в отношении того, что происходит в стране. В тот раз советские писатели (среди которых, помимо Е. Евтушенко, были В. Аксенов, Б. Ахмадулина, А. Вознесенский, А. Гладилин и др.) были вынуждены молчать, скованные присутствием советских и американских дипломатов, но теперь си-

¹ К примеру, Е. Евтушенко говорит о «двухмиллионной демонстрации в Нью-Йорке против войны во Вьетнаме, когда в одной колонне в обнимку шли Артур Миллер, Бенджамин Спок, Мартин Лютер Кинг и свои песни пели тогда еще совсем молодые Джоан Байез и Боб Дилан» (Морозов А. Поэт Евгений Евтушенко: Скука — мать фашизма // Новые известия. 2005. 12 декабря. С. 5). По всей видимости, речь идет о Марше протеста против войны во Вьетнаме, состоявшегося 27 ноября 1965 года, в котором приняли участие А. Миллер, Б. Спок, М.Л. Кинг и другие известные общественные деятели США.

туация в корне изменилась, и уже Евтушенко в своем письме призывал американского писателя присоединить свой голос к людям всего мира, протестующим против ведения США войны во Вьетнаме.

В своем обращении Евтушенко напоминает о прежнем революционном духе писателя, его внимании к «униженным и оскорбленным», отстаивании правды и справедливости в своих произведениях:

Кусаться надо, Джон...
Того гляди,
и вовсе потеряют зубы прочность.
Пусть чьи-то «Гроздь гнева» впереди,
но неужели Ваши –
только в прошлом?!
Всегда умели слушать время Вы.
Вы слышите –
из дальнего Вьетнама
сквозь джунгли
до Нью-Йорка,
до Москвы
летит,
прося защиты:
«Мама... мама...»
И Чарли Ваш когтями пол скребет,
и Вам не страшно этими ночами,
когда летит детей бомбить пилот,
быть может,
с Вашей книгою о Чарли?!..¹

Это письмо было переведено и опубликовано спустя несколько дней в “New York Times”². Спустя несколько дней Стейнбек дал ответ Евтушенко, который был напечатан в лонг-айлендской газете “Newsday”³.

В своем открытом письме Стейнбек, во-первых, подтверждает свое отрицательное отношение к войнам в целом и добавляет, что к этой «инициированной Китаем» войне он испытывает особую «личную не-

¹ *Евтушенко Е.* Письмо Джону Стейнбеку: Стихи. С. 4.

² *Anderson R.H.* Soviet Poet Bids Steinbeck Speak // *New York Times*. 1966. July 8. P. 6.

³ *Anderson R.H.* Moscow Reports Steinbeck Reply // *New York Times*. 1966. July 17. P. 5.

нависть». Однако писатель замечает, что Евтушенко в своем письме говорит лишь об одной стороне войны – вводе американских войск во Вьетнам, но не упоминает об участии СССР в этом конфликте, о чем советский поэт не может не знать:

Так же, как и я, Женя, ты знаешь, что мы бомбим нефтяные склады, транспорт и тяжелые, современные орудия, от которых умирают наши сыновья. Откуда проистекает эта нефть и орудия вы должны знать лучше, чем я. Они все маркированы китайскими иероглифами или кириллицей¹.

Стейнбек выступает со встречным предложением к Евтушенко – осудить всю войну, и американскую, и советскую ее составляющие.

Также Стейнбек в своем письме утверждает, что ввод американских войск во Вьетнам оказался лишь ответом на присутствие в этой стране иностранных сил, что не позволяет говорить об этом конфликте как исключительно внутривьетнамском.

Во-вторых, Стейнбек со своей стороны призывает Евтушенко употребить свое влияние как писателя, чтобы убедить людей и правительство остановить посылку «убийственных» грузов в Северный Вьетнам, которые могут быть использованы против Южного Вьетнама. В свою очередь нобелевский лауреат обещает, что при выполнении СССР этих условий, американские войска и орудия будут выведены из Вьетнама «мгновенно и автоматически»².

И наконец, он заключает, что в тот момент, когда Северный Вьетнам согласится добросовестно начать переговоры, «бомбардировки прекратятся навсегда. Ружья тихо опустятся, и наши дорогие сыновья вернуться домой. Это так же просто, как то, мой дорогой друг, что я очень надеюсь вскоре увидеть тебя и твою жену Галию»³.

Вскоре “New York Times” опубликовал сообщение, что письмо Стейнбека «Литературной газетой» получено и рассматривается⁴. По словам американского издания, редактор «Литературной газеты» на вопрос о содержании письма Стейнбека, которое должно было появиться на страницах советской печати, заявил: «Ждите и увидите»⁵.

¹ *Steinbeck J. An Open Letter to Poet Yevtushenko // Newsday. 1966. July 11. P. 3.*

² *Ibid.*

³ *Ibid.*

⁴ *Steinbeck’s Letter Meets Soviet Delay // New York Times. 1966. July 15. P. 10.*

⁵ *Ibid.*

В заметке “New York Times” также было отмечено, что при публикации в Советском Союзе письма Стейнбека с его недвусмысленной критикой политики Ханоя, Пекина и Москвы у «Литературной газеты» могут возникнуть заметные трудности, поскольку для советских читателей это будет «первым указанием на то, что упомянутые столицы несут часть ответственности»¹ за происходящие в Южном Вьетнаме события.

Тем не менее, реакция на письмо Стейнбека все-таки последовала: в «Литературной газете» появилась заметка под названием «И вот Стейнбек нарушил молчание...»². Однако вместо непосредственной публикации стейнбековского «открытого письма советскому поэту Евтушенко» в статье «Литературной газеты» содержался его краткий пересказ:

Джон Стейнбек ответил на днях в американской газете “Newsday” на это письмо. Он не только отвергает содержащийся в стихах Евтушенко призыв осудить агрессию США, но и фактически оправдывает действия Белого дома и Пентагона. Стейнбек пытается отрицать очевидные всему миру факты – бомбардировку мирных городов и сел, убийство мирных жителей, женщин и детей. Он повторяет избитые аргументы официальной пропаганды США, искажающие правду о войне во Вьетнаме и ее виновниках³.

После этого газета ссылается на мнение о позиции Стейнбека других иностранных изданий и приводит с сокращениями статьи коммунистических и левых газет – американской “Worker”, французской “L’Humanité”, а также независимой “Le Monde”.

Орган компартии США “Worker” в заметке, озаглавленной «Падение Стейнбека» сообщает, что в своем ответном письме Стейнбек предстал в качестве «сторонника политики Джонсона во Вьетнаме» и, чтобы оправдать себя, не стал считаться с фактами. Журналист “Worker” пишет:

Он утверждает, что эта война «вдохновлена китайцами», когда всем известно, что война во Вьетнаме продолжается только потому, что президент Джонсон отправил во Вьетнам сотни тысяч американских солдат, тысячи американ-

¹ Ibid.

² И вот Стейнбек нарушил молчание // Литературная газета. 1966. 16 июля. С. 4.

³ Там же.

ских самолетов и десятки американских военных кораблей, тщетно пытаюсь подавить сопротивление миролюбивого народа, борющегося за свободу¹.

Напоследок автор заметки советует Стейнбеку, иронизирующему по поводу мнения Евтушенко, что американские летчики бомбят детей, чаще «читать американские ежедневные газеты, и тогда он увидит, что это именно то, что совершают «наши летчики»².

Автор заметки “Le Monde” говорит о том, что Стейнбек просто-напросто «переводит стрелки»:

Стейнбек как бы говорит ему: «Стреляйте первыми» или, вернее: «Прекратите огонь первыми», или еще точнее: «Первыми добейтесь прекращения огня», учитывая, что именно американцы находятся в Южном Вьетнаме, а не русские, и даже не китайцы, и даже не северные вьетнамцы»³.

Андре Вюрмсер⁴, автор статьи «Причины гнева», опубликованной органом французской компартии “L’Humanité”, также один за другим ниспровергает доводы Стейнбека. Французский писатель-коммунист заявляет:

Тот, кто молчит, когда совершается преступление, отрекается от Ромена Роллана, Золя и Виктора Гюго. Стейнбек знает это, и его ответ – попытка оправдаться, которая не убедит ни одного из почитателей «Гроздьев гнева»⁵.

Касательно обещания Стейнбека вывести американские войска из страны, когда Советский Союз перестанет поставлять оружие повстанцам, а Южный Вьетнам пойдет на переговоры, журналист язвительно замечает:

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Андре Вюрмсер (André Wurmser, 1899–1984) — французский писатель, журналист, критик. Член французской коммунистической партии с 1934 г. С 1954 г. — член редакции газеты “L’Humanité”. С 1935 г. был членом исполнительного комитета Ассоциации друзей Советского Союза и главным редактором ее журнала “Russie d’aujourd’hui” («Россия сегодня»), его очерки и статьи с конца 1950-х часто появлялись в советских газетах; после его поездки в Советский Союз, в СССР была издана его книга «СССР с открытым сердцем» (“L’URSS à coeur ouvert”, 1960, совместно с Л. Мамаком; рус. пер. 1961).

⁵ И вот Стейнбек нарушил молчание. С. 4.

Спрашивается, с каких это пор грабители, проникшие в чужой дом с помощью взлома, требуют, чтобы пострадавший вел с ними «переговоры со всей искренностью»?¹

В заключение, Вюрмсер выносит приговор политике, проводимой во Вьетнаме правительством США:

Плохо скрываемая истина заключается в том, что Соединенные Штаты, затеявшие военную интервенцию, которая их бесчестит, считают себя достаточно сильными, чтобы предписывать развязанной ими войне именно то завершение, которое им угодно: вы-де, мол, согласитесь с нашими условиями или мы вас уничтожим, да еще мы обвиним вас в половине наших преступлений, и, кроме того, мы обвиним тех, кто будет помогать вам защищаться, что они убивали наших детей...²

Наконец, рядом со статьей на странице «Литературной газеты» была помещена фотография вьетнамской женщины с обезображенным ребенком на руках, после которой следует набранная курсивом подпись:

Вот они, страшные следы американских бомбардировок во Вьетнаме: женщина с тяжелораненым ребенком на руках в южновьетнамской деревне. Эту фотографию публикует американский журнал «Лайф». Странно, что писатель Стейнбек не видел этот и ему подобные многочисленные снимки, которые изо дня в день появляются в журналах и газетах его страны.³

Таким образом, по совокупности всех составляющих по прочтении данной заметки «Литературной газеты» у советских читателей складывался новый образ Стейнбека как непоследовательного писателя, предавшего в угоду руководящей политике Белого дома свои гуманистические идеалы времен «Гроздьев гнева» и цинично закрывающего глаза на судьбу беспомощных вьетнамских детей, ежесекундно находящихся под обстрелом американских войск.

При этом, разумеется, поскольку оригинал письма Стейнбека не был напечатан, в публикации «Литературной газеты» остались за скобками не только его политические аргументы, но и мягкий дружествен-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

ный тон писателя, его призыв смотреть на ситуацию не столь однозначно и не перекладывать полностью ответственность за происходящее на одну из сторон.

После данного инцидента имя Стейнбека надолго пропадает из советской печати. Оно появляется там только в начале 1967 г., после того как Стейнбек в декабре 1966 г. самолично приезжает в Сайгон и начинает публиковать в “*Newsday*” заметки о жизни американских солдат во Вьетнаме под названием «Письма к Алисии»¹.

«*Письма к Алисии*». Возникает вопрос, почему Стейнбек, чье творчество, как еще недавно подчеркивала советская критика, от первой до последней книги пропитано гуманизмом, настоящей любовью к человеку², в годы Вьетнамской войны сознательно выбрал и открыто отстаивал эту позицию – защитника официальной линии Белого дома, утверждавшей необходимость военной интервенции США во Вьетнам.

Существует ряд причин и жизненных обстоятельств писателя, которые в середине 1960-х гг. привели его к этой позиции³. Во-первых, необходимо назвать глубокую неприязнь американского писателя к коммунистическому строю и диктатуре советской власти, которая, по словам биографа Стейнбека Дж. Бенсона, окончательно оформилась после его последней поездки в СССР в 1963 г.:

Советский Союз с его чистками и лишением свободы в его сознании был куда ближе к нацистской Германии, чем к социалистической Швеции. Подобное восприятие не было новой его позицией, но оно росло в нем все силь-

¹ *Steinbeck J. Letters to Alicia // Newsday. 3 December 1966–20 May 1967.*

² Р.Д. Орлова и И.А. Левидова в своих статьях «Деньги против человечности» (Иностранная литература, 1962. № 3. С. 197–208) и «Послевоенные книги Джона Стейнбека» (Вопросы литературы, 1962. № 8. С. 122–142) сходятся во мнении об активном гуманизме и «борьбе за человеческое в человеке» как основной и ведущей теме всего творчества американского писателя, формального разного и неровного.

³ Важно отметить, что мнение писателя по вопросу участия США во вьетнамской кампании не было линейным и претерпевало изменения в течение 1965–1967 гг. По мнению Дж. Бенсона, точка зрения писателя на вьетнамскую войну в своем основании совершила полный круг: от сомнений в необходимости участия в этой войне американской стороны (лето 1965 г., письмо Стейнбека к Дж. Валенти) к безоговорочному принятию военного вторжения во Вьетнам, кульминацией которому стала работа Стейнбека военным корреспондентом в Сайгоне и публикация им «писем к Алисии» (лето 1966 г. — зима 1967 г.), и, наконец, возвращению к усиливающемуся скепсису в отношении этой войны (лето 1967 г., письмо Стейнбека к Э. Отис). (*Benson J.J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 967, 1018.*)

нее, чем старше он становился, не потому что он делался все консервативней, но потому, что появлялось все больше информации о России сталинских времен, и он видел все меньше оправданий для совершавшихся репрессий. Но политика, связанная с этим доктринами и реабилитациями, была не столь важна для него – его больше заботило реальное человеческое поведение, которое могло помогать или вредить другим людям¹.

Однако вновь важно отметить, что эта ненависть Стейнбека к советскому строю не просто не противоречила, но органично вытекала из его личной приязни к советским людям, многих из которых он любил и уважал, вел с ними переписку на протяжении всей своей жизни. С точки зрения писателя, тоталитарная советская система губила и уродовала лучшее в людях, убивала стремление к творчеству и свободе, разрушала жизни, была источником постоянного страха и гнета. В качестве примера можно привести слова Стейнбека из одного из «писем к Алисии»:

Это неизменная практика коммунистов – работать очень медленно, потихоньку затягивать петлю, так что жертва верит, что это новый галстук. Затем, когда все готово, они нападают, мгновенно и безжалостно. Оппозиция полностью разбита, и бедные идеалисты, помогавшие им, разгребают эту кучу экскрементов. Этот процесс невозможно изменить².

Люди, боровшиеся против распространения этого «зла» на Востоке, ставившие под угрозу свою жизнь, представлялись Стейнбеку настоящими героями. По словам Дж. Бенсона,

в его глазах они демонстрировали тот тип рожденного в бедствиях благородства, который он видел в знакомых ему с юности людях, противостоявших Пыльному котлу³, банкам и насмешкам коренных калифорнийцев. Наши солдаты сражались за выживание других людей и за человеческое достоинство против враждебного окружения, против жестокого и совершенно бес-

¹ Ibid. P. 967.

² *Steinbeck J. Letters to Alicia // Newsday. 1967. May 6.*

³ Пыльный котел (англ. Dust Bowl) — серия катастрофических пыльных бурь, происходивших в прериях США и Канады в 1930–1936 гг. Это явление, совпавшее по времени с Великой депрессией в США, вызвало большой отток населения из расположенных в прериях штатов. События этого времени были положены в основу романа Дж. Стейнбека «Гроздь гнева» (1939).

пошадного врага, ограниченные в средствах ведения боя, без полной поддержки и понимания у себя на родине¹.

И в письме президенту Джонсону от 18 января 1967 г. Стейнбек считал нужным выделить в качестве своего главного впечатления во Вьетнаме исключительное достоинство американских солдат, участвующих в этой кампании:

Я был во Вьетнаме около шести недель и большую часть этого времени провел на полях сражений с нашими войсками всех подразделений так же, как с некоторыми из войск союзников. <...> В действительности я был свидетелем первой атаки операции Тейер II, хотя не писал об этом, поскольку операция еще не была закончена. Я думаю, что я знаю сейчас наших мужчин очень хорошо, поскольку я жил с ними и стрелял вместе с ними. Я знаю, мистер Президент, что у вас имеется множество ваших официальных источников информации. Но я хотел бы сказать вам свое совершенно личное мнение, что во Вьетнаме мы имеем лучших, отлично тренированных, самых интеллигентных и самых преданных солдат, которых я видел в какой бы то ни было армии, а я их видел много в свое время. Это лучшие люди, которых у нас когда-либо были².

Если Евтушенко в 1966 г. и много лет спустя видел американских патриотов в людях, выступающих против войны во Вьетнаме, считая, что «сущность истинного патриотизма в том, «чтобы открыто бороться против того, что пятнает честь нации», т.е. против «новых варварских налетов американской авиации на мирные города Вьетнама»³, и к этому же он призывал и Стейнбека, то для американского писателя молодые демонстранты, «мирники» (peaceniks) или «вьетники» (Vietnicks), как их называл в своих письмах Стейнбек, составляли, напротив, не честь, но позор нации, воплощая в себе все ее недостатки: эгоизм, избалованность, потакание своим личным желаниям и отсутствие чувства ответственности перед своей страной. Так в другом своем «письме к Алисии» Стейнбек сравнивает людей, воюющих во Вьетнаме и оставшихся в Америке:

¹ *Benson J.J.* The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 969.

² Там же. P. 1008.

³ *Евтушенко Е.* Письмо Джону Стейнбеку: Стихи. С. 4.

В подлеске, тоньше которого я не видел, видны лица и в действительности только глаза. Пестрые каски и камуфляж теряются на общем фоне. Черные и белые лица от пота и грязи становятся универсально рыже-серыми. Только глаза остаются живыми и выразительными. И, когда мы устраиваемся и ротор замолкает, открываются рты и они снова мужчины и какие мужчины! Можете ли вы понять мимолетный отсвет гордости, которая возникает от одного осознания принадлежности к той же породе, что и они?

Я полагаю, что это нечто противоположное той дрожи стыда, который я иногда испытываю дома, когда вижу вьетников, грязные одежды, грязные умы, кислый запах отходов и их неприятных и бесплодных раздутых товарищей. Их ерзанье, медлительные протесты, в которых они призывают не убивать людей, весьма нелепы. Они-то сами в безопасности. Они сами ударить не смогут¹.

В этом описании видно, что Стейнбек по-прежнему стоит на позициях гуманизма, защиты человеческого в человеке и ненависти ко всему, что, по словам советского исследователя Стейнбека Р.Д. Орловой, «уродует человека»². Однако представления о том, что есть добро и зло для человека, что необходимо отстаивать и против чего бороться, у него и советских людей были прямо противоположными.

Кроме того, определенное влияние на позицию Стейнбека в этом вопросе оказывало личное общение и дружба писателя с президентом Джонсоном. Стейнбек во многом разделял мнение президента о событиях во Вьетнаме и о том, что является национальным долгом американцев как защитников демократических принципов во всем мире, а также считал нужным поддерживать его при принятии важных политических решений, несмотря на их критику со стороны общественности. Л.Д. Джонсон в свою очередь не скрывал своей признательности писателю и, например, после прочтения открытого письма Евтушенко президент написал Стейнбеку 12 июля 1966 г.:

Ваши слова сказали то, что я сам пытался сказать, и вы сказали это убедительно и тепло – почему наше дело правое и почему мы должны сражаться, и как мир сможет войти в эту маленькую страну, если агрессор просто от-

¹ *Steinbeck J.* Letters to Alicia: “I wish I could tell you” // *Newsday*. 1967. January 7. P. 2W.

² *Орлова Р.Д.* Деньги против человечности. С. 208.

правится домой. Как обычно, Джон, вы проникли в самую суть дела и это то, что по-настоящему ценно¹.

Немаловажным было и непосредственно личное отношение Стейнбека к этой войне, которая затрагивала весьма уязвимую часть его натуры: оба сына Стейнбека проходили военную службу, причем младший – Джон IV Стейнбек служил непосредственно во Вьетнаме. Поэтому строки Стейнбека о советских орудиях, которыми убивают «американских сыновей», могут быть не очень сильным аргументом с политической, рациональной точки зрения, но выдают личную боль и переживания писателя.

Обозначенные выше причины привели к тому, что, по словам исследователя творчества Стейнбека Т. Хаяши, «поддержка президента Джонсона и его политики американизации войны во Вьетнаме стали для Стейнбека личным, моральным и политическим долгом»².

Наконец, важно отметить, что вьетнамская кампания совпала по времени с очень сложным периодом в жизни писателя, связанным с резким ухудшением здоровья и потерей близких людей (многолетнего издателя и друга Паскаля Ковичи, сестры Мэри, друга и единомышленника Адлая Стивенсона). На это накладывались трудности Стейнбека в творческой сфере, вызванные, не в последнюю очередь, неприятием американской критикой последнего романа писателя «Зима тревоги нашей». Поездка во Вьетнам в качестве военного корреспондента была для Стейнбека возможностью не только вспомнить события двадцатилетней давности, свое участие в боевых действиях в Европе во времена Второй мировой войны, но и писать, высказывать свое мнение о событиях этой кампании, имеющей историческое значение для него и всей страны.

Кроме того, сам формат работы Стейнбека – необходимость писать статьи для периодического издания о том, что происходит в его окружении здесь и сейчас – не позволял автору особенно углубляться в материал, подвергать его рефлексии, поскольку не предполагал наличия времени на его осмысление с разных сторон (этого времени у Стейнбека не будет и после его возвращения на родину, сопровождавшегося быстрым ухудшением его состояния и скорой кончиной). Отсюда же повышен-

¹ *Benson J.J.* The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 994.

² *Hayashi T.* John Steinbeck and the Vietnam War. Muncie, IN: Steinbeck Research Institute, Ball State University, 1986. P. 12. (Steinbeck Monograph Series. Vol.12.)

ное внимание писателя к людям, к различным видам вооружения, зачастую приводившее к желанию опробовать их самолично, и восхищение людьми: солдатами, летчиками, снайперами – профессионалами своего дела, что внешне сильно расходилось с гуманистическими установками Стейнбека (и что сделала основным предметом обсуждения зарубежная левая и советская пресса в 1967 г.).

Несмотря на то, что либеральная американская критика¹, в отличие от советской, не была столь категорична в своей оценке происходящего, во вьетнамских письмах Стейнбека она также вычитывала в первую очередь воинствующий пафос его заметок, оправдание политики Белого дома, ведущего эту войну, и осуждение приверженцев антивоенного движения – «мирников». Исследователи М.Р. Глэдстейн и Дж. Х. Мередит в работе «Джон Стейнбек и трагедия Вьетнамской войны» отмечают, что, будучи другом и единомышленником президента Джонсона и патриотом Америки, верящим в демократию, Стейнбек в своих «письмах к Алисии» демонстрировал на публике непоколебимую веру в правильность выбранного курса, отвращение к коммунизму и необходимость продолжения войны, что закрепило за ним в американской среде определение “hawkish” – ястребиный, воинствующий. Сомнения в нравственной оправданности этой войны, чувство справедливости и сочувствия угнетенным, его любовь к Америке стали предметом его внутренних личных переживаний, изложенных в письмах, адресованных друзьям и близким².

Кроме того, Дж. Бенсон отмечает:

...за исключением атак коммунистических изданий из-за границы, в его собственной стране последовало очень мало реакции во время печати этих писем и даже после. Позднейшие отзывы были по большей части беглыми отсылками к его «провоенной позиции во Вьетнаме» или «ястребиным» взглядам на войну (как, например, в некрологах), а его дружба с Джонсоном стала рассматриваться в качестве предмета насмешки или сожаления, но вновь – очень поверхностно, бегло. Настоящая же горечь, которую породили его отчеты о войне на родине писателя, казалось, чаще всего выражалась лично, иногда друзьями Стейнбека, но гораздо чаще его знакомыми³.

¹ См. напр.: Steinbeck Loses Bet // New York Times. 1967. January 12. P. 2; Steinbeck Up Front // Newsweek. 1967. January 30. P. 71.

² Gladstein M.R., Meredith J.H. John Steinbeck and the Tragedy of the Vietnam War // Steinbeck Review. 2011. Vol. 8. Issue 1. P. 54.

³ Benson J.J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 1009.

Таким образом, следом за американскими исследователями писателя (Джексон Дж. Бенсон, Тетсумаро Хаяши, Мими Р. Глэдстейн и Джеймс Х. Мередит) можно заключить, что позиция Стейнбека в отношении вьетнамской войны была нелинейной, развивающейся на всем протяжении этого конфликта: от попытки обоснования присутствия американских войск во Вьетнаме (как, например, в письме, адресованном Евтушенко), сменившейся его деятельностью в качестве военного корреспондента, находящегося по одну сторону фронта с американскими солдатами, до переосмысления войны в последний год жизни писателя, после получения писем от сына, участвующего в боевых действиях, и начала непосредственной рефлексии над увиденным (см. письмо Стейнбека Э. Отис 31 августа 1967 г.¹). Тем не менее, убеждение Стейнбека в 1966–1967 гг. о необходимости ведения войны во Вьетнаме не только не противоречило его гуманистическим убеждениям, но, напротив, вытекало из них, и в этом отношении было не анти-тезой, предательством идей его романа «Гроздьев гнева» (как о том писалось в советской прессе), но их логичным продолжением.

Стоит отметить, что политические и идеологические разногласия двух писателей – Джона Стейнбека и Евгения Евтушенко не сумели пробить брешь в их личных дружеских отношениях, о чем советский поэт пишет в статье «Выдержанное вино из “Гроздьев гнева”» (2002). В ней он сообщает, что спустя несколько месяцев после обмена письмами в «Литературной газете» и “Newsday” в ноябре 1966 г., когда поэт прибыл в США для выступления на поэтических вечерах в различных городах страны, перед его дебютом в Куинс-колледже два писателя связались друг с другом по телефону. Евтушенко спросил Стейнбека, не обидело ли его летом стихотворение, на что последовал ответ:

– Нет... – ответил он. – Задело, но не обидело. Знаешь, по-моему, в этой истории мы оба не правы – и ты и я. И знаешь в чем? В таких случаях нельзя принимать ничью сторону, потому что обе стороны в чем-то виноваты. Жаль, что я это понял с опозданием. Ты это тоже когда-нибудь поймешь².

По словам Евтушенко, в начале вечера он, во время его представления публике, отыскал глазами Стейнбека, подошел, обнял его и поцеловал руку его жене. После в американской прессе это было представ-

¹ Steinbeck: A Life in Letters. P. 847–849.

² *Евтушенко Е.* Выдержанное вино из «Гроздьев гнева». С. 53.

лено как то, что советский поэт изменил своей антивоенной позиции и просил у Стейнбека прощения за свое стихотворение, что, разумеется, вновь не соответствовало истине. Стейнбек сам написал опровержение в газету, но прежде позвонил Евтушенко. В своей статье поэт приводит слова Стейнбека:

– Eujenio, que cabrones ellos son – estos periodistos¹... – прорычал он по-испански. – Они хотели бы всех нас посорить насмерть, потому что не умеют любить и завидуют всем, кто любит друг друга. Не обращай внимания на эту провокацию. Я сам написал им ответ. Завтра прочтешь. <...> Pero recuerda. Eujenio – quando escribes prosa, hay que usar sobre la silla el culo completo... claro, que juntos con el corazon². Мы тебя ждем с женой в следующий четверг – это твой свободный день. Я хочу тебе прокрутить мой старый фильм «Вива Сапата!» <...> Не забывай ключ из «Книги Джунглей» «Мы одной крови – ты и я...»

Я не забыл этого ключа, Джон³.

Советская пресса о смерти писателя (1967–1968). По словам Дж. Бенсона, произошедшая история сильнейшим образом сказалась на уже ослабленном здоровье писателя, в последние годы перенесшего два сердечных приступа. Позднее Стейнбек писал другу Карлтону А. Шеффилду: «Не понимаю, как я впутался в эту дискусию. Ведь я знаю ничуть не больше, чем все те, кто совершает эти ошибки»⁴.

С 1967 г. в СССР начался очередной виток травли Стейнбека в советской прессе. Писатели и журналисты, знавшие Стейнбека по его нескольким приездам в страну, посвящавшие ему хвалебные отзывы несколько лет тому назад, после ознакомления с его «Письмами к Алисии» мгновенно отреклись от автора «Гроздьев гнева».

В СССР «Письма к Алисии» упоминались и приводились либо в пересказе, либо фрагментарно – в контексте авторских статей, обличавших «перо, отданное Пентагону»⁵, «замаравшее себя в грязи не-

¹ «Какие козлы эти самые «журналисты» (прим. Е.А. Евтушенко). (Там же).

² «Но помни, Eujenio, — когда пишешь прозу, все-таки нужно сидеть на стуле не частью задницы, а полностью... Желательно вместе с душой» (прим. Е.А. Евтушенко). (Там же).

³ Там же.

⁴ Steinbeck: A Life in Letters. P. 852.

⁵ Название получившей широкую известность статьи «Известий». (Кондрашов С. Перо, отданное Пентагону // Известия. 1967. 9 января. С. 5).

справедливой войны»¹. В этот момент на нобелевского лауреата вновь вылились потоки грязи и обвинений в чрезмерной гордыне, тщеславии, жестокосердии, человеконенавистничестве; были даже сравнения с соратниками Гитлера. Например, датский писатель-коммунист Ханс Шерфиг в своей заметке, опубликованной в «Литературной газете», пишет:

Известно: ни один сколько-нибудь значительный немецкий писатель в годы гитлеровской войны не опускался так низко. Не нашлось ни одного выдающегося немецкого литератора, который бы защищал зверства нацистов. Томас Манн занимал совершенно иную позицию, чем Джон Стейнбек².

Статья С. Кондрашова «Перо, отданное Пентагону» фактически представляет собой пасквиль на материалы в “Newsday”, призванный вызвать отторжение у советских читателей:

Кто же автор сих творений, уподобляющий убийц в чужом небе виолончелистам и гордый оттого, что принадлежит к «тем же особям». Имя его Джон Стейнбек. Нет, не однофамилец. Тот самый. 64 лет от роду знаменитый писатель добровольно отправился в Южный Вьетнам, чтобы поставить свое перо и свою репутацию на службу грязной войне. Желанный гость генерала Уэстморленда, он не просто пишет. Стейнбек еще и стреляет. В канун нового года ему позволили пальнуть из 105-миллиметровой гаубицы в расположение партизан под Сайгоном. Он счел это за «большую честь». «Это был гордый момент», – писал он Алисии³.

Украинский писатель Натан Рыбак, с которым Стейнбек дважды встречался в СССР, в своей статье заявил следующее:

Несколько лет назад во время пребывания в Киеве Джон Стейнбек подарил мне книгу с теплым автографом. Теперь я перечитываю слова, написанные его рукой, и содрогаюсь от сознания, что эта же рука выводила недавно строки, оправдывающие американскую напалмовую чуму на вьетнамской земле. Совместимо ли это с пониманием писателем своей ответственности перед человечеством?⁴

¹ Там же.

² Шерфиг Х. 100 строк зарубежного публициста: непредумышленное убийство // Литературная газета. 1967. 11 января. С. 9.

³ Кондрашов С. Перо, отданное Пентагону. С. 5.

⁴ Рыбак Н. Мы в ответе за будущее человечества // Литературная газета. 1967. 7 июня. С. 1.

В целом, на репутации Стейнбека в СССР до конца жизни писателя и еще долго после его смерти стояло клеймо «изменника», предавшего свои гуманистические идеалы времен «Гроздьев гнева». Так, спустя год после смерти писателя А.Б. Чаковский¹ во время публичного выступления на Объединенном пленуме правлений творческих союзов СССР в декабре 1969 г. скажет о нем:

Этот человек в глазах прогрессивных людей мира умер задолго до своей физической смерти, он умер как художник и гражданин, когда полетел на военном самолете во Вьетнам и с удовольствием наблюдал, как летчик бьет пулеметными очередями по мирному населению Вьетнама².

Смерти писателя в СССР была посвящена небольшая заметка в «Литературной газете», написанная Я.Н. Засурским. Свой некролог советский автор со следующего определения: «20 декабря в возрасте шестидесяти шести лет скончался Джон Стейнбек – один из крупнейших и в то же время самых противоречивых американских писателей XX века»³.

Кратко отметив крупные достижения писателя – романы «Гроздьев гнева» (о нем автор статьи сказал, что «никогда больше после этого Стейнбек не достигал такой глубины и силы реалистического искусства»⁴), «Зима тревоги нашей», упомянув присуждение ему Нобелевской премии, Засурский перешел к последним событиям жизни писателя:

К сожалению, Джон Стейнбек далеко не всегда оказывался на высоте ответственности перед человечеством. Его выступления в поддержку агрессии США во Вьетнаме не только перечеркнули его гражданскую репутацию, оттолкнули от него читателей, но и губительно отразились на его литературном таланте. В последние годы он не создал сколько-нибудь значительных произведений⁵.

Вердикт, вынесенный американскому классику советским критиком, а вместе с ним и всей советской литературной общественностью, был следующим:

¹ Чаковский Александр Борисович — советский писатель, журналист, главный редактор журнала «Иностранная литература» (1955–1963), «Литературной газеты» (1962–1988). Неоднократно встречался со Стейнбеком во время его приезда в СССР в 1963 г.

² Выступление Александра Чаковского // Литературная газета. 1969. 17 декабря. С. 4.

³ Засурский Я. Умер Стейнбек // Литературная газета. 1968. 25 декабря. С. 9.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Джон Стейнбек останется в истории американской литературы как художник большого масштаба, и вместе с тем как человек, который в напряженный момент борьбы очутился по ту сторону баррикады, попытавшись защитить неправое дело¹.

Возвращение Стейнбека к советскому читателю состоялось спустя почти двадцать лет после смерти писателя – на рубеже 1970–1980-х гг. Тогда один за другим стали выходить переиздания его книг: «Квартал Тортилья-Флэт» и «Жемчужина» (1977), избранные произведения в двух томах (1981, 1988), сборник писем Стейнбека «Посмотрим правде в глаза» (1985), «Гроздь гнева» и «Зима тревоги нашей», (1987, 1988), шеститомное собрание сочинений (1989) и «Русский дневник» (1989).

В XXI веке в России были опубликованы остальные художественные произведения Стейнбека: «Неведомому Богу» (2000), «Короткое правление Пипина IV» (2004), а также его последний неоконченный роман – «Легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола» (2010).

Литература

- Мендельсон М.О. Современный американский роман. М.: Наука, 1964.
Федоров А.А. Джон Стейнбек. М.: Высшая школа, 1965.

References

- Benson J.J. "Through a Political Glass, Darkly: The Example of John Steinbeck." *Studies in American Fiction* 12:1 (Spring 1984): 45-59.
- Benson J.J. *The True Adventures of John Steinbeck, Writer: A Biography*. New York: Viking, 1984.
- Bridges P. "A Note on Steinbeck's 1963 Visit to the Soviet Union." *Steinbeck Review* 4: 1 (Spring 2007): 81–93.
- Fedorov A.A. *John Steinbeck*. Moscow: Vysshaja shkola publ., 1965. (In Russ.)
- Hayashi T. *John Steinbeck and the Vietnam War*. Muncie, IN: Steinbeck Research Institute, Ball State University, 1986. (Steinbeck Monograph Series, vol.12).
- Gladstein M.R., Meredith J.H. "John Steinbeck and the Tragedy of the Vietnam War." *Steinbeck Review* 8: 1 (2011): 39–56.
- Mendel'son M.O. *Sovremennyj amerikanskij roman*. [Contemporary American Novel]. Moscow: NaukaPubl., 1964:269–348. (In Russ.)
- Steinbeck: A Life in Letters*, eds E. Steinbeck, R. Wallsten. New York: Viking, 1975.

¹ Там же.

ДЖОН СТЕЙНБЕК И СССР (1961–1968).

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

**Интервью Джона Стейнбека западногерманской газете
“Die Welt”**

**(Из реферативных материалов
Иностранной комиссии Союза советских писателей)
март 1961**

В интервью корреспонденту западногерманской газеты «Ди Вельт» (10.01.1961) Джон Стейнбек резко отозвался о деятельности правительства Эйзенхауэра, которое он считает ответственным за то, что «великие достижения и великое наследие американского прошлого» были забыты его соотечественниками. «Американцы возвели глупость и легкомыслие в общественный принцип», – заявил Стейнбек.

«В 20-е и 30-е годы, – продолжал писатель, – только в Европе бедность считалась преступлением. В Сан-Франциско все было иначе... В то время, если у человека были чистые ногти, начищенные до блеска ботинки и серебряный доллар в кармане, – он чувствовал себя хозяином мира». Именно к этому периоду, – пишет корреспондент «Ди Вельт», – относятся репортажи Стейнбека в газете «Сан-Франциско Ньюс». Писатель до сих пор не может забыть о массах погибших от голода людей. «Не так давно, – сказал Стейнбек, – когда я был в Лондоне, одна англичанка немецкого происхождения задала мне глубокомысленно звучащий вопрос: почему мы, американцы, в своем творчестве постоянно обращаемся к своему детству, пишем о прошлом, живем одними лишь воспоминаниями и никогда не обращаемся к настоящему. Вопрос этот не выходил у меня из головы до тех пор, пока я не разобрался в причинах того, чем это вызвано: дело в том, что писатель недостаточно всеведущ для того, чтобы сразу обращаться к современности, а тем более к тому, что происходит сегодня».

«Тем не менее, – пишет корреспондент «Ди Вельт», – Стейнбек взялся за новый роман, в котором решил идти в ногу со временем. Работа над этим романом в 500 страниц завершена, и он выйдет в бли-

жайшее время в Нью-Йорке. Роман этот, озаглавленный «Зима нашего недовольства», по своей форме и концепции представляет значительное произведение. «Работу над этой книгой я начал весной 1960 г., – говорит Стейнбек. – Поначалу я предполагал написать 6000 слов, но когда 9 июля 1960 г. работа была завершена, выяснилось, что рукопись моя состоит из 150 тысяч слов. Время действия романа относится к периоду работы над рукописью – от первого до последнего дня. Какова же тема и содержание романа? Аморальность». «По определению Стейнбека, – пишет корреспондент, – этот термин означает примерно следующее: стремление получить от жизни больше, чем желание дать ей». «В этом мире, – говорит писатель, – никому не дано уцелеть только лишь путем уступок, стремлением к комфорту и самоудовлетворению. Это относится и к отдельной личности, и к группе лиц, и к целой нации. А мы, американцы, намерены отказаться от нашей лучшей и старой традиции – от стремления совершать поступки по внутреннему побуждению, от стремления делать что-то во имя жизни. Но как только человек утрачивает жизнеспособность, он вычеркивается из жизни и созревает для гибели...». «Поймите меня правильно, – продолжал Стейнбек, – в сущности своей люди не аморальны. Они хотели бы оставаться безукоризненно моральными. Но такое стремление требует смелости, которая должна проявляться в необходимый материал.

Вспомните о Хемингуэе, повествующем о бое быков. Герой Хемингуэя удивительно смел на арене. Но за ее пределами у него не хватает храбрости выступить, например, против Франко. Я очень люблю бой быков. Но что остается на арене после боя? Четыре убитых быка...». «Боже мой!» – воскликнул Стейнбек... «Что за писатель этот Хемингуэй! Хотелось бы только, чтобы он был более народным писателем. Для него недостаточно писать лишь об одних сражениях с быками».

Стейнбек рассказал далее корреспондентам, что его заинтересовали средневековые легенды о короле Артуре. Стейнбек изучил средневековую латынь, старофранцузский и англо-саксонский диалекты и намерен в самое ближайшее время заняться обработкой этих старых легенд, которые из-за своей эротической откровенности до сих пор не могли увидеть света в Америке.

«...Героический образ Артура, – сказал Стейнбек интервьюеру, – это не английская монополия. Каждый народ имеет своего Артура. Он рождает его, когда ему приходится сталкиваться с трудностями. Аме-

риканский король Артур должен вот-вот появиться на свет, потому что в данный момент он необходим народу...».

Корреспондент заявляет, что Стейнбек исполнен решимости напомнить людям и, прежде всего, своим американским соотечественникам о гуманизме; он стремится разъяснить Америке, стоящей на пороге нового десятилетия, что культура представляет собой собрание человеческих достижений. Или, – как выразился писатель, – напомнить им о том, что «жизнь может периодически наносить удары смерти, если ей окажут некоторую помощь».

* * *

Журнал «Ньюс-уик» (13.02.61) анонсирует выход нового романа Джона Стейнбека «Зима нашего недовольства» (“The Winter of our Discontent”). Книга выходит в издательстве Викинг, а также будет публиковаться у Макколла и в журнале «Ридерз Дайжест». Все предыдущие произведения Стейнбека, в которых изображались главным образом угнетенные, в свое время предлагались вниманию журналов, но ни одно из них не было принято к печати (кроме книжных изданий). Роман «Зима нашего недовольства» не идет на компромисс с жизнью, – сказал Стейнбек. По словам литературного агента Стейнбека, «в этом романе изображены «простые люди» – бакалейщик с Лонг-Айленда и его семья».

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр.4101. Л. 5–8.

Слово о Стейнбеке. Статья. 1963 г. (неустановленный автор)

Когда о большом писателе, которому пошел седьмой десяток, говорят – и говорят вполне искренне и обоснованно, – что он переживает новую творческую молодость, это должно радовать не только его одного. Это радостно для всех, кто находит в искусстве источник светлейшего эстетического наслаждения, для всех, кто видит в литературе драгоценнейшее средство углубленного познания жизни.

Можно с полным правом сказать, что такую творческую молодость переживает Джон Эрнст Стейнбек. В этом году мы прочитали его новейший роман – «Зима тревоги нашей». И книга эта пленила нас

значительностью и прозрачной ясностью воплощенной в ней мысли, последовательностью писателя в осуществлении своего замысла, соответствии формы – грациозной, изящной, своеобразной, а вместе с тем очень точной и выразительной – большой идее произведения.

Перед нами – и это уже успели оценить десятки тысяч советских читателей – создание художника, полного сил, художника смелого, блестящего.

Можем ли мы, однако, просто сказать, что вот де Стейнбек порадовал нас своей очередной талантливой и интересной книгой. Нет, творческий путь Стейнбека, к сожалению, не позволяет воспользоваться такой привычной, легкой и удобной формулой. Это путь очень трудный, очень сложный, отличающийся крутыми поворотами – в разные стороны.

В самом деле, роман «Зима тревоги нашей» впервые появился в прошлом году. Но буквально несколькими месяцами раньше, в том же самом 1961 году, автор новейшей монографии о Стейнбеке американский литературовед Уоррен Френч в смятении вопрошал: «Что случилось с Джоном Стейнбеком?» Френча волновало то, что романы писателя, написанные после Второй мировой войны, не шли ни в какое сравнение с его довоенными книгами. Исследователя тревожила проблема – почему же во второй половине 50-х годов Стейнбек не издал почти ни одного нового художественного произведения?

В американском литературоведении вообще наметилась тенденция – исключить Стейнбека из числа сколько-нибудь серьезных писателей современности. Характеризуя отношение американских профессиональных ценителей литературы к этому романисту, как оно сложилось к началу 60-х годов, уже упомянутый Френч отмечал: «В современной критике Джон Стейнбек не моден»...

Что ж, не будем отрицать, проблема упадка творчества Стейнбека в 40-х и 50-х годах – это проблема вполне реальная.

Однако после появления романа «Зима тревоги нашей» возникла и другая проблема: чем же объяснить новый взлет писателя после многих неудач, после долгих лет творческого «прозябания»?

Что теперь случилось с Джоном Стейнбеком?

Вопрос, прозвучавший дважды, тем более интересен и важен, что литературная судьба автора «Зимы тревоги нашей» не является исключительной. Кое-что более или менее сходное происходило и происходит и с некоторыми другими американскими прозаиками. Писательский путь Стейнбека в какой-то мере показателен, в нем есть что-то типичное.

Джон Стейнбек всего на три года моложе Хемингуэя, но он принадлежит как будто к совсем другому, более позднему литературному поколению. Если над ранними, а в известной мере и более поздними книгами Хемингуэя лежит кровавый отблеск Первой мировой войны, то душа Стейнбека была по-настоящему разбужена к творчеству лишь событиями 30-х годов, периода экономического кризиса – самого важного по своему значению и по своим последствиям в истории США.

Путь Стейнбека к его шедевру – роману «Гроздья гнева» не был особенно длинным. Сборник рассказов «Райские пастбища», которым, по сути дела, дебютировал писатель в литературе, появился всего за семь лет до этой книги. Смысл «Райских пастбищ» в давно знакомом по литературе романтизму противопоставлении прекрасной природы мрачной участи человека. Вместе с тем, в этих рассказах ощущалось какое-то удивительно свежее восприятие природы и людей, порожденное, без сомнения, органической близостью писателю тружеников земли. В ряде новелл возникают реалистические и пронизанные щемящей болью образы фермеров, которым, в конечном счете, мешают жить их собственнические инстинкты. Подлинного мастерства достигает Стейнбек в следующем своем цикле новелл «Рыжий пони». Ясным и поэтическим при всей своей простоте языком поведал писатель о духовном созревании совсем юного мальчика Джоди.

Вслед за повестью «Квартал Тортилла», этой комической сказкой о лишенных собственности, а потому добрых и даже счастливых бродягах, Стейнбек создал роман «В битве с исходом сомнительным». В этой книге он впервые вводит читателя в самую гущу классовых столкновений, столь характерных для 30-х годов. Роман противоречив – это бесспорно. Облик народа-бунтаря и влечет автора и пугает его.

О той двойственности, которая все же была присуща Стейнбеку, сказала его книга «О мышах и людях». Тяга к гуманности получила в этом романе выражение странное, в какой-то мере даже извращенное на модернистский лад. Самым добрым человеком, более всего заслуживающим любви, ярчайшим воплощением влечения простых людей к счастью изображен здесь дегенерат, вовсе лишенный разума.

А следующим романом Стейнбека были «Гроздья гнева».

В американской литературе XX века не так-то уж много романов, в которых жизнь и духовные устремления народа были бы воплощены с такой полнотой и силой, как в этой великолепной книге. С пронизательностью и точностью, которые заставляют вспомнить Бальзака

и соотечественника Стейнбека – Драйзера, писатель выявляет реальные жизненные обстоятельства, которые превратили героев романа – фермеров Джоудов в бездомных бродяг. И Джоуды – живые люди, в их жилах течет настоящая кровь, их поступки, каждое их слово, каждое движение души естественны, понятны, реальны.

«Гроздь гнева» – произведение эпической широты. Перед нами облик Америки, потрясенной до самого основания. Отчетливее, чем когда-либо раньше, выражает писатель коренную противоположность интересов «холеных пальцев», с одной стороны, и пальцев «заскорузлых», с другой. Его внимание приковывает коренной конфликт – конфликт людей достойных, хороших, любящих труд, с теми, кто дышит не воздухом, а «прибылью».

В центре романа американцы, в душах которых «наливаются и зреют гроздь гнева». Это люди интересные, яркие, полные человеческого обаяния. Таков Том, который, в конце концов, открыто признает себя «бунтовщиком», таков проповедник Кейси. Но жемчужина романа – образ матери, человека «чистой душевной красоты». Создав этот образ, Стейнбек впервые, пожалуй, предстал перед читателями, как художник мирового значения, как сердцевед, способный обнаружить в простом человеке неисчерпаемое душевное богатство. В этой женщине есть доброта и внутренняя стойкость, настоящая человечность и умение выстоять под самыми тяжелыми ударами судьбы, материнская мягкость и героическое начало. «Ма» без остатка отдает себя семье, но, когда обстоятельства того потребовали, высоко поднимается над уровнем узкосемейных интересов. В конце романа она прощается с сыном, может быть, навсегда, благословляя его на борьбу совместно со всеми обездоленными людьми Америки.

Величие книги, в частности, в том, что в ней с неоспоримой достоверностью и почти уитменовской выразительностью воплощен переход таких американцев, как фермеры Джоуды, от индивидуалистического сознания к сознанию более высокому. Тяжкие испытания порождают в сердцах героев романа незнакомую им раньше жажду совместной борьбы, солидарности с другими людьми труда. Мотив тяги к единению звучит все громче. И именно переход в сознании трудящихся от «я» к «мы», дает понять писатель, представляет самую страшную угрозу для стяжателей.

Воплощенный в романе «Гроздь гнева» бунтарский дух и опоэтизированное писателем эмоциональное влечение простых людей к кол-

лективизму отразили богатый опыт борьбы, приобретенный американскими трудящимися в 30-е годы.

Казалось, теперь можно было ожидать от Стейнбека дальнейшего углубления его реалистического мастерства – ведь герои книги, как не могли не почувствовать читатели, находились в самом начале стремительного пути. Перед ними открывались самые широкие дали...

Вышло, однако, так, что автор этого романа резко оборвал свое поступательное движение. Это не было случайностью. Рубеж 30-х и 40-х годов – один из самых трудных, чреватых противоречиями и резкими срывами моментов в истории новейшей американской литературы.

Вставшие на самом пороге Второй мировой войны сложнейшие проблемы международной жизни вызвали у многих американских писателей явную растерянность. Об этом говорит хотя бы опыт Хемингуэя. Сразу же после опубликования «Гроздьев гнева» Стейнбек почувствовал себя выбитым из колеи. В книге «Море Кортеса», которую писатель издал в 1941 году, Стейнбек пытается обнаружить «корни» войны, а также поведения людей вообще в якобы извечной биологической природе человека.

В повести «Луна зашла», написанной почти в самом начале войны с гитлеровской Германией, выражена ненависть к нацистским захватчикам чужой земли. Но в его дальнейшем творчестве военных лет ощущается желание уйти от тяжелых мыслей и проблем современности. Повесть «Консервный ряд», опубликованная в конце войны, говорила о дальнейшем углублении внутреннего кризиса писателя. Стейнбек сохраняет брезгливо-неприятное отношение к своекорыстным людям, в книге прославляется этакий «босяцкий гедонизм». О силе отвращения Стейнбека к стяжателям сказала его повесть-притча «Жемчужина». В обществе, отравленном ядом денег, прекрасная жемчужина приносит обнаружившему ее простому мексиканцу только несчастья.

Мы подошли теперь к одному из самых сложных и трудных периодов в истории американской литературы нашего столетия. Идеинный подъем, испытанный американским народом в годы борьбы антигитлеровской коалиции против фашистских стран, оказал на некоторых писателей США благотворное влияние. Но нельзя недооценивать пагубного воздействия на литературу нравственного климата, воцарившегося за океаном после 1945 года.

Положение, в которое были поставлены вскоре после войны передовые деятели искусства, выразительно охарактеризовал как-то Чарли

Чаплин, сказавший, что ныне в США «стоит сойти с тротуара левой ногой, чтоб тебя обвинили в коммунизме».

К сожалению, приходится сказать, что все это наложило свой отпечаток на ряд послевоенных произведений Стейнбека.

Первый большой послевоенный роман Стейнбека «Заблудившийся автобус» как будто бы свидетельствовал об осознании им остроты морального кризиса, который переживает современная Америка. Роман представляет собою явное иносказание. Автобус, застрявший в грязи, о котором рассказывает автор, – это, конечно, вся страна; каждый из находящихся в машине пассажиров воплощает какую-то часть населения США. Привлекательными этих людей не назовешь. В образах бизнесмена Притчарда и его жены есть что-то идущее от сатирических традиций Синклера Льюиса. Но вскоре выясняется, что в каждом из пассажиров автобуса писателем выявлена и выпячена какая-нибудь пошлая, грязная, отвратительная черта. На передний план все чаще выходит физиологическое, притупляя социальное острие сатиры.

В романе есть яркие страницы. Однако углубляясь в него, все сильнее сопротивляешься художественной логике произведения.

Лишив единственного персонажа книги, в котором есть нечто привлекательное, – водителя автобуса Хуана, чувства морального превосходства над другими героями, Стейнбек подсказывает читателям вывод, что нужно принимать действительность такой, как она есть, не споря с ней, не сопротивляясь.

В последующих романах Стейнбека все заметнее дает себя знать желание абстрагироваться от «внешней» социальной действительности, чтобы углубиться в сферы якобы автономных внутренних столкновений. Над объемистым романом «К востоку от рая» писатель работал несколько лет. Книга создана опытным мастером слова, в ней есть хорошие главы, в основе которых история собственной семьи Стейнбека. И все же стремление говорить о «зле жизни» абстрактно обескровило и эту книгу, придав ей несмыслимую окраску нарочитости, искусственности, в конечном счете, приведя писателя к неудаче, которую он болезненно переживал.

В «Благостном четверге» (1954) встречается уже хорошо знакомое нам противопоставление добрых, бескорыстных бездельников – бродяг и чудаков – скверному миру «разумных», «цивилизованных» буржуазных людей. Но главное в романе – сентиментально-утешительные мотивы.

Трудно, разумеется, сколько-нибудь точно определить момент, когда в творчестве Стейнбека наметился новый перелом – на этот раз к лучшему. Но обращает на себя внимание уже то обстоятельство, что после «Благодного четверга» писатель необычно долгое время почти не выступал как романист. Ведь его повесть «Короткое царствование короля Пиппина IV» (1957) была на самом деле лишь беллетризованным памфлетом. В повести выражена озабоченность судьбами демократии в США. Но автор рассказывает заведомо условную историю рядового человека, который случайно стал королем... Франции, но лишился трона, как только попробовал осуществить самые скромные демократические реформы.

Книга «Когда-то была война», с которой Стейнбек выступил год спустя, казалось, представляла собою лишь запоздалый отклик на события давно минувшего времени. Писатель впервые собрал в ней свои корреспонденции военных лет. Но сборник обращен не в прошлое, а к современности. Стейнбек говорит о пережитом в годы Второй мировой войны, для того, чтобы предупредить об опасности новой, куда более разрушительной войны – войны атомной. Нужно напомнить людям, что такое война, чтобы подобное «кровавое сумасбродство» не повторилось. Ведь «следующая война, если мы столь глупы, что позволим ей разразиться, вообще будет последней войной какого бы то ни было характера».

Здесь-то, пожалуй, и надо искать первопричины того сдвига в мироощущении Стейнбека, который сказался в середине 50-х годов. Опасение, что надвигается новая война, грозящая американцам и всему миру уничтожением, заставило писателя встрепенуться, встревожено приглядеться к окружающей действительности.

К этому времени относится небольшое эссе Стейнбека о детях с их естественным интересом к межпланетным путешествиям – на поверку это произведение оказывается злым антивоенным памфлетом. Писатель обличает деятелей, «глупости» которых несут человечеству гибель. С грустной иронией он говорит о «нашей планете», которая «сумела расщепить атом, но... не в состоянии усвоить правила общежития». Перед людьми, предупреждает Стейнбек, открывается страшная перспектива – «рычать, как псы, над разграбленной землей».

Писатель все пристальнее присматривается к положению дел и внутри Соединенных Штатов Америки. На рубеже 50-х и 60-х годов Стейнбек все чаще повторяет мысль об упадке моральных устоев в Аме-

рике. В беседе с корреспондентом одной английской газеты Стейнбек сказал не столь давно: «... Меня беспокоит циничная безнравственность моей страны. Я не думаю, что это может долго продолжаться, и мы погибнем, если не произойдет что-либо сверхнепредвиденное». Стейнбек чувствует, конечно, что он не единственный американец, встревоженный положением дел на его родине. Вернувшись из поездки в Европу летом 1960 года, писатель признался: «Я и не знал, что беспокойство (в США. – М.М.) так широко распространено».

Нет нужды доказывать, что новейшая стейнбековская публицистика порождена не случайными факторами субъективного порядка. Снова, как в 30-х годах, писатель с сейсмографической чуткостью уловил настроения и тенденции, возникающие в самых глубинах американского общества.

Рост антивоенных настроений во всем мире, и, в частности, в США, новая волна выступлений за демократические права, за равноправие негров – все это помогает будить гражданское сознание Стейнбека, его творческое воображение.

Статьи, беседы, очерки, памфлеты, с которыми писатель выступил на протяжении ряда последних лет, внушали надежду, что новые его чувства и мысли найдут выражение также в художественной прозе. Роман «Зима тревоги нашей» показал, что ожидания искренних друзей дарования американского писателя не были обмануты. Стейнбек вернулся в мир вполне реальных людей, мир понятный, убедительный и полный огромного значения. Автором нового романа владеет чувство обоснованного и творчески плодотворного беспокойства за судьбы родной страны и всего человечества, он исполнен серьезных и живящих раздумий о современности.

«Зима тревоги нашей» – психологический роман. Вместе с тем основа его сатирическая. И в этом оправданность сложнейшего, очень остроумно построенного сюжета, помогающего все время держать читателя в напряжении. В книге есть много неожиданных поворотов, и главный из них заключается в том, что важнейшие герои совсем не таковы, какими мы их себе первоначально представляли.

Место действия романа Нью-Бэйтаун – красивый приморский городок с исполинскими вязами на просторных и чистых улицах. Это не экзотический Монтерей, где живут полуголодные мексиканцы, о котором так часто повествовал Стейнбек в прошлом. Главный персонаж новой книги Стейнбека Итен Хоули проживает в хорошем старинном

доме, неподалеку от радующего его сердце океана. Когда мы впервые знакомимся с Хоули, сияет солнце, и Стейнбек с характерным для лучших его книг превосходным чувством природы немногословно и поэтично запечатлевает прелесть ранней весны, когда день «весь зеленый, голубой, золотистый». Живым, теплым зеркалом незамутненной чистоты весеннего мира представляются главному персонажу романа и души самых близких ему людей – жены, сына, дочери. Мэри – эта «милая, трогательная, розовая и душистая девочка», став матерью двоих детей, как будто не утратила своего девичьего очарования. А дети Эллен и Аллен – здоровые, добрые подростки.

Но светлый этот мирок развенчивается. Он постепенно рушится, разваливается до основания. Сын главного персонажа книги совершает жульнический поступок, а дочь, которая как будто живет романтической мечтой, с холодной расчетливостью доносит на родного брата. Безоглядно любимая нашим героем нежная, беспомощная Мэри, в конце концов, предстает перед читателем воплощением эгоизма. Ведь она, по выражению одного из действующих лиц, «кремень». Да и Хоули предает доверившегося ему итальянца Марулло, толкает на гибель своего лучшего друга Денни, разрабатывает план вооруженного грабежа и только в силу случайности его не осуществляет. Таковы основные вехи, определяющие общее движение романа.

Важнейшей особенностью книги является то, что при всей своей подспудной сатиричности основные ее образы оказываются психологически богатыми, сложными, трехмерными. Ни Хоули, ни Марулло, под своекорыстием и цинизмом которого скрывается жажда честности, жажда веры в человека, ни трагически одинокая Мардж, которая первоначально кажется просто распутной и хитрой женщиной, ни Эллен ее чарующей любовью к жизни не похожи на тех безжизненно-застывших персонажей, с какой-то раз навсегда утвердившейся гротескной гримасой на лице, которых так много в «Заблудившемся автобусе», например, они дышат, меняются, растут или никнут.

Именно потому, что в центре романа человек, по природе своей достойный, воспитанный в высоких понятиях, искренний, страдающий, его судьба предстает перед нами, как судьба трагическая, а падение Хоули воспринимается как социальная драма. Это и благородная личность, мучительно переживающая гибель своих иллюзий, а особенно – грехопадение детей. Это и неразоблаченный преступник (сколько сатирического содержания скрыто в самом факте безнаказанности самых

скверных его деяний). Образ Хоули двойственен не только по существу морального облика этого персонажа, но и по своей художественной природе. Во всяком случае, совершенно ясно одно – Хоули является жертвой того общества, в котором живет. И он наделен достаточной силой интеллекта (не очень-то часто мы встречались с такими героями в послевоенных книгах Стейнбека), чтобы пожелать разобраться в том, что творится на свете, и суметь это сделать.

Чуть ли не идиллический, на первый взгляд, Нью-Бэйтаун, городок оказывается на самом деле моральным болотом. Неутолимое влечение к деньгам, этакая одержимость деньгами, лишают людей истинно человеческого. Ведь «деньги не имеют не только души, у них нет ни чести, ни памяти».

Очень тонко, исподволь, едва заметными штрихами рисует Стейнбек, как господствующие представления о жизни морально калечат, уродуют членов семьи Хоули. Приходит час, и Эллен с Алленом с откровенной жестокостью дают понять отцу, что они не намерены мириться с нехваткой денег, которая стала уделом семьи. Влечение к богатству растлевает самого Хоули, хотя еще недавно он был свободен от этого наваждения.

В «Зиме тревоги нашей» суд над обществом вершит герой романа. Разумеется, богатство его раздумий, а также сокрушительная сила иронии, пронизывающей этот образ и весь роман (надо добавить, что стейнбековская ирония далеко не сразу раскрывается перед читателем), отражают богатство мысли самого художника.

Хоули волнует вопрос о традициях, на которых возникло в современной Америке неудержимое влечение к деньгам. И автор не склонен сколько-нибудь идеализировать «добрую, старую Америку». Один из важнейших мотивов романа – мотив бесчестности способов, которыми наживали свои состояния основоположники некоторых из самых уважаемых семейств в стране. Переходя к современности, автор и его герой обнаруживают еще больше мрачного. В городке мошенник сидит на мошеннике. Жульничают нынешние «отцы города», а хищники покрупнее готовятся вышвырнуть их вон, чтобы, возведя «на трон прогресс», выкачать из округа такие капиталы, какие пиратам прошлого и не снились.

Тема духовного (а то и физического) уничтожения людей «Великим Богом Чистогана» возникла еще в самых ранних произведениях Стейнбека. Она с огромной силой вплетается в симфонию «Гроздьев гнева», четко очерчивается в «Жемчужине», возникает хотя бы в виде каких-

нибудь мелких и капризных завитков и в первых послевоенных книгах писателя. В новом своем романе он не просто ее варьирует. «Зима тревоги нашей» произведение, которое заставляет думать и думать.

В романе порою звучит вопль отчаяния. И все же, как ни мрачны нарисованные писателем картины, книга не внушает чувства безнадежности.

Да, в основе романа этическая проблема. Но как нечто оправданное и неизбежное воспринимаешь обращение автора и к теме войны.

Итен Хоули озабочен тем, что над Америкой летают реактивные самолеты, которые «созданы, чтобы сеять смерть». В его теле «гнездится» страх перед смертью, которая «в один прекрасный день» может «грибовидными облаками встать над землей». Здесь голос Хоули это, безусловно, голос самого писателя, а вместе с тем голос миллионов его соотечественников.

«Зима тревоги нашей» – явление показательное во многих отношениях, в частности в плане литературном. Этот роман не только новая страница в творчестве Стейнбека, но и еще одно звено в цепи фактов, говорящих об известном укреплении в самое последнее время реалистических тенденций в литературе США.

Общая картина современной американской литературной жизни чрезвычайно сложна, изобилует противоречиями, чревата неожиданностями. А все же нельзя не видеть, что последние годы ознаменовались появлением в США – наряду с романом Стейнбека – и других произведений, говорящих об известных положительных сдвигах в литературе страны. Это книги разного характера и значения. Есть среди них несколько романов левых писателей, например, Марзани и Боносского. Выходят в свет новые произведения критического реализма – Аппела, Дж. Грина, Херси и др. авторов. Следы добрых веяний можно уловить и в новейшем романе У. Фолкнера «Особняк». Автор этой книги в какой-то мере преодолел иные из своих реакционных предрассудков. Новый поворот в сторону реализма наметился как будто в творчестве Колдуэлла.

Хочется верить, что роман «Зима тревоги нашей» – это залог новых творческих успехов как самого Стейнбека, так и других американских писателей реалистического направления.

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4345. Л. 1–15. Предположительно, автором статьи является М.О. Мендельсон.

К. Вишневецкий **Разговаривая со Стейнбеком**

Он ходил по редакции, высокий, тяжело опираясь на черную в сучках палку. Прищулив один глаз, внимательно вглядывался в лица собеседников. Говорил:

– Я рад быть здесь, среди журналистов. Я чувствую себя среди своих, равных мне людей. Ведь я сам долгое время работал в газете. Мальчишкой стоял у наборного стола. Таких, как я, подручных наборщиков, называют у нас «чертями», может быть, потому, что мы всегда испачканы в черной краске.

С газетами Стейнбек был связан не только в детстве. В течение всей своей теперь уже долгой (ему 61 год) жизни он поддерживает связь с прессой, часто пишет для газет и журналов. Во время войны он не мог оставаться дома «в безопасной Америке». Он садится на борт переполненного военного транспорта и отправляется в Европу. Его видят на военных базах, в ангарах аэродромов. Он сидит с солдатами в лондонских погребах во время тяжелых налетов гитлеровской авиации. Затем Стейнбек отправляется на «новые фронты» в Северную Африку, высаживается с десантом в Сицилии, проходит Италию. И пишет, пишет... Его статьи, появившиеся в свое время в газете «Нью-Йорк Геральд Трибюн», позже выходят отдельной книгой, которую Стейнбек назвал «Однажды была война». Идея книги, как сам он говорит, напомнить людям о том, что было, «чтобы люди не повторяли этой громадной трагической ошибки». «Нашу гражданскую войну называли последней из «джентельменских войн», Вторая мировая, – конечно, последняя из глобальных битв. Следующая война, если мы будем так глупы и допустим ее, будет вообще последней. Некому будет что-либо помнить...», – пишет Стейнбек в предисловии к своим военным репортажам.

И сейчас, когда разговариваешь с писателем, чувствуешь, что, если и есть что-либо для него наиболее ненавистное, так это война.

Стейнбек горячо выступает за разоружение, за ликвидацию страха, презрительно говорит об американской доктрине «равновесия страха».

– Самое опасное – это страх! – говорит он. – Я не видел ни одного с ног до головы вооруженного человека, который бы в душе не трясся от страха. Страх заставляет нас вооружаться. Страх должен быть ликвидирован. С ним можно бороться, лишь устанавливая контакты, добываясь взаимопонимания.

– Если задумаешься над тем, что разделяет американцев и русских и что их объединяет, то можно прийти лишь к единственно правильно-му выводу: мы более схожи, чем различны. Вот об этом надо говорить, об этом надо писать, это надо утверждать.

О своей стране Стейнбек говорит проникновенно. Чувствуется, что он любит свой народ, знает его. Часто писатель оставляет свой дом и путешествует по стране, чтобы, как он выражается, не забыть ее. Последнее его путешествие, которое он совершил на машине со своей любимой собакой Чарли, родило замечательную книгу «Путешествие с Чарли».

– Недавно Чарли умер, – говорит он. И на лице его отражается глубокая грусть.

Настроение Стейнбека часто меняется. То он весело смеется, то он грустит, то с гневом говорит о ненавистных ему вещах. Автор одной из наиболее мужественных книг современности – «Гроздья гнева» не может сегодня спокойно рассказывать о великом позоре Америки – расовой дискриминации.

– У нас сейчас происходит революция, – говорит он. – Негритянская революция. Я бы хотел, чтобы вы увидели кадры кинохроники – лица участников Марша свободы, лица людей, которые пришли в Вашингтон, добиваясь прав, добиваясь свободы. Это поразительное зрелище, это революция.

– Каждая система (государственная, я имею в виду) не остается без изменения, особенно в наше время. И американцы уже не те, и Америка теперь не та. Однажды меня спросили, – рассказывает Стейнбек, – верю ли я в будущее Америки. И как тогда, я сейчас отвечаю: если бы я не верил в будущее Америки, я бы перерезал себе горло.

Конечно, разговаривая со Стейнбеком, мы задавали ему много вопросов о его творчестве, о литературной жизни США, о его планах. О себе Стейнбек предпочитает говорить как можно меньше, особенно о своих планах.

– Я пишу, – говорит он, – для меня это подобно дыханию. Поэтому очень трудно сказать, как я дышу, почему я дышу и для чего. Один из ваших писателей спросил меня однажды: в чем смысл жизни? Мне трудно было ответить на этот вопрос, и я мог сказать лишь одно: когда я голоден, я живу, чтобы есть, когда я хочу пить – для того, чтобы утолить жажду. Когда я хочу сказать что-то людям – для того, чтобы написать книгу.

Стейнбек написал более тридцати книг. Его романы, рассказы, очерки, конечно, различны по тематике и силе. Были и неудачи. Например, до сих пор Стейнбек не может себе простить своей первой книги.

– В то время я жил в горах, – рассказывает он. – Сторожил ферму. Работы было мало, времени было много. Я стал писать. Книга получилась плохая. Но, к сожалению, она была опубликована, и до сих пор остается плохой.

Критики считают, что пятидесятые годы были наиболее неудачными в писательской жизни Стейнбека. Исследователь его творчества П. Лиска утверждает, что это связано со смертью ближайшего друга Стейнбека и его соавтора Эдуарда Рикетта, с которым Стейнбек написал одну из своих любимейших книг «Море Кортеза» (1941 г.). Талантливый биолог Рикеттс имел большое влияние на Стейнбека. Создав свою теорию бес-связности явлений жизни, Рикеттс заставил на какое-то время Стейнбека принять сумму своих взглядов, что отразилось на некоторых из романов Стейнбека. Однако другие критики, особенно в последнее время, опровергают Лиска, считая, что полоса неудач Стейнбека 50-х годов объясняется другим, а именно временем разгула реакции в США, крушением многих так называемых «американских идеалов». В это время особенно заметно поднимает голову американская реакция, активизируется фашизм.

– У нас в Америке, – говорит Стейнбек, – всегда существовала угроза фашизма. Реакция всегда гнездилась в сердце нашей страны, с самого начала, с первых дней после революции. Достаточно сказать, что у нас был Маккарти. Вы, конечно, знаете о нем.

И вот тут Стейнбек высказывает мысль, одну из тех, с которой мы, внимательно слушая его и любя его как писателя, не можем согласиться. Он говорит, что наличие реакции чуть ли не необходимо для общества, для его развития, необходимо для того, как он выражается, «чтобы люди не закидали, не откладывали в сторону оружие».

– Пока есть с чем бороться, пока есть что ненавидеть, – говорит он, – люди продолжают жить и оставаться людьми.

– Значит, – спрашиваем мы, – весь этот невероятный набор комиксов и секса, военной пропаганды и безумных речей фашиствующих молодчиков нужно предлагать новому поколению, нашим детям?

Стейнбек соглашается:

– Конечно, – говорит он, – молодое поколение, стоящее не очень твердо на ногах, находится в трудном положении, встречая его этот, как вы его называете, «выбор». И все же его стоит делать.

– Но вы же сами, – возражаем мы, – вывели в своем романе «Зима тревоги нашей» образ сына героя, которого ненавидит даже отец, ну и, конечно, ненавидит автор, как это чувствуется из романа, и, как мы понимаем, именно за то, что он, этот сын, широко воспользовался тем нелепым выбором, о котором вы выговорите.

Стейнбек улыбается:

– Ну что ж, в первую очередь нужно критиковать свое, даже свои собственные убеждения.

Мы вежливо прекращаем спор. Спорили мы и по другим вопросам. Например, нас удивляла позиция Стейнбека, его взгляды на писательское творчество, роль писателя в обществе. Стейнбек воспевает одиночество писателя, считает, что только одинокий ум может создать что-либо стоящее, а коллектив может только мешать.

– Если бы во мне произошел конфликт между писателем и гражданином, я бы стал на сторону писателя и боролся бы против гражданина, – говорит Стейнбек.

Но и в этом случае слова Стейнбека, к счастью, расходятся с его делами. Ведь на протяжении всей своей творческой жизни Стейнбек оставался гражданином, и именно поэтому он стал великим писателем. Именно за это его любят читатели мира, именно поэтому он встречает такой теплый прием здесь, у нас, в Советском Союзе. Нет, автор «Гроздьев гнева», «Зимы тревоги нашей», конечно, гражданин. Гражданин и писатель. Да и какой писатель, по-настоящему крупный, может не быть гражданином! Мы цитируем ему одного из наших великих поэтов: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан».

Конечно, нас интересует, что происходит сегодня в литературной Америке, какова судьба многих писателей, известных и новых, каковы взаимоотношения Стейнбека с другими творческими людьми Соединенных Штатов. Величайшим современным драматургом Стейнбек считает Артура Миллера, особенно знаменательной называет его пьесу «Смерть коммивояжера». О Драйзере он говорит так: «Драйзер был основоположников современного романа». И тут же, улыбнувшись, добавляет: «Но он плохо писал по-английски. Наверное, в переводах он выглядел намного лучше».

Спрашиваем о Фолкнере, его связях, его влиянии на писателей Америки.

– Фолкнер не имеет ничего общего с моим творчеством, – почему-то зло говорит Стейнбек.

– Правда ли, что Хемингуэй оставил в сейфе два законченных романа и просил распорядиться их судьбой после его смерти? – задаем мы вопрос.

Стейнбек задумывается.

– Я знаю очень хорошо жену Хемингуэя, – говорит он. – У нее на самом деле осталось много рукописей. Конечно, рукописи – это еще не романы. Слышал я и о тех, якобы завещанных романах. Слышал это от самого Хемингуэя.

Стейнбек знает о дискуссии, которая недавно состоялась у нас в Ленинграде, дискуссии по вопросу о судьбе романа в XX веке. Некоторые участники дискуссии, особенно иностранные писатели, высказывали мысль о том, что в XX веке, особенно в его атомную половину, в век великой скорости и кратких мгновений, роман, как большое литературное произведение, умирает. На смену ему приходят короткие произведения. Спрашиваем точку зрения Стейнбека. Писатель возмущается:

– Как можно говорит о таких вещах! Роман может умереть только лишь со смертью писателей, с концом литературы. Пока я жив, жив мой роман.

– А какой из своих романов вы больше всего любите?

– Мне трудно сказать об этом. Меня не интересуют романы, уже написанные, потому что я уже все знаю, что там произошло, знаю, как они родились. Я живу будущими произведениями.

Интересуют нас и мелкие детали жизни Стейнбека, его работы.

– Пишу карандашом, – говорит он. – Никогда не пользуюсь пишущей машинкой. А вообще можно писать чем угодно, хоть водой, лишь бы были мысли, лишь бы было то, о чем стоит рассказать людям. Музыка люблю разную. Люблю и хороший джаз. Конечно, люблю так называемую серьезную музыку. С удовольствием хожу на концерты. Я читаю много, читаю все подряд: и детективы, и комиксы, но больше всего исторических книг. Историей я особенно интересуюсь. У нас сейчас в Америке много интересных молодых писателей и поэтов. Они растут, совершенствуются. Например, Джек Керуак. Он сильно изменился за последнее время. От экспериментирования он уже перешел к настоящему творчеству. К сожалению, наши молодые писатели, многих из которых мы называем «битниками», знают, против чего выступать, но не знают, за что. А писатель, по-моему, должен не только критиковать, но и утверждать что-то. И вообще, по-моему, битники – это не факт,

а явление, процесс. Я его связываю с процессом эксперимента, иногда называю протестом.

Спрашиваем Стейнбека: считает ли он экспериментом абстрактное искусство вообще.

– Да, в какой-то степени, – отвечает Стейнбек. – Конечно, я имею в виду хорошую абстрактную живопись, хорошее абстрактное произведение, литературу. Эксперименты – вещь хорошая, и они должны производиться. Я могу не любить результаты этих экспериментов и не принимать, но я за эксперименты. Я тоже экспериментирую – и не двух одинаковых романов.

– Да, – замечаем мы, – но все же вы не написали ни одного рассказа, ни одного произведения, которое можно было бы назвать абстрактным в нашем понимании этого слова.

Стейнбек улыбается:

– Может быть, я недостаточно хорош для таких экспериментов.

– Хотели ли бы вы, – спрашиваем мы, – чтобы вас не понимали сейчас, но поняли бы в трехтысячном году, ведь такие аргументы выдвигают идеологи абстракционизма.

Стейнбек прищуривается, затягивается трубкой, отвечает:

– Я предпочел бы, чтобы меня понимали сейчас.

Мы спрашиваем Стейнбека о целях его нынешнего визита в Советский Союз, о его первых впечатлениях.

– Я здесь в третий раз. В 1936 году я приехал сюда как турист третьего класса и, конечно, не встречался ни с кем из ваших писателей. Я тогда не был известен. Второй раз в 1947 году я уже приехал как писатель. Многих встречал, о многом говорил. Тогда еще чувствовалось влияние войны. Люди еще не совсем оправились от перенесенных тревог и бед.

– Я слышал о многих колоссальных изменениях в Советском Союзе за последние годы. Я увидел здесь подтверждение многому из того, что я читал, о чем слышал. Сильно изменилась Москва, выросли новые дома, расширились и появились новые улицы. Я знаю, что у вас в этом году плохой урожай, но это не помешает вашему прогрессу, в этом я убежден! Хотите знать: какое мое самое сильное впечатление от первых дней пребывания в Москве? Это люди. Люди, которые ходят с высоко поднятой головой, открытым, честным взглядом, смелые, гордые, уверенные. Меня интересует очень многое, что происходит у вас сейчас. Я с интересом слежу за вашими делами внутри, за вашей политикой вне

страны. Я испытываю большую симпатию к вашему руководителю – Никите Сергеевичу Хрущеву.

Мы показываем ему на так называемые «почетные портреты» – великих писателей, посетивших редакцию «Известий» – Горький, Маяковский, Шолохов, Барбюс, Шоу. Предлагаем Стейнбеку выйти на так называемый «горьковский балкон», где был в свое время сфотографирован Алексей Максимович, чтобы сделать портрет Стейнбека для нашей «галереи». Стейнбек смотрит на портреты:

– С удовольствием, – говорит. – Хорошая компания. – Добавляет. – Я как-то робею, стоять и фотографироваться на балконе, где был великий Горький...

Стейнбек выходит на балкон. Смотрит на осеннюю Москву, заметно нервничает.

– Хорошо здесь у вас, – говорит он. Спасибо, что пригласили. Вы знаете, даже климат здесь похож на климат моего родного штата. Я здесь себя удивительно хорошо чувствую.

Источник: Известия. 1963. 22 октября. № 252. С. 4.

Джон Стейнбек

Письмо советским писателям

9 мая 1964

Дорогой друг,

С тех пор, как моя жена Эйлин и я вернулись домой после поездки в Москву, мы часто вспоминаем о Вас и о вашем замечательном городе. Память о Вашем радушии и чистосердечном гостеприимстве не покидает нас и вселяет уверенность. Разумеется, у нас возникали споры, мы выражали разные точки зрения, но все это не помешало нашей дружбе. По существу природа этих различий убеждает нас в том, что у всех хороших людей пути и цели, в конечном счете, одни и те же. Мы расходимся только в способах достижения. Мне кажется, мы должны постоянно заботиться о том, чтобы эти различия в способах не заслонили собой конечных целей.

В знак небольшого свидетельства признательности за Вашу доброту посылаю Вам экземпляр единственной речи, которую я произнес; вряд ли это повторится когда-либо еще раз. В известном смысле это уникальная речь, так, по крайней мере, думаю я. Как бы то ни было,

если бы мне пришлось исправлять ее теперь, я бы добавил, что обязанностью писателя является привнесение в мир немного веселья, немного смеха. Это не повредило бы никому и могло бы доказать, что все мы похожи друг на друга – что людей сближает смех. Я помню, в Москве мы много смеялись вместе.

Надеемся, что когда-нибудь Вы, возможно, посетите Америку, и мы будем рады оказать Вам гостеприимство, в какой-то мере соответствующее тому, какое столь щедро было оказано Вами. Эйлин («Сонька – золотая ручка») разделяет со мной все эти чувства. Ваш друг Джон Стейнбек.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПИСЬМУ

Джон Стейнбек
Мысли писателя

**Речь, произнесенная в Стокгольме по случаю получения
Нобелевской премии по литературе**

Стокгольм, декабрь 1962

Благодарю Шведскую Академию за признание моих произведений достойными этой высшей награды.

В глубине моего сердца могут быть сомнения, что я не заслуживаю Нобелевскую премию больше, чем другие писатели, которых я уважаю и почитаю, но нет сомнения в том, что я доволен и горд получить эту награду.

Принято, чтобы лауреат этой премии высказал ученые или личные соображения о сущности и направлении литературы. Но в данное время следовало бы, по-моему, обсудить высокие обязанности и ответственность создателей литературных произведений. Столь высок престиж Нобелевской премии и этого места, где я нахожусь, что я принужден не пищать как некая благодарная и извиняющаяся мышь, а рыкать как лев из гордости за мою профессию и за великих и прекрасных людей, которые в продолжение веков ею занимались.

Литература не создавалась по указу бледной и выхолощенной касты критиков-жрецов, гнусавящих свои заклинания в пустых храмах, и она – не игра для уединяющихся избранных, для пустозвонных про-

возвестников малокалорийного отчаяния. Литература стара как речь. Она выросла, потому что человечество в ней нуждалось, и она не менялась, разве только для того, чтобы стать еще более необходимой. Скальды, барды, писатели не обособлены и не недоступны. С самого начала их функции, их обязанности, их ответственность были декретированы нашим родом.

Человечество проходит сквозь сумрачное и безнадежное смутное время. Мой великий предшественник Уильям Фолкнер в своей речи здесь назвал его трагедией всеобщего страха, так долго державшегося, что не оставалось больше проблем духа, и что, казалось, стоило писать лишь о конфликте человеческого сердца с его жизнью.

Более многих людей Фолкнер знал и о человеческой силе и о человеческой слабости. Он знал, что понимание и разрешение страха – значительная доля оправдания существования писателя. Это не ново. Древнее назначение писателя не изменилось. Он призвал разоблачать многие наши прискорбные ошибки и неудачи, извлекая на свет наши темные и опасные мечты для их исправления.

Более того, – писателю поручено провозглашать и прославлять доказанную способность человека к величию души и духа, доблести в поражении, мужеству, состраданию и любви. В бесконечной борьбе против слабости и безнадежности – это и есть яркий объединяющий стяг надежды и соперничества.

Я считаю, что писатель, не верующий страстно в способность человека к совершенствованию, не имеет ни приверженности к литературе, ни места в ней.

Современный всеобщий страх – это результат быстрого развития нашего познания некоторых опасных факторов в физическом мире и манипуляций ими. Сомнения нет, – другие аспекты понимания не поспели за этим огромным шагом вперед, но нет и основания предполагать, что они не могут или не будут идти вровень. По существу – одна из обязанностей писателя и есть обеспечение этого.

После длинной и великолепной истории непоколебимости человечества пред лицом естественных врагов, иногда чреватой опасностью поражения и вымирания, для нас было бы трусливо и глупо сдать позиции накануне величайшей потенциальной победы.

Я, понятно, читал биографию Альфреда Нобеля, – одинокого человека и, как передают книги, – вдумчивого человека. Он усовершенствовал освобождение взрывчатых сил, способных на созидающее до-

бро или на разрушающее зло, но не имеющих выбора, как не ведомых совестью или рассудком.

Нобель предвидел некоторые жестокие и кровавые злоупотребления его изобретениями. Возможно, он предвидел и конечный результат своих поисков – доступ к окончательному неистовству, к конечному уничтожению. Уверяют, что он сделался циником, но я этому не верю. Мне кажется, что он старался найти регулятор, предохранительный клапан. Думаю, что он, наконец, нашел его только в человеческом разуме и духе.

Такой ход мысли явно подсказывают мне категории этих премий. Они выдаются за возрастающее и непрерывное познание человека и его мира, за понимание и общение, что и есть назначение литературы. И они выдаются за проявление способности к миру, кульминационного пункта всех других категорий.

Менее чем через 50 лет после его смерти были отперты двери природы, и нам было дано ужасающее бремя выбора. Мы узурпировали многие силы, которые раньше приписывали Богу. Полные страха и неподготовленные, мы присвоили себе власть над жизнью и смертью всего мира и всех живых существа.

Опасность, и слава, и выбор покоятся в человеке. Испытание его способности к совершенствованию близится. Присвоив богоподобную власть, мы в себе должны искать сознание ответственности и мудрость, о присутствии которых у любого божества мы некогда с надеждой молились.

Сам человек стал величайшей нашей опасностью и нашей единственной надеждой. И ныне можно перефразировать Апостола Иоанна Богослова: в конце есть Слово, и Слово есть человек, и Слово пребывает с людьми.

John Steinbeck A Writers's Credo

Nobel Prize For Literature Acceptance Speech

Stockholm, December 1962

I thank the Swedish Academy for finding my work worthy of this highest honour.

In my heart there may be doubt that I deserve the Nobel award over the other men of letters whom I hold in respect and reverence – but there is no question of my pleasure and pride in having it for myself.

It is customary for the recipient of this award to offer scholarly or personal comment on the nature and the direction of literature. At the particular time, however, I think it would be well to consider the high duties and the responsibilities of the makers of literature. Such is the prestige of the Nobel award and of this place where I stand that I impelled, not to squeak like a grateful and apologetic mouse, but to roar like a lion out of pride in my profession and in the great and good men who have practiced it through the ages.

Literature was not promulgated by a pale and emasculated critical priesthood singing their litanies in empty churches – not is it a game for the cloistered elect, the tin-horn mendicants of low calory despair. Literature is as old as speech. It grew out of human need for it and it has not changed except to become more needed. The skalds, the bards, the writers are not separate and exclusive. From the beginning, their functions, their duties, their responsibilities have been decreed by our species.

Humanity has been passing through a gray and desolate time of confusion. My great predecessor, William Faulkner, speaking here, referred to it as a tragedy of universal fear, so long sustained that there were no longer problems of the spirit, so that only the human heart in conflict with its life seemed worth writing about.

Faulkner, more than the most men, was aware of human strength as well as of human weakness. He knew that the understanding and the resolution of fear are a large part of the writer's reason for being. This is not new. The ancient commission of the writer has not changed. He is charged with exposing our many grievous faults and failures, with dredging up to the light out dark and dangerous dreams for the purpose of improvement.

Furthermore, the writer is delegated to declare and to celebrate man's proven capacity for greatness of heart and spirit – for gallantry in defeat – for courage, compassion and love. In the endless war against weakness and despair, these are the bright rally-flags of hope and emulation.

I hold that a writer who does not passionately believe in the perfectibility of man has no dedication nor any membership in literature. The present universal fear has been the result of a forward surge in our knowledge and manipulation of certain dangerous factors in the physical world. It is true that other phases of understanding have not yet caught up with this great step, but there is no reason to presume that they cannot or will not draw abreast. Indeed, it is a part of the writer's responsibility to make sure that they do.

With humanity's long, proud history of standing firm against natural

enemies, sometimes in the face of almost defeat and extinction, we would be cowardly and stupid to leave the field on the eve of our greatest potential victory.

Understandably, I have been reading the life of Alfred Nobel: a solitary man, the books say, a thoughtful man. He perfected the release of explosive forces, capable of creative good or of destructive evil, but lacking choice, ungoverned by conscience or judgment.

Nobel saw some of the cruel and bloody misuses of his inventions. He may even have foreseen the end result of his probing-access to ultimate violence – to final destruction. Some say that he became cynical, but I do not believe this. I think he strove to invent a control, a safety valve. I think he found it finally only in human mind and the human spirit.

To me, this thinking is clearly indicated in the categories of these awards. They are offered for increased and continuing knowledge of man and of his world – for understanding and communication which are the functions of literature. And they are offered for demonstrations of the capacity for peace – the culmination of all the others.

Less than 50 years after his death, the door of nature was unlocked and we were offered the dreadful burden of choice. We have usurped many of the powers we once ascribed to God. Fearful and unprepared, we have assumed lordship over the life and death of the whole world and all living things.

The danger and the glory and the choice rest finally in man. The test of his perfectibility is at hand. Having taken God-like power, we must seek in ourselves for the responsibility and the wisdom we once prayed some deity might have.

Man himself has become our greatest hazard and our only hope. So that today, St. John the Apostle may well be paraphrased. In the end is the Word, and the Word is man – and the Word is with men.

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 1373. Оп. 10. Ед. хр. 455.

С. Львов – Дж. Стейнбеку

Дорогой Стейнбек!

Прошу извинить, что отвечаю Вам с опозданием. Я только что вернулся из летнего путешествия, и вся почта дожидалась моего возвращения в Москве.

Благодарю Вас за присланный мне текст Вашей речи, произнесенной при знаменательном акте вручения Вам Нобелевской премии. Я был знаком с этой речью из печати, но с интересом перечитал ее и мне приятно иметь ее в своей библиотеке.

Не скрою, однако, что Ваше письмо меня несколько удивило. Вы обращаетесь ко мне как к знакомому. Я хорошо знаю Вас по Вашим книгам, которые высоко ценю. Но, когда Вы напоминаете мне о наших интересных встречах и беседах в Москве, я не без улыбки вижу в этом то образное выражение, которое называется в стилистике «*toto pro pars*».

Встречи и беседы, которые были у Вас в Москве с некоторыми моими коллегами по профессии, Вы, очевидно, перенесли на всех представителей нашей профессии. Я, разумеется, не сомневаюсь в том, что эти встречи были именно такими, как пишете Вы, но мне не случилось принимать в них участия. Наше личное знакомство пока что не состоялось, о чем я искренне сожалею.

Я бы с удовольствием посчитал началом этого знакомства Ваше письмо, если бы не одно обстоятельство. Оно написано как обращенное лично ко мне и от руки (что доставило мне удовольствие получить Ваш автограф), но размножено фототипическим способом (что несколько умаляет ценность автографа) и разослано по множеству адресов. Вот это последнее особенно меня озадачило.

Как и все мои коллеги – советские писатели – я высоко ценю мнение коллектива и коллективные действия на благо людей.

Но не думаете ли Вы, дорогой друг, что если писатель пишет письмо писателю, как личное, а потом размножает его и рассылает «всем, всем, всем», это выражает упрощенное представление о личности писателя в коллективе писателей.

И разве Вы не были бы удивлены, если бы кто-нибудь из ваших московских адресатов свой ответ, предназначенный Вам, размножил бы и разослал всем нью-йоркским писателям по адресам, взятым из справочника.

Ваше обращение ко мне как к другу дает мне право, как мне кажется, на это откровенно высказанное соображение.

Я буду рад получить от вас личное письмо, если вы пожелаете мне ответить. Я не возражаю и против того, чтобы получить то Ваше письмо, которое Вы будете снова рассылать как циркуляр, если вы полагаете возможным сохранить такую форму общения с коллегами по профессии.

Но совмещение этих двух эпистолярных жанров представляется мне несколько странным.

С искренним уважением и самыми добрыми пожеланиями Сергей Львов.

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4240. Л. 7.

Ф. Кравченко

Открытое письмо Джону Стейнбеку

12 июля 1964

В редакцию «Литературной газеты».

Копии:

В московскую организацию Союза писателей РСФСР,
Иностранную комиссию Союза писателей СССР.

Уважаемый товарищ редактор!

Прошу опубликовать мое открытое письмо американскому писателю Джону Стейнбеку, которое является ответом на его письмо и «Речь, произнесенная в декабре 1962 года в Стокгольме по случаю получения им Нобелевской премии по литературе», присланную мне самим Стейнбеком, по-видимому, с целью привлечения моего внимания к проблемам... мировой литературы.

Как Вам известно, я не принадлежу к тем, кто бывает за рубежом, общается с иностранными литераторами, пишет очерки и статьи по поводу своих путешествий и завязывает дружбу с иностранцами. Я скромно служу родному советскому народу и счастлив, что мои книги – повесть «Семья Наливайко» и роман «Отамановы дубы» пользуются успехом у массового читателя и приносят ему пользу. Критики обо мне не пишут. «Литературная газета» в номере за 18 февраля 1964 года впервые, как говорится, по достоинству оценила мои заслуги перед советской литературой, признав, что уже в 20-е и 30-е годы я вместе с такими ныне знаменитыми сатириками, как Остап Вишня, развивал «боевой жанр», выступая под псевдонимом Теодор Орисио с литературными пародиями и эпиграммами.

Я об этом пишу для того, чтобы стало понятно, почему я считаю себя вправе отвечать нынче такому известному в мире буржуазному писателю, как Джон Стейнбек, – ведь 40 лет отдано мной новой, советской литературе, борьбе за ее развитие.

* * *

Господин Стейнбек!

Получив Ваше письмо и отпечатанную типографским способом, как видно, для широкого распространения «Речь, произнесенную в декабре 1962 г. в Стокгольме по случаю получения Нобелевской премии по литературе», я призадумался. Возник совершенно естественный и законный вопрос: для чего Вы это рассылаете писателям, которых никогда не видали в глаза, с которыми не встречались и не общались и книг которых, безусловно, никогда не читали?

Если Вы хотели похвастаться: я-де стал лауреатом Нобелевской премии, – это Вас не украшает. Да и что толку в восторгах перед Вашей славой людей, которых Вы совершенно не знаете? Думаю, что Вы – умный, талантливый литератор нашего времени – не преследовали и не могли преследовать подобную мелкую цель, хотя Ваша речь и преисполнена тщеславия...

Напрашивается вывод, что Вы взяли на себя труд пропагандировать некоторые свои мысли и так называемые философские рассуждения. С этой целью, как это легко понять после вдумчивого прочтения Вашего письма, Вы и обратились ко мне (и, должно быть ко многим моим коллегам).

Не буду отвечать на Ваше написанное, так сказать, Вашей собственной рукой, письмо, поскольку оно насквозь фальшиво или послано таким, как я, советским литераторам по ошибке. Я никогда не был Вашим «дорогим другом» и не мог им быть хотя бы потому, что мы никогда с Вами не виделись, не общались, не спорили, и я даже убежден, что никогда не будем общаться, так как я – беспартийный, весьма скромный рядовой советский литератор – болен и просто лишен физической возможности участвовать в той – весьма плодотворной и необходимой – работе, которую ведет наш Союз писателей, поддерживая живую творческую связь с прогрессивными деятелями мира, к которым и Вы себя, господин Стейнбек, причисляете.

Хочу высказать лишь некоторые соображения по поводу произнесенной Вами речи в Стокгольме, поскольку Вы прислали ее мне вместе с письмом и поскольку она стала литературным документом, выражающим идеологию Вашего мира и того общества, которому Вы служите, хотя и считаете себя «независимым», способным свободно участвовать в обсуждении «высоких обязанностей и ответственности создателей литературных произведений».

Я, как сказано выше, формально не принадлежу к Коммунистической партии, никаких орденов, Правительственных наград и поощрений (не считая премии за пьесу «Жаркое лето», полученную в 1947 году – на Всесоюзном конкурсе) не имею, хотя печатаюсь с 1925 года и, следовательно, почти 40 лет отдал служению нашей новой, советской литературе.

Вы прислали мне письмо и свою речь, чтобы я подумал о Вашей судьбе и Вашей ответственности, как создателя литературных произведений. Подумайте же и обо мне, о моей такой же ответственности за то дело, которому мы, литераторы, не просто посвящаем свой досуг, а всю свою жизнь.

Постарайтесь понять, что я – рядовой солдат литературного фронта – высказываюсь не «по указке свыше», а по велению своего сердца. Мое письмо, являющееся всего лишь ответом на Ваше, не может быть средством «пропаганды». Да и нелепо было бы вообразить, что я в чем-то сумею убедить Вас – представителя чуждой мне, сыну неграмотного рабочего, идеологии.

Я не знаю Вашей биографии, не знаю, какими путями Вы шли в литературу. Ныне Вы – всемирно известный писатель. И хотя мне известно, что Вы видите назначение литератора в том, чтобы писать книги, а не произносить речи, я нынче убедился, что у Вас есть ораторский талант. И Вы умело им пользуетесь. И даже являетесь великолепным организатором пропаганды тех идей и убеждений, которыми проникнула Ваша речь в Стокгольме.

Я позволю себе сказать еще несколько слов о собственной литературной судьбе. Родился в Каменке, старом местечке на Украине, о котором весь (читающий!) мир узнал, знакомясь с деятельностью тех русских революционеров, которых мы называем декабристами. Именно в Каменке собирал (в 1825 г. повешенный царем Николаем Первым) полковник Пестель прогрессивно настроенных офицеров русской армии и передовых дворян. В Каменке бывал наш великий русский писатель Пушкин. Я босоногим мальчишкой бегал в старом помещичьем парке, где Пушкин беседовал с декабристами, лишь догадываясь, что они, его друзья и знакомые, объединены в каком-то тайном, революционно настроенном обществе. Когда я узнал – еще в детстве – о том, что у нас, в Каменке, встречались декабристы и бывал знаменитый Пушкин, это дало толчок к тому пониманию мира, которое сделало впоследствии меня, простого рабочего сахарного завода, литератором, то есть,

деятелем того участка культуры, в котором, как Вы сами сказали в Стокгольме, человечество нуждалось...

Пролетарий по происхождению, познавший с детских лет нужду и унижение (дети помещика и его верных слуг называли меня «мужицким» сыном, неучем, обреченным на жалкое существование, тем более что мои неграмотные родители имели 8 детей и при этом у них была только старая хата с земляным полом), я все же в состоянии был понять душу дворянина Давыдова, ставшего революционером в то время, как другие помещики-крепостники жестоко эксплуатировали народ и всячески измывались над нами, поработанными властью имущим строем капитализма украинцами, лишая нас даже нашего национального достоинства.

Я, повторяю, понимал дворян, их писателей и деятелей культуры. Страстно полюбил Пушкина и Чайковского, который тоже жил в Каменке, так как сестра его была замужем за помещиком Давыдовым, проникся глубоким уважением к декабристам, хотя они были представителями чуждого мне класса.

Это стало возможным потому, что я мыслил свободно, что я старался судить о людях по их делам. Пушкин и Чайковский, принадлежа к чуждому мне классу, творили для народа и во имя процветания человечества. Поэтому они и были мне близки.

Декабристы, учась у французских революционеров, делали попытку изменить государственный строй в феодальной России, где правил царь и его клика, и это, естественно, мне было по душе. Уже в юношеские годы, живя еще в Каменке, я понимал, что республиканский строй, за который они боролись, мог быть только буржуазным строем. Это еще не то общество, которое возникло у нас, в бывшей Российской империи, после Великой Октябрьской революции. Русская буржуазия была врагом моего отца – пролетария, и неизбежно стала бы моим врагом, если бы мне не выпало счастье продолжать жить уже в <Советском Союзе>. Но я обнажаю голову перед тем местом в родной Каменке, где встречались декабристы – борцы за прогресс в развитии человечества.

Я не только с удовольствием прочел, но и полюбил Ваш роман «Гроздь гнева». Не знаю, кто Вы по происхождению, с какими людьми Вы общались и общаетесь, дружите в настоящее время. Но, если бы Вы даже имели «высокий титул», как мой любимый русский прозаик – бывший граф! – Алексей Толстой, это не помешало бы мне любить не только Ваши произведения, но и Вас, автора книг, созданных для

того, чтобы содействовать борьбе, которую вели французские революционеры, наши русские декабристы и многие, многие другие партии, группы и отдельные лица, страстно желая освободить человечество от того ужасного чувства, которое Ваш великий предшественник Фолкнер и Вы сами назвали «всеобщим страхом».

Я вправе был ожидать, что за «Гроздьями гнева» последует сам гнев, что Вы, пристально всматриваясь в то, что происходит в мире, осознаете свою личную писательскую ответственность перед человечеством. Но, судя по Вашей речи в Стокгольме, этого, к сожалению, не произошло, хотя Вы и пытаетесь туманными философскими рассуждениями убедить меня (и тех, кто читал Вашу речь), что Ваше призвание заключается в том, чтобы «разоблачить многие наши прискорбные ошибки и наши неудачи, извлекая на свет наши темные и опасные мечты для их исправления».

Было бы нелепо, если бы я посоветовал Вам следовать по тому пути, который избрал для своего освобождения русский, украинский и другие народы, добровольно объединившиеся в рамках Советского Союза и успешно созидающие коммунизм. Вы, американцы, должны найти свой путь к решению любых возникающих перед вами проблем и задач.

Но, поскольку Вы обратились ко мне с письмом, прислали мне свою речь и даже называете меня – совершенно незнакомого человека «дорогим другом», я позволю себе кое-что пояснить, чтобы попытаться найти весьма необходимый друзьям общий язык и помочь Вам постигнуть истину, к которой Вы только приблизились в своем романе «Гроздья гнева».

Я написал много книг (ведь 40 лет работаю в литературе!), но остановлюсь только на тех, которые сам считаю лучшими. В 1932 года я издал на Украине (под псевдонимом Теодор Орисио) сборник своих литературных эпиграмм и пародий. Мне было тогда 26 лет, и я еще работал в маленькой, так называемой, провинциальной газете. Что побудило меня написать и выпустить в свет такую книгу? Только желание помочь родному советскому народу в развитии новой литературы.

Вы сказали в Стокгольме: «Литература стара как речь», в ней человечество нуждалось, и поэтому она выросла, «и она не менялась, разве только для того, чтобы стать еще более необходимой».

Поймите же сейчас простую вещь: наша советская литература выросла потому, что в ней наш народ нуждался. И наша русская уходящая

своими корнями в глубокую древность литература претерпела (пользуясь и здесь Вашей терминологией) изменения потому, что в этом была исторически обусловленная необходимость.

Судя по Вашему литературному стажу (да и портрету, приложенному к Вашей речи в Стокгольме), Вы, как и я, пожилой человек. И странно, что Вы до сих пор не поняли того, что я понимал уже в 26-летнем возрасте, когда была издана моя книга литературных пародий и эпиграмм.

Уже тогда, зная Гомера, – великого представителя той литературы, которая стара как речь, – я – молодой сатирик – написал в своей эпиграмме на очень талантливого, но далекого от борьбы <за новую жизнь> поэта, дворянина по происхождению, считавшего себя неоклассиком: воскрес Гомер, увидел неоклассика, прочел его стихи и снова – от скуки и тоски! – умер...

Я не называю фамилию этого поэта, так как в этом нет нужды, но должен сказать, что этот бывший дворянин и неоклассик в поэзии 20-х годов, стал самым любимым моим писателем и ученым, он пользуется огромным успехом и у нас, в Советском Союзе, и за рубежом; его талант служит всеобщему прогрессу и процветанию; нынче он – лауреат Ленинской премии. А что было бы, если бы он продолжал оставаться «неоклассиком», забавляясь сочинением стихов, в которых были бы осенние звезды и розы <вообще>, без всякой связи с тем, чем жило и живет человечество? Он усох бы на корню, как усыхали некоторые другие литераторы, которых я, автор пародий и эпиграмм, предупреждал тогда 30 лет назад, что они не будут развиваться, если поставят себя <за пределами борьбы, которую испокон веков ведут народы за светлое будущее всего человечества>.

Не подумайте, что я, рассказывая об этом, хочу как-то «возвеличить» себя самого, похвастаться, каким, дескать, «провидцем» я тогда оказался. Отнюдь нет! Я не был «пророком», я просто добросовестно изучил историю Октябрьской революции (да и Всемирную историю!), старался вникнуть в тот великий процесс, который уместно назвать развитием художественной литературы, изо всех сил трудился над тем, чтобы понять великое учение Маркса и Ленина. И, по секрету сказать, я в те годы чутко прислушивался к тому, <что говорил мой неграмотный отец>, всю <жизнь работавший на своего эксплуататора – помещика Давыдова, потомка одного из тех декабристов, которых все человечество уважает, как прогрессивных деятелей своего времени>.

А он, мой отец, говорил примерно так:

– Был у нашего пана-помещика предок, который хотел хотя б от царя избавить нас, трудящихся людей. А этот подлый Лев Алексеич Давыдов пил из меня кровь, высасывал из меня последние соки. А за что? Разве я не такой же, как он, человек? Из другого теста сделан? Почему он пан, а я мужик? Что это за такие законы были, когда один наживался на чужом труде и жил, припеваючи, а другой груз спину, голодая да еще и никаких прав не имея. Лошадь у помещика на конюшне, собака на псарне, и те больше забот о себе испытали, чем мы, люди, в поте лица работавшие на всяких господ...

Нужно ли было меня как-то «подстегивать» или «поучать», внушая <новую, советскую идеологию>? Да она входила в мою кровь и плоть, как воздух, которым я дышу с той минуты, когда на свет родился. И если я, <став советским сатириком, активно включился в борьбу за новую идеологию>, то это произошло не потому, что кто-то хотел этого или, не дай бог, «покупал» меня «на корню», <как покупают иных буржуазных писателей>.

Скажу Вам откровенно, господин Стейнбек: хотя я и старый, с многолетним стажем, писатель, но у меня нет, как у Вас (если судить по фотографиям, приложенным к речи), особняка, я не выхожу с довольным видом на прогулку с собакой, не рассылаю отпечатанных на прекрасной бумаге речей, чтобы похвалиться собой и своими успехами...

И это свое письмо к Вам я вынужден написать (оторвавшись от рукописи, которую как раз сейчас готовлю к изданию), только потому, что не могу молчать, видя, как Вы сами же гасите мою любовь к Вам – автору романа «Гроздь гнева»...

Я Вам уже рассказывал, почему в 26-летнем возрасте были написаны и выпущены в свет мои боевые, как признала 30 лет спустя «Литературная газета» (в рецензии на антологию, где и мои произведения представлены), пародии. Мне хочется хотя бы в двух словах поведать и о том, почему и зачем были написаны мои другие книги?

В конце 1941 года издательство «Советский писатель» в Москве выпустило мою повесть «На дорогах Украины», которую я первоначально написал по-украински и затем сам перевел на русский язык. Кто меня <заставил> написать эту книгу? <Гитлер>! Когда его орды устремились на восток, разрушая города, сжигая села и поработавшая советских людей, я вспомнил то, что своими глазами видел в 1918 году, когда не-

мецкие войска оккупировали освободившуюся от пут царизма и капитализма мою родную, свободолюбивую Украину. И я написал повесть о том, как такие же, как мой отец, рабочие помогают партизанам и молодой Красной армии громить ненавистных пришельцев, захватчиков, у которых всегда была и продолжала оставаться одна-единственная цель: превратить другой народ в покорного раба, чтобы можно было беспощадно эксплуатировать его труд, обогащаться и жить, как жили, скажем, римские судовладельцы или африканские и азиатские колонизаторы...

Меня вдохновляла ненависть к врагу, моим творческим «законодателем» была любовь к родному советскому народу...

Повесть «Семья Наливайко», получившая широкое признание у наших читателей и переведенная за рубежом, вышла из печати накануне победы над Гитлером и его проводами, – весной 1945 года. Она написана с тем же чувством ненависти к поработителям и чувством глубокой любви к родному народу – созидателю нового, коммунистического общества, которое <навсегда будет избавлено от войн>. И в ней, в этой повести, я показал простых, как и герои Вашего романа «Гроздья гнева», людей, показал патриотов своей Родины, которые самоотверженно помогают Советской армии и партизанам громить врага...

Роман «Отамановы дубы», переизданный в 1962 году сотысячным тиражом потому, что он пользуется успехом <у массового читателя> (то есть, у <народа, которому я, как литератор, честно служу 40 лет!>), был написан по той же причине: я, как и Вы (если верить в искренность некоторых Ваших высказываний), не рассматриваю литературу, как «игру для уединяющихся избранных, для пустозвонных провозвестников малокалорийного отчаяния». Я считаю ее <оружием в борьбе за достойную человека жизнь на земле>. В своем романе я, в меру моих сил и способностей, показал торжество народной правды, наших ленинских идей, <торжество человека>, который хотя и попадает в трагическое положение по вине гитлеровцев и некоторых внутренних наших врагов, <но и гордо и честно исполняет свою миссию – миссию свободного строителя новой жизни, коммунистического общества>.

Вы в своем письме, господин Стейнбек, назвали меня «дорогим другом». Но ведь друзья – это единомышленники! На что же Вы рассчитываете, желая завязать со мной хотя бы заочную дружбу? На то, что я приму Вашу идеологию? Но это же смешно! Если Вы вдумаетесь в то, что я Вам написал, Вам никогда и в голову не придет, что это когда-либо

случится. Вам нравится класс эксплуататоров, а я страстно ненавижу его с детских лет; Вы видите свое призвание в том, чтобы примирить два класса – эксплуататоров и эксплуатируемых, <а я с детских лет> хочу только одного: полного истребления таких же помещиков и капиталистов, как и те, которые, как говорится, сосали кровь из моего отца – рабочего – и моего дела – раба, несчастного крепостного мужика, которому не позволяли даже говорить на родном языке...

Следовательно, может идти речь <только> о мирном сосуществовании двух социальных систем. Вы – за мир, за мирное сосуществование капиталистического и социалистического миров? Так я Вас понял? Но мы тем более жаждем мира и нам тем более необходимо мирное сосуществование, <о котором с такой страстью и ясностью, везде и всюду, говорит Никита Сергеевич Хрущев>.

Советские литераторы могут дружить с Вами, но дружба будет истинной и полезной, <если Вы постараетесь правильно понять нас> и не станете хитрить, как теперь, рассылая текст своей речи и размноженное с помощью топографических машин, как бы написанное Вами от руки письмо...

В заключение еще раз скажу от себя лично: Ваш роман «Гроздь гнева» вселил в меня надежду, что Вы станете со временем одним из самых прогрессивных писателей капиталистического Запада, чтобы «разоблачать многие... прискорбные ошибки и неудачи» тех, кто пытается ввергнуть человечество в новую (и на этот раз – самую ужасную, атомную!) войну; чтобы «извлекать на свет... темные и опасные мечты» империализма «для их исправления»... (Ведь об этом Вы говорили в Стокгольме, верно?)

К моему большому окончанию, я вынужден прийти к выводу, что Вы стали еще большей знаменитостью, получив Нобелевскую премию, но в своем творческом и идейном развитии отстали даже от того Стейнбека, которого я когда-то полюбил за роман «Гроздь гнева». И меня может только подставить Ваша «философия», столь туманно (и, честно говоря, не очень умело) выраженная в речи, произнесенной в Стокгольме.

Кого Вы пытаетесь запугать рассуждениями о «всеобщем страхе» и «малокалорийном отчаянии»? Мы, советские литераторы, как и весь наш советский народ, ведомый в светлое будущее созданной Лениным Коммунистической партией, <не испытываем никакого страха перед будущим>, как не испытывали его мой отец и его сверстники, участвовавшие в революциях 1905 и 1917 гг.

Страшно Вашим капиталистам, как было страшно и нашим царям, их верным слугам и прихлебателям, которые если не всегда понимали, то хотя бы почувствовали, что крах их владычества <неизбежен>. История подтвердила это!

Когда-то Максим Горький бросил клич: «С кем вы, мастера культуры?» Мне остается только повторить эти замечательные слова <нашего> (следовательно – и моего!) <великого предшественника>. А Вы пытаетесь мне навязать глупость, которую как-то высказал <Ваш> «великий предшественник Уильям Фолкнер», утверждавший, что «<Человечество проходит сквозь сумрачное и безнадежное, смутное время>».

Выбор! Время теперь – самое светлое, ясное и весьма обнадеживающее весь мир, хотя Ваши американские последователи бесноватого Гитлера и мутят воду на всей планете. События в Азии, Африке да и на самом американском материке говорят о том, что человечество все отчетливее видит пути <к счастливому будущему>, когда не будет эксплуататоров и эксплуатируемых, (а следовательно и войн не будет), и исчезнут последние признаки <того страха, который, кстати сказать, продиктовал письмо, полученное мною сейчас, и заставил Вас произнести столь> «смутную», с точки зрения философской, и безнадежную для писателя (если он хочет быть полезным человечеству!) речь в Стокгольме.

Желаю Вам личного счастья и творческих удач!

Федор Кравченко

Член Союза писателей СССР.

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4299. Л. 1–14.

Переписка с Джоном Стейнбеком о его пребывании в СССР

1. Дж. Стейнбек – Ф. Лурье

13 января 1964

Дорогая Фрида,

Мы давно собираемся написать о нашей благодарности и любви к Вам.

Мы вернулись домой перед самым Рождеством, но праздники и встречи с родными отняли столько времени, что мы не могли собрать-

ся, чтобы написать Вам раньше. Мы очень хотим, чтобы вы знали, как высоко мы ценим все, что Вы сделали для нас и знаем, как много было сделано Вами.

Эйлин просит передать, что очень скоро она пошлет Вам в подарок небольшой сувенир. Я не знаю, что она приготовила, и не могу выдать ее.

Передайте, пожалуйста, нашу большую благодарность всем нашим друзьям у Вас в стране. Большинству из них мы напишем, но человеческая память – вещь несовершенная, и мы, наверняка, можем забыть кого-нибудь из тех, кого хотели бы поблагодарить. Поэтому и здесь, Фрида, мы обращаемся к Вашей помощи; и давайте не будем терять друг друга из вида.

Мы очень высоко ценим Вашу дружбу и желаем Вам всего самого доброго в Новом году. Весьма искренне Ваш Джон

Перевод Г. Брейтбурда

2. Дж. Стейнбек – ленинградским писателям

январь 1964

Дорогие друзья!

Если бы я попытался написать письмо с выражением благодарности каждому из ленинградцев, любезно приветствовавших нас с женой во время недавнего приезда, то на это потребовалось бы несколько лет, и я, в конце концов, кого-нибудь пропустил бы и не мог бы поблагодарить тех, чьи имена я не узнал. Хотелось бы, чтобы Прокофьевы и Поповы узнали из этого письма, как высоко мы ценим их любезность и гостеприимство. Большое им спасибо. Но есть еще так много других, кого нам следует поблагодарить, что моя память не может охватить всех.

От утомления я захворал в Ленинграде и мгновенно, точно по волшебству, очутился в больнице, где мудрые руки врача определили болезнь и вооружили меня против нее. Хотелось бы сказать спасибо этим спокойным энергичным медикам; я знаю их лишь как людей в белых халатах, которые молча оказали мне помощь и затем ушли.

Я очень давно не был в Ленинграде, точнее – с 1936 года. За это время много произошло: были потрясающие невзгоды, было много героизма. И все же Ленинград стоит на месте и живет, город, подобный вечно обновляющемуся живому организму.

Мы отправились в Ленинград, чтобы встретить друзей, и мы их встретили. О, конечно, нашлось много поводов для споров и разногла-

сий (что вполне естественно), но, и высказав разные мнения, мы остались друзьями, потому что обширные пространства единодушия далеко перекрывали мелкие участки противоречий.

Итак, я очень надеюсь, что Союз писателей Ленинграда, возможно, шире обнарудует нашу благодарность, а вместе с тем и наши пожелания великого светлого будущего, а главное – нашу горячую надежду, что дружба наша будет развиваться, так как дружба народов вырастает из взаимопонимания отдельных людей. Общее возникает из частного. Мы ощутили теплоту, с которой вы нас встретили, и отвечаем тем же, посылая горячий привет Ленинграду. Ваш Джон Стейнбек

3. Дж. Стейнбек – К.М. Симонову

13 января 1964

Дорогие Константин и Лариса!

Вы знаете, я до сих пор не могу забыть Ваш маленький дом, стоящий в березовом лесу. Какое замечательное это место, как тепло в этом доме и какие сердечные люди там живут.

Мы довезли домой наш маленький кувшинчик с динамитом и вчера отведали его содержимое, все великолепно сохранилось. Интересно, успешно ли идет работа над Вашим романом, имеете ли Вы уже право выкурить набитую табаком трубку, лежащую на Вашем столе? Надеюсь, что это так. Меня охватила дрожь, когда я увидел, с каким вождением вы смотрите на эту трубку.

Нам кажется, что эта наша поездка была очень удачной и успешной, теперь вернулись домой и хотим одного – отдохнуть и восстановить часть сил, которые мы потратили, получая от жизни удовольствия – еду, вино, беседы и т.п.

Так приятно было встретиться с Вами после стольких лет. Я надеюсь, что наша следующая встреча произойдет скорее. Было бы очень приятно, если бы это случилось здесь, в нашей стране. Пожалуйста, имейте это в виду.

С самыми добрыми пожеланиями в Новом году Ваш Джон.

Только что получили чудесную книгу по керамике, не находим слов для благодарности.

Сопроводительная записка

М.Я. Аплетин – супруге К.М. Симонова Л.А. Жадовой

Дорогая Лариса!

Пересылаю Вам письмо, полученное от Джона Стейнбека. Как видите, книга Ваша добралась до них и доставила им огромное удовольствие. Было бы очень хорошо, если бы у Вас выдалось время ответить им. Высказывания Стейнбека после его отъезда из Советского Союза говорят о том, что он сохранил добрые, теплые воспоминания о своих друзьях, к числу которых он, естественно, относит и вашу семью.

Вместе с этим письмом посылаю Вам квитанцию на отправленные в Нью-Йорк телеграммы и девять рублей, оставшиеся от тех двадцати пяти рублей, которые Вы дали для отправки телеграмм. Сердечный привет Вам и Константину Михайловичу, и девочкам.

4. Дж. Стейнбек – А.Б. Чаковскому

13 января 1964

Дорогой Александр,

С большим опозданием мы хотим поблагодарить Вас за Ваше дружеское участие и помощь во время нашего недавнего пребывания в Советском Союзе.

Мы никогда не забудем прекрасный вкусный обед, которым Вы угощали нас и Ваши добрые ободряющие слова.

Примите нашу благодарность, поздравления и пожелания самого счастливого Нового года: надеемся снова встретиться с Вами.

Эйлин просит передать Вам личный привет и поздравления. Весьма искренне Ваш Джон Стейнбек.

5. Б.П. Полевой – Дж. Стейнбеку

October 1964

Dear friend,

I was very happy to receive your present – *Travels with Charley*. Unfortunately, my knowledge of English is limited and I keep on looking at the book as a cat would at hot porridge. However, my daughter Alyona, a medical student, knows English. She read it from cover to cover and judg-

ing how she smiled to herself at some parts, and how her expression kept on changing as she was reading it, I surmised that this work is a great success. Alyona fully agrees with me. I must say that the novel is already known to our English speaking public and is receiving favourable comments. I thank you for sending it to me.

At the *Yunost* editorial offices we keep on recalling with great warmth your visit, our talks and friendly discussion, which, as it seemed to me, was not as successful as it could have been, were you not accompanied by a diplomat. The diplomat was rather a nice fellow indeed, but a diplomat just the same. It is known the world over, and I can confirm it from my own experiences, that whenever an official person appears on the scene discussions become stiff and faces take on a polite and rubber-stamped smile. I have numerous friends among our diplomats and many of them are fine and clever people, but I never seek their services in my travels.

After the very “polite” discussion the boys and girls of the *Yunost* magazine approached me in embarrassment asking to convey to you their apologies and regrets for the way things have turned out.

Well, be it as it may, I hope that you will again visit our country where you have millions of devoted readers, and that we will have truly heart to heart talks and open and sharp discussions as befits writers who respect each other.

I anticipate to interest our publishers, among whom I have many friends, in your book and to read it in my own language soon.

I read the translation of your speech made in Sweden and I found it very profound and just. And though I have ideas of my own regarding the path leading to peace, I just the same fully agree with your conclusions. Together with you

I would like to cite the paraphrased expression by St. John the Apostle, a rather clever person, who said that: in «the end is Word and the Word is man – and the Word is with men». This aptly defines the writers’ place in modern society.

Both my wife and I are sending you and your wife our very best wishes. The entire editorial staff joins us in this. Sincerely yours, Boris Polevoy.

Публикация по источнику: РГАЛИ. Ф. 1373. Оп. 10. Ед. хр. 455.

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4240. Л. 1–9.

**Переписка с Международным ПЕН-клубом
об участии в его работе советских писателей**

1. Дж. Стейнбек и Э. Олби – М.П. Бажану

October 20, 1964

Mykola Platonovich Bazhan
Union of Writers of the Ukraine
Kiev, USSR.

Dear Mr. Bazhan:

You have been in our thoughts ever since we visited the Soviet Union last fall, and John Steinbeck and I have been talking together to discover how it could be most satisfactorily arranged for you to visit us in the United States.

Perhaps the most lasting impression of our visit to the USSR is a renewed realization of the importance of direct, individual contacts with persons from other lands and cultures. Had there been more in the past, the course of relations between our two countries would probably have been very different.

We have discussed our travels and impressions with many of our colleagues since our return to America. We made a particular point of raising a matter with them which we had already discussed before we departed from the Soviet Union: We writers can perform an important service in the cause of peace and international understanding; it is moreover a service which we can perform on our own, without bothering with governments and official exchanges, and so forth. We can at least see to it that the writers of our two lands have an opportunity to know each other, to share their thoughts, to discuss their differences. And so we proposed to our colleagues that we invite writers from the Soviet Union to visit the United States as personal guests of the writers of America.

As we had expected, this proposal was enthusiastically supported. We therefore raised the matter with P. E. N., a writers' group with which we are both associated as Executive Board members. The American chapter has long played a useful role in entertaining foreign intellectuals and in fostering an exchange of views by intellectuals from all corners the world. The group also holds a series of meetings in which literary affairs are discussed in convivial circumstances. It also helps sponsor certain literary contests, translations, and other endeavors designed to stimulate cultural interchange. As a result of our

talks with the P. E. N. membership, it was agreed to invite a group of Soviet writers to visit the United States as guests of the American writers' community.

We therefore, on behalf of P. E. N., invite you to visit our country for a period of six weeks. We propose next spring as the most convenient time but if you can come now, that is all right with us too. If you do not feel that you can be free for the full six weeks, the a shorter period will be perfectly all right; however, we do feel that four weeks should be the minimum. The specific dates, of course, can be arranged to suit your convenience. Since there will be eight of you (we also inviting Vasiliy Aksenov, Yuriy Pavlovich Kazakov, Viktor Platonovich Nekrasov, Konstantin Mikhaylovich Simonov, Aleksander Volodin, Andrey Andreyevich Voznesenskiy, and Yevgeniy Aleksandrovich Yevtushenko), it may be more convenient for you to come in two groups of four; this would suit us just fine.

We will undertake to cover your round-trip transportation, hotel, and eating expenses for the voyage.

As for the program, we will arrange the details of that as soon as we know the dates you will be coming. We would like to arrange the trip essentially around meetings with American writers, but you must also see our universities, our cities, our countryside. Please do not hesitate to tell us what things especially interest you, so that we can take that into account in working out a program.

We have send separate invitations to each of the other persons in the group and also a letter to the Writers' Union asking their assistance in arranging the trip. If you feel we should write anyone else, please let us know.

Thanking you again for making our visit to the Soviet Union so pleasant and looking forward to seeing you in the spring, we remain,

Sincerely yours, John Steinbeck, Edward Albee.

2. Дж Фаррар – К.А. Федину

8 ноября 1964

К.А. Федину

Генеральному Секретарю

Союза Писателей СССР

Москва, СССР

Многоуважаемый Константин Александрович!

Я Вам написал письмо 28-го мая, в котором сообщал Вам о том, что шесть выдающихся Советских писателей были приглашены в Со-

единенные Штаты: Василий Аксенов, Юрий Павлович Казаков, Виктор Платонович Некрасов, Александр Володин, Андрей Андреевич Вознесенский, и Евгений Александрович Евтушенко. Они будут гостями не только Джона Стейнбека и Эдуарда Олби, но и всей группы Американских писателей, представителем которой является их общество, американский ПЕН Клуб. Было предложено гостям провести шесть недель в Соединенных Штатах, начиная с 1-го сентября 1964 г. В моем письме я обращался к Вам с просьбой сделать все возможное, чтобы осуществить это предложение.

Нас очень обрадовали ответы от некоторых приглашенных, в которых они писали, что получили приглашение и надеются, что смогут приехать. Было очень печально узнать от Александра Володина, что он не сможет приехать осенью.

Вы можете себе представить наше смущение и недоумение, когда никаких более определенных ответов не последовало даже 1-му сентября – число к которому мы ожидали приезд писателей! Признаться, я не понимаю, как это могло случиться! Гг. Стейнбек и Олби думают, что мы плохо рассчитали и оставили мало времени между приглашением и начальным числом самого визита – особенно если принять во внимание летние месяцы, когда все вообще идет не совсем по порядку.

Потому они сейчас посылают каждому из шести писателей отдельное письмо, в котором предлагают отложить поездку до весны – если у писателя нет возможности приехать этой осенью. Они также посылают приглашения еще двум писателям, Константину Михайловичу Симонову и Мыколе Платоновичу Бажану.

Мы сообщили тем организациям и частным лицам, которые проявили интересе и желание поучаствовать в этом проекте, что наши планы откладываются до весны. Несомненно, это вызовет недоумение и досаду, но я думаю, что никаких серьезных последствий не будет, так как мы с самой начальной разработки планов говорили всем заинтересованным лицам, что установить точное число приезда гостей пока невозможно, и советовали им не строить никаких определенных планов.

Я верю и надеюсь, что эта отсрочка даст нам возможность получить более определенные ответы, и что приглашенные писатели смогут приехать будущей весной. Еще раз хочу сказать, что я был бы чрезвычайно благодарен за любую помощь, которую Вы лично могли бы оказать по осуществлению нашего плана.

С совершенным почтением, Джон Фаррар, Президент.

Л. И. Казакова (Жданова)

3. Г.М. Марков – Дж. Фаррару

28 ноября 1964

Г-ну Джону Фаррару

Президенту Американского ПЕН-центра

Уважаемый господин Фаррар,

Извините за то, что Ваше письмо от 28 мая, в котором Вы приглашали в США Василия Аксенов, Юрия Казакова, Виктора Некрасова, Александра Володина, Андрея Вознесенского и Евгения Евтушенко, оставалось столь долго без ответа. Константина Александровича Федина сейчас нет в Москве и, чтобы не затягивать на этот раз ответа на Ваше второе письмо, я пишу Вам вместо него.

Дело в том, что каждый из писателей, которых Вы приглашаете, живет по своему плану, все они много ездят – очень трудно, пожалуй, даже невозможно соединить их всех вместе, чтобы они приехали в США в одно и то же время. Сейчас, например, Константин Симонов находится в Западной Германии, в ближайшее время он предполагает посетить Финляндию, Италию, Латинскую Америку. Микола Бажан вскоре уезжает в Италию.

Я полагаю, однако, что некоторые из названных Вами писателей смогли бы приехать весной 1965 года в США. Мы будем заниматься этим вопрос и в ближайшее время сообщим Вам, кто из писателей и когда может принять Ваше любезное приглашение.

Я прошу Вас заверить гг. Джона Стейнбека и Эдуарда Алби, что советские писатели тронуты проявлением дружеских чувств с их стороны и благодарят их за приглашение.

С уважением, Георгий Марков, Секретарь Правления Союза писателей СССР.

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 6345. Дж. Стейнбек и Э. Олби входили в состав Исполнительного комитета Американского отделения Международного ПЕН-клуба.

Е. Евтушенко

Открытое письмо Джону Стейнбеку

Все честные люди в мире возмущены новыми варварскими налетами американской авиации на мирные города Вьетнама. Никогда нельзя объяснить какими бы то ни было политическими причинами, когда под

бомбами гибнут ни в чем неповинные дети. Как писал Пастернак в своей «Страшной сказке»:

Настанет новый лучший век.
Исчезнут очевидцы.
Мученья маленьких калек
Не смогут позабыться.

Я люблю американский народ, у меня много друзей в Америке, и я знаю, что сейчас они исполняют свой национальный и интернациональный долг, выступая против войны во Вьетнаме. Эти люди не враги, а патриоты Америки, ибо сущность истинного патриотизма заключается в том, чтобы открыто бороться против того, что пятнает честь нации. И я, как и весь советский народ, протягиваю руку через океан студентам, рабочим, ветеранам войны, представителям науки и искусства, выступающим за мир во Вьетнаме, – подлинным патриотам Америки и подлинным интернационалистам, выполняющим заветы братства, оставленные им Уолтом Уитменом и Робертом Фростом.

Но еще не все мои друзья, не все честные люди Америки подняли свой голос против убийства вьетнамских детей, видимо, считая свое вмешательство либо бесполезным, либо роняющим престиж собственной нации. Но уровень престижа нации – это уровень совести нации, и тот, кто молчит во время преступлений, роняет престиж нации. Так учит история.

И я обращаюсь с письмом в стихах к одному из моих любимых писателей и друзей Джону Стейнбеку, у которого я хочу учиться.

Когда-то на встрече с молодыми писателями в редакции «Юности» Стейнбек сказал нам: «А ну, волчата, покажите зубы...»

Джон Стейнбек,
милый, добрый старый Джон,
давайте пиджаки, как прежде, снимем
и, несмотря на строгость наших жен,
стаканы с виски или водкой сдвинем.
Вы тот же.
По-крестьянски кость крепка.
Лицо от виски и ветров багрово,
с таежной бородой лесника,
с хитрющими глазами рыболова.

Л. И. Казакова (Жданова)

Вы знаете в крючках на души толк,
и нам, в России,

нарочито грубо

сказали Вы,

лукавый тертый волк:

«А ну, волчата,
покажите зубы!»

Среди смущенной общей тишины

Вы ждали.

Улыбались Вы невольно.

И – девочке одной:

«Вот вы грустны.

Скажите Джону – чем вы недовольны?»

А та –

раскосый татарчонок-плут,
степной волчонок,

выученный степью:

«Мои права вчера забрал ОРУД,
от этого и грустно, мистер Стейнбек...»

Джон Стейнбек,

милый добрый старый Джон,

мы любим Вас

за то, что нам не льстили.

Боюсь я впасть бестактно в ложный тон,
когда пишу в эпистолярном стиле.

Мой старый Джон,

не мне Вас поучать,

а мне у Вас учиться и учиться.

Но Вы учили сами не молчать.

Мы не молчим –

я смею поручиться.

Джон Стейнбек,

мы горды своей страной,

но не волнуйтесь,

в гордости разумны,

мы нашей дряни –

нашей всяческой дрянной –

еще и как! –

показываем зубы.

J. Steinbeck
An Open Letter to Poet Yevtushenko
(Дж. Стейнбек
Открытое письмо поэту Евтушенко)

My dear friend Genya:

I have just now read those part of your poem printed in the New York Times. I have no way of knowing how good the translation is, but I am pleased and flattered by your devotion.

In your poem, you ask me to speak out against the war in Vietnam. You know well how I detest all war, but for this one I have a particular and personal hatred. I am against this Chinese-inspired war. I don't know a single American who is for it. But, my beloved friend, you asked me to denounce half a war, our half. I appeal to you to join me in denouncing the whole war.

Surely you don't believe that our "pilots fly to bomb children," that we send bombs and heavy equipment against innocent civilians? This is not East Berlin in 1953, Budapest in 1956, nor Tibet in 1959.

You know as well as I do, Genya, that we are bombing oil storage, transport and the heavy and sophisticated weapons they carry to kill our sons. And where that oil and those weapons come from, you probably know better than I. They are marked in pictograph and in Cyrillic characters.

I hope you also know that if those weapons were not being sent, we would not be in Vietnam at all. If this were a disagreement between Vietnamese people, we surely would not be there, but it is not, and since I have never found you to be naïve you must be aware that it is not.

This war is the work of Chairman Mao, designed and generated by him in absentia, advised by Peking and cynically supplied with brutal weapons by foreigners who sent it up. Let us denounce this also, my friend, but even more, let us together undertake a program more effective than denunciation.

I beg you to use your very considerable influence on your people, your government, and on those who look to the Soviet Union for direction, to stop sending the murderous merchandise through North Vietnam to be used against the South.

For my part, I will devote every resource I have to persuade my government to withdraw troops and weapons from the South, leaving only money and help for rebuilding. And, do you know, Genya, if you could accomplish your part, my part would follow immediately and automatically.

But even this is not necessary to stop the war. If you could persuade North Vietnam to agree in good faith to negotiate, the bombing would stop instantly. The guns would fall silent and our dear sons could come home. It is as simple as that, my friend, as simple as that, I promise you. I hope to see you and your lovely wife Galya soon.

With all respect and affection, John Steinbeck

Источник: Newsday. 1966. July 11. P. 3.

И вот Стейнбек нарушил молчание...

В номере «Литературной газеты» от 7 июля 1966 года опубликовано письмо Евгения Евтушенко известному американскому писателю Джону Стейнбеку.

Советский поэт призывает Стейнбека, которого он лично знает, выступить против варварских налетов авиации США на мирные города и села Вьетнама, нарушить молчание и присоединиться к голосам протеста американских деятелей культуры, решительно осуждающих позорную агрессию против вьетнамского народа.

Джон Стейнбек ответил на днях в американской газете «Ньюсдей» на это письмо. Он не только отвергает содержащийся в стихах Евтушенко призыв осудить агрессию США, но и фактически оправдывает действия Белого дома и Пентагона. Стейнбек пытается отрицать очевидные всему миру факты – бомбардировку мирных городов и сел, убийство мирных жителей, женщин и детей. Он повторяет избитые аргументы официальной пропаганды США, искажающие правду о войне во Вьетнаме и ее виновниках.

Мы предлагаем вниманию наших читателей с некоторыми сокращениями ряд высказываний зарубежных газет по поводу позиции Стейнбека.

The Worker. «Падение Стейнбека»

Джон Стейнбек доказал, что советский поэт Евгений Евтушенко был прав, адресовав этому американскому писателю полемическое стихотворение, в котором критиковал его за молчание по поводу грязной войны, которую ведет президент Джонсон во Вьетнаме.

Евтушенко вынудил Стейнбека нарушить молчание и выявить себя как сторонника политики Джонсона во Вьетнаме. Чтобы оправдать себя,

автор «Гроздьев гнева» решил не считаться с фактами. Он утверждает, что эта война «вдохновлена китайцами», когда всем известно, что война во Вьетнаме продолжается только потому, что президент Джонсон отправил во Вьетнам сотни тысяч американских солдат, тысячи американских самолетов и десятки американских военных кораблей, тщетно пытаясь подавить сопротивление миролюбивого народа, борющегося за свободу.

Стейнбек утверждает, что эта война продолжается только потому, что Советский Союз и Китай помогают вьетнамским патриотам. Но ему хорошо известно, что эта помощь была оказана только после того, как Джонсон направил крупные военные силы, осуществив незаконное и морально неоправданное вторжение в Южный Вьетнам.

Стейнбек риторически заявляет: «Конечно, вы не верите, что наши летчики летают бомбить детей...» Единственное, что следует сделать Стейнбеку – это читать американские ежедневные газеты, и тогда он увидит, что это именно то, что совершают «наши летчики»...

Le Monde. «Синяки да шишки»

Отвечая Евтушенко относительно американского вмешательства во Вьетнаме, Стейнбек как бы говорит ему: «Стреляйте первыми» или вернее: «Прекратите огонь первыми», или еще точнее: «Первыми добейтесь прекращения огня».

Ведь, в конце концов, именно американцы находятся в Южном Вьетнаме, а не русские, и даже не китайцы, и даже не северные вьетнамцы...

Ответ вызывает разочарование, но его можно было ожидать. Когда слишком рано собирают «гроздьев гнева», то, как правило, получают терпкий сок, который набивает оскомину. А если собирать их слишком поздно, то очень часто рискуешь получить – увы, бедный Стейнбек – одни только синяки да шишки.

L'Humanité. Андре Вюрмсер. «Причины гнева»

... Тот, кто молчит, когда совершается преступление, отрекается от Романа Роллана, Золя и Виктора Гюго. Стейнбек знает это, и его ответ – попытка оправдаться, которая не убедит ни одного из почитателей «Гроздьев гнева».

«Я ненавижу все войны», – пишет он. – Но к этой войне я питаю особую ненависть. Я – против этой войны, инспирированной китайцами, и я не знаю ни одного американца, который благожелательно относился бы к ней».

Но это чересчур уж неразумно. Спрашивается, кто в нарушение Женевских соглашений вторгся во Вьетнам: китайская армия или американская армия? И если американцы являются противниками войны, которая никогда не началась бы, если бы они ее не развязали, то кто же вершит делами в Соединенных Штатах Америки?»

«Но, мой дорогой друг, – продолжает американский романист, – вы просите меня изболочить половину войны – нашу половину. Я же призываю вас изболочить вместе со мной всю эту войну».

Здравый смысл подсказывает – еще до того, как это сказал Евтушенко, – что изболочать «всю эту войну» – означало бы изболочать как агрессивную, американскую «половину», так и оборонительную, вьетнамскую половину, изболочать и вторжение чужеземцев извне, и сопротивление этому вторжению. Уже более 20 лет тому назад мы слышали, как вишийские министры сожалели подобным образом «обо всей этой войне», которую вели нацистские оккупанты и «маки». Изболочал ли тогда Стейнбек «всю эту войну»? Да и зачем осуждать «все» – ведь если бы американская «половина» ушла из Вьетнама, то войны не было бы вообще.

«Конечно, вы не верите, – пишет также Стейнбек, – что наши летчики летают бомбить детей». (Но не все ли равно, зачем они летают, если их бомбы убивают детей? И может ли Стейнбек видеть снимки госпиталя для детей, сожженных напалмом, и не верить этим снимкам?) «Вы не можете верить в то, что мы используем бомбы и тяжелое оружие против мирных, ни в чем не повинных жителей», – продолжает он.

Какие требуются аргументы, чтобы убедить Стейнбека, что эта война не является половиной преступления? И скажет ли он завтра, что его летчики уничтожили вьетнамские дамбы, чтобы потопить исключительно тяжелое оружие и нефтяные склады?

«Вы знаете так же хорошо, как и я, – осмеливается продолжать он, – что мы бомбардируем склады с горючим и тяжелое современное оружие, которое они используют, чтобы убивать наших детей». Во Вьетнаме, оказывается, убивают американских детей!

Я хорошо понимаю, что Стейнбек хочет сказать «наших сыновей», потому что его сын сражается против вьетнамского народа.

«Счастливы те, – сказал Пеги, – кто погиб в справедливой войне». Несчастливы те отцы, чьи сыновья рискуют жизнью на войне несправедливой, отцы, которые настолько утратили всякий здравый смысл, что, говоря о детях, убитых во Вьетнаме тяжелым оружием, они имеют

в виду... солдат янки. Горе отцам, которые в тот самый день, когда Макнамара объявляет о расширении бомбардировок Северного Вьетнама, просят Евтушенко «употребить свое влияние, чтобы прекратилась отправка смертоносных снарядов в Северный Вьетнам» и чтобы Вьетнам «вступил в переговоры со всей искренностью».

Но, спрашивается, с каких это пор грабители, проникшие в чужой дом с помощью взлома, требуют, чтобы пострадавший вел с ними «переговоры со всей искренностью»?

Плохо скрываемая истина заключается в том, что Соединенные Штаты, затеявшие военную интервенцию, которая их бесчестит, считают себя достаточно сильными, чтобы предписывать развязанной ими войне именно то завершение, которое им угодно: вы-де, мол, согласитесь с нашими условиями или мы вас уничтожим, да еще мы обвиним вас в половине наших преступлений, и, кроме того, мы обвиним тех, кто будет помогать вам защищаться, что они убивали наших детей...

Томас Манн и все сколько-нибудь известные немецкие деятели культуры осудили гитлеровскую агрессию. Джон Стейнбек одобряет американскую агрессию. Его талант обязывает его защищать мир, а он поддерживает эскалацию, генералов, финансистов и тресты, которых эта война защищает.

Американцы в Париже, которые протестовали против войны во Вьетнаме 4 июля перед своим посольством, те, кто в самих Соединенных Штатах приспустил в этот день флаги в знак траура, более достойны своей родины. Беда заключается в том, что эти ученые, эти простые люди, искренность которых Стейнбек не может ставить под сомнение, столь малочисленны. И на обращение Евтушенко им приходится отвечать так: «Не отчаивайтесь ни в мире, ни в независимости народов, ни в американском народе, если даже Стейнбек дает вам повод отчаиваться в них».

Источник: Литературная газета. 1966. 16 июля. С. 4. В газете помещена фотография вьетнамской женщины с обезображенным ребенком на руках и подпись: «Вот они, страшные следы американских бомбардировок во Вьетнаме: женщина с тяжело раненым ребенком на руках в южновьетнамской деревне. Эту фотографию публикует американский журнал "Лайф". Странно, что писатель Стейнбек не видел этот и ему подобные многочисленные снимки, которые изо дня в день появляются в журналах и газетах его страны».

С. Кондрашов Перо, отданное Пентагону

Нью-Йорк. 9 января 1967

Среди американской пишущей братии в Южном Вьетнаме, из которой комплектуется вспомогательная пропагандистская служба захватчиков, появился недавно один новый доброволец. Он быстро превзошел многих своих коллег в смысле повторения всего, что подсовывают и показывают генерал Уэстморленд и его пресс-помощники в хаки. Его ненависть к партизанам также необузданна, как и его восторг перед американскими солдатами, которых он поднял на высоту благородных суперменов. Его политическая философия где-то на уровне наемных антикоммунистов из херстовских бульварных газет, хотя и пишет он не для мистера Херста, а для малоизвестной, но преуспевающей газеты «Ньюсдей», издающейся под Нью-Йорком.

Вот последние три «письма к Алисии», то есть бывшей издательницы газеты А. Паттерсон, опубликованные в субботу. Первое – с американской базы в Плейку. Это идиллическая картинка южновьетнамского поселения, очастливленного постоем тысяч американских солдат: «Получив стимул от пребывания войск, бизнес растет как грибы – прачечные, базы, лавчонки...». Другие американские корреспонденты замечали в Плейку и даже показывали на телеэкране несчастных детей, роющихся в отбросах, среди гор консервированных банок, выпотрошенных американцами, жалкие лачуги вьетнамских семей. Автор «Ньюсдей» не видит всего этого, зато живописует о том, как он был приглашен на чай генералом Вин Локом, командующим 2-м корпусом марионеточной армии: «Его штаб выглядит как дворец и очень красив, и, мне думается, что никогда больше я не попробую такого изысканного чая, как тот, которым он меня угостил». Мы узнаем, что генерал Вин Лок – «титулованный принц», «эксперт в области истории и культуры» горных племен и знаток английского языка, «столь же ароматного, как его чай».

Второе письмо написано после рейда на военном вертолете в районе Плейку. Письмо написано, как признает автор, в экстазе, который невозможно было удержать. От чего же экстаз? «Я видел их руки и ноги на рычагах управления. Точность координации напомнила мне об уверенных внешне медлительных руках виолончелиста Казальса... Поймете ли вы эту мгновенную вспышку гордости, которую испытываешь

лишь оттого, что принадлежишь к тем же особям, что и эти люди? Мне кажется, что это чувство прямо противоположно той дрожи стыда, которую я иногда испытываю дома, когда вижу вьетников, их грязные одежды, грязные умы...» Автор прибегает к жаргону бэрчистов: вьетники – это их кличка для противников войны.

В третьем письме, отправленном из Сайгона, корреспондент «Ньюсдей» переходит к обобщениям. Он не стесняет себя в выражениях, его ненависть брызжет через край, она почти неприлична. Многие его коллеги, пообтесавшись в джунглях, пришли, несмотря на всю их «лояльность», к выводу, что в Южном Вьетнаме имеет место гражданская война и что Армия освобождения связана с народом теснейшим образом. Корреспондент «Ньюсдей» называет эти факты, признанные даже Вашингтоном, «чистым дерьмом собачьим». Партизаны для него – «бандитская мафия», их оружие – «террор и пытки». Обращаясь к своим критикам в США, которые шлют ему «письма ненависти», он пишет: «Упрощать так упрощать, товарищи. Чарли – просто сукин сын». Он, как видно, любит жаргон не только бэрчистов, но и солдатни. Чарли – это бойцы Армии освобождения.

Кто же автор сих творений, уподобляющий убийц в чужом небе виолончелистам и гордый оттого, что принадлежит к «тем же особям»? Имя его Джон Стейнбек. Нет, не однофамилец. Тот самый. 64 лет от роду знаменитый писатель добровольно отправился в Южный Вьетнам, чтобы поставить свое перо и свою репутацию на службу грязной войны. Желанный гость генерала Уэстморленда, он не просто пишет. Стейнбек еще и стреляет. В канун нового года ему позволили пальнуть из 105-миллиметровой гаубицы в расположение партизан под Сайгоном. Он счел это за «большую честь». «Это был гордый момент», – писал он Алисии. Снарядную гильзу, как сувенир на память, он хочет взять домой. Ему позволили пальнуть, он охотно позволяет себя фотографировать. Его письма иллюстрированы в газете фотографиями: вот Стейнбек позирует у миномета, вот он выходит из вертолета, вот он склонился над военной картой.

Что же произошло со Стейнбеком? Некоторые дают такое объяснение – он не мог занять другой позиции, потому что сын его служит в американских войсках во Вьетнаме. Наивное объяснение, выдающее следствие за причину! Причина в другом. Как кардинал Спеллман, благословляющий заокеанских убийц на «войну до победы», писатель Стейнбек верен старому принципу американских шовинистов: «Это

Л. И. Казакова (Жданова)

моя страна – права она или не права». Этот принцип привел его в духовный лагерь империализма, а теперь и к отвратительным «письмам Алисии». Его голоса никогда не было слышно в антивоенных протестах, он не звучал вместе с голосами американских интеллигентов, осудивших грязную войну. Не их ли он имеет в виду, обрушивая презрение на «вьетников» в грязной одежде и с «грязными умами»? Напалм и бомбы не присутствуют в его письмах в «Ньюсдей» потому, что он всегда был за бомбежки ДРВ: он говорил вашему корреспонденту об этом еще в марте 1965 года, через месяц после начала бомбежек.

У Стейнбека не отнимешь откровенности. В Сайгоне он заявил: «Я никогда не испытывал симпатии к невинным созерцателям. Если нужно, я хочу быть созерцателем виновным». Он стал таковым, замарав себя в грязи несправедливой войны.

Приобретение для Пентагона, потеря для американцев с чистой совестью!

Источник: Известия. 1967. 9 января. С. 5. С.Н. Кондрашов – соб. корр. газеты «Известия» в США (ноябрь 1961–июнь 1968, октябрь 1971–декабрь 1976)

Я. Засурский **Умер Стейнбек**

20 декабря в возрасте шестидесяти шести лет скончался Джон Стейнбек – один из крупнейших и в то же время самых противоречивых американских писателей XX вена. Всемирную известность ему принес роман «Гроздь гнева», само название которого подчеркивало его острый социальный смысл. Сага о Джоудах, фермерах из Оклахомы, разоренных банками, корпорациями и земельными магнатами, рассказала о нарастании гнева и острой ненависти американского народа к угнетателям. Не случайно после выхода в свет книги в 1939 году один из критиков писал, что «каждый ее абзац может быть воспринят как чрезвычайно революционный и богохульный большинством из тех, кто прочтет его». Никогда больше после этого Стейнбек не достигал такой глубины и силы реалистического искусства.

Творческий путь Джона Стейнбека, был сложным и неровным. Роман «Зима тревоги нашей», изданный в 1961 году, вновь заставил говорить о нем как о настоящем мастере литературы. В 1962 году Шведская

Приложение

академия присудила Стейнбеку Нобелевскую премию, отметив в его произведениях «юмор и интерес к социальным проблемам, глубокую симпатию ко всем угнетенным». Сам Стейнбек, принимая премию, сказал: «Человечество обрело гигантскую силу, равную только той, что, как считалось прежде, находилась во власти всемогущего бога. В нас самих мы должны искать теперь понимание ответственности и мудрости, обладание которой в наших молитвах мы приписывали некогда одному только богу».

К сожалению, Джон Стейнбек далеко не всегда оказывался на высоте ответственности перед человечеством. Его выступления в поддержку агрессии США во Вьетнаме не только перечеркнули его гражданскую репутацию, оттолкнули от него читателей, но и губительно отразились на его литературном таланте. В последние годы он не создал сколько-нибудь значительных произведений.

Джон Стейнбек останется в истории американской литературы как художник большого масштаба и вместе с тем как человек, который в напряженный момент борьбы очутился по ту сторону баррикады, попытавшись защитить неправоное дело.

Источник: Литературная газета. 1968. 25 декабря. С. 9.

Дата поступления в редакцию:	10.08.2023	Received:	10.08.2023
Дата публикации:	25.12.2023	Published:	25.12.2023

+ 16

ROSSICA. Литературные связи и контакты

Рецензируемый научный журнал

2023 № 5

Основан в 2021 г.
Выходит 2 раза в год

Учредитель, издатель: ООО «Литфакт».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-81839 от 16 сентября 2021 г.
ISSN 2782-3792

Адрес редакции:
117624, Москва, ул. Скобелевская, д. 20, оф. 122.
Телефон: +7 495 716-73-79
e-mail: litfakt_rossica@mail.ru
сайт: <http://lfizdat.ru/>

Компьютерная верстка Е.Ю. Дроздовой
Обложка Н.Э. Чайковской

Подписано в печать 20.12.2023
Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 18,5
Тираж 500 экз. Цена свободная.

Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

